

БЕЛОРУССКИЕ
НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БЕЛОРУССКИЕ

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва · 1958

Составители

**С. И. ВАСИЛЕНКО, К. П. КАБАШНИКОВ
С. И. ПРОКОФЬЕВ**

Перевод под редакцией

С. И. ВАСИЛЕНКА и М. Т. ЛЫНЬКОВА

Художник

И. КУЗНЕЦОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ БЕЛОРУССКИХ СКАЗОК

В устном творчестве всех народов мира сказка занимает одно из главных мест.

«В сказках,— писал Максим Горький,— прежде всего поучительна «выдумка» — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта. О «коврах-самолетах» фантазия сказочников знала за десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве предвещала задолго до паровоза, до газо- и электромотора... Вероятно, сказки должны были способствовать развитию некоторых ремесел: гончарного, кузнечного, ткацкого, оружейного и прочих... Историки культуры, а также искусства мало и неясно говорят о широте и силе культурного влияния сказок»¹.

Народные сказки подкупают глубиной содержания, жизнеутверждающим оптимизмом, юмором и обличающей сатирой, захватывающей фантазией, богатым, ярким и метким языком.

«Во всякой сказке есть элементы действительности», — отмечал Ленин².

В сказке, как правило, действуют вымышленные герои, совершаются вымышленные события. Но даже самые фантастические сказки глубоко со-

¹ А. М. Горький, Собр. соч., т. 25, Гослитиздат, М. 1954, стр. 86, 87—88.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 27, стр. 79.

держательны, в них всегда выражается какое-либо нравоучение или передается тот или иной жизненный опыт.

Сюжетное, композиционное и изобразительное мастерство сказок в результате многовековой шлифовки их доведено народом до совершенства. А. С. Пушкин в письме к брату писал в 1824 году: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма».

Сказки восточнославянских народов открывают перед читателем галерею древнейших художественно совершенных образов, ярких картин и сцен из героического прошлого. Сказочный эпос Киевской Руси явился формирующей основой, на которой сложились и выросли русские, белорусские и украинские сказки.

В силу ряда общественно-исторических условий белорусская сказка заняла одно из видных мест среди сказок славянских народов. Белорусский народ вместе с русским и украинским народами на протяжении всей своей истории, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, вел напряженную героическую борьбу за свое социальное и национальное освобождение. В огне многовековой антикрепостнической и национально-освободительной борьбы ковались мужественный характер, свободолюбие, гуманизм, жизнеутверждающий оптимизм и другие высокие нравственные качества белорусского народа, которые нашли свое широкое отражение в белорусском фольклоре, особенно в сказках. В XVIII веке белорусский народ оказался в особо трудных условиях. Он не имел возможности развивать свою когда-то высокую культуру¹. Его развитие в XVI—XVII веках книжное и школьное дело пришло в упадок в XVIII веке, почти вся белорусская интеллигенция была полонизирована. В этот тяжелый период истории едва ли не вся жизнедеятельность белорусского народа, все его стремления и идеалы могли выражаться лишь в формах устного творчества, недоступного контролю польско-католических реакционеров. Вот почему в белорусском фольклоре получили особое развитие антикрепостнические и национально-освободительные идеи.

Важнейшей особенностью белорусского сказочного эпоса, как и других видов и жанров белорусского фольклора, является то, что в нем оригинально сочетаются передовые общественные идеи классового общества с древнейшими пережитками родового строя.

Как правильно отмечал профессор Н. М. Никольский, в Белоруссии в силу ряда общественно-исторических причин сохранились древнейшие народные произведения, отражающие далекие времена доклассового общества. Богатейший животный эпос и волшеббно-фантастические сказки Белоруссии имеют ярко выраженные черты анимистического мировоззрения, антропоморфизма и магии. В них действуют лешие, водяные, домовые и прочие языческие духи и божества. Много в Белоруссии сказок о животных, поведение которых отождествляется с деятельностью человека. Зародившись в глубокой древности

¹ Первая печатная книга Франциска Скорины появилась в 1517 г. В XVI—XVII вв. почти в каждом белорусском городе и в отдельных крупных монастырях существовали типографии, в которых на народном языке печатались многочисленные светские книги. В некоторые из них попадали отдельные записи фольклора. Много было также и школ.

сти, эти сказки частично отразили в себе разные эпохи исторического развития восточных славян вообще и белорусского народа в частности¹.

В классовом обществе новые общественно-исторические условия вносят коренные изменения не только в содержание, но и в художественную форму и в жанровые особенности сказки. В сказочной фантастике все больше и больше ослабевают анимистические и магические элементы. Культ природы, животного и растительного мира, земли и солнца сменяется прославлением человека, его умственной и физической силы, его воли и храбрости, его свободолюбивых стремлений и неиссякаемой веры в победу над стихийными силами природы.

Создается образ человека, наделенного сверхъестественной силой. Таковы образы волотов (великанов) и асилков (силачей, богатырей), в которых отразились черты как доклассового, так и классового общества.

В более поздние эпохи на смену древним мифическим, волшебнo-фантастическим сказкам, с их беспредельной фантастикой, появляются глубоко реалистические сказки с правдоподобными сюжетами, жизненными ситуациями и строгой композиционной структурой, герои которых побеждают своих врагов уже не магической силой слова и жеста, не своей сверхъестественной физической мощью, а умом, хитростью и классовым сознанием (сказки «Богатырь», «Мужик и пан», «Пану наука» и др.).

Важнейшей особенностью сказок эпохи массового антикрепостнического движения крестьян является усиленное развитие в них героического и сатирического направлений.

Героизация событий и людей проявлялась не только в многочисленных белорусских сказках и песнях общественно-исторического характера, но и в былинах, которые были известны здесь в эпоху феодализма.

До нашего времени дошло много белорусских сказок и песен, сохранивших образы и сюжеты былин. В распространенной белорусской сказке «Иванка Простачок» видны следы былинного сюжета. Как и Илья Муромец, Иванка Простачок сиднем сидел на печке тридцать три года. Его исцеляют три старца, после чего он идет бороться против помещиков, угнетавших белорусский народ. Служению общественному долгу и поработенной родине подчинены все действия Иванки Простачка. В сказке используются былинныe приемы гиперболизации для изображения отваги и богатырской удалости героя.

О глубоком проникновении восточнославянских былин в белорусский эпос свидетельствует и сказка «Василий Пепельышка». Облик Василия Пепельышки, его богатырские подвиги напоминают подвиги героев древних мифов и былинных богатырей старшего поколения. Василий Пепельышка наделен огромной сверхъестественной физической силой. Его богатырскую булаву двенадцать суток ковали двенадцать молодцов в двенадцать молотов. Он бросает эту булаву за облака, а сам идет просить благословения у родителей на богатырские подвиги.

¹ См. работы Н. М. Никольского «Міталегія і абрадовасць валачобных песен», Минск, 1931; «Жывелы у звычаях, абрадах і веравонях беларускага сялянства», Минск, 1933; «Происхождение и история белорусской свадебной обрядовости», Минск, 1956

В сказке проводится мысль о бессмертии и непобедимости человека, покоряющего враждебные силы природы и общества. В ней также сохранились приемы былинной героизации народных богатырей. До нас дошли и сказки, в которых фигурирует Илья Муромец. В сказке «Как Илья Муромец победил Соловья Разбойника, Обжору и Алькадыма», имеется много общих эпизодов с былиной об исцелении Ильи Муромца и его победе над Соловьем Разбойником¹.

В таких сказках, как «Богатырь», «Иванка Простачок», «Мужик и пан», «Пану наука», «Писарь», «Дурень и пан», «Журавлиный кошелек», «Бондаревна» и в других, белорусский народ поэтизирует мужественных борцов за социальную и национальную свободу и остро обличает помещиков, духовенство, чиновников. Классовая ненависть трудящихся Белоруссии была направлена против помещиков-крепостников и реакционеров-католиков, стремившихся обманом и насилием ополечить белорусский народ, принудительно привить ему униатство и католицизм.

В Белоруссии почти все крестьянство было в крепостной зависимости от польских или ополяченных белорусских помещиков. Вот почему в белорусских сказках беспощадно высмеиваются злые и деспотичные помещики-крепостники, чванливая шляхта, мракобесы-иезуиты, ксендзы, потерявшие человеческий облик, лакеи-униаты.

Во многих белорусских антикрепостнических сказках отражено высокое классовое сознание передовой части белорусского народа. Герой сказки «Отчего лихо на свете» — батрак — убежден, что лихо на свете оттого, что несправедлив социальный строй, при котором человек угнетает человека. Батрак еще не видит реальных средств борьбы, но он убежден, что несправедливость на земле не удержится. Ему представляется общество в виде огромной пирамидальной кучи камней. Внизу мелкие камешки — крестьяне, на них — покрупнее — паны и чиновники; на этих более крупных камнях лежат огромные камни — придворные и министры царя, а на самом верху самый большой камень — царь. Батрак говорит, что под тяжестью верхних камней трещит основание кучи — мелкие камешки; долго не выдержат мелкие камешки давления, и куча скоро распадется. Тогда не будет «ни панов, ни мужиков, все будут равные... Мы, может, этого не дождемся, но наши дети или внуки дождутся».

Твердая уверенность народа в неизбежной победе над угнетателями и эксплуататорами, его заветная мечта о счастливом времени, когда человек человеку будет не врагом, а другом, братом, товарищем, широко отражены в белорусских сказках, как и в сказках других народов, что составляет их глубокое интернациональное содержание.

Ф. Энгельс видел в народном творчестве «скрытый социализм» — стихийное, но неудержимое стремление трудящихся всего мира к социальной и национальной свободе.

С антикрепостническими сказками тесно связаны и сказки антирелигиозные.

¹ В. Н. Добровольский, Смоленский этнографический сборник, СПб. 1891. Аналогичная сказка записана нами в 1953 г. от сказителя Петра Гулевича в Гомельской области.

После крещения Киевской Руси, сыгравшего определенную положительную роль, церковники на протяжении ряда столетий всеми способами старались внедрить христианскую религию в народные массы Руси, Белоруссии и Украины. Население Белоруссии и Украины подвергалось еще и сильнейшему давлению со стороны католиков и униатов.

Но церковно-христианский элемент в мировоззрении, а также в сказках, былинах, драме, песнях, пословицах и даже в обрядовом творчестве восточных славян всегда был значительно слабее дохристианских народных воззрений.

Духовенство оказалось бессильным вытравить из народного творчества не только его общественно-политическое содержание, но даже покончить и с языческими пережитками.

Передовой крестьянин, шедший в повстанческие отряды Болотникова, Пугачева, Разина, Калиновского, верил в бога и чертей, но уже знал, что социальное зло исходит не от злых духов, а от бояр, помещиков-крепостников, и что выход из тяжелого положения нужно искать не в молитве, а в восстании. В этом кроются общественно-исторические причины довольно широкой популярности в крестьянских массах уже в XVII—XVIII веках антиклерикального, антипоповского творчества и появление в нем антирелигиозной тенденции. Не случайно в 1750 году русское правительство издает специальный указ, запрещающий изображать в пьесах духовенство. А до этого на протяжении ряда столетий велась жестокая борьба со «смутьянами и богохульниками» — скоморохами. Но царская цензура при всем старании была бессильна взять под свой надзор устное творчество.

В Белоруссии и на Украине были еще более благоприятные условия для развития атеизма, так как здесь происходила длительная борьба между православием и католицизмом. Белорусские и украинские крестьяне воочию видели массовое предательство «своих» и чужих духовников, которые, чтобы сохранить крупные поместья, меняли религиозные убеждения.

Вот почему в белорусской сатире особенно сильна антиклерикальная и атеистическая тенденция.

Особенно много в белорусском фольклоре сатирических народных сказок, высмеивающих библейское учение о всемогуществе и справедливости бога и святых.

В сказке «Бог и мужик»¹ бог рисуется несправедливым, мстительным и мелочным. В сказке «Бог и угодники»² также разоблачается церковная легенда о доброте и справедливости бога.

По сказкам и пословицам, говорил М. Горький, выходит, что бог не помогает, а мешает людям счастливо жить, что он не только бессилен чем-либо помочь трудящемуся, но и не желает этого, он укрепляет власть богатых, сеет зло на земле, пьет водку, дает и берет взятки, мстит за обиды, всегда невпопад суется в людские дела и всегда оказывается в глупом положении.

¹ Романов, Белорусский сборник, вып. 4, стр. 23. Эту сказку приводит М. Горький в своей статье «О сказках» в доказательство иронического отношения передовой части народа к религии (Собр. соч., т. 27, стр. 394).

² Романов, Белорусский сборник, вып. 4, стр. 23.

Еще в худшем свете изображаются в сатирических сказках угодники, святые (сказки «Как Микола помог бедному мужику», «Об Иване Бесчастном, о Миколе и Егории», «Как Микола и Петр лошадей на Украине покупали» и многие другие). Угодники и святые представлены в сказках коварными, они попали в рай обманом, хитростью, предательством. Примечательно в этом отношении сказка «Как пьяница в рай попал»¹. Пьяница настойчиво стучится в дверь рая. Узнав, что к двери подошел евангелист Иоанн, пьяница сразу же набрасывается на него: «Зачем вы обманываете людей? Вы писали в евангелии: «Стучите — и откроют вам; просите — и получите». Разве это не обман? Я часа два стою и стучу, а мне не открывают. Если вы меня сейчас же не впустите в царство небесное, вернусь на белый свет и скажу людям, что вы написали в евангелии неправду.— Испугался Иоанн и впустил пьяницу в царство небесное».

Духовенство получило в народном творчестве самую отрицательную характеристику. В огромном количестве сказок осуждается поповская, ксендзовская и раввинская жадность, хитрость, паразитизм, аморальность, невежество и глупость (см. сказки «Завистливый поп», «Проповедь», «Поп и дьякон», «Поп и работник», «Как ксендзы вылечились» и другие).

Вместе с антикрепостническим и антирелигиозным творчеством развивалось и творчество, направленное против знахарей, колдунов, против пережитков древней магии.

Сказка глубоко реалистична.

М. Горький неустанно подчеркивал, что реалистическое направление в искусстве берет свое начало уже из древнего мифотворчества. «Идеализируя способности людей и как бы предчувствуя их мощное развитие,— говорил А. М. Горький,— мифотворчество, в основах своих, было реалистично (подчерк. мною.— С. В.). Под каждым взлетом древней фантазии легко открыть ее возбудителя, а этот возбудитель всегда — стремление людей облегчить свой труд. Совершенно ясно, что это стремление было внесено в жизнь людьми физического труда»².

Реалистическое направление в белорусской сказке достигает высшей степени своего развития в антикрепостнических и антирелигиозных сказках. Типичны в этих сказках народные герои, несмотря на их сказочные подвиги, типичны и враги народа, типичны общественные и бытовые обстоятельства, в которых разворачивается действие.

Конечно, реализм народных произведений несет на себе известные черты исторической ограниченности. Но при всем этом именно народный реализм был почвой и одним из важнейших факторов, повлиявших на развитие демократической литературы.

В условиях Белоруссии капитализм начал интенсивно развиваться лишь в XIX веке. Этот сравнительно короткий исторический период развития капитализма не нашел своего широкого отражения в устном эпосе. Однако и в этот период еще продолжают развиваться не только песни и частушки, но и

¹ Сюжет этой белорусской сказки во многом совпадает с «Притчей о бражнике» (Русская повесть XVII в.).

² А. М. Горький, Собр. соч. в 30 томах, т. 27. Доклад на I съезде советских писателей, стр. 301.

некоторые устные эпические произведения, отражающие отдельные стороны эпохи капитализма, так как вплоть до установления советской власти более 80 процентов населения Белоруссии было неграмотным, и, естественно, что книга им была недоступна.

В крестьянских сказках появляется образ зажиточного мужичка, эксплуатирующего бедноту. В некоторых сказках все больше и больше фигурируют деньги, торговля, работа на заводах. Однако устное эпическое творчество все больше и больше идет на убыль. Мысль К. Маркса о неизбежном отмирании устного эпоса в эпоху капитализма полностью подтверждается и историей белорусской сказки. Большинство записанных и напечатанных белорусских сказок относится к эпохе феодализма и лишь небольшая часть — к эпохе капитализма.

В социалистическую эпоху записано много дореволюционных сказок, но современных устных сказок о советской действительности в Белоруссии не обнаружено, если не считать нескольких сказок, относящихся скорее всего к литературному творчеству.

Собрание, публикация и изучение белорусских сказок, песен и других жанров фольклора относится к концу XVIII века. В первой половине XIX века выходит из печати ряд ценных сборников белорусского фольклора.

Широкое собрание, публикация и исследование белорусского фольклора начинается во второй половине XIX века. В 1868 году М. Дмитриев в г. Гродно издает ценный сборник «Опыт собирания песен и сказок крестьян Северо-Западного края». Через год им издается в Вильно «Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края».

Много сделал в области собирания и публикации белорусского фольклора И. И. Носович. С 1886 года стали выходить сборники белорусского фольклора Е. Р. Романова под общим названием «Белорусский сборник» (9 выпусков), куда вошли 1200 народных песен и 321 сказка, сотни пословиц, загадок, заговоров. Это первый собиратель, который сам лично записывал белорусский фольклор.

Вторым крупным собирателем белорусского фольклора, в том числе и сказок, был П. В. Шейн, издавший сборник в четырех книгах под общим названием «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края».

Много ценных народных произведений помещено в сборниках И. И. Никифоровского: «Очерки жизни белорусской деревни» (Витебск, 1894), «Очерки простонародного життя-быття» (Витебск, 1895); собранные им народные предания, легенды, сказки, песни представляют огромный познавательный интерес.

В конце XIX и в начале XX века В. Н. Добровольский издает свой «Смоленский этнографический сборник» в четырех томах (1891—1903), куда вошла масса белорусских песен и сказок.

Только в дореволюционное время издано около ста сборников белорусского фольклора, но это незначительная часть того, что бытовало в народе.

Богатство белорусского фольклора исследовали А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, А. М. Лобода, В. Ф. Миллер. Особо ценны труды по белорусскому фольклору Е. Ф. Карского и Н. М. Никольского. Однако в целом белорусский

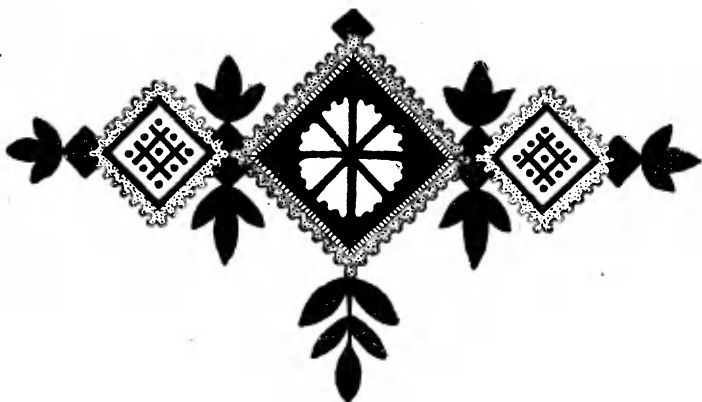
фольклор (его особенности, его сложная многофункциональность, его история и т. д.) исследован еще не полностью.

При издании настоящих сказок ставилась задача обеспечения максимальной близости к подлинникам. Редкие и незначительные отступления допускались только тогда, когда само содержание сказок требовало тех или иных уточнений в названиях сказок, в их зачинах или концовках.

Этот сборник по существу является первым научно-популярным сборником белорусских сказок в русском переводе. Он включил в себя лучшие образцы богатейшего сказочного творчества белоруссов, которое таким образом становится доступным всему многомиллионному и многонациональному советскому читателю.

С. И. ВАСИЛЕНКО

**БЕЛОРУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

СКАЗКА О БЕДНОМ И БОГАТОМ БРАТЬЯХ, ВОЛШЕБНОЙ КУРИЦЕ, СКАТЕРТИ И ДУДОЧКЕ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, появился рассказ не от нас, как жили два брата: один — богатый, другой — бедный. Прожили они на белом свете уже немало лет. Вот приходит, как называется у нас, родительский день, радуница, — нужно поминать родителей. У богатого брата всего вдоволь, а у бедного нет ничего. Бедный брат и говорит своей хозяйке:

— Ступай, сходи к брату, попроси чего-нибудь; может, и даст помянуть родителей.

Пошла она к брату-богачу. Входит в хату:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, проходи, садись.

— Сидеть мне некогда, пришла я к вам по делу. Братец, сделай милость, выручи ты меня. У нас сегодня родительский день, дай мне кусочек мяса помянуть родителей.

Богач отвечает:

— На, неси брату, отдай этому черту!..

Взяла женщина кусочек мяса и понесла домой; приносит и говорит мужу:

— На, прислал тебе брат, велел отдать черту.

— Ну, как же мне есть это мясо?— спрашивает бедняк.—
Ведь он прислал не мне, а черту. Пойду искать черта!

Сказал и вышел из хаты. Шел он, шел, встречается ему черт.

— Здравствуй, мужичок! Куда идешь?

— Иду искать черта.

— Я и есть черт. Отдай мне это мясо!

— А ты мне что за это дашь?

— Что я тебе буду давать — увидишь. Только смотри не бери ничего, кроме черной курицы.

Мужик отдал черту мясо, а черт говорит:

— Ну, отступи три шага назад.

Отступил мужик три шага назад, смотрит — такие хоромы перед ним пригожие, а столы в них заставлены разными яствами, кушаньями, напитками. А за столами незнакомые, богато одетые люди. Мужик жил и гулял в этих хоромах несколько дней. Потом ему говорят:

— Ну, что ты себе возьмешь за это мясо: золота аль серебра?

— Не надо мне ни золота, ни серебра,— отвечает мужик,— а дайте мне черную курочку.

— Ну, что с тобой делать? Человек ты, видать, хороший, на, возьми!..

Взял мужик черную курочку и пошел. Шел, шел, да и говорит сам себе: «Ну, зачем я взял эту курицу? Лучше бы я взял себе золота или серебра». Только он так подумал — навстречу ему черт. Подходит он к мужику и говорит:

— Ты возьми да потискай эту курицу. .

Сдавил мужик руками черную курочку, а из нее посыпалось золото.

Прошел еще немного мужик и снова потискал курочку, насыпал золотом полные карманы. Шел он, шел, видит кабак. Зашел мужик в кабак и говорит кабатчику:

— Дай мне рюмку водки, и другую, и третью!..— и протягивает золотой.

— Где ты взял золотой?— спрашивает кабатчик.

— А вот есть у меня курочка, посмотри-ка, что будет,— ответил мужик и давай тискать курочку, а та и начала сыпать золотом и серебром.

Увидала кабатчица это чудо, напоила мужика допьяна. Лег он спать, а курицу положил в головах. А кабатчица взяла и переменила ее. Проснулся утром мужик, схватил курицу и пошел домой. Приходит к жене и говорит:

— Ну-ка, женка, расстилай дерюгу!— и давай тискать курицу. Давил, давил, а проклятая только загадила всю дерюгу.

— Пойду опять к черту!— решил мужик.

Шел, шел и снова повстречался с чертом.

— Нет, черт, дрянь твоя курица: нет от нее никакого толку, не дает золота.

Черт и говорит:

— Ну-ка, ступи три шага вперед!..

Сделал мужик, как велел черт, смотрит — опять перед ним хоромы.

— Смотри,— говорит черт,— ничего не бери, кроме скатерти!

Опять стали угощать мужика неведомые люди, а затем говорят:

— Ну, что возьмешь: золота или серебра?

— Ничего мне не надо,— отвечает мужик,— дайте мне только вот эту скатерть!

— Ну, что с тобой поделаешь? Возьми!..

Взял мужик скатерть и отправился домой. Идет и говорит сам себе:

— Ну, что я буду делать с этой скатертью?

А навстречу мужику черт.

— Возьми,— говорит,— тряхни своей скатертью, и будет у тебя все что нужно.

Тряхнул мужик скатертью, и откуда только взялись напитки: разные, всевозможные яства, тут тебе все: и музыка и хоромы.

Поел мужик, выпил, выспался и пошел дальше. Стоит на дороге кабак. Зашел мужик в кабак и давай хвалиться кабатчице. Кабатчица напоила его допьяна, лег он спать, а скатерть положил под голову. Кабатчица дождалась, пока он уснул, и подменила скатерть. Проснулся мужик, схватил скатерть и пошел домой.

— Ну,— говорит он жене,— теперь мы с тобой заживем! Смотри-ка, что я сделаю.

Тряхнул мужик скатертью, а из нее нет ничего. Жена и говорит:

— Который раз ты меня обманываешь!

Свернул мужик скатерть и опять пошел в хоромы к чертям. Приходит в хоромы и говорит:

— Что это вы мне дали такое? Раньше все было, а теперь нет ничего.

— Э-э, хороший ты человек, от нас ты принимаешь, а к себе не приносишь. Ну, что хочешь взять, золота или серебра?

А знакомый черт шепчет:

— Не бери ты ни золота, ни серебра, а возьми себе дудочку!..

Мужик и говорит:

— Не нужно мне ничего, кроме дудочки!

— Ну, что с тобой поделаешь? Возьми!..

Взял мужик дудочку и пошел домой. Идет и думает: «Ну, зачем мне эта дудочка?» Хотел он уже ее бросить, как вдруг является черт и говорит:

— Ну-ка, задуди в свою дудочку!

Только он задудел — выскакивают, как из земли, двенадцать молодцов: голос в голос, волос в волос, глаз в глаз, на мужика глядят как раз и спрашивают:

— Что тебе нужно?

— А вот что мне нужно: попить да погулять.

Откуда только взялись и закуска, и напитки разные, и музыка такая, что сами ноги в пляс идут.

Выпил, поел, погулял мужик, дунул в трубочку — и все сразу исчезло.

Едет мужик опять мимо того кабака, заходит в него и говорит кабатчице:

— Послушай, умница! Отдай мою черную курицу и мою скатерть, а ежели не отдашь, я разорву тебя на мелкие части.

Кабатчица давай мужика в шею толкать, гнать из кабака. Он как дунул в эту дудочку, выскочили двенадцать молодцов: голос в голос, волос в волос, глаз в глаз.

— Чего изволите?— говорят.

— А вот чего: чтобы эту кабатчицу сейчас изничтожить и прах ее разметать.

Схватили молодцы кабатчицу, как начали трепать ее, она и взмолилась:

— Стойте, стойте, братцы! Отдам я вашу курицу и скатерть.

Снова дунул мужик в дудочку — и убрались молодцы неведомо куда. Взял мужик курицу и скатерть и пошел домой.

— Ну, женка,— говорит он жене,— теперь наши дела слава богу!

— Полно тебе смеяться надо мной!— отвечает жена.

А мужик говорит:

— Ну-ка, иди сюда!— и дунул в волшебную дудочку.

Выскочили двенадцать молодцов.

— Что тебе надо, мужик?

— А вот что: чтобы всего было вдоволь — и попить, и поесть, и погулять!..

Откуда ни возьмись стали такие хоромы, что загляденье, загремела такая музыка, что только держись. Тряхнул мужик скатертью, появились на столе разные кушанья и напитки. Угощались, беседовали муж и жена, а затем позвали своего брата-богача. Когда нагулялись вволю, дунул мужик в дудочку — и снова нет ничего, как не бывало. Потом взял он курицу и говорит:

— Ну-ка, женка, расстели дерюгу!

Потискал мужик курицу, а из нее посыпалось золото и серебро.

— Сходи-ка, жена, к брату за меркою!— говорит мужик. Пришла жена к богачу:

— Братец, дай ты нам меру!

— Зачем?

— Да что-то мерить.

Говорит богач своей женке:

— Дай им меру, которая без обручей.

Взяла женщина меру и понесла домой. Намерили они с мужем целых две четверти золота. Во все щели в избе натыкали золота.

Идет богач, видит в окнах у бедняка золото блестит. «Что за чудо такое?» — думает. Вошел в хату, смотрит — во все щели понатыкано золота.

— Где ты взял столько золота? — спрашивает брата богач.

— Черт мне послал.

Стал богач рассказывать всюду о такой диковине. Услыхали рассказ богача и паны (а было это при крепостном праве); посылает помещик за мужиком:

— Чтобы немедля был он ко мне.

Пошел мужик к помещику. Помещик и говорит:

— Я слышал, что у тебя есть чудесная курица, да еще скатерть, а в ней всяких напитков и кушаний вдоволь?

— Да, ваше благородие, есть!

— А где ты все это взял?

— Черт мне дал.

— Так вот, приказываю тебе все это принести сюда.

Думал, думал мужик, как тут быть, что делать? А барин говорит:

— Ты мне дай ее только на один денек!

Отдал мужик пану курицу и скатерть. День проходит — нет от пана людей, и другой, и третий — а все не несут должок.

Взял мужик дудочку и пошел к пану. Вот приходит он на господский двор.

— Ну, барин, верни мне курицу и скатерть.

А барин кричит:

— Эй вы, слуги мои! Всыпьте ему, да так, чтобы он не собрал и костей.

Тут мужик как дунул в дудочку, как выскочили двенадцать молодцов.

— Чего изволите?

— Валяй всех! — приказывает мужик.

Как начали молодцы барских слуг колотить, трепать, только клочья полетели. Помещик смотрел, смотрел и говорит:

— На, брат, твое добро, не то и мне это будет!

Взял мужик волшебную курицу, скатерть и пошел домой. Стал жить, да поживать, да добра наживать.

КУРОЧКА РЯБКА

Жили себе дед да бабка, была у них курочка Рябка; нанесла она яиц полное лукошко да еще немножко. Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, Мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят.

Идет волк.

— Дедушка, чего ты плачешь?

— Как же мне не плакать: жили мы себе с бабкой, была у нас курица Рябка, нанесла она яиц полное лукошко, да еще немножко. Я бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, Мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят.

Услыхал это волк и давай выть.

Идет медведь:

— Чего ты, волк, воешь?

— Как же мне не выть: был дед, была себе бабка, была у них курочка Рябка, нанесла она яиц полное лукошко да еще немножко. Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила,

мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят — и я, волк, вою.

Услыхал это медведь да как заревет.

Идет лось:

— Чего ты, медведь, реवेशь?

— А как же мне не реветь: был себе дед, была себе бабка, была у них курочка Рябка, нанесла она яиц полное лукошко да еще немножко. Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят, волк воет — и я, медведь, реву.

Услыхал это лось и рога поскидал. Пришел он к колодцу: попова служанка воду берет.

— Чего ты, лось, рога поскидал?

— Как же мне не скинуть: был себе дед, была себе бабка, была у них курочка Рябка, нанесла она яиц полное лукошко да еще немножко. Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят, волк воет, медведь ревет — и я, лось, рога скинул.

Услыхала это попова служанка, ведра побила, коромысло поломала и заплакала. Навстречу ей дьячок:

— Девка-девица, чего ты плачешь?

— Как же мне не плакать: был себе дед, была себе бабка, была у них курочка Рябка, нанесла она яиц полное лукошко да еще немножко. Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят, волк воет, медведь ревет, лось рога поскидал — и я ведра побила, коромысло сломала и заплакала.

Услыхал это дьячок, пошел да все свои книги порвал. Идет поп:

— Дьячок, чего ты книги порвал?

— Как же мне не рвать их: был себе дед, была себе бабка, была у них курочка Рябка, нанесла она яиц полное лукошко да еще немножко. Дед бил, бил — не разбил, баба била, била — не разбила, мышка бежала, хвостиком махнула и разбила. Дед плачет, баба плачет, курочка кудахчет, ворота скрипят, щепки летят, собаки лают, гуси кричат, люди говорят, волк воет, медведь ревет, лось рога поскидал, твоя служанка ведра побила, коромысло поломала и заплакала, а я, дьякон, все свои книги порвал.

Услыхал это поп, пошел и церковь поджег.

КОТИК, ПЕТУШОК И ЛИСИЧКА

Жили-были котик с петушком. Построили они себе в лесу хатку. Накормил котик петушка, а сам пошел на охоту.

А лисичка уж тут как тут.

— Петушок, петушок,— говорит она,— открой мне!

Петушок открыл, лисичка вошла, схватила его зубами и понесла к себе домой. А петушок давай кричать:

— Братец мой кот!

Меня лиска несет

По неведомым стежкам,

По заросшим дорожкам,

На высокие горы,

В глубокие норы.

Услыхал котик, прибежал, петушка у лисы отнял, привел в хатку и говорит:

— Смотри, баловник, не слушайся лисы, если она придет, а я пойду далеко.

Пошел котик, а лисичка уж снова тут как тут.

— Петушок, голубчик, открой мне,— говорит она,— я только огонька возьму!

— Не открою — ты меня утащишь.

— Не бойся, петушок, не утащу.

Петушок и открыл, а лисичка схватила его и понесла к себе. Снова стал кричать петушок:

— Братец мой кот!

Меня лиска несет

По неведомым стежкам,

По заросшим дорожкам,

На высокие горы,

В глубокие норы.

Услыхал котик и на этот раз, прибежал, петушка отобрал, побил его за то, что не послушался, и принес обратно в хату. Потом говорит:

— Ну, смотри же, не пускай лису в дом, я пойду еще дальше, не услышу.

Только ушел котик, как снова прибежала лиса и говорит:

— Петушок, голубчик, дай мне огонька!

— Не дам,— ты меня утащишь.

— Да не бойся, ну дай хоть через щелку!

Петушок так и сделал, а лиса — хватить его да скорей к себе домой.

Кричал, кричал петушок — не услышал котик, а лиса принесла его к себе в дом и велит своим дочкам:

— Варите обед, будем угощать гостя.

А когда котик вернулся с охоты и увидел, что нет петушка,

он взял смастерил себе скрипочку, пушку и пошел к лисьему дому. Сел над норкой и стал играть:

У лисички,
У сестрички
Новый двор,
Все три дочки —
Что цветочки —
На подбор,
А четвертый — мой дружок
Петя-петушок!

Услыхали песню лисичкины дочки и говорят:

— Ах, матушка, кто это так хорошо играет? Мы пойдем поглядим.

Вышли дочки, а котик застрелил их из пушки, положил всех возле и снова заиграл.

А лисичка ждала-ждала дочек, да и говорит:

— Вот ведь озорницы, не идут обедать!

Взяла хвостину, вышла, а котик и ее застрелил. А потом пошел к петушку, и стали они жить вдвоем в лисьей норке.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Жили по разным краям болота журавль и цапля. Стало скучно журавлю жить бобылем. Вот и надумал журавль идти к цапле свататься. Тюп, хлоп, семь верст по мху, через бор да на цаплин двор.

— Здравствуй, цапля!

— Здорово, журавль!

— Не пойдешь ли ты, цапля, за меня замуж?

— А! ноги у тебя длинные, перья короткие. Хоть ты и спесив, да уж больно некрасив. Ступай-ка откуда пришел!

И поплелся журавль через бор да ни с чем и вернулся на свой двор.

Одумалась цапля, пожалела, что за журавля замуж не пошла. «Пойду-ка у него прощенья попрошу».

Тюп, хлоп, семь верст по мху, через бор да к журавлю на двор.

— Здорово, журавль!

— Здравствуй, цапля!

— Возьми меня за себя замуж!

— Шея у тебя кривая, голова чубатая и сама ты горбатая. Такая мне не нужна!

Хоть и стыдно и обидно, однако поплелась цапля обратно через бор на свой двор.

Жалко стало журавлю, что не взял он в жены бедную цаплю, и снова пошел он к ней той самой дорогой.

Тюп, хлюп, семь верст по мху, через бор да на цаплин двор... не пошла цапля замуж за журавля.

Так весь свой век и ходят они друг к другу свататься, а хатки их до сих пор стоят по разным краям болота.

КАК КОЗЕЛ ХОДИЛ ПО ОРЕХИ

Пошли козел с козой по орехи, набрал козел три мешка, а коза ни одного.

— погоди, коза, я на тебя волка напущу. Волк, иди козу драть.

— Не пойду.

— погоди, волк, я на тебя охотника напущу. Охотник, иди волка бить.

— Не пойду.

— погоди, охотник, я на тебя веревки напущу. Веврки, идите охотника вязать.

— Не пойдем.

— погодите, веревки, я на вас огонь напущу. Огонь, иди веревки жечь.

— Не пойду.

— погоди, огонь, я на тебя воду напущу. Вода, иди огонь тушить.

— Не пойду.

— погоди, вода, я на тебя волов напущу. Волы, идите воду пить.

— Не пойдем.

— погодите, волы, я на вас дубинку напущу. Дубинка, иди волов бить.

— Не пойду.

— погоди, дубинка, я на тебя червей напущу. Черви, идите дубинку точить!

— Не пойдем.

— погодите, черви, я на вас кур напущу. Куры, идите червей клевать.

— Не пойдем.

— погодите, куры, я на вас ястреба напущу. Ястреб, иди кур когтить.

Ястреб пошел кур когтить, куры пошли червей клевать, черви пошли дубинку точить, дубинка пошла волов бить, волы пошли воду пить, вода пошла огонь тушить, огонь пошел веревки жечь, веревки пошли охотника вязать, охотник пошел волка бить, волк пошел козу драть. Коза пошла под мост, а волк ее за хвост!

ДЕД, КОЗА И ЗВЕРИ

Жили-были дед с бабой, и была у них коза. Дед посылает свою дочку пасти козу. Весь день пасла дочка козу, а под вечер пригнала ее домой. Дед сел у ворот и спрашивает:

— Коза моя, козочка! Пила ли ты, ела ли?

А коза отвечает:

— Не пила, не ела, а как бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек, как бежала мимо кринички, ухватила каплю водички.

Крепко рассердился дед на дочку, побил ее и прогнал.

На другой день посылает дед бабу пасти козу.

Под вечер гонит баба козу с пастбища, а дед уже сидит снова у ворот и спрашивает у козы:

— Коза моя, козочка, пила ли ты, ела ли?

— Не пила, не ела, а как бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек, как бежала мимо кринички, ухватила каплю водички.

Еще пуще рассердился дед, побил бабу и прогнал от себя.

На третий день дед уже сам погнал козу в поле. Накормил ее, напоил и погнал домой, а сам скорехонько забежал вперед, да и сел на лавочку. Вот пришла коза, дед ее и спрашивает:

— Коза моя, козочка, ела ли ты, пила ли?

— Не пила, не ела, а как бежала через мосточек, ухватила кленовый листочек, как бежала мимо кринички, ухватила каплю водички.

Рассердился дед пуще прежнего и решил козу зарезать. Привязал он ее и пошел к кузнецу точить нож. Почуяла коза, что дело плохо, оторвала веревку и убежала в лес. Забежала в заячью хатку, зайца вон выгнала. Сидит заяц у дороги и плачет. Идет волк и спрашивает:

— Что ты, зайка, плачешь?

— Как же мне не плакать; какой-то невиданный зверь выгнал меня из дому и сам поселился в нем.

Волк говорит:

— Ну я его выгоню.

Подошел к хатке и кричит:

— Эй ты, зверь, отпирай дверь, выходи вон!

А коза копытцами как застучит да как закричит:

— Вот я тебя забодаю рожками, затопчу ножками и хвостиком замету!

Волк испугался и убежал. Потом приходили все звери, тоже не смогли выгнать козу.

Шел мимо петух и спрашивает у зайца:

— Зайка, что ты плачешь?

Заяц ему все и рассказал. Тогда петух говорит:

— Не плачь, я его выгоню!

— Где тебе выгнать, все звери гнали — не выгнали!

— Ничего, пойдем!
Подошел он к хатке да как закричит:
— Я иду с косой, в красных сапожках, я тебя зарежу!
Перепугалась коза до смерти, отперла дверь, а они ее побили
и сами стали жить-поживать да добра наживать.

КОТ, ЛИСА, ВОЛК, МЕДВЕДЬ И КАБАН

Унес мужик в лес шкодливого кота, да и пустил его.

Встретила кота лиса и говорит:

— Кот, а кот, пойдешь ко мне за хозяина?

— А почему бы и не пойти? Пойду!— И отправились они к лисе в хату.

Вот бежит медведь, а лиса ему и говорит:

— А, косилапый, куда бежишь? У меня уж есть хозяин!
Медведь испугался и убежал.

Бежит волк.

— А ты куда, лупоглазый?— спрашивает лиса.— У меня уже есть хозяин!

И волк испугался и убежал.

Бежит кабан.

— А ты куда, клыкастый? У меня уже есть хозяин!

И кабан убежал.

Бежит заяц.

— А ты, косой, куда? У меня уже есть хозяин!

И заяц испугался и тоже убежал.

Сбились они все в кучу и гадают: «Как бы нам поглядеть на хозяина!»

Вот приходят они к лисе:

— Как бы нам увидеть твоего хозяина?

— Ну что ж! Принесите побольше меду и мяса, а сами спрячьтесь: очень он сильный.

Вот раздобыли они меду и мяса, принесли лисе, а сами спрятались: медведь залез на дуб, волк сел под дубом, кабан зарылся в листву, а заяц — под хворост.

Кот начал есть мясо, да и говорит:

— Мяу, мяу, мало, мало!

А медведь, сидя на дубе, думает себе: «Ишь ты, сам мал, а ест помногу!»

А кабан тем временем захотел поглядеть на кота, да муха ему на ухо села. Он ухом шевельнул, а коту почудилось, что этомышь. Он вскочил на кабана верхом, кабан перепугался да бежать, а кот и сам струсил да прыгнул на дуб, а медведь подумал, что на него, да свалился прямо на волка. Сам убился и волка придавил, а заяц видит беду, да и наутек!

С тех пор звери перестали ходить к лисе.

ВОЛК, СОБАКА И КОТ

Жил старик. Так себе жил, небогато. И была у него старая собака. Дед и прогнал ее со двора. Пошла собака в лес, глядит — а там сидит волк. Волк и говорит:

— Иди ко мне, будем с тобой в дружбе жить!

И пошла собака жить к волку.

Лежали они как-то раз в логове, и захотелось им есть.

— Иди,— говорит волк,— погляди: может, кто есть в поле!

Вышла собака, поглядела и говорит:

— Гуси ходят!

—хлопот много, а поживы мало!— отвечает волк.

А собака есть хочет, так ей хоть бы и гусятинки!

Прошло время, волк снова говорит:

— Выйди-ка погляди: может, еще кто-нибудь ходит!

Собака вышла и говорит:

— Свиньи ходят!

— Ну, с ними хлопот много, а поживы мало!

Через час-другой волк снова говорит:

— Выбеги: может, кто ходит!

Собака выбежала и говорит волку:

— Там конь ходит!

— Ну теперь пойдем!

Волк окунулся в воду, вывалялся в песке и спрашивает собаку:

— Здорово я прикинулся? Не узнать меня?

— Здорово!

Пошли они к коню. Волк зашел ему спереди, встал прямо перед мордой и отряхнулся. Конь глаза зажмурил, а волк его и задумшил. Поели они с собакой, та и говорит волку:

— Ну, я теперь научилась, пойду одна.

Пошла она, а навстречу ей кот. Собака и зовет кота:

— Пойдем со мной, я научу тебя давить скотину.

Пошли они в лес. Собака приказывает коту:

— Иди погляди: может, кто-нибудь ходит в поле!

Кот вышел и говорит:

— Гуси ходят!

— Э, хлопот много, а поживы мало!

А кот есть просит. Собака и говорит:

— Выйди-ка теперь: может, кто ходит!

Кот вышел и говорит:

— Свиньи ходят!

— Э, хлопот много, а поживы мало!

Через час-другой собака опять посылает кота:

— Выбеги: может, кто ходит!

Кот выбежал и говорит:

— Конь ходит!
— Ну вот теперь пойдем!
Пошла собака, окунулась в воду, вывалялась в песке, воротилась к коту и говорит:
— Здорово я прикинулась?
— Нет!— отвечает кот.
— Нет, ты скажи, что здорово!
— Ну, здорово!
Собака и пошла к коню, подошла к нему сзади, а тот как хватит ее копытом по лбу, она и покатилась замертво.
А кот говорит:
— Вот теперь здорово!

**КАК МЕДВЕДЬ, ВОЛК И ПЕТУХ
ЛИСИЦУ ИЗ ЗАЯЧЬЕГО ДОМИКА ВЫГОНЯЛИ
И КАК ЛИСИЦА УХИТРИЛАСЬ
МЕДВЕДЯ ЗАГУБИТЬ**

Жили-были зайчик и лисичка. Зимой-то у зайчика была избушка лубяная, а у лисички ледяная. Когда прошла зима, лисичкина избушка растаяла, а зайкина стоит. А ведь давно известно, что лисица хитрая. Попросилась она к зайчику на денек, да и выгнала его вон.

Идет зайчик и плачет: навстречу ему медведь. Спрашивает:

— Ты чего, зайчик, плачешь?

— Да как же мне не плакать: попросилась лисичка ко мне на денек, да меня же и выгнала.

— Ну, подожди, заяц,— говорит медведь,— я ее выгоню!

Вот идет медведь к заячьей избушке и стучит, да на весь лес кричит:

— Лиса, выходи вон!

А лисица отвечает:

— Ну погоди! Сейчас! Вот только обуюсь!

А сама и не думает выходить.

Идет зайчик, снова плачет, а навстречу ему волк:

— Ты чего, зайчик, плачешь?

— Да как же мне не плакать: попросилась лиса в дом, да меня же и выгнала.

— Ну погоди, я ее выгоню!

Идет волк к избушке и зубами лязгает:

— Лиса, выходи вон!

— Сейчас, сейчас, вот только оденусь!

А сама и не думает идти.

Опять пошел зайчик, плачет, а навстречу ему петух.

— Ты чего, зайчик, плачешь?

— Да как же мне не плакать: попросилась лиса ко мне в дом, да меня же и выгнала.

— Ну погоди, я ее выгоню!

Вот идет петух и поет и кукарекает, а лисица в окошко смотрит. Увидела петуха и говорит:

— Здравствуй, Петя-петушок, здравствуй, алый гребешок!

А Петух ей в ответ:

— Приоткрой окошко хоть немножко, я тебе головку покажу.

Потом как закричит:

— Снял я косу с плеч — хочу лису посечь. Выходи, лиса, вон, а то как пойдут толчки за толчками да тычки за тычками! Выходи, лиса, вон!

Тут она как выскочит да как побежит! Бежала, бежала, увидел ее медведь да как пустился от нее наутек. Бежит он, бежит и видит: мужик дрова рубит. Медведь с разбегу и бух на телегу. Лежит на боку и говорит мужику:

— Эй, мужик, прибежит лиса и спросит, что у тебя лежит, то скажи дрова, мол!

Прибегает лиса и спрашивает:

— Мужик, что это у тебя на телеге лежит?

— Не видишь разве? Колода!

А лисица и говорит:

— Кабы колода, то увязана была бы!

Медведь и просит потихоньку мужика:

— Увяжи меня поскорее!

Привязал мужик медведя к телеге.

А лиса опять спрашивает:

— Что же это все-таки у тебя на телеге лежит?

— Да говорю же тебе — колода!

А лисица в ответ:

— Если бы колода, то в ней бы топор торчал.

Медведь и говорит потихоньку мужику:

— Воткни мне в бок топор, да поскорей!

Мужик взял да и хватил изо всей силы, у медведя и глаза на лоб. Мужик освежевал его и повез домой.

СВИНКА И ВОЛК

Уодного хозяина была свинка. Днем она со двора не ходила, а чуть ночь пришла — взяла да и ушла.

Вышла свинка в чистое поле, ходит себе на воле и думает-гадает, как жить, как быть, как свою головушку прокормить. Опустила она хвост и рыло, но хозяйскую полосу не разрыла, а сунула нос в соседский овес. Идет стебельки вырывает, зернышки глотает, соломку соседушке оставляет. А в овсе — волк,

сидит, приумолк. Опустила свинка бровки пониже, подошла к волку поближе. Тут встал волчище и снял колпачище:

— Здравствуй, курносая, свинья супоросая! Зачем тут ходишь, зачем тут бродишь, овес гложешь, меня тревожишь? Тут волки живут, тут серые живут, хватают овец, и тебе, свинья, тут будет конец!

— Ой, волчище, не ешь меня, отведи беду! Я за то тебе стадо поросят наведу!

— Нет, свинья, хоть ты бровки и высоко поднимаешь, да меня на посул не поймает!

Взял он свинку за сивую спинку, под кустик сел и свинку съел. Да еще и всех свинячьих деток помянул.

МЕСТЬ ДЯТЛА

Свил себе дятел гнездышко, нанес яичек и вывел деток — трех крохотных дятляток. Радуетя дятел: «Выкормлю, думает, деток себе на утешение, да и под старость будет подмога».

Да не зря люди говорят: «Кто бы дятла знал, кабы не его длинный нос!» Не умел он язык за зубами держать и раструбил по всему лесу, что послал ему бог деток; кого ни встретит — приглашает на родины.

Собрались гости, отпраздновали родины и так наугощались, что едва дотащились до дому. И пошла по всему лесу слава о том, какие пышные родины справил дятел.

Прослышала об этом лиса. «Постой же, поганец,— думает она,— не позвал меня на родины,— будешь меня помнить!»

Пестует дятел деток, кормит их, поит, а лиса под его гнездом похаживает, зубы скалит, раздумывает, как бы ей птенчиков со света сжить. И надумала.

Подходит она раз к тому дереву, где было дятлово гнездо, и давай стучать по дереву хвостом.

— Что ты, лиса, делаешь?— спрашивает у нее дятел.— Зачем моих деток пугаешь?

— Вот как,— говорит лисица,— у тебя и детки есть?.. А я и не знала. Ну, выгоняй-ка их из гнезда, да поживее, мне это дерево нужно на дрова...

— Ах, лисанька, ах, кумушка,— стал просить ее дятел,— дай ты мне выкормить моих малюток, а тогда уж и руби дерево!

— Не могу я ждать,— отвечает лиса,— кто ж виноват, что ты тут свил гнездо! Мало тебе деревьев в лесу?

— Оно правда, деревьев-то немало,— говорит дятел,— да кто же знал, что ты это дерево собираешься рубить?

— Надо было спросить. Что у тебя, языка нет?— отвечает лиса.— Сам виноват, пеняй на себя.

— Что же мне делать, кумушка? Присоветуй!— просит ее бедняга.

— Ты совета просишь? Так вот тебе мой совет: не держи детей при себе, избалуются они, разленятся. Отдай-ка ты их лучше в люди, в ученье. Около людей потрутся, работать научатся, сами людьми станут. И тебя будут благодарить да беречь под старость.

— Что ж, может, твоя правда,— говорит дятел,— да вот беда: я не знаю таких людей, кому бы можно было отдать моих детей на выучку.

— Отдай их мне, я тебе помогу их пристроить.

— Спасибо тебе, моя кумушка, за то, что выручаешь меня из беды. Век буду тебя благодарить.

— После поблаговаришь,— говорит лиса,— а теперь кидай их ко мне.

Кинул дятел одного птенца; лисица подхватила его, забежала за куст и съела. Облизалась и идет к дятлу.

— Пристроила,— говорит,— учиться кузнечному ремеслу: прибыльная работа. Кидай другого!

Сбросил дятел и другого. И его схватила лиса и за кустом съела. Потом снова возвращается к дятлу.

— Отдала,— говорит,— учиться столярному делу. Самая подходящая работа для дятла: будет иметь кусок хлеба. Давай третьего: отдам его в бондари,— дятлы способны к бондарному ремеслу.

Кинул ей дятел и третьего птенца да еще благодарит лису за заботы о его детях.

Съела лиса третьего, как и двух первых. Снова приходит к дятлу:

— Кидай еще, коли есть!

— Все уже,— отвечает дятел.

— А коли все, так укуси зад мне: я твоих детей поела. Нечего было чваниться.

Как услышал это дятел, заплакал с горя, заголосил: и деток-то ему жаль, и злость-то его разбирает, что лиса так над ним насмехалась. Так и разорвал бы ее, поганую, на куски, да бог силы не дал. А лиса издевается, зубы скалит.

«Что я сделал плохого? — думает он.— Обездолрила меня лиса, надругалась надо мной, так погоди же, и я над кем-нибудь надругаюсь, будут меня помнить!»

И полетел дятел искать, на ком бы ему злость сорвать. Летит он, летит, видит — едет по дороге мужик; везет что-то в бочке.

«Вот на ком я злость сорву,— на мужике, никто, как он, во всем виноват».

А мужик вез в бочке деготь продавать, хотел соли купить.

Сел дятел на бочку с дегтем и давай ее долбить носом. Глянул мужик, подумал: продолбит, чего доброго, бочку, деготь выльет. Выхватил он топор из-за пояса да как трахнет обухом! Да только не по дятлу, а по бочке. Бочка вдребезги... Не успел еще мужик опомниться, а дятел уже сидит у лошади на лбу и знай долбит. Мужик размахнулся топором, хотел убить дятла, а рубанул по лбу лошади, та и ноги протянула, а дятел — фуurr! — и улетел.

Плачет мужик: «Бочку разбил, деготь вылил, лошадь загубил, — и все из-за проклятого дятла. Вот бы поймать его, запомнил бы он!»

А дятел полетел к мужиковой хате. Жена его в ту пору хлеб месила, а ногой люльку с ребенком качала. Влетел дятел в окошко, сел в люльку и давай ребенка в лоб клевать. Заплакал ребенок. Глянула баба — видит, что дятел клюет ее дитя.

— Ах! Чтоб ты сдох! — закричала она и хватъ уполовником, да только не по дятлу, а по ребенку. Из того и дух вон... Разозлилась она на дятла, кинулась его ловить. Поймала и посадила под горшок.

И стала она придумывать: какою смертью дятла казнить?..

А тут как раз и муж подходит, идет и плачет.

— Чего ты плачешь? — спрашивает баба. А тот рассказывает так и так...

— А я хоть дитя и убила, да проклятого дятла изловила! — говорит мужику жена.

— Где он? Покажи, я его живьем съем! — кричит муж.

— А вон под горшком!

Поднял мужик горшок, взял дятла в руки.

— Вот я тебя съем, гад ты эдакий! — И рот разинул. А дятел — пурх! — и прямо ему в рот, а изо рта в живот пролез. Трепыхается в животе. Не знает мужик, что ему и делать: болит живот — долбит там дятел. И на двор сходить не дает — за зад кусает. И никак его оттуда не достать.

Догадался-таки мужик.

— Иди-ка сюда, баба! — говорит он жене, — возьми косу и, как только дятел высунет голову, секи его косою!

Взяла баба косу, глядит зорко, подстерегает дятла. А тот покажет голову да снова сразу же спрячется, будто дразнится. Но изловчилась все-таки баба: чуть он высунул нос — она его чик косою!

— А-я-яй! — завизжал мужик: баба ему косою кусок мяса отхватила, а дятел живехонький вылетел и был таков.

ПОЧЕМУ ВОЛКИ КОЛОКОЛЬЧИКА БОЯТСЯ

Служила у станowego лиса и службу свою старательно исполняла. Правда, неизвестно, кем и как она служила,— может, кур ему к обеду поставляла либо еще что.

Однажды становой говорит лисе:

— Проси у меня чего хочешь за свою службу. Что ни попросишь — все тебе дам!

Думала, думала лиса, чего бы попросить, и надумала.

— Дайте мне,— говорит,— свой колокольчик, чтобы, когда я где пройду, все меня боялись, как самого господина станowego.

Становой согласился. Дал ей свой колокольчик, да и говорит:

— Гляди же не потеряй его! А потеряешь или отдашь кому, я с тебя шкуру спущу!

Побожилась лиса, что никому не отдаст и не потеряет, и пошла себе гулять по белу свету.

Кто только ни заслышит колокольчик — все пугаются и дают лисе все, что она ни скажет.

Проведал волк про то, что лиса добыла себе у станowego колокольчик и что всякий ее боится и дает ей все, чего она только ни пожелает.

Вот приходит он к лисе и просит хоть на часок этот колокольчик. Не хотела лиса давать, да уж очень волк стал ее просить.

— Ну уж ладно, кум,— согласилась лиса,— на, бери, если потеряешь, поплачешь тогда. Становой-то за этот колокольчик с нас обоих шкуру сдерет!

Взял волк колокольчик, да и побежал скорее раздобыть себе чего-нибудь. Прибежал он в поле к пастухам:

— Меня,— говорит,— становой прислал, чтобы вы ему дали лучшего барана, а не дадите, так он сам сейчас приедет и вас в холодную посадит!

Не поверили ему пастухи и давай его бить. Натравили на него собак, били, били и колокольчик отняли. Пропал колокольчик.

Заплакал волк, пошел к лисе и рассказывает ей, так, дескать, и так.

Заплакала и лисица, да что уж тут поделаешь? Поминай как звали колокольчик станowego.

С того времени, как только волк заслышит колокольчик, думает, что это становой едет его искать. И, чуть живой от страха, бежит куда глаза глядят.

КОТ И ДУРАК

Было у одного человека три сына: два умных, а третий дурак. Захворал их отец и уже не надеялся выжить. Перед смертью разделил он свое хозяйство поровну между двумя старшими сыновьями.

Увидел дурак, что отец ничего ему не оставил, стал жаловаться и плакать: «На кого же ты, татка, меня покидаешь?»

Подумал, подумал отец, да и говорит:

— Все хозяйство, сынок, поделил я между твоими братьями, остались от раздела только кот да печь, в которой деготь гнали, так и быть: пускай они тебе достанутся.

Ну, дурак и за то спасибо сказал.

Помер отец. Только его похоронили, — старшие братья тут же взащеи дурака за дверь вытолкали, а за ним выкинули и кота.

— Ищите, — говорят, — сами себе хлеба, а мы лодырей кормить не станем.

Заплакал дурак и побрел к своему наследству — к печи. Лег там в пепел, а кота положил под бок, чтобы согреться.

Лежал он, лежал, да проголодался и давай кричать:

— Есть хочу, есть хочу!

А потом схватил кота и говорит:

— Я тебя съем!

— погоди, не ешь меня, — просит кот, — я тебе принесу еды.

И пошел он по чердакам шнырять да еды искать.

Принес кот колбас, накормил дурака. А тот наелся и стал кричать:

— Жениться хочу!

Тут уж и кот ничего не мог поделать.

А дурак кричал, покуда опять есть не захотел.

И так каждый день. Проголодается, кричит:

— Есть хочу!

Поест, кричит:

— Жениться хочу!

Даже бить кота приладили.

«Надо его женить, — думает кот. — А как же пойти сватать за такую дубину, в пепле перемазанную? Кто за него, такого грязного, замуж пойдет?»

Думал, думал кот и надумал. Пошел он на портняжий двор, набирал лоскутков разноцветных и сшил дураку одежду. Потом пошел на сапожный двор, набрал обрезков кожи да обрывков дратвы и сшил ему сапоги.

Накормил кот дурака досыта, отмыл его добела и одел в обновы. А известно, наряди хоть пень — так и пень похорошеет. Так и дурак: стал такой пригожий, что хоть к королевне веди его свататься. Кот на него прямо не налюбуется.

— Ну, пойдём свататься к нашему барину, — говорит дураку кот, — только ты назови себя господином Пепелинским,

потому что ты в пепле валялся, сиди себе как важный барин, помалкивай, голову держи прямо да по сторонам не оглядывайся!

И пошли они к барину свататься. Пришли. Барин диву дался, увидев кота, который умел говорить, но не так барин удивился, как барышня, его дочка.

А когда кот расписал, какие у господина Пепелинского поместья, и сказал, что тот хочет жениться, они согласились с большой охотой. Однако барин захотел узнать — правда ли, что кот рассказывает про поместья Пепелинского, и надумал перед свадьбой съездить к господину Пепелинскому в гости. Собрали соседей, посадили дурака в карету и поехали, а кот побежал впереди. Ехали они, ехали и заехали во владения Змея Горыныча. А там пастухи пасли большое-пребольшое стадо коров.

Кот подбежал к пастухам и спрашивает:

— Чьи вы, пастушки?

— Змея Горыныча! — отвечают те.

— Не говорите, что Змея Горыныча, а скажите, что господина Пепелинского. А если не скажете, так за мной летят гром и молния — убьют вас!

Потом кот повстречал конюхов Змея Горыныча, пасших большой табун, и их тоже застрашал громом и молнией, и приказал говорить, что они господина Пепелинского.

Они так и сделали.

Барин как на дрожжах рос от радости, что такой богач будет его зятем.

А кот прибежал на самый двор Змея Горыныча да как закричит:

— Скорей прячься куда-нибудь, Змей Горыныч! А то летит гром с молнией, убьет тебя и сотрет в порошок.

А змея, известно, боялся грома, испугался Змей Горыныч:

— Куда ж мне спрятаться?

Посреди двора росла большая дуплистая липа.

Кот и говорит Змею:

— Лезь скорей в дупло!

А Змей, с испугу ничего не разобрав, полез в дупло.

Коту только этого и нужно было: забил он поскорей дупло поленом и глиной замазал. Крикнул кот дворне Змея Горыныча:

— Коли хотите живыми быть, так не говорите, что вы Змея Горыныча, а скажите, что господина Пепелинского, а не то налетит гром с молнией, убьет вас, помолотит, как яблоки испечет!

Все слуги перепугались до смерти. Тем временем подъезжают свадебные гости. Въехали на двор и диву дались — так все было по-господски красиво и богато убрано.

Слуги выбежали навстречу и повели молодых в дом, там и свадьбу сыграли.

Шумная была та свадьба. Так и остался дурак хозяином в доме Змея Горыныча. Оно правда, умнее он не стал, да и на что богатому разум?

Достаток бывает, так и разума хватает.

КОЗЕЛ

Жили дед да баба. Распахал дед лядо в лесу, посеял на нем овес, а сам вскоре помер. Осталась баба одна.

Вздумалось ей овес поглядеть, пошла, а в овес козел забрался. Подошла она и давай кричать:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

А козел не идет:

— Не лезь,— говорит,— глупая баба! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Делать нечего: пошла баба прочь и плачет. А навстречу ей медведь:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба про свою беду: так и так, как мне не горевать? Повалился в мой овес козел, и никак его не выгонишь.

— Ну, пойдем, я выгоню!

Подошли они к овсу, медведь и говорит:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

А козел не идет:

— Не лезь, глупый медведь! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугался медведь и убежал. А баба пошла прочь и плачет. Вдруг навстречу ей волк:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба свое горе: так и так, как мне не плакать? Повалился в мой овес козел, и никак его оттуда не выгнать.

— Пойдем, бабка, я выгоню!

— Да где ж тебе выгнать, медведь гнал, да и то не выгнал.

— Ну пойдем-ка, покажи.

Привела его баба к овсу, волк и говорит:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь, глупый волчище! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугался волк и бежать.

Опять пошла баба и плачет. А навстречу ей лиса:

— О чем, бабка плачешь?

Рассказала баба и лисе свое горе: так и так, как мне не плакать? Повалился в мой овес козел, и не выгонишь его оттуда: медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал.

— Ну, пойдем, я-то выгоню!

Подошли к овсу:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь, глупая лиса! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугалась лиса и убежала. А баба идет и плачет. Вдруг ей навстречу заяц:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала и ему баба про свою беду: так и так, как мне не

плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его не выгнать: медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, лиса гнала — не выгнала.

— Ну, води меня, я выгоню!

Пришли к овсу, заяц и говорит:

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь, зайчище-дурачище! У меня глаза большие, рога золотые: пырну — и кишки вон!

Испугался заяц и убежал.

Снова пошла баба прочь, плачет. А навстречу ей собака:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба про свое горе: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его не выгнать: медведь гнал—не выгнал, волк гнал—не выгнал, лиса гнала—не выгнала, заяц гнал—не выгнал.

— Ну, идем, я выгоню!

Пошли.

— Кызя, вон! Кызя, вон!

— Не лезь лучше, глупая собака! У меня глаза большие, рога золотые: пырну—и кишки вон!

Испугалась собака и бежать.

А баба снова пошла. Идет и плачет, а навстречу ей летит пчела:

— О чем, бабка, плачешь?

Рассказала баба про свою беду: так и так, как мне не плакать? Повадился в мой овес козел, и никак его оттуда не выго- нишь.

— Идем, я его выгоню!

— Да где уж тебе! Коли медведь гнал — не выгнал, волк гнал — не выгнал, лиса гнала — не выгнала, заяц гнал — не выгнал, собака гнала — не выгнала, где тебе выгнать!

— Иди, покажи мне его!

Пошли они выгонять козла. Вот пчела подлетела да как ужалил его в самое болючее место. Как заблеет он! Как побежит без оглядки!

С тех пор бросил козел к бабе в овес ходить.

И стала баба жить-поживать да добра наживать.

КАК ВОЛКА УМУ-РАЗУМУ УЧИЛИ

Босил мужик сено. Утомился и присел под куст отдохнуть. Достал кошелку и решил закусить.

А тут волк поблизости случился. Почуял волк запах пищи и вышел из лесу. Видит волк — косарь под кустом сидит, закусывает. Подошел к нему, спрашивает:

— Что ты ешь?

— Хлеб.

— А он вкусный?

— Очень.

— Дай мне попробовать.

— Ну, пожалуйста!

Отломил косарь кусок хлеба и дал волку.

Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Никогда такого вкусного да еще с тмином хлеба не ел. Всю Беларусь вдоль и поперек прошел, а не ел такого. Наверно, у тебя какой-то он особенный.

— Ты угадал,— сказал косарь,— этот хлеб минским зовут.

— Хотел бы и я минский хлеб каждый день есть,— вздохнул волк.— Посоветуй, добрый человек, где его доставать.

— Добро!— говорит косарь.— Так и быть, научу тебя, как этот хлеб доставать.

И стал он учить волка:

— Перво-наперво землю вспаши...

— Тогда и будет хлеб?

— Экой ты быстрый!— засмеялся косарь.— Подожди еще! Землю надо забороновать...

— И можно хлеб есть?— торопился волк, виляя хвостом.

— Да что ты, подожди еще! Надо еще рожь посеять...

— Тогда и будет хлеб?— опять переспросил волк, облизываясь.

— Да что ты! Дождись, пока рожь взойдет, зиму перезимует, в весну зазеленеет, летом зацветет, колос нальется— только тогда созревать будет...

— Ох,— вздохнул волк,— очень уж долго... А тогда уж я вволю наемся хлеба?

— Где уж там наешься!— усмехнулся мужик.— Рано еще! Поспеет рожь. Надо ее сжать, в снопы связать, снопы в копны сложить. Ветерок их провеет, солнышко прогреет... Тогда уж и на ток везти можно...

— И можно будет есть?

— Ох, какой ты нетерпеливый! Снопы надо обмолотить, зерна в мешки ссыпать да на мельницу свезти, потом смолоть...

— И все?

— Нет еще, не все! Муку надо замесить, дожждаться, когда тесто подойдет. Потом хлебы сделать да в горячую печку посадить.

— И будет хлеб?

— Вот когда испечется, тогда и будет хлеб.

Задумался волк. Почесал лапой в загривке и говорит:

— Нет, эта работа не по мне. Посоветуй лучше, как легче хлеб добывать.

— Ну коли не желаешь трудного хлеба есть, ешь легкий... Иди в луга. Там конь пасется.

Пришел волк в луга. Увидел коня, поднял шерсть на спине, осканился и говорит ему:

— Конь, а конь! Я тебя съем!

— Что ж,— отвечает конь,— ешь. Только сперва с задних ног подковы отдери, а то зубы обломаешь...

— Твоя правда,— согласился волк.

Нагнулся он подковы отдирать, а конь как даст ему копытом в зубы...

Перекувырнулся волк и бежать... Прибежал к речке. Видит — на берегу гуси пасутся. «Не съест ли мне гусей?»—подумал волк. Подошел к гусям и говорит:

— Гуси, а гуси, я вас съем!

— Ну что ж,— загготали гуси,— ешь! Но сперва сослужи нам перед смертью одну службу.

— Какую?

— Спой нам, мы потанцуем.

— Только-то?! Это можно. Петь я мастер!..

Сел волк на бугорок, задрал голову и давай выть. Тем временем гуси улетели. Слез волк с бугра, проводил гусей взглядом и не солоно хлебавши пошел в свою берлогу.

Тем временем косарь закончил косьбу и возвращался домой. Идет и вдруг слышит: где-то поблизости волк плачет и про себя говорит:

— Хватит, попробовал легкого хлеба! От него и помереть недолго...

КАК КОШКА, МЫШЬ И СОБАКА ВРАГАМИ СТАЛИ

Говорят, что когда-то давным-давно кошка, мышь и собака жили в большой дружбе. Тогда еще собака имела дворянство и владела она особой бумагой. А в той бумаге было сказано, что никто эту собаку, лицо дворянского звания-сословия, тронуть не может, и даже ругать ее запрещалось. Рассказывают еще, что собака очень гордилась этой дворянской грамотой и заботливо берегла ее. Но хранить эту бумагу было неудобно: она могла и размокнуть и потеряться,— ведь собака служила у хозяина, стерегла его добро и в темные дождливые ночи бегала по двору.

Вот попросила собака кошку, чтоб та припрятала ее дворянскую грамоту. А у кошки, вестимо, забот было меньше: она день-деньской на печи сидела, мурлыкала да в жмурки играла — вот и все ее дела. Пусть, мол, кошка спрячет грамоту где-нибудь на печке али на полатах — там и сухо и чисто. И пусть одним глазком все время поглядывает, чтобы ту грамоту хозяин не утащил, а то собака попадет в его полную власть, и будет он ее бить да ругать, и нигде она не найдет на него управы...

А кошка рада-радехонька была сослужить собаке, ведь они и жили вместе, вместе ели-пили, радость и горе делили пополам. Взяла кошка ту собачью грамоту и утащила ее на полати. Положила грамоту с краешку, чтобы кончик ее был виден, а сама взобралась на печку и стала подремывать. Дремлет и на грамоту поглядывает...

А собака в то время где-то бегала. Прошло немало времени. Надоело кошке сидеть на печи. Захотелось ей побродить по двору, на солнышке погреться, воробышков на заборе попугать... Но как же оставить собачью грамоту без присмотра? Пока она раздумывала, из-под печи выбежала мышка. А с нею тогда кошка тоже в дружбе была. Вот позвала кошка мышку и говорит ей:

— Слушай-ка, мышка, спрячь-ка ты эту собачью грамоту, а я пойду погуляю немного, а то умаялась совсем на печи сидючи...

А мышка была рада-радехонька услужить кошке.

— Ладно,— говорит,— ступай себе погуляй, а я бумагу эту в норку спрячу.

И утащила мышка собачью грамоту в подполье, а сама отправилась в амбар, чтоб там чем-нибудь поживиться. Надеюсь она, что уж в подполье-то никто не заберется и собачья грамота будет в полной сохранности.

А кошка прыгнула с печки и пошла во двор погулять. Походила она по двору, забралась в сад, погрелась на солнышке, согнала с забора воробышков, да так увлеклась, что и о грамоте позабыла. Известно: о чужом добре голова не очень болит!

Забыла о той грамоте и мышка. И лежала бумага в подполье не день и не два, а невесть сколько! Однажды мышкины детки так разыгрались, что разорвали собачью бумагу на клочки и растащили их по всему подполью...

И вдруг по какому-то случаю собаке понадобилась грамота. Прибежала она к кошке и говорит:

— Дай-ка, сестричка, мои дворянские документы!

— Сейчас, сейчас, милая, принесу!— сказала кошка и шмыг под печку. Позвала она мышку:

— Давай-ка, кумушка, мне ту бумагу, которую я тебе спрятать велела. Собака требует документ свой.

Мышка нырнула в норку. Глядь-поглядь — нету бумаги! Даже клочков не осталось.

Спрашивает своих мышенят:

— Куда собачью грамоту девали?

— Какую такую грамоту?

— А ту, которую я недавно сюда притащила.

— Мы и не знали, что она собачья. Поиграли, разорвали ее на клочки и растащили в разные стороны...

Побранила их мышка, даже наказать хотела, но делать нечего — бумаги не вернешь. Вылезла она из норки и побежала к кошке:

— Так и так, подруженька, нет того документа!

Рассердилась кошка:

— Что ж ты, поганая, наделала?! Что я собаке теперь скажу? Зачем брала, коль стеречь не умеешь?!

И так кошка рассердилась на мышку, что и о давнишней их дружбе позабыла, схватила мышь зубами за шиворот и потащила к собаке, но по дороге так сильно сдавила мышке горло, что даже не заметила, как задушила ее.

Вылезла кошка из-под печки и с мышью в зубах пошла к собаке:

— Погляди-ка, сестрица, на эту негодницу! Она твои дворянские бумаги не уберегла. Мышата грамоту порвали...

— Как так?!— рассердилась собака.— Ты меня дворянства лишила, а теперь на мышку сваливаешь? Я тебя грамоту стеречь просила?! Тебя. Что ж мне от того, что ты мышь задушила?! Что?! Теперь кто захочет, тот меня и облает... Не надо было брать мою грамоту, коль не хотела стеречь ее. Я тебя задушу!

И бросилась собака на кошку. А та фыркнула на нее, хвост трубой и — на печь!

Так и разладилась дружба кошки с собакой. И с тех пор собака не может спокойно смотреть на кошку. Как увидит ее, так и норовит задушить. А кошка свою обиду на мышах вымещает.

Не любит мышей и собака. Как заметит где мышиную норку, сейчас же разроет ее, и — баста!— не будет мышки. А кошка, завидев собаку, на забор, на дерево прыгает и долго-долго пережидает, пока собака уйдет и можно будет домой удрать.

А все из-за этой собачьей дворянской грамоты!..

КОТИК—ЗОЛОТОЙ ЛОБИК

Вблизи леса жили дед и баба. Жили они бедно, голодали, холодали. Однажды бабка и говорит деду:

— Возьми-ка, дед, топор, поезжай в пушу и сруби там дубок. Отвези этот дубок на рынок и купи гарнец муки. Привезешь, я хлеба испеку, и будем сыты.

Запряг дед кобылку и поехал в лес. Приезжает. Выбрал дубок и только топором замахнулся, как вдруг выскочил котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное брюшко, золотая шерстинка, серебряная ворсинка, золотая лапка, серебряная шапка.

Стал котик перед дедом на задние лапки и заговорил чело-вечьим голосом:

— Сказывай, чего тебе надобно, старче?

— Дорогой котик, золотой лобик, послала меня баба в лес дубок срубить да на рынок отвезти, а на вырученные деньги муки купить...

— Не горюй, дед. Поворачивай оглобли и поезжай восвояси: будет дома мука...

Вернулся дед домой. Заглянул в закрома, а они полным-полны. Побежал он к бабке, рассказал про дивного котика. Бабка ахала-ахала, руками разводила. Потом хлеб испекла, деда накормила и сама в первый раз досыта наелась. Посидели они за столом, повздыхали. Тут бабка и говорит деду:

— Не худо бы нам, дед, похлебку сварить, да вот беда — соли нет. Возьми-ка топор и поезжай в лес. Постучи там в дубок, может опять выскочит котик — золотой лобик. Ты и попроси у него кулек соли.

Не долго думая, дед запряг кобылку и поехал. Приехал в лес. Подошел к дубку и только топором замахнулся, как вдруг выскочил котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное брюшко, золотая шерстинка, серебряная ворсинка, золотая лапка, серебряная шапка.

Стал котик на задние лапки и человеческим голосом спрашивает:

— Сказывай, чего тебе надобно, старче?

— Дорогой коточек — золотой лобочек, послала меня бабка к дубу попросить у тебя соли.

— Ладно, — сердито говорит котик — золотой лобик, — поворачивай оглобли и поезжай домой: будет у тебя соль.

Вернулся дед домой. Вошел в избу и видит: мешок с солью стоит, бабка радостная у печки хлопочет, похлебку доваривает.

Сварила бабка похлебку, сама наелась и деда накормила. Потом и говорит:

— Не мешало бы нам, дед, капустки раздобыть. Наточи-ка топорик да поезжай в пуцу, стукни в дубок, может опять выскочит котик — золотой лобик. Попроси у него бочонок капустки.

Делать нечего. Наточил дед топор, поехал в лес, стукнул в дубок. Выскочил из-за ветки котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное брюшко, золотая шерстинка, серебряная ворсинка, золотая лапка, серебряная шапка.

Стал котик на задние лапки и человеческим голосом спрашивает, а сам глазищами зло таращится:

— Сказывай, чего тебе надобно, старичина?

— Дорогой котик — золотой лобик, — зашамкал дед, — послала меня бабка к тебе капустки попросить.

— Ну что ж, — ответил котик — золотой лобик, — и это можно. Отправляйся домой, будет у тебя капуста.

Вернулся дед домой, смотрит, а в сенях кадушка с капустой стоит да так пахнет хорошо. Встретила бабка деда:

— Вот теперь у нас и капуста есть. А к ней сальца бы кусочек. Мы тогда бы шей наварили и салом заправили. Не поленись-ка, дед, возьми топор и поезжай к котику. Попроси у него кусок сала.

Взял дед топор и поехал. Ударил обухом по дубку. Выскочил котик — золотой лобик, золотое ушко, серебряное брюшко,

золотая шерстинка, серебряная ворсинка, золотая лапка, серебряная шапка.

Стал котик на задние лапки и сердито-пресердито спрашивает:

— Сказывай, чего тебе надобно, старичина?

— Миленький котик — золотой лобик, — жалобно попросил дед, — все-то у нас с бабкой есть, только сальца бы немного, и жили бы мы тогда — не тужили...

— Ладно, — сердито отвечает котик, — поезжай домой: будут у тебя щи с салом...

Вернулся дед домой, а там полный бочонок с салом стоит. Дед рад, баба рада. Стали они жить сытно, вольготно, сказки сказывать, песни складывать. И теперь живут, хлеб жуют, капустой да салом лакомятся.

Вот и кончается сказка, а рассказчику — баранок вязка.

КАК КУРОЧКА ПЕТУШКА СПАСЛА

Жили-были курочка и петушок. Курочка яйца несла, а петушок зернышки собирал да курочку кормил. Найдет зернышко и зовет курочку:

— Ко-ко-ко! Ко-ко-ко, хохлушка-рябушка, нашел зернышко! Вот однажды нашел он большое бобовое зерно.

«Ну, — подумал петушок, — его курочка не проглотит, съемка лучше я его сам».

Клюнул и подавился.

Упал петушок, лапки кверху, не дышит.

Увидела курочка, подбежала, испугалась и спрашивает:

— Что с тобою, Петенька? Почему упал, почему не дышишь?

— Ой, — застонал петушок, — конец мой пришел — бобовым зернышком подавился...

— Как же тебя спасти, Петенька?

— Надо масла достать, горлышко смазать, — еле выговорил петушок.

— А где же его достать?

— У коровы попроси.

Побежала курочка к корове:

— Коровушка-буренушка, дай масла!

— Зачем тебе масло?

— Петушок бобовым зернышком подавился, надо ему горло маслом смазать.

— Хорошо, — отвечает корова, — дам тебе масла, да сходи сперва к косарям, попроси у них сена.

Прибежала курочка к косарям:

— Косари, косари, дайте мне сена!

— А зачем тебе сено?

— Корову покормить. Она молока даст. Из молока масло собьем. Оно петушку нужно—горло смазать. Петушок лежит, не дышит — бобовым зерном подавился.

Косари отвечают:

— Сбегай-ка в пекарню, попроси пирогов: мы их поедим и сена накосим.

Побежала курочка в пекарню.

— Булочник, булочник, дай пирогов!

— Зачем тебе пироги?

— Косарей покормить. Они сена для коровы накосят. Корова мне молока даст. Я масло собью для петушка. Он, бедняжка, лежит, не дышит — бобовым зерном подавился.

Булочник отвечает:

— Сбегай-ка в лес, принеси дров, чтоб было чем печь натопить.

Побежала курочка в лес, принесла дров.

Булочник напек пирогов.

Принесла курочка пироги косарям. Косари наелись, сил набрались и сена накосили много-много!

Корова сена поела и молока дала. Из молока курочка масло сбила. Петушок смазал маслом горлышко и легко проглотил бобовое зернышко. Проглотил и весело запел:

— Ку-ка-ре-ку! Курочка молодец!

Тут и сказке конец.

П Ы Х

Жили-были дедка, бабка да внучка Аленка. И был у них огород. Росли в огороде капуста, свеколка, морковка и репка желтенькая. Захотелось однажды дедусе репки покушать. Вышел он в огород. Идет-идет, а в огороде жарко да тихо, только пчелки жужжат да комарики звенят.

Прошел дед грядку с капустой, прошел грядку с свеколкой, прошел грядку с морковкой...

А вот и репка растет.

Только наклонился, чтоб репку вытащить, а с грядки кто-то как зашипит на него:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх! Не ты ли это, дедка? Не за репкой ли пришел?

Испугался дед и бежать. Бежит мимо морковки, бежит мимо свеколки, аж пятки сверкают. Еле-еле до хаты добрался. Сел на лавку, отдышаться никак не может.

— Ну что, дед, принес репку?

— Ох, бабка, там такой зверь страшный сидит, что я еле ноги унес!

— Оставь ты, дед! Я сама пойду, уж, верно, репку принесу... И пошла бабка в огород.

Шла-шла бабка мимо грядки с капустой, мимо грядки с свеклой, мимо грядки с морковкой. Идет бабка, торопится.

А вот и репка.

Нагнулась бабка, чтоб репку вытащить, а из борозды как зашипит на нее кто-то:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх! Не ты ли, бабка? Не по репку ли пришла?

Испугалась бабка да бежать. Бежала-бежала она мимо морковки, мимо свеклы, бежала мимо капусты. Еле-еле до хатки добралась. Села на лавку, тяжело дышит, отдышаться не может.

— Ой, дедка, твоя правда! Кто-то там под кустом сидит, страшный такой, и пыхтит. Еле-еле ноги унесла!

Поглядела на дедку с бабкой внучка Аленка, пожалела их и говорит:

— Я принесу репку!

Пошла Аленка в огород. Шла, шла и пришла к тому месту, где репка росла.

И только наклонилась она, чтоб репку вытащить, а с грядки как зашипит кто-то:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх! Не Аленка ли это? Не по репку ли пришла?

Засмеялась тут Аленка и как крикнет звонким голоском:

— Так, так, так! Это я, Аленка! Бабке с дедкой за репкой пришла.

А на гряде кто-то снова как запыхтит:

— Пшш-ы-хх! Пшш-ы-хх!

Нагнулась Аленка над грядкой, чтоб разглядеть, кто там такой страшный сидит, и вдруг увидела: лежит на грядке какой-то колючий клубочек, глазками-бусинками поблескивает и пыхтит:

— Пшш-ппы-ы-хх!

Засмеялась девочка:

— Ах ты, ежик, ежик колючий! Это ты дедушку с бабушкой напугал? Это ты их домой прогнал?

А ежик вытянул вверх острую мордочку и опять:

— Пшш-ппы-ы-хх! Пшш-ппы-ы-хх!

Потянула Аленушка репку раз, потянула другой и третий и вытянула репку. Да такую большую! Круглую да желтенькую. Сладкую-пресладкую. Взяла Аленка репку, ежика в передничек положила — и домой. Бежала мимо морковки, бежала мимо свеклы, бежала мимо капусты. Быстро-быстро бежала! И мигом к своей хатке прибежала. А навстречу ей дедка с бабкой вышли. И спрашивают:

— А где же репка?

— А вот вам и репка!

Обрадовались тут дедка с бабкой:

— Ну и внучка у нас! Ну и Аленушка! Молодец девочка!
— А как же зверь этот, Пых страшный? Не испугалась ты его?

Раскрыла тут Аленка передничек.

— А вот вам и Пых!

Засмеялись старички.

— Ну и молодец Аленка! Ну и смелая девчонка.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жили-были дед да баба, и не было у них детей. Баба гоняла, а дед думал, думал, чем бы утешить ее, пошел да и выстрогал из дерева крохотного мальчика. Принес его домой и говорит жене:

— Положи его в люльку и забавляйся.

Баба рада-радешенька, и давай качать мальчика, а тот ожил и говорит:

— Мама, это ты?

Очень обрадовалась баба, когда услышала, что сынок заговорил, и сказала об этом мужу.

Слава богу, мальчик подрос. Собрался отец в поле пахать и говорит жене:

— Как сынок заснет, так ты принеси мне пообедать!

Стала баба варить обед, а сынок проснулся и говорит:

— Мама, а мама! Давай я снесу батюшке обед!

— Ох, не донесешь ты.

— Донесу.

Принес он лапоть, поставил в него горшок со щами, а на горшок блины положил, сам сел и поехал. Едет и кричит:

— Тата, тата, я тебе обед везу!

Довез и отдал отцу.

Обрадовался мужик, а сынок ему говорит:

— Тата, дай я буду пахать!

— Да нет, как ты будешь пахать?

А мальчик сел на соху и давай пахать.

Едет мимо барин, увидал, как мальчик пашет, и говорит мужику:

— Отдай мне твоего сынка!

— Нет, барин, ведь он у меня один.

— Что хочешь возьми, только отдай мне его!

А мальчик подбежал к отцу и шепчет ему на ухо:

— Отдай меня, тата, только возьми у него шапку золота!

Отдал ему барин целую шапку золота, мальчика же посадил себе в карман.

А тот потихоньку разорвал карман и вылез. Бежит он по

дороге, а навстречу ему разбойники. И слышит мальчик, как они между собой советуются: к кому бы тут залезть?

— Возьмите меня с собой,— говорит он им,— я вам покажу, где поп живет. У него добрые волы.

Пошли разбойники, украли у попа одного вола, и только стали его свежевать — мальчик как закричит:

— Поп, а поп, твоих волов крадут!

Тут разбойники кинули требуху, схватили все мясо и убежали. А мальчик залез в требуху и сидит.

Пробегают мимо волк, видит, что в требухе кто-то сидит, и спрашивает:

— Кто там?

— Я, Иванка.

— Вылезай вон!

— Нет, не вылезу, неси меня домой!

Волк принес его к дому и говорит:

— Вылезай!

А мальчик отвечает:

— Нет, неси меня в сенцы!

Волк внес его в сенцы. А Иванка вылез из требухи, запер сенцы и как закричит:

— Тата, иди волка бить!

Отец прибежал, схватил палку и убил волка.

Из волчьей шкуры сшили мальчику шубу, и стали они жить поживать и добра наживать.

СИРОТА ИВАН, ДЕВИЦА-ЧАРОВНИЦА И ПАН

Пили себе дед да баба, и был у них сын Иван.

Померли дед с бабой, и остался Иван круглым сиротой. Не было у него ни куска хлеба, ни одежды. Пошел Иван по белу свету, куда глаза глядят. Идет-бредет, глядь — навстречу красавица девица.

Увидала Ивана и спрашивает:

— Куда идешь, Иванушка-сирота? Пойдем-ка на твою родную сторонку, будем вместе жить да поживать.

Так они и сделали. Живут день, живут другой...

Проведал пан, что у Ивана красавица жена и посылает к нему своего батрака.

— Ступай,— говорит,— к Ивану и вели ему прийти ко мне.

Пришел Иван к пану. Пан и говорит ему:

— Что ты, Иван, разбогател? Не хочешь ко мне прийти?

— Не могу, пан, некогда.

А пан, задумав погубить Ивана, посылает его на границу в лес охотиться на дикого тура, а сам собирается его жену взять себе, а свою пани извести.

Пришел Иван от пана домой и плачет. А жена спрашивает:
— Чего ты, Иванушка, плачешь?

А он говорит:

— Посылает меня пан на границу в лес на дикого тура. Чую я, что ждет меня там неминуемая смерть.

— Не плачь, мой дорогой Иванушка. На, возьми этот клубочек. Куда клубочек покатится, туда и ты иди.

Иван и пошел.

Катится клубочек, а Иван следом идет.

Прикатился клубочек в лес к медведю. Подошел Иван к медведю и накинул на него уздечку. Медведь встал и пошел, а Иван следом за ним. Пришел Иван к пану и спрашивает:

— Куда девать тура?

Пан приказал пустить его к коровам. Впустил Иван медведя к коровам в хлев и пошел домой.

Назавтра пан встал рано и прямо — в хлев, а там все коровы мертвые лежат; медведь рядом стоит.

Как только пан растворил ворота, медведь и ушел через ворота в лес.

На другой день снова посылает пан батрака к Ивану:

— Иди скажи, чтобы он сейчас же ко мне шел.

Пришел батрак и позвал Ивана к пану.

— Что ты, Иван, разбогател? Не хочешь ко мне и прийти?

— А что же, пан? Все некогда да некогда.

А пан и говорит:

— Иди ты, Иван, к гусям и скажи — пусть они мне одни гусли пришлют.

Приходит Иван домой и плачет. А жена его спрашивает:

— Чего ты, Иванушка, пригорюнился?

— Да вот, посылает меня пан за гусями.

— Не плачь, Иванушка! На тебе клубочек, куда он покатится, туда и ты иди.

Катится клубочек, а Иван следом идет. Прикатился клубочек к гусям и стал. Подошел к ним Иван и просит отдать ему одни гусли.

— За что это мы станем тебе гусли отдавать?

И давай биться с Иваном. Бились, бились, устал Иван и просится отдохнуть. Сел он наземь, достал платочек и утирается. А гусяры как увидели платочек, сразу узнали его и спрашивают у Ивана:

— Где ты этот платочек взял? Это нашей сестры платочек.

А Иван отвечает, что платочек ему жена дала.

— А-а! Так твоя жена — сестра наша, ну тогда бери гусли.

Взял Иван гусли, пошел домой, а навстречу ему какой-то пан.

— Здравствуй, Иван бездомный! Отдай мне гусли, а я за них тебе палочку дам. Как на кого рассердишься, скажешь ей: «Эй, палочка, шахни, махни и убей!»

Отдал Иван пану гусли и пошел дальше. Идет без гуслей невеселый. И говорит он:

— Эй, палочка! Шахни, махни, пана догони, убей и гусли верни.

Палочка наша шахнула, махнула, пана догнала, убила, а гусли Ивану вернула.

Идет Иван, играет да приплясывает, а навстречу ему другой пан.

— Здравствуй, Иван бездомный! Отдай мне гусли! На тебе за них топорик. Этим топориком что захочешь, то и сделаешь. Отдал Иван пану гусли, взял топорик и пошел невеселый. Потом говорит своей палочке:

— Эй, палочка моя! Шахни, махни, пана догони, убей и гусли верни!

Палочка так и сделала.

Пришел Иван домой и отдал пану гусли.

— И пани свою загубили, и Ивана не убили! — говорит пан своему батраку.

На другой день снова пан батрака за Иваном посылает. Приходит к нему батрак и говорит:

— Ступай, Иван, к пану!

Делать нечего, думает Иван, надо идти. Приходит он к пану и спрашивает, что ему делать.

— Иди, Иван,— велит ему пан,— на тот свет и спроси там у своего батьки, где он деньги спрятал.

Пришел Иван домой и плачет, а жена спрашивает:

— Чего ты, Иванушка, плачешь?

— Да вот, посылает меня пан на тот свет.

— Ничего, не бойся, Иванушка.— На тебе клубочек, иди с батраком: куда клубочек покатится, туда и вы ступайте.

Взял Иван клубочек, и пошли они.

Катится клубочек, а Иван с батраком следом идут.

Идут они, идут, приходят на тот свет и видят: какой-то человек плетень подпирает. С одного боку зайдет, а плетень на другой бок валится, и никак не подопрет.

— Эй, человек! — закричал ему Иван.— Я подопру с этого боку, а ты с того, вот плетень и будет стоять.

А человек отвечает Ивану:

— Иди куда идешь! Там свое найдешь.

Пошли они дальше, глядят: пташка с пташкой бьется.

Батрак и говорит:

— Я бы оттуда шахнул, оттуда бы махнул — и убил бы вон ту!

— Иди куда идешь! Там свое найдешь.

Идут они дальше и видят — молодица в молоке плавает и никак на берег не выплывает.

Батрак ей кричит:

— Эй, баба, я бы оттуда шахнул, оттуда бы махнул — ты бы и выплыла.

А молодица отвечает:

— Иди куда идешь! Там свое найдешь.

Пошли они дальше.

Видят: на Ивановом отце смолу возят.

— Иди сюда, батя,— говорит ему Иван,— надо кой о чем потолковать с тобою.

— Ой, сынок, сам видишь — некогда.

— А вот у меня свободный человек есть,— он подсобит.

Запрягли они батрака смолу возить, а сами сели толковать.

Спросил Иван отца, куда он деньги спрятал, а отец говорит:

— Один сундук денег под кормушкой, а другой — в углу, где хомуты вешают.

Пошли после этого Иван с батраком обратно к себе, на белый свет. Идут они, идут — глядь, а молодница, та самая, в молоке плавает и говорит им:

— Вот была я на том свете ведьмой и отбирала у коров молоко, так у меня на этом свете молока вволю.

Идут они, идут с батраком и видят: те самые птички бьются. Одна птичка и говорит:

— Была я на том свете колдуньей, и она была колдуньей, я ее заколдовала, а она меня. Вот мы на этом свете бьемся с ней, бьемся, а никак не одолеем друг друга.

Идут они дальше, глядят: тот самый человек все плетень подпирает, увидал их и говорит:

— Худо жилось мне на белом свете и просил я у бога смерти да чтоб на том свете мне хоть плетень подпирать. Вот помер я и теперь здесь плетень подпираю.

Пришли наконец Иван с батраком на белый свет и прямо к пану.

— Ну, пан,— говорит Иван,— один сундук денег под кормушкой, а другой — в углу, где хомуты висят.

Сказал и пошел домой.

А пан советуется с батраком, как бы Ивана погубить.

— Не знаю, пан, как вы его погубите,— отвечает батрак.

— Так вот что,— говорит пан,— ступай-ка ты, мой верный слуга, да вели, чтобы из каждой хаты по три горшка смолы принесли.

Принесли все по три горшка смолы.

Пан приказал батраку положить всю смолу в котел и растопить ее так, чтобы она закипела, а потом послал за Иваном.

Как только явился Иван к пану,— тот приказывает ему лезть в котел.

Отпросился Иван у пана домой, с женой попрощаться.

Приходит Иван к жене, а сам плачет горячими слезами.

— Чего ты, Иванушка, плачешь? — спрашивает его жена.

— Да вот, пан велит мне лезть в горячую смолу! — отвечает Иван.

— Ну что ж, Иван, пойдем вместе.

Пришли они, прыгнули оба в смолу и оборотились золотом. Стало пану завидно, прыгнул он тоже в котел, да и сварился в смоле.

Тогда Иван с женой вылезли из котла, зарыли пана под плетнем, а топорик приказали построить новый дом. Топорик за сутки и выстроил им дом. Тогда Иван взял отцовские сундуки с деньгами, и живут они с женой, поживают да добра наживают.

СИНЯЯ СВИТА—НАЛЕВО СШИТА— СОЛОМЕННЫЙ КОЛПАК

Жил-был царь, а у царя была дочь. Вот задумал царь свою дочь замуж отдать. Кликнул он клич:

— Выдам дочь замуж и отдам полцарства тому, кто может от меня схорониться, чтобы я не нашел.

А был тот царь волшебник.

Вот день прошел, другой прошел — нет охотников.

На третий день пришел добрый молодец по прозванию Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак и говорит:

— Я схоронюсь от тебя, царь.

— Ладно, — отвечает царь-волшебник, — схоронишься, женю тебя на своей дочери и дам полцарства, а нет — мой меч — твоя голова с плеч.

Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал за тридевять земель, в тридевятое царство, и там на заповедном лугу обернулся цветком.

На другой день царь встал раненько, умылся беленько, почитал волшебную книгу и говорит:

— Слуги мои верные, ступайте в тридевятое царство на царский заповедный луг, сорвите там все цветы и принесите сюда.

Принесли ему слуги цветы, царь выбрал один цветок, дунул на него, и стал из цветка добрый молодец.

— Ну, что, Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак, на первый раз не мог от меня схорониться.

На другой день Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным соболем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал в тридесятое царство; прибежал к большому болоту, обернулся окунем-рыбой и нырнул в бездонное озеро.

А царь взял волшебную книгу, прочитал и говорит:

— Ступайте, мои верные слуги, в тридесятое царство, осушите там большое болото, закиньте сети в бездонное озеро и выловите мне рыбу-окуня.

Принесли слуги того окуня царю-волшебнику. Он дунул на него, и стал вместо окуня добрый молодец.

— Ну, вот, Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак, и другой раз не мог от меня схорониться. Если и третий раз не схоронишься, голову тебе отрублю.

И в третий раз Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак стоял перед царем добрым молодцем, по двору бежал черным сободем, под ворота лез белым горностаем, по полю бежал серым зайцем и убежал за тридевять земель в самое дальнее царство, добежал до высокого дуба, корни в земле, а макушка в небе. Влез он на тот дуб, обернулся малой иголкой, схоронился под корой, сидит.

Прилетела птица Нагай, села на тот дуб и спрашивает:

— Что за человек тут схоронился?

— Я, Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак.

— А сюда попал как?

— Хочу на царской дочери жениться. А царь свою дочь отдаст за того, кто может от него схорониться. Два раза он меня находил, коли третий раз найдет, не быть мне живому.

— Я тебе, молодец, помогу, — говорит птица Нагай.

И обернула она малую иголку в пушинку, укрыла пушинку себе под крыло и полетела к царю-волшебнику. Когда царь-волшебник лег спать, птица Нагай положила малую пушинку царю за пазуху.

Утром царь встал, волшебную книгу прочитал и дал такой приказ:

— Слуги мои верные, ступайте за тридевять земель в самое дальнее царство. Найдите в этом царстве самый большой дуб. Тот дуб спилите, на дрова поколите, в костры сложите, а костры сожгите, в золе найдите малую иголку и мне ту иглу принесите.

Слуги все сделали, как царь приказал, а иголки не нашли.

Когда царь о том узнал, он вышел на крыльцо и зовет:

— Эй, Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак, покажись.

— Нет, не покажусь, — отвечает ему из-за пазухи малая пушинка, — ты сперва бояр собирай, дочку под венец наряжай, тогда покажусь.

Делать нечего, царь-волшебник бояр собрал, дочку в карету посадил и кричит:

— Покажись. Все сделал, как ты хотел.

Вдруг вылетела малая пушинка и обратилась добрым молодцем.

Тут сыграли свадьбу, и стал Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак с молодой женой жить-поживать, половиной царства управлять.

ТРИ БРАТА И СТАРИК

Жили три брата: двое умных, а третий дурак. Пошли они в лес на охоту. Ходили, ходили целый день и заблудились. Видят, что приходится ночевать в лесу. А как ночевать, коли нет огня?

Старший брат и велит среднему:

— Залезь-ка, брат, на елку, не увидишь ли где огонька?

Тот взобрался на самую высокую елку и говорит:

— Братцы, вон в той стороне словно бы огонек виднеется!

Старший брат и пошел за огнем. Приходит он в чащобу к самому болоту, глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вошел охотник в избушку, лежит старичок, сам в уголке, нос на крюке, ноги на потолке.

Охотник ему и говорит:

— Здорово, старинушка!

— Здорово, детинушка!

— Дай-ка, старинушка, огня!

— Скажи сказку, да присказку, да еще небылицу. А коли не скажешь, так я у тебя со спины полосу вырежу, об ось потру и огня добуду.

Не сумел старший брат рассказать сказки. Тогда взял старик да со спины у него полосу и вырезал, об ось потер и добыл огня.

Охотник взял огонь и пошел. Совсем было уже дошел до места, как вдруг спина у него разболелась, и огонь погас.

Приходит он к братьям и говорит:

— Погас огонь.

И приказывает среднему:

— Ступай теперь ты за огнем.

И со средним братом приключилось то же, что со старшим, и этот не принес огня. Посылают дурака.

Пошел дурак за огнем, а умные меж собой разговаривают:

— Пусть старик и нашему дураку полосу вырежет, не одним нам страдать.

А дурак отыскал избушку, вошел в нее и видит: лежит старичок, сам в уголке, нос на крюке, ноги на потолке.

Дурак и говорит:

— Здравствуй, старинушка!

— Здравствуй, детинушка!

— Дай, старинушка, огонька.

— Скажи сказку, да присказку, да еще небылицу. А коли не скажешь, так я у тебя со спины полосу вырежу, об ось потру — вот и огонь будет.

Отвечает дурак:

— Сказку-то я скажу, только не говори мне «врешь»! Если же скажешь, так уж я сам у тебя со спины полосу вырежу, об ось потру и сам огня добуду.

На том и порешили, и начал дурак сказку сказывать:

— Вот, старинушка, первая сказка. Жил я с дедом, а

бабушка тогда еще не родился. Как бабушка родился, послал меня соседей на крестины звать. Пошел я, два двора миновал, а третий позабыл. Всю деревню обошел и никого не позвал, вот и привалило на крестины народу видимо-невидимо, так что и посадить негде. Да ведь я догадлив: кого на кол, кого на рогатину — всех рассадил.

А у дедушки моего был ковш, из железа выдолбленный. Вот и стал я соседей из этого ковша потчевать: два раза по лбу, а третий с водкой. Так их употчевал, что из-за стола не вылезут.

Ну, кое-как прочухались и разошлись по домам.

Захотелось тут моему деду дичинки. Взял я топор, взял пилу и пошел на охоту. Вижу—гора высокая. Я давай на ту гору лезть.

Лез, лез, шилом подпирался. Влез на гору, глянул: там озеро, плавают три утки, две беленьких, а третья ну что твоя снежинка. Я как запущу в них топором: по двум промахнулся, а в третью не попал — всех трех убил. А топор соскочил с топорща, да и плавает, а топорщище утонуло. Как его достать?

Я и давай вокруг липняка да орешник рубить, да корзины плести. Наплел корзину и начал ими воду из озера черпать. Всю воду до капельки вычерпал, достал и уток и топор с топорщищем. Принес домой, а бабушка говорит:

— Благодарствую, внучек! Вот я с крестин-то подкреплюсь маленечко дичинкой!

Захотелось тут мне еще больше ублажить бабушку, и пошел я снова для него на охоту, а топор-то захватить и забыл. Иду это я около тростника, а в тростниках дятлы пищат. Примерился я, как этих дятлов взять, а рука не пролезает. Ну, я туда голову засунул да всех их там и поел. Хотел идти, а голова обратно не лезет. Что тут делать? Я голову оставил, сбегал домой, взял топор, вернулся к тростнику, голову разрубил, взвалил на плечи и пошел.

Иду себе вдоль речки по крутому берегу, захотелось мне пить. Снял я со своей головы черепок, зачерпнул воды, напился, положил черепок обратно на голову и пошел дальше.

Посмотрел на тот берег и вижу: медведь шмеля дерет. Я через речку перескочил прямо к медведю да как хвачу его топором, он наземь и повалился.

— За что ты его дерешь? — спрашиваю медведя.

А медведь отвечает:

— Обещался он мне два пуда меду дать, да обманул, вот я его за это и беру.

Я, старинушка, медведя прогнал. За это шмель мне два пуда меду дал. А во что мне этот мед взять? Да я догадлив: надрал лыка, к лыку весь мед привязал да за пазуху. Прихожу к берегу, а перейти негде. Тогда сгоряча-то перепрыгнул, а теперь, с медом, не могу. Вдруг вижу под кустом две лодочки: одна дырявая, а другая без дна. В дырявую я сам сел, а в другую, без днища, мед положил.

Переплыл реку, побежал домой, заложил кобылу в телегу. Приехал за медом, поклат на воз сколько мог, да еще малость осталось. Привез домой, а тут, на тебе, воз в ворота не лезет. Недаром я догадлив: пробуравил подворотню буравчиком — кобыла с возом и проскочила. Кобылу я отпряг, привязал, начал мед прибирать, а кобыла оторвалась, пошла к речке, наелась из лодки меда, напилась воды, да и издохла.

Нашел я кобылу у речки, содрал с нее шкуру и поволок эту шкуру домой. Оглянулся назад: идет моя голая кобыла. А мужики у дороги гречку сеяли. Кобыла и улеглась на пашню. И что ты скажешь, на моей кобыле стала расти гречиха! Росла, росла, зацвела и уже поспевать стала.

А тут еще завелись в гречихе тетерки. Я и тут догадался: приладил к кобыле два короба, а к хвосту привязал колотушку. Как сходит кобыла в поле, так два короба тетерок и принесет.

Ходила моя кобыла под дубами. Свалился желудь да прямо на нее, забился между ребрами, и, хочешь верь, хочешь не верь, начал расти на кобыле дуб. Вырос он высокий-превысокий — под самые небеса.

Вот как, мой старинушка! Скоро говорится, да не скоро делается... Ну потом я полез на тот свет поглядеть, как там живут. И что ты думаешь? Вижу мой батька на твоём батьке смолу для грешников возит.

Дед как закричит:

— Врешь!

А дурак ему и говорит:

— У нас с тобой уговор был слова «врешь» не говорить. Подставляй-ка спину!

Вырезал он у старика со спины полосу, добыл огня и пошел с ним обратно, к своим братьям.

Братья и спрашивают:

— Ну что, брат, вырезал у тебя старик полосу?

— Нет, я сам у него вырезал.

Братья подивились, подивились и пошли восвояси.

ПРО ГОРОШИНКУ, ВЫРОСШУЮ ДО НЕБА, И ПРО КОЗОЧЕК ОБ ОДНОМ, ДВУХ И ТРЕХ ГЛАЗАХ

Жил дед с бабой. Раз, когда они обедали, у них со стола упала горошинка. И стала эта горошинка расти. Росла, росла и выросла под самые полати. Разобрал дед полати, а горошинка выросла под потолок. Дед и потолок разобрал, а горошинка выросла под крышу. Делать нечего, разобрал дед и крышу.

А горошинка росла, росла и доросла до самого неба. Вот старуха и говорит деду:

— Влезь-ка ты, дед, на горошинку да погляди, что там на макушке.

Дед лез, лез, взобрался наконец на самую макушку и видит: там хатка стоит, а в хатке и печь, и лавки, и стол— всё из масла да из творага. Наелся дед до отвала и под лавкой схоронился.

Вернулись домой козы, хозяйки той хатки, увидели, что кто-то у них нашкодил, и завывли в голос:

— Кто нашу творожную печь обглодал? Кто наши масляные лавки облизал?

Собрались козочки снова на пастбище, а одноглазой козе велели дом стеречь. Когда козы ушли, старик запел:

— Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок закрылся, и козочка заснула.

Старик снова наелся досыта и шмыг под лавку.

Козы, вернувшись, отлупили спящую козу, а вместо нее уже оставили двуглазую. И с этой козой то же самое случилось.

На третий раз стерегла дом коза трехглазая. Старик-то и проглядел у нее на лбу третий глаз. А тот все стариковские проделки и увидел.

Хотели было козочки запороть старика рогами, а потом одумались и взяли его пасти их, доить да молочко собирать.

ОГОНЬ В СЕРДЦЕ, А РАЗУМ В ГОЛОВЕ

Давным-давно, когда я еще была девчонкой, рассказывала нам старенькая бабушка всякие сказки. Много она рассказывала (а слышала она их еще от своего покойного деда). Да такие складные сказки — заслушаешься. Да позабыла я их, детки: больно долго живу, скоро ведь мне девяносто. Известно: волос седой — и память долой. Видите, как меня согнуло. А когда-то была молодлица кровь с молоком, коса об колени билась. Вот сидим мы, бывало, чуть ли не всю ночь при лучине и прядем тонко-тонко, чтобы сорок пасм через перстенок пролезли. Сидим мы, а бабушка сучит нить да рассказывает сказки, чтобы мы не заснули. Вот, дай боже памяти, и вспомнила одну сказку. Так слушайте, как дело было.

Жил один человек. Хотел он все знать. Куда ни глянет — все спрашивает, что это да зачем. Толковали ему люди, толковали, да и говорят:

— Чудной ты человек, сколько ни спрашивай — дураком помрешь, ведь всего знать нельзя.

Бросил он хозяйство и пошел по белу свету.

— Пойду, — говорит, — к ясному солнышку: оно всюду све-

тит да все видит, значит все знает. Спрошу я у него, почему так неладно на свете.

Вот идет он, идет, видит—сидит около дороги на камне человек и кричит:

— До каких пор я буду сидеть?

Просит он путника, чтобы тот спросил у солнца, когда он встанет. Пошел он дальше и видит, что какой-то человек забор подпирает. Посмотрел и никак не поймет, для чего. Идет дальше. Вот две женщины переливают в реку воду. Дивится он, да не знает, что такое они делают, и дальше пошел. Совсем уже близко подошел он к солнцу, к тому месту, где оно из-за земли всходит на небо, и видит: какой-то человек разгребает мусор. Пошел он дальше в лес и, как взглянул, так сразу глаза зажмурил — такой там блеск. Подошел он ближе, а это дворец солнышка блестя в золоте, будто огонь горит. С трудом пробрался он туда, чуть не ослеп от блеска.

Встретил он во дворце старуху — мать солнца. Она и спрашивает, зачем он пришел.

— Пришел я, — говорит, — к солнцу, чтобы спросить, почему так неладно делается все на свете.

А она отвечает, что солнце поднялось на небо осматривать землю.

— Обожди, оно скоро вернется.

Вот достал он хлеба с салом и стал есть. Наелся сала с хлебом. Захотелось ему пить. Пошел он к реке. Только он наклонился к воде, как оттуда выплыла необыкновенной красоты девица. Взглянула на него, и остановился он, будто вкопанный. Стоит, любуется и глаз не может отвести от нее. Понравился он этой девице. Вот она и говорит ему:

— Не пей воды из реки, а то солнце тебя сожжет.

И повела его к старому дубу, где был колодезь. Наклонился он и начал пить чистую и холодную воду. Сколько он ни пьет, все больше хочется.

Посмотрел он, а солнце опускается с неба в свой дворец.

Нужно идти туда, но не может он отвести глаз от этой девицы. А она и говорит:

— Вот мой отец вернулся домой. Смотри ничего не говори ему о том, что ты узнал, и о том, что видел меня.

Сказала это, поднялась ввысь и заблестала оттуда ясной звездочкой.

Пошел он к солнцу во дворец. Увидело солнце, что человек осмелился прийти к нему, да как начнет жарить, а он напился холодной воды, и ему не жарко. Рассердилось солнце, давай еще пуше жечь, а он шапку надвинул на глаза и подходит ближе. Видит солнце, что ничего не поделаешь с упрямым человеком, и спрашивает, что ему надо. Рассказал человек солнцу, зачем пришел, оно и говорит:

— Будешь все знать — скоро помрешь. — И блеснуло ему

солнце в голову. Вот и почувствовал он, что много знает, голова горит, а сердце холодно, как лед.

Снова встретил он мать солнца. Она и говорит ему:

— Умрешь ты, человек, если не согреешь сердца; сгорит твоя голова.

Страшно стало человеку жить с холодным сердцем.

«Как же согреть свое сердце?» — думает он. Пошел искать он дочку солнца, может она горю поможет. Услыхала про это дочь солнца, покатила с неба ясною звездочкой и обернулась перед ним пригожей девицей. Вот и загорелось у него сердце, и понял он: покуда будет огонь в сердце, а разум в голове, будет он все знать, все уметь, себе и людям счастье приносить.

Поженились они и пошли в его край. Вот приходят они к тому месту, где человек разгребает мусор.

— Ой, человек, — говорит он, — ты в мусоре ищешь потерянные деньги, зря ты тратишь время. Ступай лучше трудиться, заработаешь больше, чем потерял.

Понял тот человек свою ошибку, занялся делом и стал счастливым.

Пошли дальше, встретили женщин, переливающих в реке воду. Растолковал он им, что вода водой и останется, так же как слова без дела останутся словами, сколько бы их ни говорили. Идут дальше, встречают человека, а он все еще подпирает забор, и говорят ему:

— Не поддерживай в жизни всякую гниль, все равно она рухнет.

Наконец подошли они к тому человеку, который сидел на камне, но не остановились и прошли мимо. И издали сказали ему:

— Сидеть тебе тут, покуда не сядет другой, в жизни каждый занимает свое место.

Вот пришли они в его край, нашли ту деревню, где он жил, но хатки его и след простыл: растащили ее на дрова. Ничего не поделаешь, надо жить как приходится. И начал он заново строить себе дом и заводить хозяйство. Отстроились они и стали жить, поживать да добра наживать. И дивились люди, что они никогда не тужат. Стали его спрашивать, почему они так хорошо живут, а он и говорит:

— Потому мы хорошо живем, что у нас огонь в сердце, а разум в голове.

ИВАНКА ПРОСТАЧОК

Внекоем краю жили люди, как в раю: сеяли да жали и горя не знали. Свет велик; земли кругом много; везде тебе вольно, всего и дела, что хозяйством правь да господу славы! И жили там люди в мире да согласии. Весь день трудились, а ночь придет — отды-

хоть ложились. А напасти случались — всем миром спасались: бедным, хворым помогали и беды не видали.

Только вот откуда он взялся, а повадился летать к ним страшный змей. Стал летать, стал добро отнимать, а под конец и людей хватать да к себе таскать. Нахватает отовсюду людей, сгонит их в одно место, да и заставляет строить хоромы, окапывать их рвами, обводить валами да огораживать частоколом, так, что никто не мог туда ни пройти, ни проехать. Строят люди, копают рвы глубокие, насыпают валы высокие и до тех пор трудятся, пока там же и не загинут.

А змей хватает да таскает туда все новых да новых людей.

Вот настроил он много таких городов, проложил между ними дороги, летает вдоль них да таскает в те города и людей и людское добро.

Гнут люди спину у себя на поле, нарабotaют кое-чего, а тут налетит змей, опустошит все дочиста, словно пожар, да и запрет у себя за валами да за рвами, а обобранные им люди пухнут с голоду и мрут как мухи. И что дальше, то хуже, нет защиты, нет спасения от лютого змея.

А тем временем и сами люди, которых змей натаскал в свои хоромы, жрут себе чужое, ничего не делают, одно знают — жир наращивают. Не только змей, а и сами они, забыв отцов и братьев, начали вылезать из городов на дороги, как муравьи из муравейника, начали похаживать по белому свету и забирать себе чужое добро.

И стало людям еще горше от людей, чем от змея, потому что известно — злых этих слуг у змея великое множество. Они повсюду находят людей и отнимают у них все, что попадется. Нету у них жалости — с живого шкуру дерут. И стали они считать людей хуже скота, стали стыдиться того, что сами они люди, стали придумывать себе всякие прозвища. Кто назвал себя змеем, кто волком, либо медведем, или другим каким зверем, кто орлом, коршуном или иной птицей, кто каким-нибудь деревом. И только простых людей зовут они по-прежнему людьми, будто это самое зазорное имя. Вот откуда взялись паны Свинские, Волки и другие.

А тем временем змей постарел, обессилел и лежит, как падал. Лежит он на одном боку тысячу лет. И начал он гнить и так смердеть, что с души воротит. Разошелся там смрад по всем хоромам, запоганил весь город. Свежему человеку и подойти-то близко нельзя, так разит гнилью, такой тяжелый дух идет от этого змея.

А паны принялись, да и говорят, что это-де не вонь, а душистый запах, вроде как благоухание, что это только темные мужики не понимают, что смердит, а что пахнет. А тем временем змей все гниет да гниет, и так запоганил город, что уже и панам немоготу стало. Начали они у змея отсекал гнилые ноги либо что другое. Отсекут одно, а вместо того вырастает пять, а то и

больше. Ну вот как молодые ростки на пне. И разросся тот змей, как гора, разросся и заполонил собою весь город. Загнил город, пошел смрад по всему свету. И начали паны сами гнить, как падаль.

Еще горше стало людям потому, что гниют паны, едят их черви, точат жуки, а кто здоров, те ловят людей, тащат их в город да заставляют обмыывать гной и кормить эту падаль.

Вот служат люди дохлому змею, служат прогнившим панам, отдают им последнее, а сами ходят голодные, холодные и за работой света божьего не видят. Так и живут они из века в век. Одни помирают, другие нарождаются, и нет им никакого облегчения. И до того дожили люди, до того притерпелись они, что уж и не думают о лучшем житье. Сдается им, что так и надо, что коли начать иначе жить, так будет светопреставление. «Так жили наши прадеды и деды, и нам велено блюсти их обычай», — говорят люди и ничего не делают для лучшей жизни.

Вот родился в том краю хлопчик. Был он вовсе плохонький, худенький; каким немощным родился, таким и жить стал. Ни паны никто его не трогает потому, что такой он никудышный, что никому не нужен.

Уж он и большой вырос, а все играет с ребятами, будто маленький. И прозвали его люди Иванкой Простачком. Зимой Иван сидит себе на печи, игрушки из лучинок мастерит, а лето придет — с малыми детишками на дворе песочек пересыпает. Так прожил он лет тридцать.

Вот как-то раз сидит Иванка Простачок на земле у завалинки да с песочком забавляется. Идут трое нищих. Подошли они к хате и присели на завалинку отдохнуть. В селе — ни души: пан всех на работу выгнал. Пусто, хоть поджигай. Сидят нищие, отдыхают да набивают табаком свои трубочки. Хватились — нет огня, и просят они Иванку, чтобы он им огонька раздобыл. Побежал Иванка в хату, набрал в пригоршни угольков и приносит нищим. Те закурили трубочки, поблагодарили Иванку, да и спрашивают, что, дескать, он делает.

— Песочек пересыпаю, — отвечает Иванка, — потому что ведь работа — нам, а урожай — панам. А люди у нас глупые, сами из себя тянут жилы, работают изо всей силы, бьются, над сохою гнутся, а с нуждой никак не разминутся. Ведь паны-то все себе гребут, с мужиков три шкуры дерут, а иных и насовсем к себе берут, со свету сживают, увечат, мучают, забивают и жалости не знают.

Послушали это нищие, головами покачали да на гусях заиграли.

Первый раз заиграли — Иванке разум дали, другой раз заиграли — в сердце жалости нагнали, третий раз заиграли — язык Иванке развязали.

Пропали тут нищие, словно их и не бывало, глядь — а Иванка Простачок уже не прежний дурачок, стал он за дело при-

ниматься да в свет белый собираться. Смастерил он себе дудку-самогудку, да и заиграл так-то жалостно, так-то задушевно, что не только люди, а и звери с птицами стали диву даваться да вокруг него собираться. И пошел Иванка Простачок по свету ходить, на дудочке играть, людей собирать да им правду открывать. Как заиграет, так и узнают люди, что правит на свете великая кривда: одни держат кнут, другие под ним спину гнут. Одни богатству счету не знают, другие с голоду подышают. И разнесся голос той дудки по всему свету. Стали люди к этому голосу прислушиваться да ума-разума набираться; стали думать да гадать, как за правду постоять.

Вот услышали и во дворцах тот громкий голос, всполошились слуги змея, стали они войско скликать да Иванку Простачка искать. Услышат голос с восхода — они скорей туда. Палаши блестят, пики, как лес, торчат, пушки гремят, а Иванки не видеть.

Притаются, будто на охоте, стоят, слушают. А уж голос с заката слышится, играет дудка-самогудка, играет — людей научает. Идет отголосок по полям, по лесам, от села до села, от края до края. Кинутся туда, коней гонят, сами бегут, саблями звенят, из пушек стреляют, а Иванки никак не поймают. Гудит дудка, играет: то засвищет, то журавлем закурлычет, то затихает тонко-тонко, ну будто паутинка, то так дробненько защебечет, что у панов аж коленки трясутся и мороз по спине подирает, будто мыши туда забрались и скребут когтями.

С той поры те слуги змея ни днем, ни ночью не знают покоя. Ждут они себе беды, словно вол — батога.

Дудка свищет, дудка играет, ее голос по свету гуляет, людей научает. Его ни словить, ни из пушек убить. Он вольно по свету гуляет, никаких тебе загородок не знает. Хоть сам без тела, а делает великое дело. Играет-играет, а час пробьет — всех поравняет.

Ой ты, дудка моя, самогудка моя!

ЖУРАВЛИНЫЙ КОШЕЛЬ

Жили себе дед с бабой. Не было у них ни детей, ни родичей, так и доживали они свой век вдвоем в хате. Кое-как перебивались с хлеба на квас.

Известно, были они очень старые, годов так по восьмидесяти, а может, и больше, — прежде-то старые люди долго жили. И вот дожили они до того, что есть стало совсем нечего.

Только тем и держались, что дед по миру пойдёт да сухариков набирает.

Но вот дождались они — пришла весна-красна.

Баба деда и наставляет:

— Дедка, люди вон всё сеют, посеял бы и ты хоть проса, что ли, с гарничик-то мы бы наскребли. Хоть бы нам, беззубым, каши мягкой отведать на старости лет или крупяной похлебки тепленькой, а то эти сухари уж поперек горла становятся.

Послушался дед бабы и посеял по весне проса. Расчистил лядце и посеял.

А посеявши, целую неделю не ходил глядеть, взошло просо или нет.

На другую неделю пошел — выросло просо чуть не по пояс.

То, видно, бог поторопил, чтобы росло оно для старых да бедных, которым есть нечего.

Раз приходит дед к своему просу и видит: стоит в просе журавль, да такой большущий!

Дед взял палку, подошел да как запустит в журавля. Тот поднялся и улетел.

Стал оглядывать дед свое просо, а оно все начисто побито, потоптано, поломано.

Тогда он вернулся домой и говорит бабе:

— Вот, бабка, дал нам бог хороший урожай, да не даст он снять его.

— Почему это не даст снять?

— Да повадился журавль в наше просо и прямо не клюет, а косит — все начисто побил, поломал.

— А ты же, дедка, прежде был охотником, так возьми ты свою кремневку, почистишь ее, подкрадись, да и убей журавля. Вот и мясо нам будет!

Послушался дед бабы, достал из клетки кремневку, почистил и утром пошел к своему просу.

А журавль-то прилетал перед полуднем. И пока дед подползал, пристраивался да примеривался, как ему убить журавля, глядь, а он уже там. А какой хитрый этот самый журавль, ну что твой змей: только дед подошел, а он уж и оборотился — то птицей был, а то стал паном, аж весь сияет, при всей форме и лицом румяный.

И говорит пан деду:

— Стой, дедушка, не убивай меня! — говорит.

А потом спрашивает:

— Это твое, дедушка, просо?

— Мое.

— Что ж ты хочешь за свое просо?

Испугался дед, видит: пан, как-никак, а он такой бедняк, оборванный, залатанный, закопченный. Будто из черной бани из какой!

— Что, — говорит, — я хочу? Нет у меня никого — ни детей, ни родичей, и кормить меня некому.

— Ну, дедушка, коли нет у тебя никого и некому тебя кормить, так иди ты вслед за мной зеленой тропой, шелковой травой,

выйдешь на поляну, там будет мой дом. Да не иди ты к крыльцу оттуда, где солнце заходит, а иди с юга. Там увидишь другое крыльцо, на него подымись и войди в дом. Там будет страж стоять. Он спросит у тебя, куда ты идешь, а ты скажи, мол, к Журавлеву. Он тебя и пустит. А может, я сам услышу либо в окно увижу и двери тебе отпру!..

Сказал он это, и — хлоп-хлоп! — сделались у него руки крыльями, поднялся он и полетел.

Идет дед зеленой тропой, шелковой травой, выходит на поляну и видит посреди поляны дом, да такой красивый, что ни вздумать, ни гадать, только в сказке сказать. Такого другого, может, во всем нашем царстве нету — так и сияет.

Подходит дед к тому крыльцу, которое на юг глядит, а там стража.

— Ты куда, — спрашивает, — идешь, бродяга ты эдакий? Как ты смеешь тут шляться?!

А тот, журавль-то, услышал, отворяет одни двери, потом другие:

— А ну, иди, иди сюда!

Стража сейчас же отступила в сторону. Вот дед прошел один покой, другой покой, входит в третий.

Журавль усадил его в кресло, как вот примерно вы меня, и поставил ему угощение — продуктов, фруктов разных, вина всякого, показал перед ним весь свой стол, на котором разве что птичьего молока не было.

Накормил-напоил деда и снова спрашивает:

— Что ж ты, дедушка, хочешь за свое просо?

— Панок! Золотой мой! Как я могу сказать? На что ваша милость будет, то и дадите!..

Тогда пан пошел в другой покой, вынес ему кошель и говорит:

— Ну, дед, коли ты по дороге захочешь есть, скажи только: «Кошелек, кошелек, дай мне поесть-попить!» Он откроется, и будет тебе из этого кошель и стол, и пища, и все то, что ты у меня ел. А как наешься-напьешься, открой кошель и скажи: «Питье да еда, схоронитесь сюда!» Тогда все и попрячется, а ты сверни кошель и ступай себе домой. Только помногу не пей, а то захмелеешь и кто-нибудь украдет у тебя кошель.

Идет дед домой, и страх как хочется ему поглядеть, правда ли то, что журавль говорил. Прошел он полдороги, не утерпел — сел, вынул кошель, раскрыл его и велит:

— Кошелек, кошелек, дай мне поесть-попить!

Отведал дед понемножку того-сего и говорит:

— Питье да еда, схоронитесь сюда!

Все и попряталось обратно в кошель.

Приходит он в свое село, входит к себе в хату.

— День добрый! — говорит. — Жива ли тут моя старуха?

— Да я-то жива, дедулька, а ты жив ли?

— Я жив-здоров.

— А я уж думала, что тебя либо волки съели, либо медведи задрали, во мхи затащили, закопали и колоду навалили!

— Нет, бабулька, и волки не съели, и медведи не задрали, а принес я тебе хлеба-соли. Будет нам по гроб жизни. Садись-ка, бабка, за стол,— может, ты месяц не ела,— да и я рядом сяду. Будет нам еда и питье.

— Что ты, дедулька, откуда ж ты возьмешь еду и питье?

— Садись-ка, садись!

Сели они за стол, вынул дед кошель, положил его на стол, а стол-то корявый,— известно, в курной избе!

Раскрыл дед кошель.

— Ну,— говорит,— кошелек, кошелек! Чтобы мигом были и еда и питье.

И тут.— откуда что взялось!

Была курная изба, а тут стали покои, может, получше этих, да что эти! Может, и в целом царстве таких больше нету. И разная-разная еда и питье, тут тебе и вина, и бабки, и пироги — всего было вдоволь.

Дивится старуха:

— Господи, господи! Откуда все это?

— А вот, бабка,— отвечает дед,— как послала ты меня убить журавля, так прихожу я к своему просу, а он уж там. Только я прилачился его убить, а он обернулся паном, да таким, что аж весь сияет. «Что ты, говорит, хочешь за свое просо?» А я ему говорю: «Никого у меня нет, кормить меня некому». Тогда он говорит: «Иди ты ко мне домой зеленой тропой, шелковой травой, там я тебя награжу!» Пошел я туда, домой к нему, он меня накормил, напоил и вот кошель дал.

Напилась бабка, наелась, обняла своего деда, поцеловала и говорит:

— Ну, спасибо тебе, дедка, обрадовал меня: ведь ты все равно как с того света воротился! А знаешь что? Мы все одни да одни с тобой, ни мы у людей не бываем, ни они у нас. Давай-ка позовем мы к себе в гости старосту да писаря. У нас теперь этакый стол! И хата наша при таком-то столе краше стала.

— А как хочешь, бабка, можешь и позвать гостей, пусть побывают у нас.

Тогда баба повязалась покраще платком, пошла на село и позвала старосту и писаря:

— Приходите, детки мои, ко мне в гости.

— Ты что,— говорят,— старая карга, какие мы тебе гости? Живет в кособокой хате, может самой есть нечего, а туда же — в гости зовет!

— Нет, мои детки, тогда станете ругать, как побываете у нас и не будет для вас накрытого стола. А наперед нечего ругать!

Тогда они одумались: «Ну что ж, коли так, сходим, пожалуй!» — и пошли вдвоем в гости.

А они, значит, охотники были выпить, коли кто позовет!
Входят они в хату:

— Здорово, дед!

— Здравствуйте!

— Ну, что скажете нам?

— А вы вот сядьте, посидите на лавке, тогда и скажем и покажем.

Те сели. Один — кнут держит, а другой — плеть.

Известно, староста да писарь были грозой для крестьян, всегда с плетями ходили по селу, на барщину из хат выгоняли.

Тут вынул дед кошель и говорит:

— Кошелек, кошелек, чтобы мигом был тут полный стол питья да еды!

И появляется тогда и питье, и еда, и соленья, и печенья — всякое угощенье для всех гостей, сколько бы их ни было, — пятеро ли, десятеро ли.

Стал старик угощать писаря и старосту. А те пьют и едят, не отказываются, только дивятся про себя: «Что ж это такое? И питье, и еда на столе, и хата посветлела? Уж не бог ли рай с неба скинул? Это и у нашего пана нет такого угощенья да укарашенья!»

Наелись они, напились вволю и зеленого и вишневого, какое на свете только есть, и пошли по домам.

А баба тогда и говорит:

— Дед, а дед, знаешь что?

— А что?

— Позовем-ка мы в гости пана.

— Что ты, баба, одурела? Вот правду говорят, что слушать бабу на свою погибель. Как же, держи карман, — пойдет пан к нам, старикам. Поди-ка, он тебе кнутом задаст!

— А! Что будет, то будет — пойду!

— Ну и ступай себе!

Пошла баба. Заходит в панские покои. Выходит пан.

— Ну что, старая, скажешь?

— А что, паночек, скажу: просит дед, прошу и я вас к себе в гости!

— Что? — рассердился пан. — Ах ты быдло! Ты меня в гости зовешь? Чтобы я да к нищим пошел!

— Нет, паночек, коли мне не верите, спросите у своих верных людей. Есть у вас писарь и староста, вот и спросите у них — можно к нам в гости пойти или нет?

— А, ну ладно, ладно.

Позвал пан лакеев, кучеров и говорит им:

— Подите позовите ко мне старосту да писаря: пан, мол, требует!

Пошли слуги:

— Пан велел к нему прийти!

Приходят они к пану:

— Что прикажете, пан?

— А вот что. Зовет старая ведьма меня в гости, так вот — можно ли к ней пойти?

— А, можно, можно, паночек, мы и у вас не видывали такого стола, как у них. Есть у старика кошель, из него все само собой появляется: и золотая посуда, и чего там только нет. И водки разные, и вина, и еды полный стол. Можно пойти!

Послушал пан и велел своим кучерам закладывать лошадей.

Оделись они с пани и поехали не столько пить-есть, сколько правду узнать, не обманывает ли, мол, старуха.

Подъезжают они к хате, вылезают из фаэтона, а дед выходит к ним навстречу:

— Не прогневайтесь, паночек, моя хата снаружи не чиста, а в ней будут вам и кресла, и цветочки, и все убранство — такие, что мое почтение!

Вошел пан в хату и стал на пороге. А дед вынимает кошель и говорит перед паном:

— Кошель, кошель! Чтобы мигом были тут в моей хате и питье, и еда, всякое угощение и разное украшение!

Тут появились и питье, и еда, и разное украшение, да такие, что в целом царстве не было стола красивей и богаче!

Видит пан, что не стыдно сесть за стол.

А старик приглашает:

— Просим, паночек, отведать нашего хлеба-соли и всякой благодати.

Стал пан разглядывать вина, видит — всё самые дорогие, заморские.

Стали они пить да есть.

Известно, благородный человек не столько угощается, сколько доброй беседой утешается. Это не мужик, который, как говорят, чуть дорвется — так и нажрется!

Вот попили они малость, поели, пан и говорит:

— Не пристало тебе, дедушка, такой кошель иметь: ты простой мужик, а дом и стол у тебя лучше моих. Мне совестно, — говорит, — перед своими друзьями дворянами. Я тебя добром прошу — отдай ты мне этот кошель. А я тебе дам все для пропитания и крупы дам, и муки, и заправки, все, что нужно, буду тебе предоставлять. И слугу тебе дам, и корову, и свинью, и масла — ну, словом, всего. На что тебе и кошель? Я тебя честь честью схороню и панихиду по тебе отслужу, я тебя и утешу — по монастырям повожу!..

Тогда дед стал с бабой советоваться:

— Ну что, баба, станем делать? Ведь пан просит. Отдадим или нет?

— Ну что ж, дед, раз пан просит — надо послушаться. У нас все будет: и слуга будет, и одежда, и помыто, и подано!

Послушались и отдали. И остались они в своей дырявой хате как были.

А пан забрал кошель и уехал.

После дал он им и слугу и припасу всякого: пуд муки, пуд гороху, пуд ячневой крупы, пять фунтов сала, три фунта масла, десять фунтов соли — выдал им то есть все необходимое.

Прикончили они этот паек за несколько дней, а прикончивши, послали своего слугу в усадьбу к пану.

— Пан, прислали меня дед с бабой за харчами — те все вышли!

А пан ничего не дал и слугу в дом не пустил.

— Хватит, — говорит, — давать: у меня много таких, которым надо давать. Мне нужно кормить тех, кто работает, а они на барщину не ходят. Пусть по миру идут да и кормятся: с миру по нитке — голому рубашка; с миру по крошке — двоим пропитаться можно!

Так и обманул пан деда с бабой, слово свое нарушил.

Пришел слуга к деду и говорит:

— Пан сказал — у меня, мол, таких много, кому надо давать, надо кормить тех, кто работает. А вам велел по миру идти и тем кормиться, а мне приказал к нему воротиться.

Сказал и ушел.

И остались дед с бабой как были: и корявые, и дырявые, в великой своей нужде.

Дед думал-думал, думал-думал: что тут делать, как хлеб добывать? И надумал: «Схожу-ка я опять к журавлю, пожалуйю ему, — не сжалится ли он, не даст ли другой кошель? Тот, дескать, из-за бабы пропал. Сказано: слушать бабу — на свою погибель. С бабой живешь — правды не говори!»

Надумал это дед и пошел.

— Схожу-ка я, — говорит, — баба, к журавлю, не даст ли он нам другой кошель?

— Ну что ж, сходи, дед, даст ли, не даст ли, а ты сходи!..

И пошел старик зеленой тропой, шелковой травой.

Шел, шел и вышел на полянку. На той полянке журавлиный дом.

Подходит он к дому под самое крыльцо. Тут стража давай на него кричать:

— Ты куда, бродяга, нешто тебя сюда звали?

А журавль услышал, сейчас же — раз-раз — двери растворил:

— Ну, иди, иди сюда!

Стража сразу в сторону. Вошли они в покои, один прошли, другой, входят в третий.

Журавль и спрашивает:

— Ну что, дедушка, может тебя кто обидел?

— Да что, паночек, — пан обидел. Позвала моя баба в гости старосту да писаря, напоила, накормила, а потом говорит — позовем пана! Я не хотел, да ведь сатана обойдет и сокола. Пошла позвала. Приехал пан с пани. И заставил он меня отдать ему кошель. Обошел со всех сторон: «Я, говорит, все тебе буду предоставлять». Посоветовался я с бабой, а баба говорит: «Отдай, дед!

Нужно пана слушаться. Он же все нам будет предоставлять». Отдал я кошель, а пан прислал нам того-сего, а когда все вышло, он и обманул: «Пусть, говорит, по миру ходят, да тем и кормятся!..»

Ну, журавль посадил деда за стол, угощает, а тот за слезами и не ест ничего.

— Не дадите ли вы мне, — спрашивает, — еще такого кошель?

— Ладно, дам, дам! Только дам я тебе не кошель, а бочоночек!

Пошел он в другой покой, выносит бочоночек и научает деда:

— Приди ты домой и скажи: «Слезай-ка, баба, с печи! Не принес я кошель, а принес бочоночек!» А как баба слезет с печи, ты и скажи: «Ну-ка, двенадцать молодцов, вылезайте из бочонка, разложите эту бабу да всыпьте ей кнутом хорошенько!» Как зададут они бабе, тогда скажи: «Ну-ка, двенадцать молодцов, лезьте в бочонок!» Тогда вели бабе, чтобы накинула свой платок и к пану шла да не говорила бы, что ты принес бочоночек, а сказала бы, что принес другой кошель, еще почище того.

Позовите пана и пани, писаря и старосту, и всех дворян. А как соберутся все, посади пана и пани в красный угол, а тех всех на дворе.

После скажи: «Нуте-ка, двенадцать молодцов, вылезайте из бочоночка да всыпьте им всем!» Как зададут, слугам скажи: «Нуте-ка, двенадцать молодцов, станьте у порога!» И потребуй у пана свой кошель назад.

Поблагодарил дед журавля и пошел восвояси.

Как всыпали бабе! Та побежала позвала пана, пани, писаря, старосту и всех дворян. А как вlepили им всем, и дворянам, и писарю, и старосте, и кучерам, ну всем, дед и велит:

— Ну, двенадцать молодцов, станьте у порога. А ты, пан, клади сюда кошель, а не то и тебе будет такое угощение, какого ты отроду не пробовал и деды и прадеды твои не видывали.

— Вишь ты, грозится!

А что грозить, коли он и сам все видал и стоят у порога двенадцать молодцов с кнутами.

Видит пан, что дело плохо, да позабыл он взять с собой кошель, вот он и говорит:

— Отдам, дедушка, тебе твой кошель хлебосольный, только отпусти живого! Много ли, мало ли мне жить, — хватит с меня и своего добра. Позовите мне моего слугу!

Позвали слугу, пропустили его к пану:

— Пожалуйста, голубчик, поезжай скорей домой: там в шкафу, а может, в сундуке, лежит кошель. Возьми ты его и доставь мне сюда живым манером, а то мне здесь плохо приходится! Сам видишь: двенадцать дьяволов в шляпах стоят с кнутами!

Вынул ключик из кармана и дал слуге.

Тот поехал, взял кошель, где было сказано, и доставил пану.

А пан говорит:

— На, дедушка, твой кошель, только отпусти меня!

Дед кошель взял и велит молодцам:

— А ну-ка всыпьте ему! Он, когда мужиков бьет, не верит, что больно, пусть-ка и сам почувствует, как нам больно!

Взяли двенадцать молодцов да и отдубасили пана как следует, а дед говорит:

— Двенадцать молодцов, лезьте в бочонок!

Тут пан скорей ходу! Взял ли он шапку, нет ли, а только шубу ему порвали всю в клочья!

А дед остался жить со своим кошелом, со своей силой и защитой.

И никто его уже не трогал.

МУЖ БОГОДАННЫЙ

Служил у одного богатого хозяина работник, служил с малолетства и служил усердно. Был он человек верный, надежный, на всякую работу жадный, и хозяин, понятно, дорожил им. Известно, живя у чужих людей, немного увидишь, услышишь, многому научишься; вот так и этот работник — мало что знал, мало видел, слышал. Дожил он почти до старости, а белого света не видел. И стал он просить хозяина, чтобы тот отпустил его:

— Отпусти да отпусти, хоть посмотрю на людей, весь век прожил у тебя в лесу, на хуторе, что делается на свете — не знаю.

— Одурел ты под старость, — говорит хозяин батраку, — неведомо чего тебе захотелось, свету увидеть! Везде люди как люди. Ты думаешь, где-нибудь растет на еловой коре каша? Нигде такого нету. Сидел бы на одном месте, теплей было бы. На одном месте лежа и камень обрастает.

Долго еще уговаривал хозяин работника остаться. Однако тот как уперся — пойду да пойду, — так и стоял на своем, хоть кол у него на голове теши. Пришлось хозяину отпустить батрака.

— Ну, — говорит, — ничего не поделаешь, видно, время расстаться с тобой. Жаль мне тебя, нагорюешься ты у чужих людей: чужая сторона не родная мать... Ступай себе! Человек ты справедливый, служил ты мне верно, вот тебе за твой труд. — И дал ему мешочек червонцев.

— Зачем мне это? — спрашивает работник. Не знал бедняга, что с деньгами делают и зачем они нужны. Не хотел брать. Но хозяин силком положил мешочек ему за пазуху.

— Пригодятся в дороге, — говорит. — Это деньги, а без денег в нынешнее время никуда не суйся.

Собрался работник и пошел свет смотреть.

Шел он, шел куда глаза глядят, пришел в одно небольшое

местечко. Тяжело, неудобно ему нести золото за пазухой. Зашел он в первую попавшуюся лавку, достал мешочек с золотом и говорит торговке:

— Возьми себе все, что в мешочке, а мне насыпь чего-нибудь полегче.

Глянула торговка — обрадовалась и от радости не знает, чего бы ему такого насыпать. Попался под руку ладан — насыпала ладану.

Пошел батрак дальше своей дорогой.

Настала ночь, а кругом лес, негде переночевать. Видит, наконец, белеет возле дороги сруб. «Заночую здесь», — думает. Натаскал в сруб хворосту, разложил костер. Достал из торбы сало и хлеб, жарит на палочке сало и ест с хлебом. Поужинал и уснул, а костер не потушил, чтобы теплей спать было и комары не кусали. На рассвете чувствует: что-то припекать стало. Проснулся, смотрит — сруб горит. Чего он только ни делал, чтобы потушить огонь, да разве можно огонь без воды потушить? Еле сам живой выскочил. Горит сруб. Плачет батрак, убивается:

— Боже ты мой, боже! Наделал я человеку беды, пропала его работа! Так пусть же и моя работа дымом идет, пропадает!

С этими словами работник выхватил из-за пазухи мешочек с ладаном и швырнул в огонь. Поднялся дух от ладана вверх, дошел до неба. Почувствовал бог запах церковного ладана и послал ангела на землю справиться, что нужно горемычному труженику. Слетел ангел к работнику и спрашивает:

— Чего тебе нужно, человек? Чего ты хочешь?

Думал-думал батрак — не знает, что ему просить, что ему нужно, а затем и говорит:

— Дай ты мне женку, если уж ты такой добрый. Ведь за меня, бобыля, не хочет идти замуж ни одна девка. И когда я, бывало, шутил, заигрывал с девушками на игрищах или посиделках, они только смеялись надо мной. А мне жена пригодилась бы. Да оно и то, правду говоря, плохо человеку жить без жены.

Ангел выслушал его, полетел к богу. Передал богу все, что сказал батрак. Бог и говорит:

— Его правда, плохо человеку жить без жены. Человек он хороший, сердечный, нужно дать ему жену. Слетай-ка ты к этому человеку и скажи ему: пусть идет все прямо и прямо на восток, дойдет до перепутья, там на перепутье стоит крест, а под крестом висит веревка. Пускай трижды дернет он за веревку и ждет: будет ему жена.

Ангел полетел и все рассказал бедняге батраку.

Вскоре показалось красное солнышко, осветило, обогрело всю землю. Проснулись пташки, начали щебетать, богу молиться. Помолился и наш батрак и пошел на восток.

Долго ли он шел, или нет, только добрался до перекрестка: стоит на перепутье крест, и веревка на нем висит. Дернул бедняга батрак за веревку: раз, другой и третий, дернул и ждет.

Прошло немало времени — никого нет. «Обманул поганец, — думает батрак, — говорил, только дернешь за веревку — будет тебе женка. Где же она?» Хотел уже идти прочь, вдруг слышит: что-то зашумело. Глянул вверх: летит что-то по небу, летит-гудит. Потом шлеп на землю: «Я здесь!» — говорит. Глянул батрак: лежит перед ним рыба, большущая рыба.

— Вот и дождался, — говорит про себя батрак, — вот тебе и жена! Как же я буду жить с рыбой? Что я, окунь какой-нибудь или что?

Тем временем рыба хлоп-хлоп хвостом, трижды встрепенулась, и вышла из нее паненка, да такая красивая, как на картинке. Глянул на нее батрак и рот разинул: глядит — слова вымолвить не может, словно у него язык отнялся. Ни рукой, ни ногой не двинет, шевельнуться не может — так растерялся, удивился бедняга... И было чего! Очень уж она пригожая. А паненка стоит перед ним, головку набок склонила, ручки на животе сложила, носовой платочек в руках держит — чистый ангелок.

— Здравствуй, мой муж богоданный!

А батрак молчит, своим ушам не верит.

— Здравствуй, мой муж богоданный! — говорит она во второй раз. А батрак по-прежнему молчит, слова вымолвить не смеет.

— Здравствуй, мой муж богоданный! Что же ты молчишь? — говорит она в третий раз.

Только тогда набрался смелости бедняга работник.

— Здравствуй, здравствуй! — отвечает.

— Я твоя женка, — продолжает девушка, — та, которую ты просил у бога. Вот бог и послал меня тебе. Рад ли ты мне? Только тут вернулся к батраку дар речи.

— Ах, дорогая моя паненочка! Может ли это быть? Нет, видно, ты, паненка, смеешься надо мной? Ты такая молоденькая, пригожая, а я, известно, мужик.

— Не бойся, — отвечает она. — И мужик — человек. На свете все люди равны.

— Боже мой, боже! Спасибо тебе за твою милость! Вот радость ты мне послал! — говорит батрак. — Но боюсь, паненочка, боюсь!..

— Чего же ты боишься? — спрашивает девушка.

— Боюсь, как ты со мной будешь жить, я тебе не ровня, и, если правду говорить, стар я для тебя.

— Не бойся, говорю тебе... Поживем — поладим. А теперь надо подумать, где нам ночку ночевать: пойдем себе хатку искать.

Взялись за руки и пошли.

Пришли они в село, идут улицей, спрашивают: не пустит ли кто жить к себе?

Дивятся люди: откуда такая паненка взялась? Да еще с мужиком ходит и говорит, что он ее муж... Боятся пустить таких жильцов. Наконец нашелся один хозяин, смилостивился, пус-

тил их в баньку жить. Вошли они в баньку—черно везде, грязно, воды налито. На что батрак ко всему привычный был, и тот глянул кругом, заплакал: как это паненка, такая слабенькая да нежная, будет здесь жить? Ни присесть, ни прилечь, ни еды сварить...

— О чем ты плачешь? — спрашивает паненка батрака.

— Я плачу о том, что на горе послал тебя мне господь. Нет тебе нигде пристанища. Как ты будешь здесь жить?

— Не бойся, — отвечает паненка, — проживем.

Остановилась она возле порога, три раза взмахнула платочком, и сразу банька вся засветилась: и стол появился, и лавки, и постель, и еда... Все что надо. Опять батрак от изумления рот разинул. «Ну и чудесница!» — думает про себя. И стали они жить счастливо, но не долго в покое пожили. Увидели люди, что у мужика такая жена красивая, захотели выслужиться, пошли к пану: «Так, мол, и так, вельможный пане, появился в селе мужик с паненкой, живут как муж с женой. Куда ему, мужику, такая женка? Она, видимо, настоящая паненка, молодая, пригожая, а он, известно, мужик. Куда она ему? Вот если бы пану...»

А пан в той местности был рябой, некрасивый, да слишком падкий до женского пола. Под вечер пошел он на село, будто на прогулку, а сам подошел к баньке, посмотрел в щелочку, видит—и правда паненка очень красивая, а мужичок совсем невзрачный. Вошел в баньку.

— Что вы за люди? — спрашивает. — Откуда вы?

— Он, — отвечает паненка, — мой муж богоданный, а я его женка.

— Вот как... Муж богоданный... Знаем мы такие штуки... Говори ты, мужик, откуда взял эту паненку? — крикнул пан.

— Бог дал, паночек! — говорит батрак.

— Вы, наверно, беглые, — кричит пан. И приказал отвести их к себе в имение. Повели их, бедных. Плачет мужик, а паненка его утешает:

— Не плачь, ничего он нам не сделает, перетерпим, — без горя и добра не будет.

Заперли их в амбаре, стерегут, чтобы не убежали.

Пан мужа муштрует, а к жене подбирается. Но не на такую напал.

— Я, — говорит, — мужняя жена, хоть ты меня режь, а на грех не собьешь.

И задумал пан мужика со свету сжить, чтобы легче было до жены добраться. Придумал он задать батраку задачу.

— Добудь мне, — говорит, — такую собачку, что, если в хвостик ей подуешь-заиграешь, всякий пойдет плясать. Пока не добудешь, домой не возвращайся, засеку!

Пришел батрак к жене и плачет.

— Чего ты плачешь? — спрашивает она у него.

— Задал мне пан задачу — найти такую собачку, что, если в хвостик подуешь-заиграешь, все плясать пойдут. Идти такую

собачку искать, значит к тебе не вернуться. Где я возьму такую?

— Не плачь,— говорит жена богоданная,— я тебе помогу, посоветую, найдешь ты такую собачку и домой вернешься, цел будешь, а пан мне ничего не сделает. Ложись спать, а завтра собирайся в дорогу.

Пужинали они, легли спать, выспались. На другой день жена и говорит своему мужу:

— Вот тебе мой платочек, и вот тебе мой перстенок. Перстенок надень на палец, платочек держи в руках. Иди той дорогой, которой сюда пришел, подойди к тому кресту, где меня повстречал, дерни за ту веревку, которая на кресте висит, дерни три раза. Спустился по веревке лукошко, садись в то лукошко, снова дерни три раза веревку, и ты очутишься на том свете. Посмотришь — кругом огонь горит, грешники поджариваются, — это пекло. Иди прямо на огонь, платочком взмахни — огонь перед тобой расступится, а ты все иди прямо. Жарко тебе будет, платочком обтирайся. Пройдешь пекло, раскинется перед тобой поле ровное-ровное, широкое-широкое. На этом поле встретишь людей — ни с кем не разговаривай. Перейдешь поле, очутишься в большом саду, увидишь много ворот, стукни в ворота, выйдут тебе навстречу мои сестры. Ты скажи им: «Послала меня к вам моя женка богоданная, просила дать мне такую собачку, что, если ей в хвостик подуешь-заиграешь, все плясать начнут». Ежели сестры сомневаться станут, покажи им мой перстенок. Они дадут тебе собачку, спрячь ее за пазуху и тем же путем-дорогой иди обратно. Подойдешь к лукошку, сядь в него и спускайся на землю. Ну, будь здоров и иди с богом.

Простился муж богоданный с женой и пошел искать чудесную собачку. Сделал так, как жена ему велела, поднялся на тот свет, оглянулся — кругом смоляные реки текут, кипом-кипят, огнем горят, высоко-высоко пламя поднимается. Куда ни пойдешь — к огню придешь. Пошел батрак прямо, куда глаза глянули. Чем ближе к пеклу подходит, тем жарче становится. Оботрется платочком — прохладу почувствует. В пекле плач, крики, стоны, словно буря в лесу воеет. Взмахнул батрак перед собой платочком, огонь расступился, дорога открылась, а по сторонам словно стены огонь стоит. Пошел батрак по огненной дороге, обтирается платочком, чтобы не было жарко. Вышел в поле, раскинулось оно широко-широко. Люди по полю молча слоняются, батрак тоже ничего не говорит им, ни плохого, ни хорошего. Подошел к саду, конца-краю тому саду нет, а в ограде ворот много — не сосчитать, в саду поют, играют, как на свадьбе. Подошел батрак к одним воротам, стукнул, и ворота сами распахнулись. За воротами паненки, много их, и все такие пригожие, как его жена.

— Здравствуйте,— говорит батрак,— прислала меня к вам моя женка богоданная, чтобы вы дали мне такую собачку, что, если в хвостик подуешь-заиграешь, все кругом запляшут. А вот

вам и знак верный, что не обманываю вас.— И показал им перстенек.

Побежала одна из паненок в глубь сада, принесла собачку и отдала батраку.

— Кланяйся,— говорит,— сестре!

Ворота закрылись. Батрак сел возле ограды, отдохнул немного. А сердце поет: «Надо к жене поспешить». Тем же путем, каким в сад пришел, вернулся батрак обратно на землю. Остановился на перепутье под крестом, дай, думает, взгляну на свою волшебную собачку. Достал ее из-за пазухи, осмотрел и решил попробовать, как диковинная собачка играть может. «А вдруг меня обманули, и собачка не такая волшебная, как пан требует? Тогда хоть домой не возвращайся!» Видит батрак, подъезжают к перекрестку какие-то люди. Подул он, заиграла собачка и пошли прохожие и проезжие плясать; пляшут, трясутся, без конца припевают:

Ой не сам я трясусь —
Меня черти трясут;
Молодые чертенятки
Подкидывают... Ух-я! Ух-я!

Поют, пляшут, остановиться не могут. Пляшут люди, пляшут лошади. Поблизости пастух пас стадо. Услыхали музыку и в пляс пустились и пастух, и свиньи, и овечки... И плясали они до тех пор, пока батрак не перестал играть. Перестал он играть, и плясуны остановились. Уморились, устали, а на душе у всех весело. Были среди проезжих и богатые купцы. Поблагодарили они батрака за музыку и дали ему гостинец — большой красивый платок. Рад батрак: есть что жене подарить. Воротился он наконец к жене, поздоровался с ней, платок из-за пазухи вынимает.

— Я тебе, моя женушка, и гостинец принес... Добрых людей по дороге встретил, купцов проезжих... Я им поиграл, а они мне платок дали. Вот возьми... Глянь, какой мягкий, красивый...

— Спасибо тебе, что ты обо мне не забыл. А пан и не ждал, что ты вернешься. Пообедай и ступай к нему.

Пошел батрак к пану.

— Вернулся все-таки? — удивился пан.— А где же твоя собачка?

— Принес тебе собачку, пане! — проговорил батрак, доставая из-за пазухи собачку.

— Вот как... принес... Ну-ка, заиграй, посмотрим, такая ли это собачка.

Заиграл батрак, и пошел пан плясать; пляшет, припевает:

Ой не сам я трясусь —
Меня черти трясут;
Молодые чертенятки
Подкидывают... Ух-я! Ух-я!

Войдет кто-нибудь из дворовых в панские покои — тут же в пляс пускается. Уморил батрак всех, замучил, многие на землю

попадали и то не унимаются: ногами дрыгают. До тех пор плясали, пока играл батрак. Очухался немного пан, отдохнул.

— Поддай сюда,— кричит,— собачку!

Отдал батрак пану собачку, а тот схватил диковинку и приказал батрака запереть в погреб, а сам начал думать, как сделать, чтобы батрацкая жена податливей стала. Но понапрасну пан беспокоился: к ней и подступиться невозможно. Пан даже жениться на ней обещал. «Барыней, говорит, станешь». А красотка отвечает пану:

— Как я за тебя замуж пойду, коли ты старый такой, рябой, некрасивый, а я такая молодая. Если ты уж хочешь меня женой иметь, помолодей немного, похорошей.

— Как же я помолодею. Нет на это никакого способа.

— Есть способ, я его знаю! — отвечает жена богоданная.

Кто же не хочет быть молодым? Захотелось и пану помолодеть. Велела ему жена батрака поставить котел среди двора, разложить под котлом огонь и кипятить воду.

— Лезь,— говорит она пану,— в котел, окунись три раза, и сразу помолодеешь.

— Что ты,— кричит пан,— сварить меня хочешь? Как раз, полезу, жди... Ты сначала своего мужа-хама отправь в котел, если ты такая умная. А я после...

— Пусть сначала лезет мой муж, если ты не хочешь быть молодым. Сам потом пожалеешь...

Послал пан своих слуг за батраком. Привели его из погреба. Стоит он, трясется, не знает, что с ним будут делать.

— Лезь в котел,— говорит ему пан,— молодым станешь. Жена твоя богоданная приготовила для меня эту баню. Попробуй сунься сначала ты...

Заплакал батрак.

— Лезь, не бойся,— говорит ему жена,— будешь здоров и невредим.— Дала она ему в руку свой перстенок. Бросился батрак в котел, три раза окунулся в кипящую воду и выскочил из котла таким молодым, пригожим, что налюбоваться невозможно. Зависть одолела пана. Бросился и он в котел, а вылезти обратно не может. Так и сварился в котле. Поганые останки его собакам выбросили.

НАРЕЧЕННЫЙ ОТЕЦ

Остались без отца, без матери три брата. И не было у них ни кола ни двора. Вот и пошли они по белу свету счастья искать. Идут и все думают: «Вот бы посчастливилось к хорошим людям в работники наняться?» А тут как раз старичок навстречу попался, седенький такой.

— Куда, детки, путь держите?

— В работники наниматься идем.
— А разве своего хозяйства нет?
— Нет, — отвечают братья. — Если б хороший человек в работники нанял, мы честно трудились бы, слушались его, как дети родные.

Подумал старик и говорит:

— Ладно. Будьте моими сыновьями. Только слушайтесь, тогда я вас научу, как на белом свете по правде жить — без лжи, без обмана.

Согласились братья. Пошли за ним. Идут, идут, глядь среди вишневого сада хатка стоит. Нарядная такая. Цветы вокруг цветут. Выбежала на крыльцо девушка. Пригожая, красивая. Взглянул на нее старший брат.

— Ох, если б мне красавицу эту, да быков пару, да корову — хорошо было бы!

Отец нареченный поглядел на него и говорит:

— Хорошо, сынок. Будет у тебя невеста. Будут быки и корова. Живи себе счастливо, но правду не забывай.

Сосватали они девушку. Свадьбу сыграли. И старший брат остался хозяйствовать в своей хатке.

А старик с младшими сыновьями дальше пошел. Идут, идут. Опять у дороги хорошенькая хатка стоит. Около нее мельница крыльями машет. А у хатки девушка сидит, что-то вяжет. Работящая, видно. Взглянул на нее средний брат.

— Ох, если б она за меня замуж вышла да мельницу в приданое дали! Я бы мельником стал, всегда хлеба было бы много.

А дед ему и говорит:

— Ладно, сынок, быть по-твоему.

Вошли они в хату. Сосватали девушку. Свадьбу сыграли. Оставил дед сына жить в приймах.

— Ну, сынок, будь счастлив, но гляди правду не забывай.

И пошли старик с младшим сыном дальше. Идут, идут и видят: хатка стоит убогая такая. Вышла девушка, красавица писаная. А в хатке насквозь дыры светятся. Меньшой брат взглянул на девушку:

— Ох, если б она за меня замуж вышла! Работали б мы дружно, хлеб добывали и о бедных никогда не забывали: всем бы с ними делились.

Взглянул старик на него.

— Ладно, сынок, быть по-твоему. Только гляди ж о правде не забывай!

Женил старик и этого сына и пошел по белу свету.

Живут братья, поживают, добра наживают. Старший разбогател, каменные хоромы выстроил, деньги в кубышку складывает да только о том и заботится, чтобы червонцев побольше накопить. Был он скупой и жадный, бедным никогда не помогал.

Средний брат тоже стал богатым. Сам лежал на боку, ел, да пил, да на людей покрикивал, что за кусок хлеба на него работали.

Меньшой брат жил бедно. Но о других бедняках не забывал, всегда с людьми последними крохами делился.

А старик все ходил и ходил по миру. Долго ходил. Весь белый свет обошел и решил сыновей проведать, узнать, не забыли ли они о правде. Прикинулся убогим и пошел к старшему сыну. И увидел старшего брата на дворе. Такой важный, не узнать даже. Кланяется ему старик.

— Сжался, человеке, над убогим: подай милостыню.

Старший сын глянул на него сердито.

— Вот еще убогий нашелся! Работать надо. Я сам недавно из нужды выбился...

А у него добра было видимо-невидимо. Хоромы каменные, в сараях скота, в амбарах хлеба полным-полно. В клетях добра всякого напихано. А денег и не счесть... И все ж не подал старцу.

Поглядел дед и пошел дальше. Шел, шел. Прошел с версту, оглянулся на хоромы богатые, и запыхался. Так и пошло пражом все добро, чужим трудом нажитое.

Пошел старик к среднему сыну. Видит: мельница крыльями машет, хозяин сидит, вокруг поглядывает. Старик подошел, поклонился.

— Подай бедняку мучки горсточку, добрый человек. Калека я. Голодный. Не могу сам работать.

— Я еще себе не намолот. Много вас таких шляется. Ступай себе подобру-поздорову...

Ушел старик. Отошел подальше, оглянулся, и вдруг запылало все пламенем... Сгорело и добро среднего сына.

Пошел старик дальше. Шел, шел и пришел во двор к младшему сыну. Видит, живет он бедно. Хатка маленькая, но чистенькая. Белизной на солнышке светится. Подошел к хатке, оборванный такой, жалкий.

— Подайте хлеба старцу убогому.

Младший сын взглянул на него и сказал ласково:

— Иди, дед, в хату. Там ты поешь и с собой на дорогу возьмишь.

Вошел старик в хатку, стал у порога. Увидела хозяйка, что он такой убогий, пожалела его. Посадила на скамью, принесла штаны, рубашку. Стал старик переодеваться, и тут она на груди у него увидела большую рану. Сказала об этом мужу.

Усадили они старика за стол, накормили его, напоили. Потом младший сын спрашивает:

— Скажи-ка, дед, отчего у тебя рана на груди такая?

— От нее я скоро умру. Жить мне только один день осталось...

— Ох, беда! — вскрикнула хозяйка. — Нет ли таких лекарств, чтоб рану твою залечить?

— Есть, — ответил старик. — Но лекарства этого никто не даст, хотя каждый дать может...

Младший сын опять спрашивает:

— Почему ж не дать? Лишь бы было. Говори, дедуся, какое лекарство нужно?

— А вот какое: если хозяин подожжет свой дом и все сгорит, тогда надо взять пепел и посыпать им рану. Заживет она быстро. Но разве найдется такой человек, чтоб дом свой сжег ради другого человека?

Задумался младший сын. Долго думал. Потом обернулся к жене и спрашивает:

— Как думаешь?

— Да так и думаю: хату другую построим, а хороший человек умрет — не вернешь.

— Ну, если так, выноси побыстрей детей.

Вынесли детей, сами вышли. Поглядел хозяин на хатку: жалко стало добра, трудом нажитого. Потом взглянул на деда: еще жалче стало его, старенького. И тут он быстро поджег хатку. Мигом все пламенем охватило, и хатки как не бывало. Вдруг на месте хатки дом вырос, да такой большой, красивый.

Старик стоит рядом с младшим сыном, в бороду ухмыляется.

— Вижу, сынок, что из вас троих только ты правду любишь. Живи счастливо!

Тут младший сын узнал в нем отца нареченного, кинулся к нему обласкать, а того и след простыл. Исчез, будто его и не было.

ЛЮБОПЫТНАЯ ЖЕНА

Жили-были дед и баба, и был у них один сын. Вырос он, а работать в поле не хотел, только все ходил по лесу да бил гадюк. Всех перебил. Нечего уже бить.

Однажды пошел он в лес, нашел большого ужа и хотел его убить. А уж и говорит:

— Не бей меня, ты меня не убьешь, а лучше послушай, что я тебе скажу: под этим кустом осталось еще три гадюки. Иди подслушай, о чем они говорят, а потом расскажешь мне.

Он пошел и слушает.

— Надо укусить его, не то он и нас убьет.

— Только его нужно укусить выше сердца, а то он вылечится, — добавила другая.

Вернулся молодец к ужю и говорит:

— Собираются меня укусить.

— Иди еще послушай, о чем они говорят.

Пошел он еще.

— Его можно укусить на поляне, когда придет он за рожью.

А другая:

— Я залезу в копну. Как только он приедет и начнет брать, я его укушу за руку выше сердца.

Вернулся молодец обратно и обо всем рассказал ужу.

А уж говорит:

— Я тебя научу, что надо делать! Не жалей копны, а привези еще воза три соломы, обложи ею копну и подожги. А сам встань с палкой. Как только из огня будет что вылетать, ты сразу же бей палкой и бросай обратно в огонь. По-всякому гадюка будет оборачиваться и выскакивать из огня, а как обернется девушкой и кинется к тебе, бери ее за руки и веди домой.

Отвез он три воза соломы, обложил ею копну и поджег, а сам взял в руки палку и встал около горящей копны. И что только ни вылетало из огня — он бил палкой и бросал обратно в огонь.

Вот она кидалась, кидалась из огня, обернулась девушкой и говорит:

— Я твоя, а ты мой.

Молодец взял ее за руку и повез домой.

Привез и говорит отцу:

— Найдем ее в работницы.

А отец, ничего не зная, говорит:

— Ну что ж, найдем, пусть поработает.

Да и наняли. С тех пор зажили они счастливо и скоро разбогатели.

Однажды отец говорит:

— Ну, сынок, женись на этой девице!

— Ладно, женюсь!

Вот сговорился молодец с девицей, и поехали они к венцу.

Приехали они в церковь, встали под венец. Тут невеста и говорит своему жениху:

— Если ты когда-нибудь рассердишься на меня, ругай по-всякому, бей сколько хочешь, только не называй меня гадюкой, не то я умру.

Поженились они и зажили еще лучше. Прошел год или два. Как-то раз пошел он на все лето на заработки. Жена без него собрала большой урожай и заполнила все закрома, а одну полосу сжать не успела. Она повыбирала из колосьев все зёрна и насыпала полный дом. А солону решила оставить скоту. Скот и выгнали на солону.

Как раз мужик возвращался домой. Идет он и видит: не сжата его полоска, а на ней скотина пасется.

Рассердился он на жену:

— Вот гадюка, не могла сжать, а пустила скотину! Погоди же, приду домой, я тебе покажу!

Пришел домой, смотрит — жена стала гадюкой и лежит в углу. Понял мужик, что без всякой вины обругал ее, и горько заплакал.

— Плачь не плачь, а я все-таки умру. Возьми меня на лопату и неси в болото.

Занес он ее туда, а она ему говорит:

— Ты будешь счастлив, только как женишься, не говори правды жене, а то помрешь. Теперь срежь тростинку, один конец возьми себе в рот, а другой дай мне. Я дуну.

Срезал он тростинку, взял один конец к себе в рот, другой дал ей. Она как дунула, так он сразу стал все понимать: о чем говорит лес, огонь, вода, животные. Бросил мужик гадюку в болото и вернулся домой.

Прошло года два или три. Женился он второй раз и поехал с женою к тестю в гости. Едут они, а лошади говорят:

— Хорошо нашему хозяину жить, а будет еще лучше.

Он засмеялся, а жена спрашивает:

— Чего ты смеешься?

— Мало ли чего я смеюсь, — отвечает он.

Едут они лесом, а лес говорит:

— Весело жить этому человеку, а будет еще веселей!

Муж снова засмеялся, а жена снова пристает:

— Что ты смеешься?

Он ничего не ответил.

Только они приехали к тестю на двор, а добро говорит в клети:

— Весело жить нашему зятю, будет еще веселей!

Он опять засмеялся. Жена на него рассердилась, пошла в хату и пожаловалась отцу с матерью: муж ее все смеется, а чего смеется, не говорит.

А муж тем временем распряг лошадей, вошел в хату и видит: сидят они втроем да плачут.

— Чего вы плачете?

— Что это за жизнь у вас, почему ты жене правды не говоришь?

— Да мне же нельзя: коли я скажу правду, то умру.

— Хоть умри, а правду говори!

Думал он, думал, да и говорит:

— Ну, коли так, кладите меня на лавку под образа. Я скажу правду и умру.

Положили его под образа, на всякий случай зажгли свечу и держат. Только мужик хотел рассказать правду, как вдруг под печью петух запел:

— Дурак этот мужик! Я семь жен имею, и все меня слушают, а он с одной, да и то управиться не может. Пошел бы в клеть, взял бы плетъ да снял бы шкуру с плеч!

Соскочил мужик с лавки и говорит:

— Верно, дурак я!

Побежал он в клеть, взял плетъ да отстегал жену. Навсегда отбил у нее охоту любопытничать.

И теперь живут хорошо.

Стало мужику плохо жить.

— Пойду,— говорит,— утоплюсь.

Сидит старичок над рекой.

Полез мужик в воду.

— Зачем ты, мужичок, в воду лезешь?

— Не могу больше жить: дети с голоду умирают.

— Не лезь, мужичок, в воду: на тебе скатерть.

— А что же мне делать со скатертью?

— А ты скажи: «Развернись-раскатись, дай поесть и попить».

Скатерть тебя и напоит и накормит.

Взял мужик скатерть и пошел домой. Домой не дошел, заночевал. Зовет его старушка:

— Садись, мужичок, поужинай и спать ложись.

Когда мужик заснул, она его скатерть себе взяла, а ему дала простую. Приходит мужик домой.

— Ну, молись богу, хозяйка, да садись за стол: будем сыты и всем довольны.

Сели они за стол. Достал мужик скатерть.

— Скатерть моя возлюбленная, раскатись-развернись, дай нам поесть и попить.

А скатерть как лежала, так и лежит, ничего не дает: ни пить, ни есть.

Заплакали дети, сидя за столом с матерью. Жена и говорит:

— Мучитель ты мой, замучил ты меня!

Не выдержал мужик и в ответ:

— Прощай, жена, прощайте, детки, пойду утоплюсь.

Приходит мужик снова на прежнее место топиться. А старик говорит ему:

— Что ты задумал, мужичок, сам топишься, а дети с голоду умирают?! Не топись, вот тебе барашек.

— Что же я буду делать с барашком?

— А ты скажи: «Тряхнись, барашек»,— будет тебе золото, другой раз тряхнется — будет серебро, тряхнется третий раз — будут тебе бумажки.

— Благодарю, батюшка!

Поблагодарил его и пошел. Выходит на дорожку старушка.

— Иди ко мне на ночь: накормлю я тебя, напою и спать уложу.

Вошел он к ней. Дала ему старушка поужинать, уложила спать, а барашка подменила. Приносит мужик домой хозяйке барашка.

— Ну, слава богу, теперь будем с деньгами!

А она свое:

— Мучитель ты мой, замучил ты меня!

Уже совсем не верит ему. Поставил мужик барашка на стол.

— Тряхнись, барашек!

А он стоит, как стоял.

— Хозяйка, не плачь: пойду утоплюсь.

Приходит на то место, лезет в воду. Слышит голос:

— Зачем ты в воду лезешь?

— Дети с женой с голоду умирают.

— Не топись, мужик, на тебе черемшинку.

— Что же я буду делать с этой черемшинкой?

— Там, где ты заночуешь, скажи: «Черемшинка, развернись!»

Отдадут тебе и барашка и скатерть, хоть и будут они за двенадцатью замками, за двенадцатью дверями.

Опять идет мужик мимо старухи. Она его зовет:

— Заходи ко мне. Я тебя и накормлю, и напою, и спать уложу.

Лег он спать, а старуха положила ему простую черемшинку.

Встает мужик:

— Бабушка, это не моя черемшинка.

— Что ты, с ума спятил? Твоя.

А он свое:

— Нет, не моя!

И закричал мужик громким голосом:

— Черемшинка моя, раскатись-развернись!

Откуда ни возьмись двенадцать молодцев и давай замки и двери ломать; замки посбивали, двери разломали, стали эту бабу бить, били-били, чуть насмерть не убили.

— Батюшка, помилуй меня! — просит она мужика.

— Отдай мою скатерть, отдай моего барашка.

— Возьми, батюшка, возьми, отпусти только мою душу на покаяние: вот тебе барашек, вот тебе скатерть.

Мужик кричит:

— Свернись, черемшинка!

Отдала ему старуха скатерть и барашка. Приходит он домой, приносит и скатерть, и барашка, и черемшинку.

— Жива ли ты, хозяйка?

— Жива. Замучил ты меня, мучитель мой!

— Ну, садись, хозяйка! Теперь уж будем пить-гулять да погуливать.

Сели за стол.

— Скатерть моя возлюбленная, раскатись-развернись, дай поесть и попить.

Скатерть раскатилась-развернулась. Появились напитки и разные кушанья, чего только душа пожелает.

— Хочешь, денег тебе дам?

А она говорит:

— Если бы нам еще и денег, вовсе беды не знали бы.

Поставил он барашка. «Барашек, тряхнись!» Барашек тряхнулся раз — посыпалось золото, тряхнулся в другой раз — посыпалось серебро, в третий раз тряхнулся — посыпались бумажки.

— Ну, хозяйка, довольна ли ты мною?

— Довольна!

Доносят барину об этом.

— Ваш мужик гуляет-пирует, а вас уже и знать не желает.

— Иди-ка, староста, дай ему хорошенько!—говорит барин.

Обступили мужичка кругом.

— Выходи, Иван, на барщину.

— Зачем мне ходить? Не пойду я на барщину.

А сам пьет чай да вино, за столом посиживает. Староста приказывает:

— Мужики, вяжите его, скрутите в бараний рог!

А мужичок кричит: «Черемшинка, развернись!» Вскочили двенадцать молодцев, стали дворню трепать: кому руку, кому ногу сломали. А мужик командует:

— Старосте поддайте!

Как стали старосту бучить! Староста просит:

— Батюшка, помилуй ты меня, грешника! Не погоню я тебя вовек на барщину.

Мужик велит:

— Черемшинка, свернись! Ступай, староста, садись со мной рядом, будем пить и есть.

Дворню уж не приглашает, всех черемшинка покалечила.

— Не пойду, мужичок: боюсь я у тебя обедать.

— А не пойдешь ко мне, еще подсыпят.

Приезжает староста домой. Барин его спрашивает:

— Выгнал ты Ивана на барщину?

А староста отвечает:

— Вы, барин, сами попробуйте выгнать, а я нездоров: избили до смерти.

Барин кучеру кричит:

— Запрягай!

Приезжает к мужику сам барин.

— Иван, выходи на барщину!

— Зачем мне ходить?

— Как ты смеешь мне так отвечать?

— Барин, не боюсь я тебя!

— Ты меня не боишься? Да я тебя в колодки закую и в Сибирь отправлю.

— Не посмеешь, барин.

— Мужики, бери его, вяжи!

Только подступили к нему мужики, а Иван как закричит:

— Черемшинка моя, развернись-раскатысь!

Вскочили тут двенадцать молодцев, стали дворню бить: кому голову, кому руку оторвали.

— Барин,— говорит мужик,— иди ко мне обедать!

— Нет, Иван, боюсь я к тебе идти.

— Не бойся, барин, я тебя бить не буду, только ты мне вольную дай.

Пришел к нему барин.

— Откуда у тебя столько питья-еды?

А мужик ему:

— Пиши, барин, вольную!

Написал. Велел Иван скатерти накормить барина и говорит:

— Барин, не дать ли тебе за вольную денег?

— Возьму, если дашь.

Взял мужик барашка, поставил на стол. Тряхнулся барашек — вокруг золото, выше его самого. Барин взял деньги.

— Не надо ли тебе серебра?

— Не откажусь, коли дашь.

— Дай серебра барину, тряхнись!

Тряхнулся барашек — вокруг серебро.

— Забирай, барин! Ну, доволен ли ты, барин?

— Благодарю тебя, Иван.

— Еще прибавлю! Дай, барашек, барину бумажек!

Барашек тряхнулся — вокруг гора денежных бумажек.

— Что, барин, довольно ли тебе денег?

— Благодарю тебя, Иван, за деньги трижды. Кучер, подавай лошадей, поедем домой.

А мужик ему:

— Нет, барин, будем еще гулять, потом уж лошадей потребуешь.

И гулял там барин с мужиком трое суток. Попрощался потом он с Иваном и поехал домой.

И я там был, и мне на табак попало.

КАТИГОРОШИНКА

Жили купец с купчихой, и было у них два сына да красавица дочка.

Накупил купец на все свои деньги разного товару и поплыл торговать за море. Вдруг откуда ни возьмись налетела буря, и купец потонул со всем своим добром.

Сильно печалилась и убивалась по мужу купчиха. Но не успела она оправиться от одной беды, а уж у ворот стучалась другая.

Как-то раз, среди бела дня, когда дети ее бегали в своем саду за каменной стеною, неожиданно-негаданно прилетел лютый змей Шкурупей; не успели братья опомниться, как он унес в темные облака их милую сестрицу.

Все глаза выплакала купчиха, чуть не ослепла с горя. А братья пустились в путь-дорогу за сестрой.

Плохо жила без сыновей купчиха, совсем обеднела, сама по воду ходила.

Три года минуло, как уехали сыновья, а о них ни слуху ни духу.

Вот как-то раз идет купчиха с полными ведрами, сильно при-
томилась, остановилась дух перевести.

«Вот до чего дожила!» — И глаза ее от горя и кручины наполнились слезами.

Выкатилась тут из глаза одна слезинка, канула в ведро и в ту же минуту превратилась в белую отборную горошину. Так приглянулась эта горошина купчихе, что та проглотила ее и тут же забеременела, сама не зная, как и почему.

Родился у купчихи мальчик, всем на диво здоровый и красивый.

Принесли его к попу крестить, а тот упирается.

— Не поверю, — говорит, — чтобы такой здоровенный малец родился у старухи.

Через несколько дней поп сам наведалься к купчихе. Та ему все рассказала, ничего не утаила.

Поп мальчика окрестил и назвал его Катигорошинкой.

Не по дням, а по часам, даже, вернее сказать, по минутам, рос Катигорошинка, хорошо учился и вскоре стал читать и писать не только лучше всех учеников, но и лучше самих учителей. Товарищам стало завидно. Вот один из них возьми да и назови Катигорошинку улюбодком.

Обидным показалось это Катигорошинке, побежал он к матери, стал ей жаловаться и выпрашивать ее об отце.

Мать рассказала ему все по порядку, и когда услышал он о том, что сестру его украл змей, он тут же попросил:

— Благословите меня, матушка, в путь-дорогу!

— Куда же ты хочешь идти, сынок, последняя моя радость и утешение?

— За сестрой! И не удерживайте вы меня, матушка; я все равно пойду!

Дала ему мать на дорогу свое родительское благословение да стальную иголку в придачу.

Пошел сперва Катигорошинка к кузнецу:

— Перекуй ты мне эту иголку на посошок!

Катигорошинка как подбросит посошок этот да как подставит ладонь, так посошок и сплюснулся, а было в нем весу двадцать пять пудов.

Перековал кузнец посошок наново, а тот как о богатырское колено ударился, так и переломился надвое.

И только на третий раз вышел добрый посошок: как запустил его Катигорошинка под самые облака, тот аж засвистел и упал ему прямо на голову, однако ж остался цел. Цела осталась и голова, только волосы на ней чуть шевельнулись.

— Вот этот посошок мне по руке! — сказал богатырь и пустился в путь-дорогу.

Доходит он до широкой равнины; на ней табунщик лошадей стережет. Увидел он Катигорошинку и давай кричать:

— Не ходи, не ходи; на верхней дороге тебя жеребец затопчет!

А тот все идет да идет. Как только жеребец на него набросился, Катигорошинка изловчился, схватил его за хвост, ударил оземь и сразу содрал с него шкуру.

— Вот ты меня своей лошадыю страшал, а теперь ее шкуркой полюбуйся!

Плачет табульник: мол, погубит его теперь хозяин — змей Шкурупей! А Катигорошинка как услышал о Шкурупее, обрадовался, что на след попал, и пошел к змею. Ободрал по дороге быка-бодуна, а за быком тем же манером и барана.

Приходит к озеру, у озера стоит могучий дуб, а под дубом сидит человек-великан.

— Какого ты роду-племени, — спрашивает великан, — и куда путь держишь?

— Зовусь я Катигорошинкой, а иду к змею Шкурупю. Покажи мне к нему дорогу.

— Пятьдесят лет я озеро своего господина стерегу, змея Шкурупя, и никому еще не поздоровилось, кто со мною в бой вступал. И тебе, молодец, не быть живу, если дальше пойдешь. Сюда, к озеру, а потом ко дворцу, вон там виднеется на горе, прилетает сам мой хозяин, лютый змей Шкурупей. Он на два аршина воды выпивает и на аршин земли поедает. Он крепко-накрепко наказал мне никого к нему во дворец не допускать.

Схватился тут Катигорошинка с великаном, убил его и пошел к Шкурупю во дворец.

Во дворце у окна сидела купчихина дочка, скучная-прескучная. Как увидела она человека, удивилась и сильно обрадовалась.

Катигорошинка снял шапку, положил себе на голову письмоцо от матери и стал перед окном на колени.

Сестра взяла письмоцо, прочитала его несколько раз, но все не могла поверить, что Катигорошинка ее брат. Тогда только поверила, когда он в дом вошел: заметила, что он, как две капли воды, на маменьку похож.

— Пожалей ты себя, Катигорошинка, уйди отсюда, пока еще жив, ведь братья твои здесь уже жизнь загубили...

— Нет! Не за тем я сюда пришел, чтобы ни с чем уйти, и, пожалуйста, сестрица, не сомневайтесь: я-то со злодеем справлюсь!..

Спрятала сестра своего брата, как только могла. А тут летит змей Шкурупей, обернулся человеком и стал красивым стройным молодцем.

— Что это у нас тут русским духом пахнет? — говорит змей.

— Это сам ты по Руси налетался, русского духа набрался! А Катигорошинка не стерпел и закричал змею:

— Это я пришел к тебе в гости!

— А, это ты, Катигорошинка... Ну-ка иди, покажись мне на глаза!..

Вошел Катигорошинка в комнату со своим посошком.

— Эй, подать нам обедать! — приказывает слугам Шкурупей.

Все кушанья были приготовлены как подобает, только напоследок Шкурупей взял себе миску с железными, медными да чугунными орехами. Шкурупей так разгрызал их, что они только поскрипывали у него на зубах, а сам искоса поглядывал на Катигорошинку: дескать, испугался ли он?

— Видишь, как я орехи грызу?

— Вижу. А мне-то что? Грызи себе.

— Ну так пойдем в поле померяемся силами.

Пришли в поле.

— Готовь себе ток для боя!

— Для меня и так годится.

Шкурупей стал дуть, и земля под ним сделалась медная, так что и следов на ней не стало видно.

Катигорошинка бьется посошком, а Шкурупей руками и ногами. Устал змей и просит на три дня передышки. Катигорошинка же дает ему передышку только на три часа, да с тем еще, чтобы тот указал, куда он подевал его братьев.

А Шкурупей не хочет показывать, словно бы и не знает. Потом все же ведет Катигорошинку в сад, а тот держит его за горло, чтобы не сбежал.

У огромной дубовой колоды видит Катигорошинка своих братьев мертвыми: волосы их втиснуты в расщеп колоды,— видно, долго томились бедняги, пока их бог не прибрал.

— Оживи моих братьев, не то тут же тебя прикончу!

— Позволь мне, Катигорошинка, сперва принести из дому две бутылки.

Катигорошинка сам идет с ним и все за горло держит.

Достал змей бутылки и хотел отхлебнуть из одной, уже и ко рту поднес.

— Нет, дай мне сперва попробовать! — говорит Катигорошинка.

Как напился он волшебной воды, так сразу и почувствовал в себе еще больше силы, чем прежде, и хотел было убить змея за хитрость.

Снова подошли они к мертвецам и брызнули на них сперва мертвой водой. Те стали как живые, только что не дышали. А чуть брызнули на них из другой бутылки, братья сразу ожили и, думая, что это Шкурупей их от смерти избавил, стали перед ним на колени и давай его благодарить. Обидным показалось Катигорошинке, что братья своему же злодею кланяются, и прикончил он змея своим посошком.

Обрадовались сестра и братья и пустились вместе с Катигорошинкой в путь-дорогу.

Остановились они передохнуть в зеленой долине, у озера, под тем самым дубом, где раньше сидел человек-великан.

Настала ночь.

— Я не могу идти дальше! — говорит братьям Катигорошинка,— сон одолевает. Я сосну малость здесь, под дубом, присло-

нюсь к нему, обопрусь на свой посошок. Только сплю я не по-вашему, крепко, а потому, когда придет время трогаться в дорогу, выбейте у меня из рук посошок,— я тотчас и проснусь.

Не успел он договорить, как уже заснул богатырским сном.

Братья же стали меж собой совет держать, как от Катигорошинки избавиться, потому что завидовали его силе, храбрости и удаче.

— Взялся невесть откуда человек и на тебе, ни с того, ни с сего прославился! Не может того быть, чтобы он нам братом приходился; маменька наша уже в таком возрасте, что даже невозможно и подумать, чтобы у нее дети родились. Убьем-ка его! Но только с одного маху его, пожалуй, не прикончишь — проснется, и тогда уж нам несдобровать. Вот что: сплетем-ка мы волосяной канат, свяжем Катигорошинку по рукам и ногам да прикрутим к этому дубу. Сам он не освободится и помрет голодной смертью.

Обкрутили братья Катигорошинку канатом, привязали к дубу, а сестре строго-настрого велели молчать.

Вернулись старшие братья с сестрой домой, к матери, и похваляются, что одолели змея и сестру из неволи вызволили.

Стала их мать о Катигорошинке расспрашивать, а они будто и знать не знают и ведать не ведают.

Катигорошинка пробудился и говорит:

— Ну, и долго же я спал!

Хотел было встать, да почувствовал, что привязан, потянулся — задрожал дуб, а как выпрямился — дуб и вырвал из земли и пошел домой, волоча дерево за собою.

Сильно обрадовалась мать, увидав своего любимого сыночка, а братья перепугались и попрятались кто куда.

— Выходите, кайтесь да развяжите меня! А не выйдете — хуже будет!

Те вышли и развязали его.

— Ну, ладно уж, прощаю вам на радостях первую и последнюю вину!

После этого жили хорошо. Катигорошинку же почитали за старшего.

ПРО ИВАНА-ДУРАКА, ПРО ЛЕТУЧЕГО СТАРИКА И ПРО ЛУКАВУЮ КОРОЛЕВНУ

Жил на свете мужик, и было у него три сына. Два сына умных, а третий поглупей.

Раз отец и говорит сыну, тому, который считался у них поглупей:

— Хоть бы ты, сынок, сходил где-нибудь бугорок присмотрел, мы бы репу посеяли малым ребятам, ну, да и ты сам при случае репку съел бы!..

— А и то схожу, батюшка, правду вы сказали!

Соскочил долой с печи и так прямо босой и без топора в лес и побежал. Выбрал в лесу подходящее место для вырубki, побольше десятины. А парень он был очень сильный, что твой богатырь, и взялся он деревья голыми руками с корнями вырывать. Трое суток там прожил и домой не ходил. На четвертые сутки приходит домой и говорит отцу:

— Поезжай, батюшка, в город да купи репы целый куль: будем мы с вами сеять.

— Сперва надо лес выжечь и расчистить место,— отвечает ему отец,— а кулем-то репы целую десятину засеять можно.

Сын на это говорит:

— Вы сходите посмотрите: как раз целая десятina под посев пригoтовлена.

Отец очень удивился и просит:

— Сведи ты меня, сынок, на то место!

Пошли сын с отцом на вырубку. Пришли, отец только руками развел да головой покачал и спрашивает сына:

— Как же ты это умудрился? Тут и вправду целый куль репы надобен!

Поехал отец в город, купил куль репы и привез домой. Пошли они с этим сыном репу сеять. Отец сеет, а сын лежит да приговаривает:

— Расти, репа, с каретное колесо!..

Посадили всю репу и вернулись домой.

Дня этак через три или четыре говорит сын отцу:

— Надо бы, батюшка, сходить репу посмотреть, не таскает ли ее кто-нибудь!

— Ох, и глупый же ты, сынок, репа-то еще ни у кого не всходила!

Неделю спустя сын снова говорит отцу:

— Надо, батюшка, посмотреть репу, я уж и во сне видел, что кто-то ее таскает.

— Ладно,— говорит отец, — схожу посмотрю.

Приходит отец к репе, а там уж две большие кучи ботвы лежат. Вернулся он домой и говорит:

— Сынок! А ведь уж кто-то ест нашу репу: там две кучи ботвы лежат.

Сын заплакал с досады да и говорит:

— Вот ведь я давно тебя посылал!..

И побежал поскорее к репе, глядит -- и верно, две кучи ботвы натасканы. Взял он вытащил репину да на плечо. Принес домой, а репина в дверь хаты не входит: косая сажень с лишком. Он взял порубил ее на мелкие куски и в хату побросал.

Подходит дело к ночи. Отец и велит старшему сыну:

— Ступай репу караулить, погляди, кто ее таскает!

А сын думает себе: «Куда я пойду? Ее, может, какое страшнoе таскает. Тут мне и смерть».

Пошел на сеновал, переночевал и, придя домой, говорит отцу:

— Никого я не видал!

Приходит другая ночь. Посылает отец второго сына караулить репу. И этот побоялся этакой страсти и говорит себе: «Никогда я не пойду!..»

Проспал он всю ночь на чужом сеновале, а чуть свет воротился домой и говорит:

— Никого я не видал!

Вот приходит третья ночь. Отец посылает того сына, с которым репу сеяли:

— Теперь, сынок, твой черед идти!

А тот отвечает:

— Уж я и сам вижу, что мне приходится идти: сам я лес корчевал, сам с тобою репу сеял, сам и в караул пойду.

Завернул он в кузницу, выковал себе железную палку в полпуда весом и пошел на то место, где репа посеяна.

Сидит, вора поджидает. Пришла полночь. Зашумел сильный ветер, даже деревья затрещали и земля задрожала, прилетело огромное чудовище-старик — и прямо на репу. Вытащит репину, ботву оторвет и в кучу бросит, а репа только на зубах хрустит! А Иван все смотрит. Жалко стало ему репы, распалилось его сердце, выскочил он да как хватит старика своей палкой промеж крыльев да по голове. Тот только крикнул, поднялся и полетел, а Иван за ним вдогонку и знай дубасит палкой.

Летел, летел старик и прилетел в свою хату. Лег на полати — голову в угол, нос на крюк, а Иван его все бьет да бьет.

Взмолился старик:

— Не бей меня: я тебе кое-что дам!

— А что ты мне дашь?

— На вот тебе быка да барана.

— На что они мне?

— А вот когда случится тебе быть на чужой стороне и убьют тебя там, то баран станет блеять, а бык реветь, вот дома и узнают, что тебя на свете нет.

Тут Иван снова взялся за палку.

— Не бей меня: я тебе еще что-то дам.

— А что ты мне дашь?

— На вот, держи пузырек.

— А для чего?

— Ты повесь его где-нибудь в особом месте, на железном крюке. Когда тебя убьют, пузырек сразу кровью нальется. Тогда пусть выпустят из хлева барана с быком: они тебя оживят.

А Иван снова за палку и давай бить старика пуще прежнего.

— Не бей меня, — просит старик, — я тебе еще дам!

— А что ты мне дашь?

Он вынимает камень и огниво.

— Да зачем они мне?

— А ты попробуй высечь огонь, так вместо искр посыплется

несметная сила: и конница, и пехота, и все богатыри один в одного!

Как ударил Иван об камень огнивом три раза, глядь — а уж комната полным-полна молодцов-солдат да все с саблями и с ружьями.

— Что прикажете делать? — спрашивают они Ивана.

— Изрубите этого старика на мелкие кусочки!

Взяли они изрубили чудовище на мелкие кусочки и в яму закопали.

Спрятал Иван камень и огниво в карман; тут же попрятались и все солдаты. И погнал Иван домой, к отцу, быка и барана.

Приходит он домой, отдает отцу из рук в руки пузырек и говорит ему:

— Батюшка, прощайте, я теперь с вами жить не буду. Кормите моего быка да барана. А в случае, если станет бык реветь, а баран блеять, посмотрите на этот пузырек — есть ли в нем кровь. Коли кровь увидите, то знайте, что нет меня в живых. Тогда выпускайте поскорее из хлева быка и барана!

Попрошался и ушел.

Долго ли, коротко ли шел, а пришел в одно королевство, прямо в столицу, а в ней все жители в черном трауре ходят и в печали плачут.

Иван и спрашивает у одного старика:

— Что это у вас такое? Что за печаль в вашем королевстве?

— Да вот приехал неприятель и сватается к дочери нашего короля, а королевна не согласна за него идти, да и отец отдать ее не согласен. А неприятель грозит нашему королю: «Коли ты не отдашь свою дочь за меня, все твоё войско побью, город сожгу, а дочь твою силой возьму».

Отвечает старику Иван:

— Доложи своему королю, что я берусь всю вражью силу побить, защитить его королевство!

Тот идет, докладывает королю: так, мол, и так, там какой-то прохожий хвалится, что защитит твоё королевство и всю вражью силу побьет.

Король приказывает:

— Привести его сюда!

Приходит старик к Ивану и говорит:

— Желает тебя король видеть, ступай к нему, пожалуйста.

Тот встречает Ивана с почестями, со славой, с барабанным боем, сажает его рядом с собою и спрашивает:

— Правда ли, что ты берешься защитить мою столицу от неприятеля?

— Правда!

— Великую награду я тому даю, кто за меня заступится.

— А что за награда?

— А какую бы ты хотел?

— Дочь вашу хочу взять за себя замуж.

— С великим удовольствием отдам, только заступись!

— Тогда пишите тому королю,— говорит Иван,— чтобы завтра в девятом часу на войну выезжал!

А уж король со своим войском стоит у самого города.

Выезжает тот король в девятом часу, Иван тоже отправляется. Говорит король Ивану:

— Ты бери себе мое войско, все, сколько есть.

— Не надо мне твоего войска,— отвечает Иван,— я и один управлюсь!

Отправился Иван на сражение, стал бить огнивом о камень, и посыпалась вокруг него сила несметная — конница да пехота. Двое суток бились его богатыри с врагами: побил и потоптал Иван все их войско; тот король чуть живой ноги унес.

После этого воротился Иван в столицу. Король поблагодарил Ивана за службу и говорит:

— Тебе по сердцу моя дочь?

— Да, по сердцу.

— Ну так за великую услугу твою отдаю ее за тебя замуж!

Обвенчались они и стали вместе жить.

После того, около месяца спустя, спрашивает молодая мужа:

— Скажи, друг сердечный, как ты вражье войско побил? Поехал ты из города без всякого войска, совсем один, а я на балконе в подзорную трубку смотрела и заметила, что ты, не сходя с места, словно бы рубил что-то и от тебя валила сила несметная — конница и пехота.

— Ничего я не рубил, друг мой,— отвечает Иван,— и нет у меня ничего.

Жена заплакала с досады и отвернулась от Ивана. Не по нраву ей пришелся ответ мужа, затаила она на него великую обиду и решила обманом все выведать — прикинулась больной. Пожалел ее Иван и говорит:

— Ну, слушай, как я побил вражью силу: есть у меня такое ружье, как возьмусь им махать, так вокруг и посыплется конница, пехота и богатыри.

— Покажи мне это ружье!

Он показал. А она дала много золота одному солдату. Ты, дескать, не говори никому, а ступай и точно такое же ружье купи.

Солдат пошел и купил такое же ружье. Она взяла, отдала золотарю позолотить его и поставила на то самое место, а ружье, которое показал ей Иван, сейчас же взяла и послала тому королю, который воевал.

Она написала ему, что согласна теперь идти за него замуж, только прежде ее мужа надо убить: «Приезжай на войну, этим ружьем помахай, из него несметная сила посыплется».

А Иван между тем увидел, что ружье позолочено, и спрашивает:

— С чего это ты, жена, вздумала позолотить ружье?

— А я так же, как тебя, и ружье твое берегу.

Обрадовался Иван, засмеялся.

Король тем временем выезжает на войну.

Сел Иван на лошадь и поехал, никого не взял на подмогу, и давай рубить огнем о камень, повалила сила, конница и пешота, все богатыри один в одного.

Двое суток бились они, и побил, покрошил Иван все вражье войско, сам король опять едва ноги унес.

Когда воротился Иван в столицу, то тесть его, король, благодарил его за защиту, а жена, дождавшись ночи, снова стала у него выпытывать:

— Если ты хочешь, друг мой, чтобы я была жива, открой мне, как ты вражью силу побиваешь, а не откроешь — я сейчас же умру.

Тут она заплакала горькими слезами и без памяти повалилась наземь.

Прибежали лекари, стали оттирать ее разными снадобьями.

Снова пожалел ее муж.

— Ладно уж,— говорит,— пойдем в дальнюю комнату!

Вынул он там огниво и камень и стал огонь высекать; всего раза три чиркнул огнем, а уж вся комната наполнилась солдатами да все с ружьями и с саблями.

— Вот как побил я вражью силу!

Тогда жена сказала:

— Теперь я верю тебе, друг мой!

И устроила она пирушку с песнями да с плясками, и сама плясала, с женским лукавством ублажала мужа, крепкими винами его поила, сладкими яствами кормила, и сама не один раз пригубила для отвода глаз.

Наконец легли спать. Как только Иван заснул, вытащила она у него камень с огнем и поскорей послала слугу купить такие же. Потом положила купленные мужу в карман, а Ивановы в письмо запечатала и отослала тому королю, а сама писала ему: «Друг мой, выезжай на войну. Теперь уж не подведу тебя, только сперва испробуй эту штуку дома».

Он как чиркнул три раза, так целую комнату солдат навалило.

Тогда он говорит:

— А ведь правда!

И сейчас же пишет, чтобы король, его прежний неприятель, в девятом часу выезжал на войну.

Рассердился тогда Иван.

— Ну теперь уж,— говорит,— не упущу его!

— Едет,— говорят,— неприятель, уже близко.

Он и говорит:

— Пусть подъедет к самому городу.

Наконец говорят: неприятель у самого города. Иван снова

выехал в поле один, без войска. Вынул он там кремешок с огнивом и давай высекать, только искры сыплются, а солдат нет и в помине. А тот король как начал высекать конницу да пехоту, солдат понасыпалось видимо-невидимо. Наскочили они на Ивана, схватили его и убили.

Потом тот король приказал разрубить его на мелкие части, порубили его, в бочку уложили, железными обручами ее обили и в море пустили.

А дома у Ивана тем временем бык ревет, а баран блеет.

Отец Ивана и говорит:

— Верно, нет моего меньшого в живых!

Пошел посмотреть на пузырек, а тот висит полный крови. Тогда взял он и выпустил скорей на волю быка с бараном.

А те поднялись в воздух и полетели. Прилетели они к морю, на то место, куда бочку бросили. Что делать? Видят, что не достать им бочки из моря.

— Пойдем поищем рыбаков, не ловят ли где рыбу! Тогда просим их закинуть сеть на этом месте.

Сказано — сделано; побежали они вдоль по берегу и видят: качается лодка, а людей нету. Посмотрели, а на дне лодки рыбина бьется.

А им больно уж есть хочется. Баран и говорит:

— Хоть бы эту рыбку съесть!

Вскочил он в лодку, да и хватил рыбину. А тут откуда ни возьмись подплывает огромная щука и говорит:

— Эй, баран, не ешь ты моего щуренка, любимого дитенка, я тебе за это какую хочешь службу сослужу!

Отвечает ей баран:

— Там вон в море бочка, выкати ее мне на берег, тогда отпущу твоего дитенка.

Щука поплыла и приказывает всем рыбам:

— Разыщите в море бочку.

Разыскали они бочку и выкатили ее на берег, а баран тогда, как и обещал, отпустил щуренка.

— Теперь надо разбить бочку! — говорит он быку.

А обита она железными обручами.

Баран отошел подальше, разогнался да как ударит рогами — так два обруча с нее долой!

В другой раз разбежался, ударил — и последний, третий, сбил. Бочка развалилась на части. Взяли они разрубленное тело Ивана, все перемыли и сложили вместе, кусочек к кусочку, чтобы был человек.

Бык говорит барану:

— Что ж нам делать? Ведь надо его оживить. Вот что: зарежь-ка ты меня, вывори вон всю требуху да сам и залезь на ее место. Прилетит ворон с воронятами. Старый ворон станет каркать: «Карр-карр, свежо мясо, да обманчиво!» А воронята, глупые ребята, налетят на требуху. Ты и схвати вороненка.

Тогда ворон станет просить тебя: «Не губи моего вороненка, любимого дитенка, я тебе любую службу сослужу».

Ну, взял баран зарезал быка, выворотил из него всю требуху и сам засел к нему в нутро.

Летит ворон с воронятами. Ворон и кричит:

— Карр-карр! Свежо мясо, да обманчиво!

А воронята, глупые ребята, налетели на требуху. Тут баран и схватил вороненка. Ворон его просит:

— Не бей ты вороненка, любимого дитенка, я тебе любую службу сослужу!

А баран ему в ответ:

— Есть на свете место, а в том месте три ключа, а в них вода, в одном — мертвая, в другом — живая, а в третьем — прекрасная. Вот слетай туда да принеси мне воды из всех трех ключей: и мертвой, и живой, и прекрасной. Коли принесешь, отпущу твоего дитенка.

Ворон согласился.

— Подвяжи мне три пузырька!

Баран подвязал ему под крылья три пузырька, ворон поднялся и полетел. Прилетел он в то место, нашел три ключа: в одном ключе мертвая вода, в другом ключе живая вода, а в третьем ключе прекрасная вода, взял ворон воды из каждого в особый пузырек и полетел обратно.

Когда ворон вернулся, баран его спрашивает:

— Ну что, принес?

— Принес.

— Ну давай сюда!

Ворон отдал пузырьки барану. Тут баран взял да и разорвал вороненка на мелкие кусочки. Заплакал ворон, а баран сбрызнул вороненка мертвой водой — и все кусочки снова срослись; потом сбрызнул живой водой — и вороненок ожил. А как сбрызнул его баран прекрасной водой — и без того пригожий вороненок еще краше стал, поднялся и полетел с вороном под облака.

Тогда баран сбрызнул быка мертвой водой — бык стал целехонек, сбрызнул его живой водой — бык стал живехонек, глазами мигает, а встать не может. Как сбрызнул его прекрасной водой — бык и вскочил. Тогда стал баран брызгать и своего хозяина. Сбрызнул его мертвой водой — тот стал целехонек, сбрызнул живой водой — стал живехонек, сбрызнул прекрасной водой — он и встал.

— Ах, и долго же я спал!

— Да, спал ты в море, в бочке.

— Пойдем к отцу, домой.

А бык с бараном ему отвечают:

— Нет, ты с нами не ходи, а ступай к тому королю, который тебя убил, да наймись к нему либо в повара, либо в прислужники. Высмотри, где у него лежит кремешок с огнивом. Как вымотришь, так тайком их вынь, а тогда что хочешь, то и делай. Только сперва одежду купи себе хорошую.

На том распрощались бык и баран с Иваном и пошли себе домой, а Иван направился в город, купил себе хорошую одежду, оделся и приходит к тому королю:

— Не наймете ли меня в повара или прислужники?

А король и рад. Не узнали они его, ни король, ни его жена, и наняли.

Служит Иван хорошо. Служит месяц, служит другой. Вот подсмотрел он как-то, что кремень и огниво у короля в жилетке в кармане. Раздевал он короля, вытащил их и спрятал.

В ту же ночь, когда все во дворце крепко заснуло, достал он кремень и огниво, чиркнул три раза, и тотчас же комната наполнилась солдатами с ружьями и саблями.

— Что прикажете делать? — спрашивают солдаты Ивана.

А тот приказывает:

— Взять короля, изрубить его на мелкие куски, положить в бочку, обручами железными забить и в море укатить, на то место, где я сам был.

А жена его упала на колени и стала слезно просить его:

— Друг мой, Иванушка, прости меня!

Пожалел он ее, не стал губить, однако посадил ее в наказание на двенадцать дней под замок на хлеб-на воду: в сутки ломоть хлеба да кружка воды.

Когда же она отсидела, Иван пришел, взял ее за руку, вывел на волю. И зажили они с тех пор мирно и хорошо.

МАЛ-МАЛЫШ О К

Жили дед с бабой, и не было у них детей. Вот однажды деду во сне приснилось: ступай, мол, в лес, насбирай птичьих яиц и выводи себе деток.

Рассказал дед свой сон старухе, а та ему говорит:

— Что ж, сходи, дед, в лес, насбирай яиц, положим их в решето, я сяду деток выведу. Начнут они щебетать в избе — нам веселей станет: мы подумаем, что это наши дети!

Дед бабы послушался, пошел в лес, взобрался на березу, глядь — в гнезде одно яйцо. Он на другую — там тоже одно. Так он облазил тридцать берез. А на последней, на тридцатой, нашел два яйца. Собрал он тридцать одно яйцо и больше лазить не стал. Принес он свою добычу домой, в решето уложил, и села баба на яйца, точь-в-точь курица. Недели этак через три вывелись дети, не птенцы, а настоящие дети, и все — мальчики.

Баба и говорит:

— Гляди-ка, дед, не птенчики, а все сынки! Тридцать да еще один!

Дед обрадовался, что дал ему бог сыновей, созвал на радостях

две пары кумовьев, поставил им с полчетверти вина, а сам запряг коня и поехал к попу — просить его окрестить детей.

Приехал поп. Всех окрестил, каждому имя дал. Только для меньшого, который был совсем плохенький, имени не подобрал, а сказал деду и бабе: так, мол, и так, имени я ему не нашел, как хотите, так и зовите. А колья скоро тот был меньше всех, его и прозвали: Мал-Малышок.

Стали сыновья расти не по дням, а по часам. Только год прошел, а уж они выросли совсем большие. Вот пришли они к отцу:

— Тата! Что мы все гуляем да гуляем. Нам работать пора. Может, косить надо? Так мы пойдем косить! Съезди-ка в город да купи нам косы.

Поехал отец в город, купил тридцать кос, а меньшому сыну не нашел. Обошел все лавки, не нашел косы по его росту. Привез он косы домой:

— Берите, сынки, косы, кто какую хочет.

Подошли сыновья, разобрали косы. Пришел Мал-Малышок:

— А мне где коса?

— Нету, сынок, не нашел я тебе косы. Я старый, а ты малый, — останемся дома.

— Ну что ж, пусть будет так, как отец велит! — сказали братья и пошли косить.

Верст за пять от их села у отца был большой луг. Пришли они на этот луг, отмерили каждый себе по делянке, две таких же делянки оставили отцу и Мал-Малышку и стали косить.

А Мал-Малышок, сидя дома, говорит отцу:

— Пойду-ка я, тата, погляжу, как они там косят!

— Смотри, сынок, не заблудись!

— Может, и не заблужусь!

Пошел, да и заблудился. Забрел в лес, плутал в нем, плутал, а выйти не может.

Влез он тогда на дуб, огляделся кругом и видит: неподалеку братья в тридцать кос косят.

Ухватил он дуб за макушку да наклонился в ту сторону, где косят, дуб и переломился пополам. Пообломал Мал-Малышок сучья, взвалил дуб на плечи, да и пошел напрямки к покосу.

Пришел к братьям:

— Помогай вам бог, братцы! Только что же это вы две делянки покоса оставили? Косили бы уж все разом. Или, может быть, это чужое?

А братья отвечают:

— Это мы оставили тебе с отцом.

— Да как же мы будем косить? Я малый, а он старый!

— А хоть нанимайте.

— Ну, ладно! — Снял Мал-Малышок шапку, перекрестился — помоги, мол, мне бог — и давай косить!

И косит, и сгребает, и в стог складывает. И все этим дубом. Прежде братьев один скосил он обе делянки и стог сметал.

Братья свое докосили, и каждый сено в отдельный стог сложил.

Когда вернулись они домой с покоса, отец их спрашивает:

— Ну что, сынки, скосили луг?

— Весь скосили!

А Мал-Малышок говорит:

— Скосить-то скосили, а две делянки оставили.

— А на что?

— Мне делянку да тебе!

Отец говорит:

— Стар уж я, не могу косить.

— Не тужи, тата, я сам сено скосил и в стог сложил.

— А вы,— спрашивает отец у сыновей,— все в один стог сложили?

— Нет, мы накосили каждый для себя и тридцать стогов сметали.

Тогда отец и говорит:

— Нужно их стеречь, покуда не перевезем, а то покрадут, пожалуй!

Пошли братья вдесятером караулить сено. Всю ночь караулили, а один стог все-таки кто-то украл.

Когда пришли они домой, отец их спрашивает, цело ли сено.

— Да вот один стог кто-то украл.

Рассердился на них отец:

— Дураки вы! Вдесятером не укараулили!

На вторую ночь другие десятеро пошли. Всю ночь караулили, а один стог снова кто-то украл.

На третью ночь пошли остальные десятеро и тоже к утру одного стога не досчитались.

На четвертую ночь снова очередь идти первому десятку.

Стали тут братья спорить с Мал-Малышком: и у тебя, дескать, стог сена есть, так ты и ступай караулить.

— Ну что ж,— говорит Мал-Малышок,— идти так идти. Сходи-ка ты, отец, к кузнецу, пусть он выкует мне железную клюшку, пудов этак на тридцать!

Пошел отец к кузнецу, тот выковал клюшку в тридцать пудов.

Взял Мал-Малышок эту клюшку да так высоко закинул ее, что та с глаз пропала. Видит он, что назад летит, подставил лоб, та по лбу как ударила, так и раскололась на четыре части.

Тогда он просит снова:

— Батюшка, пусть кузнец выкует другую, пудов этак на сорок, да помягче, а то эта уж больно тверда!

Кузнец выковал другую.

Взял Мал-Малышок новую клюшку, кинул ее вверх, а она с глаз не пропала, вернулась назад. Он снова подставил лоб, та ударила, да не раскололась, только вмятинка осталась.

— Ну, эта еще туда-сюда! — сказал Мал-Малышок, взял клюшку и пошел караулить сено.

Пришел к своему стогу, влез на верхушку и сидит себе, караулит. Вдруг слышит: что-то стучит да так сильно, что даже земля дрожит. Вскочил он и видит: бежит к нему кобыла, а следом за ней — тридцать один жеребенок.

Прибежали к стогу, где Мал-Малышок сидит, и давай его кругом объедать. Когда сена в стогу не больше как на сажень осталось, Мал-Малышок изловчился и схватил кобылу не за гриву, за хребет и сел задом наперед. Понесла она его по полям, по лугам, по высоким лесам! А он ее еще клюшкой погоняет.

До тех пор она его носила, покуда совсем не утомилась. Тогда она стала просить:

— Отпусти ты меня, Мал-Малышок, на волю, я тебе дам за то все, что ты захочешь!

— Ничего я не хочу, — отвечает Мал-Малышок, — отдай мне только своих жеребят.

— Бери их себе, только отпусти меня!

— А ты не обманешь?

— Нет, — говорит кобыла, — не обману!

Привезла она его к стогу, а жеребята уже остатки доедают.

— Садись, — велит ему кобыла, — на самого большого, а эти все вслед пойдут.

А Мал-Малышок думает себе: «Если эти убегут, и одного будет довольно за сено».

Сел он на жеребенка и поехал потихоньку, а остальные все следом пошли.

Приехал он домой, а жеребята на дворе не умещаются: двор-то слишком тесный был, повернуться негде. Зовет Мал-Малышок братьев:

— Идите сюда, братцы, берите себе по коню. Я словил их, когда они наше сено ели.

Взяли себе братья каждый по хорошему коню, а Мал-Малышку не осталось. Один конек, плохенький да хроменький, припелся после всех.

— А вот и мой пришел, — говорит Мал-Малышок, а братья над ним насмеваются: дескать, сам коней ловил, а себе такую клячу оставил.

— Ну, что ж с вами, дураками, поделаешь? Лучших коней себе позабрали да еще и смеетесь! Ну, да ничего, для меня и этот хорош будет.

Стали они своих жеребят выхаживать. Справили хомуты и телеги. Все стали работать, в лес за дровами ездить, землю пахать.

Выстроили просторный двор. Стали, словом, так ладно жить, что лучше и не надо.

Прожили они так года три или четыре, и прискучила им эта жизнь. Вот и решили они поездить по белу свету, а там как случится: может, посчастливится жениться, а может, на службу определиться.

А Мал-Малышок говорит:

— Вы, братцы, поезжайте, а я останусь: отец с матерью старые, кто их без нас похоронит?

— Ну, оставайся! Только ведь ты нас тогда уж не догонишь!

— Дорогу найду и догоню!

Собрались братья и уехали, а Мал-Малышок остался дома. Через год помер отец. Похоронил его Мал-Малышок не хуже, чем люди.

На другой год померла мать. Ее Мал-Малышок похоронил еще богаче, справил, как водится, по отцу и матери достойные поминки, а потом собрал мужиков и спрашивает: не найдется ли охотник взять в аренду его хозяйство. Дескать, если вернусь, так опять мое будет, а не вернусь, так и не надо мне ничего.

А хозяйство их было большое, пожалуй что получше панского, так что ни один мужик не взялся его арендовать.

Тогда позвал он пана, отдал ему двор и все уголья под расписку, без всякой аренды, лишь бы все было цело.

А жеребенка своего Мал-Малышок к тому времени выходил, выкормил на диво. Что сам ел, то и ему давал, выучил его даже разговаривать и вырастил его лучше братниных.

Вот продал он хлеб, взял деньги и поехал вдогонку за братьями.

Братья ехали три года, а Мал-Малышок догнал их в три месяца.

— Здорово, братцы!

— Здорово, Мал-Малышок!

— Ну, как там у нас дома? — спрашивают братья. — Как здоровы отец с матерью?

— Отца с матерью бог прибрал, а вам дай бог здоровья!.. Расскажите лучше, как вам ездилось, худо ли, хорошо ли?

— Худа не видали, а хорошего было довольно. Ну, теперь ты поезжай впереди! — говорят братья.

Вот поехал Мал-Малышок впереди, целый день ехали, никакой деревни не встретили. Все только леса да поля.

А как зашло солнце, подъехали к лесу и видят: стоит избушка на курьей ножке и знай себе крутится.

— Стой, избушка, не крутись, ко мне дверью повернись! — велит Мал-Малышок.

Избушка остановилась. Мал-Малышок вошел в нее и видит: лежит Баба-Яга Костяная Нога, сама на полу, голова в углу, рот на щетке, нос на чердаке.

— Здравствуй, Баба-Яга, — говорит Мал-Малышок.

— Добрый день, Мал-Малышок! За чем едешь? Куда путь держишь?

— Ездим по белу свету, а там — как случится: может, жениться, а может, на службу определиться.

— А много ли вас?

— А вот я сам да тридцать братьев со мною.

— Эх, жалко! У меня только двадцать девять дочек, а то поженились бы. Ну да ладно, поезжайте дальше, к моей сестре.

Вышел Мал-Малышок из избушки, и поехали они дальше. Ехали-ехали, проехали часов десять и приехали к другой избушке; тоже стоит избушка на курьей ножке и крутится.

— Стой, избушка, не крутись, ко мне дверью повернись!

Она повернулась, а Мал-Малышок вошел в нее и видит: лежит Баба-Яга Костяная Нога, сама на полу, голова в углу, рот на шестке, нос на чердаке.

— Здравствуй, Баба-Яга Костяная Нога!

— Доброго здоровья, Мал-Малышок! За чем едешь? Куда путь держишь?

— Ездим по белу свету,—отвечает Мал-Малышок,— а там как случится: может, жениться, а может, на службу определиться.

— А много ли вас?

— А вот, кроме меня, еще тридцать.

— Эх, жалко! У меня только тридцать дочек, одной не хватает, а то поженились бы. Ну, делать нечего, поезжайте дальше, к моей сестре!

Поехали они дальше.

Вскоре приехали к избушке; стоит избушка на курьей ножке и вокруг себя крутится.

— Стой, избушка, не крутись, ко мне дверью повернись!

Она остановилась. Мал-Малышок вошел в избушку и видит: лежит Баба-Яга Костяная Нога, сама на полу, голова в углу, рот на шестке, нос на чердаке.

— Здравствуй, Баба-Яга Костяная Нога!

— Добрый вечер, Мал-Малышок! За чем едешь? Куда путь держишь?

— Ездим по свету, а там как случится: может, жениться, а может, на службу определиться.

— Вот хорошо, что вас бог послал. У меня как раз тридцать одна дочка, будем свадьбу играть. Заезжайте во двор, распрягайте коней, а я велю им овса да сена задать!

Заехали они во двор, распрягли коней, а там уж овса да сена наготовлено вдоволь.

После все зашли в избушку. Баба-Яга поднесла им выпить и закусить, а потом позвала своих дочек. Дочки пришли, да все писанные красавицы, одна другой краше.

— Ну, зятьки,—приказывает Баба-Яга,— выбирайте каждый себе по сердцу!

Выбрали они себе по красавице.

— Ну,—говорит Баба-Яга,— теперь ложитесь спать, а завтра будем свадьбу играть!

Легли братья спать, а Мал-Малышок вышел к своему коньку. Тот ему и говорит:

— Мал-Малышок! Ты думаешь жениться, а приходится жизни решиться.

— За что так?

— Эта ведьма вас зарежет! Слушай меня: как станешь

ложиться спать, возьми да надень ее дочкам на головы ваши шапки, а братьям ихние платки повяжи, да и о себе не забудь! У Бабы-Яги есть меч-самосеч. Она в полночь встанет и напустит его на головы, которые в шапках. А ты не спи и гляди, откуда она будет меч-самосеч брать. Чуть только меч пройдет по головам, вы тут же и убегайте!

Мал-Малышок так и сделал: когда все заснули, он надел на головы девушкам шапки, а себе и братьям повязал платки. Сам лежит, ждет. Встала Баба-Яга, принялась, прислушалась — спят все!

Тогда достала она с полатей меч-самосеч и тихонько приказывает ему:

— Секи, мой меч, те головы с плеч, которые в шапках!

Меч и поотсекал головы ее дочкам. А баба думает: «Днем их приберу», улеглась и заснула.

Мал-Малышок разбудил братьев, все выбрались тихонько из избушки, а он говорит:

— Поедем отсюда да поживей!

— Как? А свадьба?

— Благодарите бога, что на тот свет не отправились из-за этих невест. Какая уж там свадьба! — отвечает им Мал-Малышок.

Поехали дальше. Когда отъехали они верст триста, проснулась Баба-Яга. Огляделась, увидела, что дочки посечены: «Ну, Мал-Малышок, хоть ты и хитер, да от меня не уйдешь, все равно догону!»

Было у нее на конюшне три козла. Взяла она одного, села верхом и стала его железным толкачом погонять, Мал-Малышка догонять.

За три часа догнала.

— Что, Мал-Малышок, — говорит она ему, — не убежал от меня?

И давай с ним биться. Три часа бились, и Мал-Малышок убил ее козла. Баба-Яга стала грозиться:

— погоди, попадешься еще ко мне в руки!

— Ну, тогда поглядим еще, что будет!

Пошла Баба-Яга домой пешком, а братья дальше поехали.

Вот объехали они весь свет, не назад же воротаться, и определились они в одном царстве на службу солдатами. Рассказали царю, откуда они да кто такие, и стали служить ему верой и правдой.

А Мал-Малышка царь назначил ефрейтором, стал он братьями командовать. Обидным показалось братьям, что меньшей старшими командует. Пошли они к царю и рассказали, что за тридевять земель, в тридесятом царстве, живет Баба-Яга Костяная Нога, а у этой бабы есть меч-самосеч, он сам рубит, сам сечет, сам головы в одно место складывает, и что достать этот меч может один Мал-Малышок.

Царь призывает Мал-Малышка к себе:

— Правда ли, что за тридевять земель, в тридесятом царстве, живет Баба-Яга Костяная Нога, а у этой бабы есть меч-самосеч? Вот ты бы мне его добыл!

— Есть-то он есть,— отвечает Мал-Малышок,— да достать его нельзя.

— А ты не отказывайся,— рассердился царь,— не то сейчас велю отрубить тебе голову!

— Дай часа три сроку подумать, как приступить,— говорит Мал-Малышок.

Пошел он на конюшню к своему коню и стал жаловаться, что плохо ему на свете жить. А конь спрашивает:

— Чего ты, Мал-Малышок, пригорюнился?

— Да вот царь службу задал.

— А что за служба?

— Чтобы я меч-самосеч добыл.

— Ну, это,— говорит конь,— не служба, а службишка, служба еще впереди! Молись богу да ложись спать. Утро вечера мудренее!

Мал-Малышок так и сделал, пошел к царю, обещал, что привезет меч. Помолился и лег спать. А на завтра встал чуть свет, умылся, богу помолился, сел на своего конька и поехал к Бабе-Яге.

Прискакал в самую полночь. Конь его спрашивает:

— Ты видал, где меч-самосеч лежит?

— Видал!

— Иди бери его, да тихонько, чтобы Баба-Яга не услышала. Она теперь спит. Да смотри не мешкай!

Пошел Мал-Малышок в избушку, достал с полатей меч-самосеч, тихонько выбрался за дверь и поскакал назад.

Когда рассвело, проснулась Баба-Яга и сразу почуяла, что у нее кто-то был. Огляделась, а меча-то и нет. Догадалась она, что это Мал-Малышок меч унес, толкач взяла, села на козла, толкачом погоняет, Мал-Малышка догоняет. Вот завидела его и кричит:

— Уж теперь ты от меня не уйдешь!

Стали они биться. Бились, бились, Мал-Малышок снова убил козла, и пришлось Бабе-Яге назад пешей идти. Идет и приговаривает:

— Погоди, попадешься еще ко мне в руки! Ну, тогда поглядим еще, что будет!

Привез Мал-Малышок меч-самосеч царю. Обрадовался царь и наградил его за это чином унтер-офицера.

Еще пуще стало завидно старшим братьям. Пошли они снова к царю и рассказали, что за тридевять земель, в тридесятом царстве, у той самой Бабы-Яги Костяной Ноги есть гусли-самогуды. Сами играют, сами пляшут, сами и песни поют. И может достать эти гусли только Мал-Малышок.

Призывает царь Мал-Малышка:

— Правда ли, что у той самой Бабы-Яги есть гусли-самогуды, которые сами играют, сами пляшут, сами и песни поют?

— Не знаю, ваше царское величество!

— Не отказывайся, а не то велю отрубить тебе голову. Лучше разузнай все да поскорей!

Делать нечего, снова пошел Мал-Малышок к своему коню и стал тужить, что плохо ему на свете жить.

— С чего ты закручинился? — спрашивает его конь.

— Царь службу задал.

— А что за служба?

— Да чтобы у той самой Бабы-Яги добыл я гусли-самогуды, которые сами играют, сами пляшут, сами и песни поют. А я не знаю даже, есть ли такие.

— Есть, — говорит конек, — достанем! Поскорей садись да покрепче держись: как прыгнем, так и Яги достигнем.

Прискакали они к Бабе-Яге. Конек и говорит Мал-Малышку:

— Как зайдешь в дом, по правой руке, на полатах, лежат эти гусли. Только ты их тихонько бери, гляди, как бы они не заиграли. Коли Баба-Яга услышит — убьет тебя. Она сейчас отлучилась куда-то неподалеку.

Вошел Мал-Малышок в избушку, залез на полати, забрал гусли-самогуды, вышел, на коня сел, да и запел.

Осерчал конь:

— Молчи, Баба-Яга убьет!.. — и поскакал прочь.

Отъехали они ни много, ни мало, триста верст, покуда Баба-Яга хватилась гуслей. А как увидала, что гуслей нет, села скорехонько на третьего козла и ну погонять его железным толкачом!

Догнала она Мал-Малышка, и опять начали они биться. Бились они день, бились ночь. Убил Мал-Малышок ее козла. Тогда заплакала со злости Баба-Яга: «Эх, Мал-Малышок, обидел ты меня навеки!»

А Мал-Малышок вернулся во дворец и отдал царю гусли-самогуды.

Взял царь гусли в руки, нажал на них, и стали они играть, плясать и песни петь, да так, что во всем царстве было слышно. За эту службу наградил царь Мал-Малышка чином фельдфебеля, и стал он пуще прежнего своих братьев службой донимать за то, что они его царю выдавали.

В это время случилось как-то, что солнце простояло три часа на одном месте. Пошли тут братья к царю и сказали, что Мал-Малышок может разузнать, почему с солнцем такое приключилось.

Тогда призывает царь Мал-Малышка и задает ему новую службу: чтобы разузнал он, почему солнце на одном месте три часа простояло.

Тот отказывается: никак, мол, невозможно!

— А ты узнай, не то за отказ отрублю голову враз!

— Ну, ладно, дайте мне часа три сроку!

Вот опять идет он к своему коню и давай тужить: не придется, мол, мне больше на свете жить.

А конь спрашивает:

— О чем ты, Мал-Малышок, тужишь?

— Царь службу задал!

— А что за служба?

— Разузнать, отчего солнце на одном месте три часа простояло.

— Ну, это не служба, — говорит, — а всего только службишка. Садись-ка да поедем.

Вот едут они сутки, едут другие и приехали к морю. Видят: лежит поперек моря Чудо-Юдо рыба-кит, а по ней народ ходит-ездит. Поехали и они, а рыба спрашивает:

— Куда, Мал-Малышок, едешь?

— Да вот хочу у солнца спросить, почему оно простояло три часа на одном месте!

— Не забудь спросить и про меня, за что я три года мучаюсь. Лежу на одном боку, и нельзя мне перевернуться: все по мне ходят и ездят. Я тебе за это отслужу!

— Ладно, спрошу.

— Переехали они через рыбу и приехали туда, куда солнце садится. Видят — стоит землянка. Вошел Мал-Малышок в землянку, глядь — а в ней месяц сидит, солнца дожидается.

Поздоровался Мал-Малышок, а месяц у него спрашивает:

— Зачем ты, Мал-Малышок, сюда забрался?

— Да вот хочу у солнца спросить, отчего оно три часа на одном месте простояло.

— Ну, коли так, Мал-Малышок, то на-ка тебе шубу, — говорит месяц, — выверни ее поскорей, надевай да за печь полезай. Сейчас солнышко придет — может сжечь тебя. Ты сиди за печкой и слушай, а я буду говорить с ним, покуда оно не поостынет.

Так он и сделал.

Вот пришло солнышко, вся землянка осветилась, и стало так жарко, что неминуче сгорел бы Мал-Малышок, кабы не косматая шуба.

Говорит месяц солнцу:

— К тебе, братец, человек приехал, хочет узнать, почему ты три часа простояло на одном месте.

— А где ж он?

— За печкой.

— Вылезай сюда!

Вылез Мал-Малышок из-за печи, низко поклонился солнцу. Стало оно выпрашивать, кто он такой да из какого царства.

Тот все рассказал; тогда солнце ему говорит:

— Живет на море девица, по имени Волынка, она в золотом челне плывет, золотым веслом гребет, сама правит. Такой красавицы на всем свете не сыскать. Вот на нее я загляделось да три часа и простояло!

Подивился Мал-Малышок, а потом про рыбу спрашивает: за что, дескать, она три года мучается, на одном боку лежит, и скоро ли отмучается?

— Пусть выплюнет она сорок кораблей, которые проглотила, тогда опять пойдет гулять по морю. Да чтоб больше так не делала! — отвечает солнце. — Только не говори ей, покуда не переедешь, а то она перевернется и тебя утопит.

Мал-Малышок солнцу низко поклонился и в свое царство во- ротился.

Приехал он к рыбе, а она говорит:

— Спрашивал ли ты про меня, Мал-Малышок?

— Вот перееду, тогда и скажу.

Переехал Мал-Малышок и говорит ей:

— Выплюнь сорок кораблей со всем тем, что проглотила, тогда снова пойдешь гулять по морю!

Тогда велит ему рыба, чтобы скорей отъезжал он подальше от моря, а не то, мол, как перевернусь да встряхнусь, так и захлестну тебя волной.

Искупила рыба свои грехи, как велело солнце, и пошла гу- лять по синему морю.

А Мал-Малышок воротился к царю и рассказал ему про де- вицу-красавицу, по имени Волынка, как она в золотом челне плывет да сама веслом гребет, сама правит. Такой красавицы на всем свете нет. Вот на нее-то и загляделось солнце и три часа простояло на одном месте.

За эту службу наградил царь Мал-Малышка чином офицера. Много ли, мало ли прошло времени, а только стал царь думать- гадать, как бы ему девицу Волынку увидеть. И приказывает он Мал-Малышку отыскать ее. Вспомнил тут Мал-Малышок, что рыба обещалась ему отслужить, и отвечает:

— Подумаю. Может, достану.

Пошел Мал-Малышок к своему коньку и стал плакать, а тот спрашивает:

— Что ты, Мал-Малышок, опять закручинился?

— Да как же мне не кручиниться, когда царь новую службу задал!

— А что за служба?

— Да вот велит достать девицу-красавицу Волынку, которая по морю в золотом челне плывет, золотым веслом гребет, сама правит.

— Ну, это не служба, а службишка! Ступай к царю, попроси у него разных фруктов заморских, напитков и заедков, и поедем!

Пошел Мал-Малышок к царю:

— Ваше царское величество, не велите казнить, позвольте речь держать: дайте мне разных напитков и заедков да фруктов заморских рублей на триста!

Царь все выдал, что Мал-Малышок просил. Забрал все это Мал-Малышок и пошел к коню.

— Все царь дал, что ты велел.

А конь ему говорит:

— Бери теперь шатер, и поедem к морю.

Приехали к морю.

— Пусти меня теперь, — приказывает конь, — на зеленые луга, а сам разбей шатер и будь в нем за шинкаря. Когда поедет Волянка мимо, ты вина-то поменьше пей, а больше чаркой постукивай: она услышит, подъедет к шатру и станет выпрашивать, давно ли ты тут живешь и чем занимаешься. А когда она вина попросит, ты лей не жалей да старайся как можно лучше ей угодить.

Разбил Мал-Малышок шатер у самого моря, разложил все, что с собой привез, настоящий шинок устроил. Сам сидит, ждет.

Вдруг видит он — что-то на море поблескивает. То плывет в золотом челне девица-красавица Волянка, золотым веслом гребет, сама правит да на шатер поглядывает. Подъехала поближе:

— Что это тут такое? Сколько раз проезжала, ни разу не видала.

— А я здесь недавно, — отвечает ей Мал-Малышок, — есть у меня и выпить и закусить — все, чего душа хочет. Всего довольно: и дешевого, и сладкого, и приятного!

— Ну, дай-ка мне стаканчик сладкого!

Налил он ей полный стаканчик такого, чтобы ее поживей разобрало. Подала она ему весло; он на весло стакан поставил, девица выпила и заплатила. Потом поехала прочь, но самую малость отъехала, как зашумело у нее в голове, и надумала она еще выпить.

Подъехала снова к шатру и таким же манером второй стаканчик выпила, да только покрепче первого. Еще пуще зашумело у нее в голове, и захотелось ей выпить еще стаканчик:

— Нет ли у тебя покрепче?

— Есть и покрепче, да только и стоит подороже.

— Ничего, у меня денег хватит!

Налил Мал-Малышок целый стакан, а она опять из челна весло протягивает, чтобы он стакан поставил.

А он ей говорит:

— Не прогневайтесь, ваша милость, но мы с вами малость захмелели, уроните стакан, он разобьется, вино разольется, а стоит оно недешево! Так уж я прошу вас его из моих рук принять!

Подплыла она поближе, протянула руку за стаканом, а Мал-Малышок хватъ ее за руку!

— Ага, красавица, попалась!

Свистнул он своего конька, а тот уж тут как тут. Забрал он все свое с собой, посадил ее и поехал.

Привез девицу Волянку к царю.

Царь как увидел ее красоту, не мог усидеть на месте.

Наградил царь на радостях Мал-Малышка капитанским чином. А самому уж невтерпеж — торопится со свадьбой.

А девица ему говорит:

— Не годится мне в таком платье под венец идти. Есть у меня железный сундук в триста пудов, с приданым, да только он на дне моря лежит. Достань ты этот сундук, я разоденусь как подобает, тогда и свадьбу сыграем.

Делать нечего, призывает царь Мал-Малышка и приказывает ему:

— Лежит на дне моря сундук железный в триста пудов, так вот чтоб ты мне его достал.

— Никак невозможно.

— А ты не отказывайся, а не то голову тебе отрублю!

— Дайте срок, подумаю.

— Думай, сколько хочешь, а сундук достань!

Снова пошел Мал-Малышок к своему коньку и стал тужить, что плохо ему на свете жить.

— Что ты, Мал-Малышок, опять затужил? — спрашивает конь.

— Да вот царь новую службу задал: чтобы достал я ему со дна морского железный сундук в триста пудов.

— Ну, это, — говорит конь, — не служба, а службишка! Ступай к царю да попроси у него меч-самосеч.

Пошел Мал-Малышок к царю, получил меч-самосеч. Поехали к морю.

Приехали к морю, конь и говорит:

— Пусти ты меч-самосеч по малой рыбе, по головам!

Пустил Мал-Малышок меч-самосеч в море и велит ему:

— Всей мелкой рыбешке головы отсекай да в одно место собирай!

— Тут меч и давай рыбы головы сечь!

Приплыло к нему Чудо-Юдо:

— Мал-Малышок! Перестань ты губить мое племя! Что хочешь — все тебе сделаю!

— Лежит в море сундук железный в триста пудов, так вот мне надо его достать!

Послало Чудо-Юдо рыб за сундуком, достали рыбы сундук со дна морского, и говорит Чудо-Юдо Мал-Малышку:

— Отъезжай поскорее отсюда за триста верст, я кину тебе сундук, а ты постарайся поймать его. А коли не поймаешь — он в землю упадет и совсем пропадет. Никто уж его не достанет.

Взял Мал-Малышок меч-самосеч, отъехал поскорей за триста верст и слышит: гремит, стучит — сундук к нему летит. Он сундук поймал и оглянуться не успел, как очутился перед царем.

За эту службу наградил его царь чином ротного, а сам опять просит девицу-красавицу Волынку скорее свадьбу сыграть.

А та отвечает:

— А чем же сундук отпереть? Лежат на дне морском ключи золотые в пятьсот пудов, надо их достать!

Снова призывает царь Мал-Малышка и задает ему эту службу. На этот раз согласился Мал-Малышок без спора. Взял меч-самосеч и поехал к морю. Пустил он там его по средней рыбе, по головам.

Приплыло к нему Чудо-Юдо:

— Что тебе надо, Мал-Малышок?

— Лежат в море ключи золотые в пятьсот пудов. Надо их достать!

— Уйми ты свой меч-самосеч, достанем! — И посылает Чудо-Юдо рыб искать ключи.

Искали-искали — не нашли. И воротились с таким ответом: дескать, нет ключей!

Снова Мал-Малышок пустил в море меч-самосеч. Стал меч теперь уж большим рыбам отсекал головы. А Чудо-Юдо просит его:

— Уйми ты, Мал-Малышок, свой меч-самосеч, разыщем тебе ключи!

И созвало Чудо-Юдо всех, кто в море плавает и по дну ползает: жаб, раков и прочую тварь — и послало их искать ключи.

Искали они, искали — не нашли, опять так пришли.

Стало Чудо-Юдо тогда окликать всех, кто искал. Все есть, одного рака нет! Видит наконец: ползет и тот рак.

— Нашел, — говорит, — ключи, затянуло их песком!

Тогда велит Чудо-Юдо Мал-Малышку:

— Отъезжай за пятьсот верст, я кину тебе ключи!

Отъехал он за пятьсот верст, слышит: шумит, звенит — летят к нему ключи. Поймал он их и снова очутился перед царем.

Обрадовался царь и за эту службу наградил его чином полковника, а сам опять стал девицу Волынку просить скорее свадьбу сыграть.

А та отвечает:

— Я в твоей церкви венчаться не стану! Построй ты мне за одну ночь собор за рекой, да такой, чтоб одна кирпичина была золотая, другая серебряная. И мост чтоб был такой: одна доска золотая, другая серебряная. А по сторонам чтобы был посажен сад-виноград. Да чтоб, когда будем в собор идти, он цвел, а когда обратно пойдем — поспел бы. Да чтоб вокруг собора был вырыт ров в двенадцать сажен глубиной и в двенадцать шириной. А в соборе чтобы свечи горели и певчие пели. А напротив собора чтоб костер горел, во рву над огнем чтоб котел висел, а в котле бы смола кипела. Вот тогда будем венчаться!

Что тут делать? Опять призывает к себе царь Мал-Малышка и задает ему новую службу.

А Мал-Малышок отказывается:

— Никак не могу я этой службы сослужить!

Тогда говорит ему царь:

— Хоть положу я голову на плаху, а ты готовь себе смертную рубашу!

Запечалился Мал-Малышок и просит царя:

— Дайте,— говорит,— мне дня два подумать, как это дело сделать.

Пошел он к своему коньку и стал горько плакать.

А конь его спрашивает:

— Что так горько плачешь, Мал-Малышок?

— Да как же мне не плакать, когда приходится с белым светом расставаться и с тобой распрощаться.

— Почему так?

— Царь снова службу задал.

— Какую?

— А чтоб за одну ночь построить собор за рекой, да чтоб одна кирпичина была золотая, другая серебряная. Да чтоб был посажен сад-виноград, да чтоб был вырыт ров в двенадцать сажен глубиной, в двенадцать шириной. А в соборе чтобы свечи горели, певчие бы пели. Напротив собора чтоб костер горел, во рву над огнем чтоб котел висел, а в котле бы смола кипела.

— Вот это уже служба, а не службишка. Здесь и я не помогу. Только вот тебе мой совет: иди ты к девице Волянке, проси ее, может, она и смилуетя над тобой!

Делать нечего, пошел Мал-Малышок к девице Волянке, стал ее упрашивать-уговаривать, низко кланяться, чтоб помогла она ему сослужить царю эту службу.

Пожалела девица-красавица Мал-Малышка и говорит ему:

— Ну да уж ладно, не тужи, Мал-Малышок, помолись-ка лучше богу да спать ложись. За ночь все будет сделано. А утром свяжи хорошую метелку, мост подмети да пойдя к царю и доложи, что все готово.

Поблагодарил Мал-Малышок девицу Волянку и пошел к себе.

Помолился богу от чистого сердца и лег спать. Только какой уж тут сон? Не спалось Мал-Малышку, все думалось. А рано утром встал он, вышел на речку, глядит — все как есть сделано. Можно в собор идти.

Пошел к царю и докладывает:

— Ваше царское величество, службу я вам сослужил, ваш приказ выполнил. Можно в собор идти.

Обрадовался царь и пожаловал ему за верную службу княжеское звание.

Мал-Малышок взял метелочку и пошел на мост — где подметет, где почистит, где веточку на дереве расправит.

Разоделись царь с девицей Волянкой и пошли в собор. Вокруг деревьев цветут, в соборе свечи горят, певчие поют. Перед собором огонь горит, а над огнем, в котле, смола кипит.

Подошли они к огню, к кипящему котлу. Говорит царю девица-красавица:

— Вам вперед идти, а мне за вами: гусак всегда впереди идет, а за собой гусыню ведет.

А царь зовет Мал-Малышка и приказывает ему впереди идти. Мал-Малышок пошел впереди и перешел ров. За ним царь пошел да в котел и свалился и в смоле сварился.

А девица-красавица Волянка ров перешла, Мал-Малышка за руку взяла и в собор повела. Тут они обвенчались и пошли в царский дворец.

Туда шли — все деревья цвели, а оттуда идут — виноград рвут. И задал Мал-Малышок пир на весь православный христианский мир. И стали они жить-поживать да добра наживать. И я там был, мед-пиво пил — по бороде текло, а в рот не попало.

А как стал я домой отъезжать, дали мне смоляную кобылу, из репья седло да гороховый кнут.

Только поехал, глядь — у мужика ток горит. Стал я тушить, а кобыла от огня и растаяла, седло свиньи съели, а кнут вороны склевали. Тогда стал я торговать кирпичом и остался ни при чем.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Жили себе царь и царица. У них было три сына: старший Федор, средний Василь, а меньшей Иван.

Вышла царица как-то в сад погулять. Откуда ни возьмись налетел змей крылатый, схватил царицу и унес.

Искали, искали ее, нигде найти не могли. Старшие сыновья говорят:

— Благослови нас, батюшка, пойдем искать матушку.

Благословил их царь и отправил в путь-дорогу.

Шли они, шли, пришли в темный лес. Увидели в том лесу тропинку и пошли по той тропинке. Недалеко стоит большой дом. Зашли братья в дом, а там сидит девица, шьет.

— Здравствуй, красна девица.

— Здравствуйте, здравствуйте, добры молодцы. Куда путь-дорогу держите?

— Идем искать нашу матушку.

— Да ваша матушка здесь.

— Где же она?

— А вот тут в подполье.

Подняла крышку:

— Спуститесь сюда.

Только они в подполье спустились, а девица крышку захлопнула:

— Тут вам и пропадать.

Много ли, мало прошло времени, и меньшей сын просится:

— Благослови, батюшка, и меня.

— Куда ты, сынок, пойдешь?

— Пойду матушку искать.

Нечего делать, благословил его царь.

Пошел Иван-царевич тем же путем-дорогой, как и старшие братья шли. И пришел в этот же большой дом.

— Здравствуй, красна девица.

— Здравствуй, здравствуй, добрый молодец. Куда идешь, куда путь держишь?

— Иду матушку искать.

— А где ее найдешь?

— Где-нибудь найду.

— Да твоя мать здесь.

— А где она?

— В подполье.

Подняла крышку:

— Полезай туда.

А он отвечает:

— Лезь-ка ты сама туда.

Схватил ее за косу, да и спихнул в эту яму.

Братья услышали и закричали:

— Эй, брат, ратуй, спасай нас!

— А зачем туда пошли?

— Да нас эта девка посадила.

— Ну, умники, послушались девки, полезли в подполье.

И вызволил братьев из подполья. Стала проситься девица, взмолилась:

— Добрый молодец, вытяни меня отсюда, я тебе покажу коня богатырского.

Вызволил девицу и говорит братьям:

— Коли неправду сказала, обратно кинем в яму. Показывай, где конь!

— Иди по этой тропинке и увидишь большой дуб, а в дубу железные двери. Отвори двери и увидишь коня.

Братья нашли тот дуб, железную дверь отворили, выскочил конь. Меньшой брат сел на коня, поехал, а братья вслед пошли.

Странствовали они день, другой и увидели мост на пять верст. На мосту столб, а на столбе надпись: «Кто по этому мосту на коне не проедет в пять минут, тому живому не быть».

Говорит меньшой брат:

— Я поеду.

Стегнул коня и переехал через мост в пять минут. Коня пустил на луг, а сам пошел уток искать. Утку убил, ощипал да сварил и ждет братьев.

Братья пришли, пообедали. После обеда говорит Иван-царевич:

— Отдохните немного, а я проеду кругом стана.

Недалеко отъехал, встретил змея двухголового.

Говорит змей:

— Ну что, Иван-царевич, будем биться или мириться?

— Нет, змей поганный, не для того я ехал сюда, чтобы мириться, давай биться!

Разъехались. Иван-царевич размахнулся мечом и отсек обе головы у змея. Воротился к братьям.

— Эй, вставайте! Вот тебе, Федор-царевич, старший брат, конь. На нем двухголовый змей ездил, а теперь ты поезжай.

Старший да младший поехали на конях, а средний за ними вслед пошел.

Много ли, мало ли времени прошло, приехали к реке. Через реку мост на десять верст. На мосту столб, а на столбе надпись: «Кто по этому мосту на коне не проедет в десять минут, тому живому не быть».

Говорит Иван-царевич:

— Ты, Федор-царевич, с коня слезай и по мосту не езди; коня в поводу веи, а я поеду.

Стегнул коня и переехал этот мост в десять минут. Коня пустил на луг, а сам убил утку, сварил.

Пришли братья.

— Садитесь обедать да отдыхайте, а я поеду кругом стана.

Поехал и видит трехголового змея.

— Ну что, Иван-царевич, будем биться или мириться? — говорит змей.

— Нет, нечистая сила, не для того я сюда приехал, чтобы мириться, давай биться!

Разъехались они. Иван-царевич смахнул мечом все три головы у змея. Потом разрубил змея на мелкие куски, сжег и пепел развеял по ветру.

— Не оставлю и следа от змея, может быть тот первый и сейчас со мной бился.

Коня змеева привел и будит братьев:

— Ну, братцы, полно спать, пора вставать. Возьми, Василь-царевич, средний брат, коня.

Поехали все трое. Ехали-ехали, видят мост на пятнадцать верст. На мосту столб, а на столбе надпись: «Кто по этому мосту на коне не проедет в пятнадцать минут, тому живому не быть».

Иван говорит братьям:

— Слезайте, ведите коней в поводу, а я поеду.

Коня стегнул и переехал мост в пятнадцать минут. Подождал братьев и говорит:

— Вы отдохните, а я проеду вокруг стана. Вот вам чашка; коли потечет кровь из чашки, торопитесь ко мне на помощь.

И поехал. Навстречу ему шестиголовый змей едет:

— Ну что, Иван-царевич, будем биться или мириться?

— Не для того я ехал, чтобы мириться, а для того, чтобы биться!

И разъехались они. Змей сбил Ивана-царевича с коня и по пояс втоптал в землю.

Вскричал Иван-царевич:

— Конь мой верный, помоги мне!
Кинулся конь на змея и растоптал его в прах.
Братья проснулись и видят — из чашки кровь течет.
— Ну, пусть его убьют, а то отец ему отдаст все царство.
Приехал Иван-царевич:
— Будет вам, братья, спать, пора вставать.
Они встали:
— Ах, как крепко мы спали, ничего не видали.
И поехали дальше. Приехали к большой, высокой горе. Такая крутая гора, — никак туда не подняться. Спрашивает Иван-царевич у своего коня:
— Подымешься со мной на эту гору?
— Нет, не подняться мне и одному туда.
Спрашивает у коня от двухголового змея:
— Подымешься на эту гору?
— Нет, могу только до половины горы подняться.
Спрашивает у коня от трехголового змея:
— Подымешься на эту гору?
— Сам подымусь и тебя унесу, а с горы не спуститься мне.
Сел на этого коня и поехал. Въехал на вершину, а там два стеклянных дома стоят. Зашел в первый дом, сидит там девушка.
— Здравствуй, красна девица.
— Здравствуй, добрый молодец.
— Пойдем, красна девица, со мной.
— Нет, не пойду, зайди к моей старшей сестре.
— А где твоя сестра?
— В другом доме.
Он пришел в другой дом, поздоровался:
— Здравствуй, красна девица.
— Здравствуй, здравствуй, добрый молодец, куда идешь, куда путь держишь?
— Иду матушку искать.
— А где ты ее найдешь?
— Может быть, она тут и есть.
Царица сидела в особой горнице. Услышала она Ивана-царевича и вышла к нему:
— Здравствуй, сынок, здравствуй. Как ты сюда попал?
— Приехал с братьями за тобой.
— А где же они?
— Они остались под горой.
— Радехонька я, что ты пришел сюда, да как бы тебя не убили змеи.
— Не убьют, я их всех погубил. Ну, пойдем, маменька, домой.
Пошли и взяли с собой девушек.
Пришли туда, где Иван-царевич поднимался на гору.
— Ну, как я спущу вас? Надо найти веревку.
Воротился в дом, принес веревку, привязал сперва мать и

спустил с горы, вытянул обратно веревку и спустил сначала старшую, а потом и младшую девицу.

Отвязали братья младшую девицу и выдернули веревку из рук у Ивана-царевича.

— Пусть там навеки останется.

А матери и девицам говорят:

— Когда приедем домой, вы говорите, что мы вас нашли, меньшого брата и не вспоминайте; не послушаетесь, мы вас на мелкие куски изрубим.

А Иван-царевич ходил, ходил по горе, не мог найти такого места, откуда можно спуститься, и воротился в стеклянный дом, где жила младшая сестра. Увидал на окне трубку, табаком набитую:

— Эх, покурить надо, тоску-печаль размыкать.

Взял трубку, никак не может раскурить. Бился, бился и от досады кинул трубку на пол.

В ту же минуту из трубки выскочил молодец:

— Что ты, хозяин, так горячишься? Чего тебе надо, я все исполню.

— Неси меня в наше царство.

И не успел оглянуться, как очутился в своем городе. Стоит с трубкой и думает: «Что мне делать? Пойду я к тому сапожнику, который нам всегда башмаки тачал».

Пришел в хату.

— Здравствуй, дядька.

— Здорово, здорово, молодец. Чего пришел ко мне?

— Прими меня к себе.

— А что ты будешь делать у меня?

— Да что велишь, то и буду делать, буду хоть дратву сучить.

— Ну, сучи дратву.

А Федор-царевич да Василь-царевич домой воротились.

— По твоему благословению, батюшка, отыскали мы нашу матушку, убили трех лютых змеев и вызволили из змеиного царства красных девиц, себе невест.

— Сыны мои милые,— отвечал царь.— За то, что нашли вы царицу и освободили ее из неволи, я отдам вам полцарства, а после моей смерти поделите все царство между собою, владейте им.

На радостях царь задал пир, и веселье пошло по всему царству.

Попили, поели, попиrowали и задумали братья жениться.

А сестры со стеклянной горы сказали:

— Мы пойдем за вас замуж, коли будут у нас башмаки без единого шва и чтобы без примерки они нам были как раз впору.

Федор-царевич да Василь-царевич сказали о том царю, а царь позвал во дворец сапожника.

— Приготовь две пары башмаков без единого шва и чтобы без примерки впору были. Приготовишь башмаки — награжу, не приготовишь — голову отрублю.

Пошел сапожник домой, плачет, а Иван-царевич встретил его и спрашивает:

— Чего, дядька, плачешь?

Рассказал ему сапожник о своем горе.

— Ничего, к утру башмаки будут готовы.

Вынул трубку, стал выколачивать. Выскочил из трубки молодец.

— Что надо, хозяин?

— Достань две пары башмаков без единого шва и чтобы без примерки впору пришлись тем девицам, которые в стеклянных домах на горе жили.

— Ложись спать, хозяин, к утру, к свету все будет готово.

Утром подал Иван-царевич башмаки сапожнику:

— Неси царю.

Принес он башмаки во дворец. Как увидели девицы те башмаки, засмеялись и говорят:

— Да ведь это наши башмаки и есть. Теперь мы знаем, как они сюда попали.

И просят царя:

— Пусти нас по городу погулять, город поглядеть.

Царь велел кучеру их по городу прокатить.

Поехали они и заехали к тому сапожнику.

— Ты нам башмаки шил?

Перепугался сапожник.

— Нет, у меня живет подмастерье, он шил.

— Зови его сюда!

Вышел Иван-царевич, девицы его узнали, в уста его целовали.

— Приходи сегодня вечером во дворец, сегодня свадьба.

И уехали.

Вечером Иван-царевич нарядился и пошел во дворец. А братья к венцу собираются ехать.

Только он через порог переступил, как царица заплакала, запричитала:

— Вот кто избавил нас от поганных змеев, а не те!

И царю всю правду рассказали.

Отец рассердился на старших братьев.

— Ступайте из нашего царства, чтобы глаза мои вас больше не видели, и, пока жив, сюда не приходите!

А Ивана-царевича женил на младшей сестре, отдал ему все царство. И стал Иван-царевич жить-поживать да добра наживать.

Жили себе царь и царица, и была у них во дворе криница, а у криницы корец, моей сказке конец.

Жили себе в одной деревне старик со старухой. И было у них трое детей: сын и две дочери. Старик со старухой умерли.

Прошло сколько-то времени, приезжают сватать старшую сестру. Сватали, пировали, жених и говорит невесте:

— Выйдем, милая моя, на крылечко.

Только она вышла с ним на крылечко, как поднялся сильный ветер, зашумел и — нет никого: унес ветер и жениха и невесту.

Прошел год и другой — нет от сестры ни слуху ни духу.

Потом приезжают сватать младшую сестру. Сватали, пировали, жених и говорит невесте:

— Выйдем, милая, на крылечко.

Только они вышли, как загремел гром — и не стало ни свата, ни жениха, ни невесты.

Остался брат один-одинешенек. Поскучал, поскучал и пошел странствовать по белому свету.

Шел-шел целый день, от восхода солнца до захода, никого не видал: ни птица не пролетела, ни зверь не прорыскивал. Обняла его темная ночь, и стал он искать себе ночлега. Подошел поближе, видит большой дом в лесу. Он постучался. Вышла из дому девушка:

— Что, молодец, тебе надо?

— Нельзя ли переночевать?

— погоди, у хозяйки спрошу.

И спрашивает:

— Тут дорожный человек просится ночевать.

— Пусть ночует.

Хозяйка его встречала, как гостя принимала. Напоила, накормила, спать уложила. Утром стала спрашивать:

— Куда, молодец, идешь, куда путь держишь?

— Было у меня две сестры, сваты их сватали, а я свадьбы не видал и на свадьбе не гулял. Иду своих сестер искать, а где они, про то знать не знаю и ведать не ведаю.

— Сестер своих ты, друг, не найдешь, а лучше женись на мне, будь у меня хозяином в доме.

Вот он согласился. Сыграли свадьбу и стал Иван Крестьянский Сын жить с молодой женой.

Пожили так месяц-другой, говорит она:

— Мне надо из дому отлучиться, а ты хозяйством управляй. По всему дому ходи, гуляй, только не ходи туда, где дверь лыком завязана, грязью замазана.

Остался Иван Крестьянский Сын один. По всему дому ходил, подошел к двери, которая лыком завязана, грязью замазана, и думает: «Что это за дверь? Какой я хозяин, когда не знаю, что у меня в доме творится?»

Вот он дверь открыл и видит: старик на цепях висит.

— Кто ты такой?

— Я — поганый Кашей. Меня в цепи заковала и над огнем повесила твоя жена Марья-краса. Отпусти меня, добрый молодец, я тебе пригожусь во всякое время.

— А что надо сделать?

— Принеси три ведра вина и три хлеба, потом принеси три полена дров ольховых и три полена дров осиновых.

Принес он ему три ведра вина и три хлеба, три полена дров ольховых и три полена дров осиновых.

Выпил Кашей ведро вина, съел один хлеб и стал поленьями бить по цепям. Не разбил цепей. Потом выпил другое ведро вина, съел еще один хлеб и стал бить поленьями по цепям. Цепи сбил. Выпил третье ведро вина, закусил третьим хлебом, выскочил из огня, засмеялся и говорит:

— Не видать тебе своей жены Марьи-красы вовек.

И улетел поганый Кашей.

Ждать-пождать, нет Марьи-красы.

Остался Иван Крестьянский Сын опять один-одинешенек: и сестер не видал и жену потерял!

«Пойду жену искать», — подумал он и пошел.

Шел-шел, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается — не скоро дело делается, и увидел большой дом. Подошел к дому, и навстречу Марья-краса выбежала.

— Как я тебе говорила — не ходи в ту дверь, где лыком завязано, грязью замазано. Не послушал меня, выпустил Кашея — вот теперь не жить нам с тобой вместе.

— Ну, коли я тебя нашел, Марья-краса, то и от Кашея увезу.

— Если хочешь меня увезти, поедem скорее, пока он домой не воротился.

Сели они на Кашеева коня — поехали.

Приехал Кашей домой и спрашивает:

— А где Марья-краса?

— Муж за ней приходил и увез, — отвечает челядинка.

Кинулся поганый Кашей на конюшню и спрашивает у своего трехногого коня.

— Догоним мы Марью-красу?

— Не торопись, поди ужинай да спать ложись, а утром встанешь, тогда и поедem.

Утром Кашей сел на своего трехногого коня и поскакал. Нагнал Марью-красу с Иваном и говорит:

— На этот раз тебя прощаю, Иван Крестьянский Сын, за то, что ты меня напоил, накормил, на волю отпустил, но коли ты еще раз придешь и Марью-красу увезешь — голову тебе отрублю.

И увез Марью-красу. Остался Иван Крестьянский Сын посереде пути один.

Идет и видит: медный дом стоит. Постучался он и спрашивает:

— Нельзя ли переночевать?

Впустили его. Глядит, а в доме старшая сестра живет. Поклонилась она брату в пояс:

— Ах, братец, как я рада, что ты пришел.

Напоила его, накормила и говорит:

— Надо тебя куда-нибудь спрятать, а то сейчас мой муж Солнышко воротится домой, уж ночь подходит.

И посадила его в подполье. Тем временем Солнце зашло — хозяин домой воротился.

— Что это, милая, у тебя русь-костью пахнет?

— По Руси ты ходил, вот русского духу и набрался. Раз-девайся, садись ужинать.

Сидят они, ужинают, жена и говорит:

— Нынче я отдыхала и брата во сне видала.

— Знаю, знаю, брат твой женился на Марье-красе и выпустил поганого Кощея, а Кощей улетел и Марью-красу унес. Он Марью-красу разыскал и увез, а Кощей их нагнал.

— Коли ты все знаешь, так я скажу: брат мой здесь.

— А где же он?

— Вот тут, в подполье.

Солнышко топнуло ногой, и половица сломалась:

— Вылезай, друг, сюда.

Вылез Иван Крестьянский Сын из подполья, поздоровался с зятем.

Попили они, поели, погуляли, легли спать.

Наутро раненько встали. Солнышко говорит:

— Вот тебе, любезный брат, от меня подарок, — и дал ему сокола.

Иван Крестьянский Сын с сестрой и с зятем простился и отправился в путь-дорогу. Пошел искать младшую сестру.

Шел-шел и вечером пришел к серебряному дому. Тут жила младшая сестра.

Она его напоила, накормила и говорит:

— Где мне тебя скрыть-схоронить?

— Зачем, сестра, мне хорониться? — спрашивает Иван Крестьянский Сын.

— А мой муж ведь Гром. Он скоро домой придет голодный, как бы тебя не обидел. Полезай в подполье.

Поздно вечером Гром домой пришел:

— Здравствуй, жена. Что это здесь русь-костью пахнет?

— Ах, милый друг, ты по Руси летал-катался и там русского духу набрался. Садись ужинать.

Накормила его, напоила и говорит:

— А ведь брат мой здесь.

— Где он?

— Тут, в подполье.

Гром ногой топнул — доска переломилась.

— Вылезай сюда, будешь гостем.

Иван Крестьянский Сын вылез. Весь вечер они пили, ели, гуляли, потом легли спать. Утром Гром на прощанье подарил гостю собачку.

Иван Крестьянский Сын с сестрой и с зятем простился, отправился в путь-дорогу.

Пошел опять за Марьей-красой.

На коня ее посадил и поехали из Кашеева царства.

Кашей домой воротился и спрашивает:

— А где Марья-краса?

— Муж приходил и увез ее, — отвечает челядинка.

Он кинулся в конюшню, спрашивает у трехногого коня:

— Догоним мы Марью-красу?

— Поди ужинай поскорее да садись на меня, — ответил конь.

Кашей поужинал, сел на трехногого коня и скоро настиг Ивана Крестьянского Сына. Отобрал Марью-красу и говорит:

— Другой раз я тебя прощаю, а третий не попадайся.

Остался Иван Крестьянский Сын один на пути, на дороге. Ночь переночевал, наутро встал и опять в Кашеево царство пошел.

Кашея дома не было, он Кашеевых коней оседлал, и третий раз уехали с Марьей-красой из Кашеева царства.

Воротился Кашей, видит: нету Марьи-красы. Он спрашивает трехногого коня:

— Догоним беглецов?

— Поскорей садись на меня, а то уедут.

Вот он на третьего коня сел и скоро нагнал их.

— Ну, теперь пощады не жди, Иван Крестьянский Сын.

И отрубил ему голову, а Марью-красу увез.

Тут сокол полетел к Солнышку, а собака побежала к Грому.

— Нашему хозяину Кашей голову отрубил.

Солнце и Гром пришли, а у Ивана Крестьянского Сына, в черепахе уж ворона гнездо свила, яиц нанесла и детей вывела.

Солнце и Гром взяли воронят. Просят вороны:

— Пустите наших детей, мы что хочешь для вас сделаем.

— Достаньте живой и мертвой воды.

Полетели вороны и принесли мертвой и живой воды.

Солнце и Гром одного вороненка разорвали, мертвой водой сбрызнули — стал тот вороненок цел. Живой водой сбрызнули — полетел вороненок.

Тут они Ивановы кости собрали, сложили как надо и мертвой водой сбрызнули, кости срослись, и стало тело. Живой водой сбрызнули — он и встал.

— Ах, как крепко я спал!

— Век бы ты спал, коли бы мы тебя не оживили.

Поблагодарил их Иван Крестьянский Сын, и тут они распрощались.

Иван Крестьянский Сын опять пошел в Кашеево царство. Кашея дома не было. Он говорит:

— Ты, Марья-краса, меня схорони, а когда придет поганый Кашей, спроси у него: «Где твоя душа находится?»

Она его схоронила. Приехал вечером Кашей, говорит ему Марья-краса:

— Я тут без тебя все думала, думала и надумала выйти за тебя замуж. Мужа у меня теперь нет, куда мне идти. Только ты мне скажи: где твоя душа находится?

— Моя душа далеко: есть в море остров, на острове дуб, в том дубу дупло, в дупле заяц, в зайце утка, в утке яйцо, а в том яйце и моя душа.

— Боюсь я, как бы кто про это не узнал да твою душу не достал,— сказала Марья-краса.

— Не бойся, Марья-краса,— кроме меня, туда никто не доедет.— Чтобы туда попасть, надо у Бабы-Яги коня достать такого же, как у меня, а она никому коня не даст.

На другой день уехал Кашей, а Марья-краса рассказала мужу, как Кашееву смерть достать, и напекла ему подорожничков.

Пошел Иван Крестьянский Сын в путь-дорогу. Шел день, другой и третий. Подорожнички все съел, притомился, сел отдохнуть. И напала на него такая туча мух, что глаз открыть нельзя. Стал от них отбиваться и ухватил большую муху с золотыми крыльями. Это была царица над мухами. Говорит она:

— Отпусти меня на волю, я тебе пригожусь.

Отпустил ее Иван Крестьянский Сын. Посидел, отдохнули и пошел дальше. Шел, шел, отошал совсем, вышел на морской берег:

— Дай хоть раков наловлю, поем.

И стал ловить раков. Вдруг ползет рак-царь:

— Отпусти, молодец, моих детей, я тебе за это службу сослужу.

Отпустил раков, пошел в лес и нашел воробьиное гнездо.

— Ну, хоть воробьиных птенцов съем.

А в это время летит старый воробей:

— Не трогай, молодец, моих детей, я тебе за это добром отплачу.

Делать нечего, отпустил он воробьиных детей, а сам от усталости да от голоду еле ноги волочит.

Добрый молодец еще в пути, а солнце уже на закате.

Вдруг он увидел избушку на курьих ножках, зашел он в хату, а там Баба-Яга:

— Здравствуй, здравствуй, Иван Крестьянский Сын, слыхом про тебя слыхала, а теперь привелось глазами поглядеть. Зачем пришел ко мне?

— Пришел просить у тебя коня.

— Можешь выслужить себе коня, только сослужи мне три службы.

Баба-Яга печку затопила, ужин сварила, на стол подала:

— Садись поужинай да слушай меня: упасешь моих кобылиц два дня да сослужишь третью службу — любого коня бери, а нет — голову твою на кол насажу: еще есть один кол без покрывки, как раз для твоей головы место осталось...

После ужина уложила Ивана Крестьянского Сына спать, а сама погнала кобылиц в стойло.

Там кобылиц железными прутьями сечет да приговаривает:

— Погонит вас завтра в поле Иван Крестьянский Сын, я ему сонного зелья в хлеб запеку, как поест он того хлеба да уснет крепко, вы не зевайте, разбегайтесь в разные стороны и так ухоронитесь, чтобы вас он вовек не нашел.

На другой день погнал Иван Крестьянский Сын кобылиц в поле. Час-другой попас, хлеба кусочек съел и задремал. Привалился на траву и уснул крепким, непробудным сном.

Кобылицы разбежались в разные стороны и в такие места схоронились, что ни пройти, ни проехать.

День на вечере, солнышко на закате, проснулся Иван Крестьянский Сын, оглянулся — нет нигде кобылиц. Походил, искал, не нашел ни одной, сел на камень и горько заплакал:

— Эх, если бы мухи сюда прилетели да кобылиц из кустов ко мне выгнали.

И не успел он сказать, как откуда ни возьмись летят мухи, будто темная туча надвигается. Подлетела к нему муха-царица с золотыми крыльями.

— Стой тут, добрый молодец, а кобылицы около тебя соберутся, и гони их домой.

И столько мух на тех кобылиц напало, не могли они вытерпеть, выбежали на поляну. Тут Иван Крестьянский Сын их собрал и домой погнал.

— Что ты поздно так воротился? — спрашивает Яга.

— С росой-то кобылиц и кормить.

— Ну, ладно, садись ужинать да спать ложись, завтра рано разбужу.

А сама опять погнала кобылиц в стойло.

Сечет их там железными прутьями, приговаривает:

— Схоронитесь завтра так, чтобы не мог он вас найти.

— Да куда нам хорониться. В кустах не было сил утерпеть: мухи одолели.

— А завтра вы ухоронитесь на морское дно, там вас никто не найдет.

На другое утро Иван Крестьянский Сын пригнал кобылиц на луг и пасет. Попас час-другой, хлеба поел и задремал. Лег на траву и уснул крепким, непробудным сном.

А кобылицы кинулись бежать и схоронились на дне моря.

День на вечере, солнышко на закате, проснулся Иван Крестьянский Сын, оглянулся — нет нигде кобылиц. Запечалился, закручинился добрый молодец.

Вдруг откуда ни возьмись рак-царь ползет:

— Не горюй, Иванушка, найдутся кобылицы. Ты здесь стой, и они к тебе прибегут, а ты садись на ту, которая первая прибежит, и поезжай домой, остальные сами вслед побегут.

Не успел рак-царь сказать, как из моря выскочила кобылица и бежит к Ивану Крестьянскому Сыну. Он на нее вскочил, поехал домой.

Кобылица говорит человеческим голосом:

— Слушай, добрый молодец, нас двенадцать сестриц-кобылиц, шерсть у нас у всех серебряная, грива золотая, на вид мы одна другой краше, но силы в нас никакой нету. Всю нашу силу Баба-Яга от нас берет да в нашего брата кладет. Там стоят разные жеребцы, а ты проси того, который лежит в крайней конюшне, шерсть на нем в клочьях, кожа в коросте, а ты проси себе, добивайся того коня.

Пригнал он кобылиц домой. Говорит Баба-Яга:

— Хорошо служишь, добрый молодец. Садись ужинать да ложись спать, завтра рано разбужу и работу дам.

На другой день дает ему Баба-Яга гарнец маковых зерен.

— Поди посей в огороде этот мак.

Посеял Иван Крестьянский Сын мак, а Баба-Яга приказывает:

— Теперь возьми соху, запряги кобылицу да вспаши тот огород.

Только он огород вспахал, воротился, а Баба-Яга встречает:

— Раздумала я мак сеять, поди собери все, что посеял, да так, чтобы ни одно зернышко не пропало, а то твою голову отрублю и на кол насажу.

Вышел Иван Крестьянский Сын на огород, пригорюнился:

— Эх, если бы воробей меня не обманул да помог бы мне мое горе размыкать.

Только эти слова промолвил, как поднялся сильный шум, и воробьи летят, как темная туча надвигается.

Воробьи на огород сели, всю землю покрыли, стали маковы зерна собирать. Иван зерна принимал да в мешок ссыпал.

Не прошло и двух часов, как все до единого зернышка собрали.

Принес он мак в хату:

— Вот, изволь, Баба-Яга, твой мак, а мне коня давай.

— Ну, я хороша, а ты лучше меня,— закричала Баба-Яга,— ступай выбирай себе любую кобылицу или бери самого лучшего жеребца.

Идут они с Бабой-Ягой, а Иван Крестьянский Сын ей говорит:

— Эти кони дорогие, люди станут мне завидовать да еще и уведут, пожалуй. Ты мне отдай того жеребца, который в крайней конюшне один стоит.

— Да на что тебе тот жеребенок? Шерсть у него в клочьях, кожа в коросте, на нем только воду возить, а не тебе, добру молодцу, ездить.

— Пускай себе, я уж как-нибудь и на нем буду ездить.

Топнула ногой Баба-Яга, зубами заскрипела:

— Ну, я хороша, а ты лучше меня. Бери того жеребенка, нечего делать.

Увел он жеребенка к морю. Морской водой обмыл, гриву да хвост расчесал. И заговорил конь голосом человеческим:

— Ну, Иван Крестьянский Сын, стань прямо передо мной. Стал он прямо перед конем, а тот дыхнул и говорит:

— Это я в тебя силу вдохнул. А теперь садись на меня и поедь куда тебе надо.

— Есть на море остров, так я хочу, чтоб ты меня на этот остров привез.

И не успел оглянуться, как оказались они на этом острове.

Пошел Иван Крестьянский Сын искать дуб. Собака от зятя Грома вслед бежит, а Сокол от Солнышка над головой летит. Нашел самый большой дуб и стал рубить. Только дуб срубил, как из дупла заяц выскочил и побежал. Собака его настигла, разорвала, а из зайца утка вылетела и поднялась выше лесу. Тут Сокол взвился к небу, упал сверху на утку и разорвал ее. Из утки выпало яйцо. Иван Крестьянский Сын подхватил, вскочил на своего коня и поехал в Кашеево царство. Встретила его Марья-краса:

— Поедем скорее, Кашея поганого дома нету.

— Ничего, теперь мы с Кашеем поборемся.

Сели они, поехали. Воротился Кашей домой:

— Эй, Марья-краса, выходи встречать.

А челядинка выскочила на крыльцо и говорит:

— Нету Марьи-красы, был муж и увез ее.

— Видно, он ожил. Ну, еще раз попадет в мои руки, так больше не оживет вовеки.

И спрашивает у своего трехногого коня:

— Догоним мы Марью-красу?

— Догнать-то догоним, да не возьмем.

— Как не возьмем, только бы догнать, а взять возьмем.

И вскочил на коня.

— Нет, не возьмешь.

— Ну, не разговаривай, а скачи, волчья сыть, травяной мешок! — рассердился Кашей.

Только они стали нагонять Ивана Крестьянского Сына с Марьей-красой, конь под ними повернул голову к Кашееву коню и сказал:

— Не подходи, братец, близко — хвостом голову отрублю.

Услышал это Кашеев конь и упал на колени передними ногами, а Иван Крестьянский Сын со своего коня соскочил, яйцо выхватил и изо всей силы об землю кинул. Яйцо разбилось, к небу взвилось высокое пламя, и раздался сильный гром. И в тот же миг разорвало поганого Кашея на семь частей. Смерд пошел тяжелый.

Иван Крестьянский Сын вскочил на трехногого Кашеева коня, и поехали они с Марьей-красой.

Воротились в свое царство, в свой дом, и стали они жить, мед-вино пить. И я там был и мед-вино пил, по усам текло, а в рот не попало.

**КАК ИЛЬЯ МУРОМЕЦ ПОБЕДИЛ
СОЛОВЬЯ РАЗБОЙНИКА,
ОБЖОРУ И АЛКАДЫМА**

Жил-был под Брянском мужичок. Родился у него сын. Назвали его Ильей.

Дожил Илья до тридцати лет, но не мог двигать ни руками, ни ногами.

Вот раз отец его собрал мужиков на толоку и отправился с ними расчищать ляда, а мать пошла звать соседок нести им обед.

Заходит к Илье в хату старичок.

— Здравствуйте!

— Здравствуй, дедушка! — отвечает Илья.

— Дай мне, голубчик, напиток, нет ли чего у вас?

— Есть у нас, дедушка, квас хороший, да я не могу двигать ни руками, ни ногами.

— А ты обопрись-ка на руки.

— Нет, дедушка, не могу! Тридцать лет уж я сиднем сижу.

— А может, ты встанешь! Обопрись, обопрись на руки.

Пошевелил Илья руками и ногами, встал и подает старику квасу.

— Пей, дедушка!

— Пей ты, голубчик, сам!

Выпил Илья кружку квасу, а старик спрашивает:

— Ну как, Илья Муромец, почувствовал в себе силушку?

— Если бы господь утвердил столб в земле до самого неба, то я взялся бы за этот столб и перевернул бы вверх ногами мать сыру землю!

— Принеси-ка, Илья, еще кружку квасу!

Принес Илья квасу и подает его старику.

— Пей, Илья, сам половину кружки!

Выпил Илья половину кружки квасу.

— Ну, а теперь сколько силушки, Илья, в себе чувствуешь?

— Половина силушки у меня теперь убавилась.

Не стало вдруг старика в избе.

Приходит мать Ильи от соседей, обрадовалась, что сын ходит, и напугалась:

— Сыночек ты мой! Кто тебя на ноги поднял?

— Бог помог. Ну, матушка, обедать мужикам я сам понесу, — говорит Илья. Обвязал ушаты веревками: — Лей варево в ушаты!

Налили варева, подцепил Илья эти ушаты, прихватил бочо-

нок водки ведер на пять, пять хлебов и приносит все к отцу на ляда. Поставил за кустами шалаш, а в него вареву и водку и пошел туда, где лядо расчищают.

— Бог помощь вам, отец!

Все закричали:

— Спасибо, Илья.

— Ну пойдемте, принес я вам обедать и водочки прихватил.

Приходят к шалашу, стали выпивать да закусыывать.

— Ешьте, добрые люди, да ложитесь отдыхать.

Те пообедали, да и уснули. А Илья взялся за работу: за два часа двадцать пять десятин вырвал дубов и в Десну их побросал.

Приходит потом к отцу и будит его:

— Вставай, отец, довольно отдыхать.

Встал отец, поднял работников. Илья и говорит:

— Ну, отец, будет с тебя того, что наработано!

Посмотрели: вместо леса чистое поле красуется. Пошли домой.

Не нарадуются отец с матерью, что сын ходит. Вот посылает Илья отца к соседу — у него кобыленка лежала тридцать лет, ногами не двигала.

— Купи ты мне, батюшка, кобыленку эту.

— На что она тебе, сынок?

А Илья заладил свое:

— Купи да купи!

Пошел отец к соседу.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— Жива ли твоя кобыла?

— Да хотел было убить ее.

— Продай ты мне ее!

— На что тебе эта калека понадобилась?

— Не мне она понадобилась, а сыну моему Илье.

— Ну, давай пятерку, — в шутку сказал сосед.

Вынул отец пять рублей и отдает их соседу.

Вот приходит он домой и говорит сыну:

— Ну, сынок, купил я тебе кобылу!

— Купил? Я сам за ней пойду.

Пришел к соседу, обошел кобылу кругом, да и говорит:

— Полно, кобылица, лежать, надо по белу свету бежать!

Вскочила кобылица, заржала, он ее взнуздал, приводит домой:

— Отец, вы говорили, что кобылица калека, а вот она встала; я встал, и она встала. Иди, кобылица, гулять в чисто поле, поправляйся!

Добыл себе Илья лук и стрелу и богатырское седло.

Приводит он кобылицу с поля, оседлал, сел на нее, взял

в руки стрелу и лук, подъехал к родителям, помолился и сказал:

— Прощайте, мои родители, отец и мать!

— Куда ж ты, сынок, собрался?

— Я, отец и мать, вам не кормилец! Благословите меня: поеду по белу свету. Прощайте!

Слышал он, что в Кривом лесу нет ни прохода, ни проезда. Сидит там Соловей Разбойник и ни конного, ни пешего за двенадцать верст к себе не подпускает: всех соловьиным свистом убивает.

Захотелось Илье разузнать, что это за Соловей. Подъезжает он к Кривому лесу и спрашивает, где Соловей Разбойник живет. Слышно, что в этом лесу живет, только нет через лес ни прохода, ни проезда. И поехал Илья Муромец не путями, не дорогами, а прямо на Соловья Разбойника.

Видит Соловей Разбойник, что к нему противник подъезжает, и давай свистеть. От свиста лошадь Ильи только вздрогнула. Подъезжает он ближе. Засвистел Соловей Разбойник изо всех сил, так что лошадь Ильи на колени пала. Подхватил Илья лошадь и говорит:

— Не робей. Не так ты свистишь, Соловей Разбойник!

Прицелился Илья и стрельнул из лука прямо в глаз Соловью Разбойнику, ссадил его наземь с гнезда на двенадцати дубах. Привязал его Илья Муромец к седлу и поехал во дворец к царю.

Приезжает во дворец, а там пируют богатыри.

Едет он, а богатыри глядят из окна, удивляются, что это за богатырь едет да еще Соловья Разбойника везет.

— Все богатыри здесь, какой же еще новый богатырь на свете объявился?

А сильный-могучий богатырь из чуланчика говорит:

— А вы забыли про Илью? Он давно уже родился, а еще не показывал своей богатырской силы.

Подъезжает Илья к воротам. А под воротами богатыри подвезли доску чугунную: коли въезжает в ворота нежеланный гость, доска раздавит ему голову.

Въезжает Илья в ворота, а доска его по голове, да железный шлем спас его от смерти.

Илья слез с лошади и пускает свою кобылицу к богатырским коням, а та сразу и отогнала всех коней от корма.

Входит Илья в палаты, а богатыри говорят:

— Экий невежа идет, вон твоя кобылица всех наших лошадей разогнала!

— Здравствуйте, богатыри, не будем ссориться,— говорит Илья,— подвиньтесь-ка, дайте и мне местечко.

— Да ты скажи по-честному, кто ты такой? Ты Муром?

— Начнем разговор, только дайте местечко, а называйте меня как хотите.

— Где стоишь, там и сядь, — отвечают богатыри.

— Я Илья Муром! Не сяду где стою. Ну-ка подвиньтесь, господа!

Как двинул Илья богатырей — стена выскочила вон: иных подавила, а другие из палаты выкатились.

Обжора-богатырь сидел отдельно, в стороне. Он трех волов съедал один, пять ушатов пива выпивал.

— Илья Муром, подойди ко мне, поздороваемся, побратаемся! — говорит Обжора.

Подходит Илья, не кланяется ему да еще обжорою называет:

— Обжора, что ты тут сидишь?

— Ишь ты какой, Илья Муром! Чем я противен тебе? Давай поборемся.

Илья подает ему руку.

Схватил Обжора Илью за правую руку и давай ее жать. Не понравилось это Илье, снял он левой рукой свой шлем и ударил им Обжору.

Покатился Обжора сквозь стену.

Доложили царю, что Илья Муром приехал, победил всех богатырей, а сильного-могучего богатыря наповал убил.

Послал царь за Ильей своих слуг, просит явиться в царские палаты.

Отвязал Илья от седла Соловья Разбойника, посадил его за пазуху и пошел к царю. Поздоровался с царем и царицей.

— Здравствуйте, царь и царица!

— Здравствуй, Илья Муром. Расскажи, как ты добрался до меня через Кривой лес, как тебя пропустил Соловей Разбойник?

— А вам хочется Соловья повидать? Я мимо ехал, победил его, да еще и глаз ему вышиб. Вот он!

— Прикажи-ка ему, Илья Муром, свистнуть, как он свистит.

— Нет, вы не стерпите его свиста. Дайте-ка мне ваши головы под мышки, а то плохо вам будет.

Взял Илья Муром головы царя и царицы под мышки и велел Соловью засвистеть самым малым свистом.

Соловей как свистнул, так потолок провалился и крыша рухнула.

Рассердился Илья Муром, взял саблю острую и порубил Соловья на мелкие кусочки.

А потом взял эти кусочки, подул на них, и полетели они крохотными соловьями по белому свету, каждый соловей с крошечку, а как засвистит — так и оглушит.

Простился Илья с царем и поехал искать себе супротивника.

Едет он к Киеву, в ту сторону, где, по слухам, живет сильный-могучий, незрячий Алькадым-богатырь.

Ищет Илья его в лесу.

В лесу жил Алькадым, и снилось ему, что умрет он от руки Ильи Муромца.

Задумал он загодя себе гроб сделать.

Едет Илья по лесу и слышит сильный стук.

Подъезжает и видит: делают люди огромный гроб.

— Бог помощь, ребята!

— Благодарим покорно, добрый человек!

— Для кого же вы делаете гроб?

— Для богатыря Алькадыма.

— А вот я его и ищу. Где он находится, каким путем к нему ехать? Зачем вы живому богатырю гроб делаете?

— Ему во снах чудится, что он умрет от Ильи Муромца, так он заранее себе и гроб заказал.

— Ну, делайте, да поскорее. Я и есть Илья Муром, еду к нему в гости.

— Поезжайте этой тропой, прямо к нему попадете.

Дом огромный, крепко-накрепко заперт завалами: нельзя к нему подступиться.

Начал Илья, ни на что не глядя, дверь за дверью разбивать. Разломал семь дверей и видит Алькадыма.

— Здравствуй, богатырь Алькадым!

— Здравствуй! Кто ты такой есть?

— Илья Муром.

— А, Илья Муром! Ну, давай поздороваемся!

Подав Илья Муром правую руку. Крепко сжал ее Алькадым.

Не понравилось это Илье.

Схватил левой рукой свой богатырский шлем и ударил им Алькадыма. Тут ему и смерть пришла. А Илья поехал себе дальше по белу свету.

ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ

Жили себе старик со старухой. Богатые. На выселке жили. Народился у них сын Илюшка, народился и сел сиднем — скрючило ему руки и ноги. Просидел он так тридцать три года.

Отлучились как-то отец с матерью в поле, а к нему подошли трое нищих и говорят:

— Илюшка, подай чего-нибудь!

— И рад бы, да не могу встать.

— Э,— говорят,— прикидываешься.

А он и вправду не может встать.

— Вытяни-ка,— говорят,— ногу!

Нога и выпрямилась.

— Вытяни-ка другую!

И эта выпрямилась. Ну и руки так же. Встал Илья и спрашивает:

— Чем же мне вас отблагодарить?

— Возьми вон ведро, сходи в погреб да нацеди нам вина.

Побежал он, нацедил вина, приносит, а нищие говорят:

— Выпей.

Он выпил.

— Сходи еще ведро нацеди.

Он другое приносит.

— Выпей и это. А теперь сходи третье нацеди, нас же трое. Этим ты нас и отблаговаришь.

Приносит он и третье.

— Выпей и это.

Он и это выпил.

— Ну как, чуешь ты теперь в себе силушку?

— Кабы в небо да в землю воткнуть столб, да было бы на том столбе колесо, так весь свет одной рукой перевернул бы!

Глянули они друг на дружку.

— Сходи,— говорят,— да принеси еще лохани этого вина.

Илья принес.

— Выпей и это.

Выпил.

— Ну, теперь какую чуешь в себе силушку?

— Да половину,— говорит,— той.

— Ну и хватит с тебя, в бою не сгинешь. А теперь слушай: дожدهшься ты будущей недели, попросишь у батьки сто рублей денег и ступай в город. Как дойдешь до перекрестка, недалеко от города попадется тебе навстречу старик с косматым жеребенком в поводу. Так вот, чтоб ты того жеребенка у него купил. А запросит он с тебя сто рублей. Это будет твой конь. Приведешь ты его домой, три дня покормишь белоярой пшеницей да три дня станешь выпускать его на зорьке на шелкову травку поваляться. Тогда увидишь, что это за конь.

Так он и сделал. И выросла у жеребенка шерстка золотая да серебряная. И стал проситься Илюшка у отца: пусти, дескать, меня по свету погулять.

Тот пустил. Сел Илюшка на коня и поскакал.

Ехал, ехал, вот и перекресток; стоит меж трех дорог столб, на столбе дощечка, на ней написано: «Направо поедешь — женат будешь, налево поедешь — богат будешь, прямо поедешь — убит будешь».

Подумал Илюшка: «Жениться я не хочу, богатство мне не надобно. Поеду-ка я туда, где убитому быть. Мне ведь калики перехожие говорили, что я в бою не сгину».

И пустился он прямоезжею дорогою. Ехал, ехал, выезжает на поляну, и выходят к нему из лесу двенадцать разбойников.

— Стой!

Он стал.

— Отдавай деньги!

— Денег-то у меня маловато, и всего-то рублей четыре-ста. А вот сертучок мой тысячу стоит. А коню моему и цены нет.

— Этого нам,— говорят,— и надо.

— Этого вам и надо?

Дунул на них, они бац об землю и лежат без памяти.

Слез он с коня, поднял их всех и говорит:

— Вот что, если станете еще разбойничать, в другой раз в живых вас не оставлю.

Они перед ним по горсти земли съели, поклялись:

— Вовеки разбойничать не будем.

— Ну ступайте!

Сам пустился дальше. А там Соловей Разбойник свил себе гнездо на двенадцати дубах и живет в нем. А он за три версты свистом людей убивал. Как только завидит кого, свистнет — и нет того человека.

Вот видит Соловей Разбойник, едет какой-то всадник. Подпустил он его поближе, да как свистнет, так конь на колени и пал.

Спрыгнул Илюшка с коня:

— Стой, конь, не падай!

Натянул свой тугой лук, да как резанул Соловья Разбойника прямо в правый глаз,— так сразу и выбил. Тот кубарем на землю. Подъехал к нему Илья, привязал его к стремени и поскакал в Киев-град. Приехал к князю. Князь и спрашивает:

— Это что за зверь?

— Это Соловей, который людей губит.

— А... мы о нем наслышаны... Велика ему свистнуть.

— Нет, если велю, так и вас на свете не будет и весь Киев-град порушится. А коли хотите послушать, так спрячьтесь сперва в подвал за трое дверей. А я ему велю только в четверть голоса просипеть, а не то что спеть.

Соловей Разбойник как засипел, так не осталось в тереме ни одного окошка. А кто в подвале был, так и те пооглохли. Тогда взял его Илья да так шибанул кверху, что тот упал и убилися насмерть.

А тут, у князя, два богатыря служили, Алеша Попович и Добрыня Никитич. Вот и Илюшка к ним пристал. Стали втроем князю служить.

Вот приезжает сюда неведомо откуда богатырь и проезжается возле их палаток.

— А ну, выходи на бой который-нибудь!

Выезжает к нему Алеша Попович. Тот как махнул, так Алеша и упал замертво, как сноп. Выезжает тогда Добрыня Ники-

тич. Он и его так же. Тут уж выезжает Илюшка. Как двинул, так тот богатырь сам, как сноп, покатился. А Илюшка остался слушать.

Долго ли, коротко ли прослужил он у князя, присылает ему отец письмо: «Приезжай домой, мы с матерью помираем. Некому будет добром пользоваться».

Сел он на коня и поехал домой. Дома женился и стал жить. Прожил он там до старости, до седых волос.

Вот заехал как-то в Киев-град богатырь, да такой, что одна голова с целый стог. Князя в темницу засадил, а себе велел прорезать в тереме стену (в двери-то не пролезал). И приказывает он городу, чтоб ему напекли хлеба в двенадцати печах да подтелка чтобы зажарили, да кабана, да гуся, да утку, да индюка, да курицу, да чтобы бочонок вина выкатили. Это все он за день съедал. И чтоб было так каждый день. Так и жил.

Вот приказывает он как-то, чтобы все нищие шли к нему, он-де будет оделять их милостыней.

Прослышал об этом Илюшка. Собрал себе нищенскую суму, сел на коня и поехал опять в Киев. Приезжает туда, коня поставил, сам пошел к терему и просится:

— Откройте, подайте убогому Христа ради.

Тот из-за стола вылез, открыл ему двери, а сам снова за стол и ест.

— Откуда ты, старец?

— Оттуда и оттуда.

— Вот это-то мне и надо. Скажи-ка мне, там, говорят, есть богатырь у вас, Илюшка. Расскажи про него, я тебя награжу.

— Есть такой.

— Каков же он, такой, как я?

— Да нет! Такой, как я. Кабы нас с ним в пару поставили, так сказали бы, что мы братья. Не различишь.

— Э... Такой-то богатырь? А говорят, сильный! Вот видишь, по сколько я ем да пью?

А Илюшка отвечает:

— У нас на краю деревни пан живет, у него коров и не счесть. А самая большая трех стоит. Так вот она выпивает по три бочки браги. А наемни взяла да четвертую выпила. Выпила да лопнула. Смотри, как бы и с тобою этого не приключилось.

Осерчал богатырь, хват из-за пояса кинжал да в Илюшку его. А тот кивнул головой, кинжал и пролетел мимо. А у Илюшки была шапка в сорок пудов. Он хват ту шапку да как стукнет ею богатыря, так голова и влипла в стену.

Выпустил Илюшка князя, а тот от радости не знает, что и делать.

Стали пить да гулять. Князь и говорит:

— Вот тут у нас в лесу на поляне сильный-пресильный богатырь. Он ту поляну пашет.

Пошел Илья на ту поляну и видит: пашет человек. Отъехал недалеко от дороги и сохою пашет.

— Погоди,— говорит Илья,— иди-ка сюда, скажи ты мне: где-то тут, говорят, есть больно уж сильный богатырь.

А тот отвечает:

— Я богатырь.

— Э-э-э... такой-то богатырь!

— Да уж такой богатырь.

— Да я ж тебя как взял бы, на ладонь бы посадил, да и подкинул бы под самую тучку.

— А может, я бы тебя подкинул. Подойди-ка к моей сошке да попробуй с нее землю стрясти.

Подошел Илюшка к той сохе, взялся за нее, а с места никак не стронет.

— Да,— говорит,— правда твоя, ты бы меня подкинул.

Вот опять пошел он к князю, и давай они снова пир пировать.

А тут пришли к князю посланцы и говорят:

— Прилетел в Киев змей о двенадцати головах и поселился возле Лавры.

Илюшка пошел туда. Взял свой меч и стал биться со змеем, да только без толку: срубит голову, а она вновь нарастает. До тех пор бился, покуда сам по колени в землю не ушел и не превратился в камень.

Он и теперь стоит там. Я сам его видал.

И говорят люди, что, как только уйдет он весь в землю, тут и свету конец.

КИРИЛА БОЖЕМЯКА

Жил-был в Киеве князь. Недалеко от Киева находился Змей. Каждый год князь присылал ему дань: отдавали молодого парня либо девушку. Дошла очередь и до дочери князя. Делать нечего: раз отдавали другие, нужно и ему отдавать дань Змею.

Послал князь Змею свою дочку. А дочь была такая красивая, что другой такой и не сыскать. Полюбил ее Змей. Вот она к нему подольстилась и спрашивает однажды:

— Есть ли на свете такой человек, который одолел бы тебя?

— Есть,— говорит,— такой человек в Киеве. Живет он над Днепром: как затопит печь, то дым под небесами стелется, а как выйдет на Днепр мочить кожи, так не одну несет, а сразу двенадцать. А как намокнут они в Днепре, да и я еще уцеплюсь за них, а он и не чувствует тяжести, возьмет и меня с кожами на берег стащит. Только этого человека мне и страшно.

Запали эти слова княжне в душу, и думает она, как ей письмо домой послать да на волю к отцу выбраться. А при ней не было ни

души, только один голубок, вырастила она его на счастье. Написала княжна отцу: «У вас, говорит, батюшка, есть в Киеве человек по имени Кирила, а по прозвищу Кожемяка. Попросите вы его через старых людей, не захочет ли он со Змеем побороться, не захочет ли меня, бедную, из неволи выручить? Попросите его, батюшка, и речами и подарками, не обиделся бы он за какое-нибудь грубое слово. Я за вас и за него век буду богу молиться». Написала так, привязала записку под крыло голубю и выпустила его в окошко. Взвился голубок под синее небо и прилетел домой, на подворье князя. Увидели дети князя голубя и говорят:

— Батюшка, это ведь голубок от сестры прилетел.

Князь сначала обрадовался, а потом подумал, да и опечалился.

— Видно, погубил уже проклятый Змей мою дочку.

Поймали голубя, смотрят, а под крылом письмо. Князь — за письмо, читает и себе не верит, что дочь жива. Тотчас позвал бояр, посоветовался с ними и послал к Кириле Кожемяке самых старых людей.

Приходят они к его хатке, открыли потихоньку двери и испугались. Видят: сидит сам Кожемяка и мнет руками двенадцать кож. Вот один из посланцев кашлянул. Вздогнул Кожемяка и все двенадцать кож разорвал. Поклонились они ему и говорят:

— Князь с просьбой прислал нас к тебе.

А он и не слушает: из-за них двенадцать кож порвал. Просили они, просили, да и пошли, опустив головы. Тогда князь послал малых детей. Те так стали плакать, что и сам Кожемяка не вытерпел, заплакал и говорит:

— Ну, для вас я сделаю.

Пошел к князю, взял двенадцать бочек смолы и двенадцать возов коноплей, обмотался коноплей, осмолился смолой, взял булаву пудов на десять и пошел биться со Змеем. Бились, бились Кожемяка со Змеем, и победил Кожемяка окаянного. Убил он Змея, освободил княжну и отдал князю. Не знал князь, как его благодарить, чем его и наградить.

Так вот с тех-то пор и стало называться то урочище, где жил Кирила, Кожемяками.

БРАТЯ ГАДИМОВИЧИ

В некотором царстве, не в нашем государстве, на ровном месте, как на бороне, жил-был царь Гадим.

Было у него три сына: первый сын Иван Гадимович, другой — Алексей Гадимович, третий сын Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница. Гуляли царевичи в саду. Вздумалось их отцу свое царство проведать. Выходит он на парадное крыльцо и кричит громким голосом:

— Иван Гадимович!

Иван Гадимович к палатушкам прибегает, шапочку снимает:

— Что, государь-батюшка, прикажете?

— Сын мой милый, сын мой любимый, как бы наше царство проведать?

— Это можно!

Входит Иван Гадимович в палаты, надевает царские одежды и берет острое копье. Идет он в стойла-конюшни выбирать себе коня. Выбрав коня Лататая, Иван Гадимович со двора съезжает, отцу с матерью честь отдает. Поехал он за горы крутые, за реки большие. А за горами крутыми, за реками большими трава шелковая, роса жемчужная; стоят там кровати тесовые, перины пуховые, одеяла шелковые. Пустил он коня Лататая на траву, а сам лег на кровать и уснул. И увидел он сон дикий, сон страшный: наезжает на него Чудо-Юдо Беззаконный. Проснулся Иван Гадимович и испугался. Оседлал он своего коня Лататая, приехал домой. Коня поставил в конюшню, копье и одежду царскую в палаты отнес, а сам пошел к отцу с поклоном.

— Батюшка, Гадим Цимбалдович! И полпути не проехал, занемог: бросило меня в пот, по коже мороз пошел.

— Ну, сын мой, Иван Гадимович, я тебе прощаю. Ты еще нигде не бывал и людей не видал.

Выходит царь Гадим на парадное крыльцо и кричит громким голосом:

— Алексей Гадимович!

Алексей Гадимович к палатушкам подбегает, шапочку снимает:

— Что, государь-батюшка, прикажешь?

— Сын мой Алексей Гадимович, не можешь ли ты проведать, что в нашем царстве дееся?

— Это, батюшка, можно.

Пошел Алексей Гадимович во дворец, надел царскую одежду, подпоясал золотую шпагу. Пошел он в стойла-конюшни и выбрал себе коня Ращея.

Алексей Гадимович со двора выезжал, отцу, матери честь отдавал. Поехал он за горы крутые, за реки большие. За горами крутыми, за реками большими трава шелковая, роса жемчужная; там стоят кровати тесовые, перины пуховые, одеяла шелковые. Пустил он Ращея на траву, а сам лег на кровать и уснул. Видит он сон дикий, сон страшный: наезжает на него Чудо-Юдо Беззаконный и хочет его убить. Пробудился Алексей Гадимович, испугался, оседлал своего рысистого Ращея и поехал назад. Поставил коня в конюшню, сбросил одежду царскую и целых три дня отцу на глаза не показывался. Пришел к нему отец, а он лежит на кровати.

— Милый мой сын Алексей Гадимович! Ну как, проведаль ты мое царство?

— Нет, батюшка, и половины не объехал, занемог.

— Ну, прощаю тебе, ты еще нигде не бывал и людей не видал.

Выходит Гадим на парадное свое крыльцо и кричит громким голосом:

— Ставер Гадимович!

Ставер Гадимович к палатушкам подбегает, шапочку снимает:

— Что, государь-батюшка, прикажешь?

— Сын мой Ставер Гадимович, нельзя ли наше царствс проведать?

— Ах, батюшка! Куда уж мне, коли мои старшие братья не справились. Ну да попробую!

Пошел он в стойла-конюшни выбирать себе коня. Всех коней обошел: на которого руку положит, тот на колени упадет, а то и совсем пропадет. Закручинился Ставер Гадимович и думает: «Зайду-ка я к конюху Ивашке Серой Сермяжке Золотые Пуговицы». Приходит и говорит:

— Здравствуй, Ивашка!

— Здравствуй, Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница, что тебе надобно?

— Нет ли у тебя коня по мне, у тебя ведь большой табун.

— Нет, милый, у меня по тебе коня нет. Вот, выбирай сам!

Ставер Гадимович стал выбирать себе коня: на которого руку положит, тот на колени упадет, а то и совсем пропадет.

Пошел Ставер Гадимович в чистое поле. А конюх Ивашка Серая Сермяжка Золотые Пуговицы ему вслед кричит:

— Вернись назад в свой отцовский дом! Возле амбара погреб, а в погребе за двенадцатью дверями стоит конь твоего деда Цимбалды; он уже тридцать лет ест ярую пшеницу; вот этот конь по тебе.

Подошел Ставер Гадимович к погребу, а конь так заржал, что шесть дверей вышибло, а шесть вышиб Ставер Гадимович. Выскочил из погреба конь и взвился на дыбы: он тридцать лет свету не видал, взаперти стоял. Схватил Ставер Гадимович его за повод, да как ударил по спине, так конь как вкопанный встал. Входит Ставер Гадимович в погреб и видит доспехи богатырские. Надел он панцирь, подвязал меч-кладенец и взял приметы богатырские: золотую чарку и колоду карт. Сел он на коня и крикнул богатырским голосом:

— Прощайте, батюшка и матушка!

Как прыгнул конь, только хвост в облаках метнулся. Едет Ставер Гадимович, радуется, сам с собой рассуждает: благодарю бога, хоть по свету погуляю немного. Подъезжает к Балканским горам, горы эти за облака заходят. Ходит по этим горам Горовик с лопатой: как черпанет гору, так и снесет ее долой.

— Бог помощь, Горовик!

— Спасибо, Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница! Куда едешь?

— Еду свет поглядеть и себя показать!

— Возьми и меня с собой!

— Как же тебя взять, когда ты при должности?

- Эта должность плохая.
- Ну, когда так — пойдем!

Ставер Гадимович едет на коне, а Горовик за ним пешком поспевает. Подходят они к дубовой роще. Ходит в роще Дубовик, вырывает дубы и раскидывает их.

- Бог помощь, Дубовик!
- Спасибо, Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница! Куда едешь, куда путь держишь?
- Еду белый свет поглядеть и себя показать.
- Возьми и меня с собой!
- Как же тебя взять, ведь ты при должности?
- А эта должность плохая: дубы сильно срослись, так я их прореживаю.

- Ну, когда так — пойдем!

Дубовик вырвал дуб в двенадцать обхватов, идет подпирается, за ним вслед управляется.

Подъезжает Ставер Гадимович со своими товарищами к реке Дон. Видит, сидит там Усыня. На одном усе пруд держит, а на другом — плотину.

- Здравствуй, Усыня! Бог помощь!
 - Спасибо, Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница. Куда едешь, куда путь держишь?
 - Еду белый свет поглядеть и себя показать!
 - Возьми, брат, и меня!
 - А зачем же тебя брать, ты при должности.
 - А ну, переезжайте-ка через мост, увидите, что будет.
- Переехали они мост. Вот Усыня как крутнул своими усами, то и плотина и мост долой с усов.

Стало их четверо. Вот заехали они в тридевятое царство, в тридешатое государство, на реку Малиновку, на Калинов мост. Стоит там избушка на курьих ножках, на бараньих рожках.

— Ну, братцы, давайте мы в этой избушке отдохнем суток двое,— говорит Ставер Гадимович.— Эта хатка сама топится, еда сама готовится. Столы там дубовые, скатерти шелковые.

Гуляли они до вечера, да делать нечего — надо в дозор идти. Ставер Гадимович говорит:

— Ты, Горовик, оставайся тут настороже, а я тебе дам приметы богатырские: чарку и колоду карт; как будет чарка полна крови, то спеши ко мне на подмогу; я пойду на реку Малиновку, на Калинов мост.

— Буду стараться, Ставер Гадимович, храни тебя бог!

Поехал он на реку Малиновку, на Калинов мост. Сел под мост и дожидается. В самую глухую полночь едет Чудо-Юдо Беззаконный о трех головах полонить силу безвинную. Только на мост въехал, конь его споткнулся, соболю забрежал, сокол заклекотал, Чудо-Юдо и говорит:

— Ты, лошадиное мясо, чего спотыкаешься? А ты, песье мясо, чего брешешь? А ты, ястребиные перья, чего клекочешь? Неужто

вы супротивника чуєте? У меня есть супротивник Ставер Гадимович, да сюда и ворон костей его не занесет!

Ставер Гадимович выскочил из-под моста и говорит:

— Не ворон кости богатыря заносит, добрый молодец сам заходит!

Бросились они врозь на три версты, да как сшиблись, словно гром грянул.

Ставер Гадимович срубил ему три головы и бросил в реку, а коня, соболя и сокола с собой забрал. Подъехал к хатке и говорит:

— Вот, Горовик, тебе конь, соболю и сокол!

— Спасибо тебе, Ставер Гадимович!

Пили-гуляли они до вечера, да делать нечего, надо в дозор идти. Ставер Гадимович говорит:

— Ну, Дубовик, становись на стражу. Вот тебе приметы богатырские: чарка и колода карт; как будет чарка полна крови — спеши тогда мне на подмогу!

— Слушаю, Ставер Гадимович, буду стоять!

Поехал Ставер Гадимович на реку Малиновку, на Калинов мост. В самую полночь едет Чудо-Юдо в шести головах. Конь его на мосту споткнулся, соболю забрежал, сокол заклекотал.

— Ты, лошадиное мясо, чего спотыкаешься? А ты, песье мясо, чего брешешь? А ты, ястребиные перья, чего клекочешь? Неужто вы супротивника чуєте? У меня есть супротивник Ставер Гадимович, да сюда и ворон его костей не занесет.

Ставер Гадимович выскочил и говорит:

— Не ворон кости богатыря заносит, добрый молодец заходит!

Бросились они врозь на шесть верст, да как сшиблись, словно гром грянул. Ставер Гадимович срубил ему шесть голов и бросил в реку, а коня, соболя да сокола привез домой и отдал Дубовику.

На третью ночь ставит он на стражу Усыню и приказывает ему: когда чарка будет набегать кровью, чтобы спешил он к нему на подмогу. А сам поехал под Калинов мост.

В самую полночь едет Чудо-Юдо о девяти головах. Только он въехал на мост, его конь споткнулся, соболю забрежал, сокол заклекотал.

— Ты, лошадиное мясо, чего спотыкаешься? А ты, песье мясо, чего брешешь? А ты, ястребиные перья, чего клекочешь? Неужто вы супротивника чуєте? У меня есть супротивник Ставер Гадимович. Да сюда и ворон костей его не занесет!

Ставер Гадимович выскочил и говорит:

— Не ворон кости богатыря заносит, добрый молодец сам заходит!

Бросились они врозь на девять верст, да как сшиблись, словно гром грянул. Ставер Гадимович срубил ему девять голов и бросил в реку, а коня, соболя и сокола забрал с собой и отдал Усыне.

Гуляли они день до вечера, да делать нечего: надо в дозор идти. Ставер Гадимович говорит:

— Ну, братцы, сегодня вы все не спите! Вот вам колода карт, играйте, а вот вам чарка: когда будет она набегать кровью, спешите ко мне на подмогу.

Поехал он на реку Малиновку, под Калинов мост. А богатыри, Горовик, Дубовик и Усыня, играли-играли в карты, да и говорят:

— С ним никогда ничего не случалось, давайте спать.

Взяли да и заснули. В самую глухую полночь едет к Калинову мосту Чудо-Юдо о двенадцати головах. Въехал он на мост, конь его споткнулся, соболю забрежал, сокол заклекотал.

— Ты, лошадиное мясо, чего спотыкаешься? А ты, песье мясо, чего брешешь? А ты, ястребиные перья, чего клекочешь? Неужто вы супротивника чувствуете? У меня есть супротивник Ставер Гадимович, да сюда и ворон костей его не занесет!

Ставер Гадимович выскочил и говорит:

— Не ворон кости богатыря заносит, добрый молодец сам заходит!

Разъехались они врозь на двенадцать верст, да как сшиблись, словно гром грянул.

Вот Чудо-Юдо как ударил Ставера Гадимовича, так и вогнал его по колена в землю, а Ставер Гадимович снес ему три головы. Говорит Ставер Гадимович:

— Ах, Чудо-Юдо, дай мне отдохнуть, отца с матерью помянуть!

— Ну, поминай!

Ставер Гадимович выбрался из земли, снял сапог, как ударил им по хатке, так и сшиб крышу, а богатырей не разбудил. Опять разъехались они врозь на двенадцать верст. Сшиблись, словно гром грянул. Как ударил Чудо-Юдо Ставера Гадимовича — по пояс в землю вогнал, а Ставер Гадимович ему шесть голов снял.

— Ах, Чудо-Юдо, дай мне отдохнуть, отца с матерью помянуть!

— Ну, отдыхай!

Вот Ставер Гадимович выбрался из земли, снял с левой ноги сапог, как ударил по хатке — по самые окна ее снес.

Пробудились тут богатыри, глядят: уже полная чарка крови набежала. Схватили они свои доспехи, бросились на Чудо-Юдо и порубили его в куски, порубили и коня его, соболя и сокола и все в реку бросили.

Ставер Гадимович говорит:

— Ну, братцы, чуть было не прозевали!

— Прости, Ставер Гадимович!

— Да ладно, садитесь на коней, поедем!

Много ли, мало они ехали, вот Ставер Гадимович говорит:

— Ну, братцы, поезжайте тихим шагом, а я вернусь назад: я позабыл приметы богатырские.

А богатыри отвечают:

— Не стоит возвращаться за богатырскими приметами, доедем до города — купим!

— Нет, братцы, старые лучше новых.

Поскакал он назад, а Горовик, Дубовик и Усыня поехали дальше тихим шагом.

Ставер Гадимович прискакал в тридевятое царство, в тридесатое государство, где стоял Чудо-Юдин дом, вспрыгнул он на третий этаж, на балкон, стал под окном и слушает, что будут говорить.

Свекровь Змея-Шкурупея говорит:

— Ну, мои невестушки, нет ваших мужей, а моих сыновей, их убил Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница.

Младшая невестка говорит:

— Я думаю вот что сделать: напущу на них дремоту, забегу вперед и обернусь четырьмя шатрами, а в каждом шатре по кровати. Захотят они спать, лягут на эти кровати, а их и разорвет на мелкие части.

Средняя говорит:

— А я на них жару нагоню, они захотят пить, я забегу вперед и обернусь колодецем. Как они напьются, так их и разорвет на мелкие куски.

Старшая невестка говорит:

— Я на них напущу голод: как захотят они есть, я забегу вперед и обернусь яблоней с золотыми и серебряными яблочками. Как поедят они яблочек, так и разорвет их на мелкие кусочки.

А свекровь говорит:

— Ну, а я не по-вашему: кого догоню, того и съем.

Ставер Гадимович думает: «Ладно, посмотрим!» Поехал он догонять своих товарищей, в три часа догнал их, спрашивает:

— Ну, братцы, кто из нас будет старший?

— А будь ты, Ставер Гадимович.

— Раз так, то и слушайте меня во всем!

Ехали они, ехали, сильно им захотелось спать: чуть с коней не падают. Вдруг видят стоят шатры, бросились богатыри коней стреножить, хотели спать ложиться, а Ставер Гадимович говорит:

— Подождите, братцы, сначала я себе кровать облюбую!

Выхватил он свой меч-кладенец и давай рубить шатры да кровати: не стало ни шатров, ни кроватей, только кровь полилась.

Поехали они дальше. Стало им жарко, захотелось пить. Увидели они колодец, бросились к нему. Ставер Гадимович им вслед:

— Стой, братцы, сначала я напьюсь!

Выхватил он свой меч и давай рубить колодец: не стало колодца, только кровь полилась.

Поехали они дальше, очень им захотелось есть. Видят они — стоит яблонька: золотые яблочки и серебряные. Бросились богатыри к яблоне, а Ставер Гадимович говорит:

— Стой, братцы, сначала я попробую!

Выхватил он меч, как начал рубить яблоню — не стало ябло-
ни, только кровь полилась.

— Ну, братцы, а теперь кто уйдет, того и бог спасет.

Поскакали они во всю прыть. Догоняет их свекровь Змея-Шкурупея, схватила Дубовика и проглотила его вместе с конем, с соболем, с соколом и с дубом. Потом проглотила Горовика с лопатою и всеми его доспехами и с охотою. Покуда она справля-
лась с ним, Ставер Гадимович и Усыня за тысячу верст умчались.

Догнала их свекровь Змея-Шкурупея, схватила Усыню и проглотила его с усами и всеми его доспехами. А Ставер Гадимо-
вич в эту пору прискакал к железной кузнице, где работал куз-
нец Кузьма-Демьян:

— Святой Кузьма-Демьян, избавь от нечистой силы!

Кузьма-Демьян впустил его в кузницу и запер дверь. При-
летела Змея-Шкурупея к кузнице и говорит:

— Кузьма-Демьян! Поддай мне Ставера Гадимовича, а то я
тебя съем!

— Пролижи за три раза стену в кузнице, тогда я тебе его по-
сажу на язык!

Стала Змея лизать за три раза стену, пролизала, просунула
язык до самой наковальни:

— Ну, сажай его!

Кузьма-Демьян раскалил клещи в двенадцать пудов, схватил
ее за язык клещами, взял молот в сто пудов, да как начал дубасить
по языку, а Ставер Гадимович ему помогает. Били, били и гово-
рят:

— Подавай нашего Усыню!

Харкнула Змея, выплюнула живого Усыню со всеми его до-
спехами. Стали бить ее втроем:

— Подавай Дубовика!

Она и его выплюнула вместе с дубом. Дубовик как начал
ее молотить дубом:

— Подавай Горовика!

Она выплюнула и Горовика со всеми его доспехами. Стал
Горовик бить ее лопатою.

Стоял около кузницы волоколамский плуг, взяли богатыри
железные цепи и запрягли Змею в этот плуг. Поехали на ней к
морю, пропахали ров в двенадцать аршин глубины и ширины.
Подошла она к морю, начала пить. Пила, пила, покуда не лопну-
ла. Богатыри ее сожгли на огне, а золу рассыпали по полю, зола
тут же ожила и обернулась мошкаррой.

Отпустил богатырей Кузьма-Демьян и наказал:

— Поедете дорогою, станет кланяться лес лесу, дорога дороге,
трава траве — смотрите не смейтесь!

Поехали они, увидели все это, но не засмеялись, а две чурочки
под пнем кувыркнулись, они и усмехнулись. Откуда ни возьмись
явился царь Кокоть, борода с локоть, семьдесят аршин желез-
ный кнут, из семидесяти воловьих шкур сумка. Обмотал он бога-

тырей железным кнутом, посадил их в сумку, принес домой, бросил в острог и говорит:

— Ну, Ставер Гадимович, есть в тридесятом царстве, в тридесятом государстве царь Ирод, а у него есть дочка Алена Прекрасная; если не достанешь мне ее, то навеки отсюда не выпущу.

— Отдай мне моих дружков, тогда достану.

— Ну нет, я тебе их не отдам.

— Ладно, я их у тебя оставляю, только ты их не мучь.

Отправился Ставер Гадимович в тридесятое царство, в тридесятое государство, к царю Ироду. Едет он по крутым горам, а по горам ходит старик с метлой.

— Здравствуй, Ставер Гадимович Сам-Малолетен-Пьяница. Куда едешь?

— Еду к царю Ироду за Аленой Прекрасной.

— Возьми и меня с собой.

— А как же мне брать тебя, ты при должности!

— Да эта должность плохая, я сгоняю звезды в кучу, чтобы они светили.

— Ну поедем!

Ехали они вдоль речки. Сидит там рыболов.

— Здравствуй, Ставер Гадимович, куда едешь?

— Еду к царю Ироду за Аленой Прекрасной.

— Возьми и меня с собой!

— Поедем! Да только как мы через реку переедем: моста нет.

— А погодите!

Рыболов нагнулся, выпил всю реку, а когда они переехали, опять ее выпустил. Шли они шли, видят: два парня лес жгут, и сгонь у них до самого неба.

— Ставер Гадимович, возьми и нас с собой!

— Нет, молодцы, не возьму, ваш огонь опасен: где-нибудь вы все царство сожжете.

Тогда один парень зашел с одной стороны, другой — с другой стороны; один дунул, другой плюнул — не осталось ни одной искорки, даже трубки нельзя закурить. Так собралось их пять человек. Приходят они ко дворцу царя Ирода. Дом его огромный, вокруг двора железный частокол, а на каждом колу по человеческой голове. Только на пяти кольях голов нет. Испугался Ставер Гадимович и говорит:

— Ну, ребята, знать на этих кольях будут сидеть наши голызы!

А рыболов в ответ:

— Ах, Ставер Гадимович, какой же ты богатырь: сразу же испугался? Бог милостив! Ты не робей, а иди прямо к царю, а когда он будет спрашивать, сколько нас человек, говори, что пять. Он скажет: «Я приготовлю к свадьбе пятьсот быков, съедите вы их?» А ты отвечай: «Попробуем». Он скажет: «Я приготовлю пятьсот караваев, пятьсот пирогов, пятьсот бочек пива, вы это съедите, выпьете?» А ты отвечай: «Попробуем».

Пришел Ставер Гадимович в дом: царь Ирод обедает вместе с крысами, мышами, лягушками и всякой тварью. Увидел Ставер Гадимович эту нечисть, рассмеялся, а Ирод рассердился.

— Что ж ты, смеяться надо мной пришел?

— Нет, ваше царское величество, я пришел сватать Алену Прекрасную.

— Ну, как говорится: придет девке пора, не удержишь у двора. Пора выдавать. Сколько же с тобой людей, чтобы знать, сколько чего приготовить?

— Пятеро нас.

— Тогда я приготовлю пятьсот быков жареных; съедите ли?

— Попробуем.

— Приготовлю пятьсот пирогов и пятьсот караваев хлеба; съедите вы все?

— Попробуем.

— Наварю пятьсот бочек пива; выпьете вы все?

— Попробуем.

— Ну, когда так, то отдам Алену Прекрасную. А теперь хочу я вам баню истопить, чтобы вы помылись с дороги.

— Что ж, это хорошо.

А баня у царя Ирода была железная, сжигали в ней сто сажень дров. Посреди бани стоял железный чан, и влезало в тот чан пятьсот ушатов воды. А в чане были железные прутья парить гостей. Был у Ирода несгораемый человек, он-то и топил баню.

Истопил он баню, они и пошли туда, а к ней за сто сажень нельзя приступить. Тогда зашли с двух сторон парни, которые жгли лес: один дунул, другой плюнул — в котле горячая вода замерзла на аршин и приморозила несгораемому человеку бороду. Пришли богатыри к Ироду и говорят:

— Что же ты смеешься над нами? В холодную баню посылаешь мыться?

Не поверил царь Ирод, побежал сам в баню.

— Что же ты, несгораемый человек, наделал: я тебе приказал жарко баню натопить, а ты даже себе бороду приморозил.

Схватил несгораемого человека за бороду и оторвал ее.

Приказал тогда Ирод поставить посреди двора стол, зовет богатырей обедать. Сначала подали им пятьсот бочек пива. Рыболов взял да и выпил все и еще попросил. Подали пятьсот пирогов, пятьсот караваев и пятьсот быков жареных.

Съели богатыри по кусочку, а рыболов разинул рот и говорит: — А ну, братцы, кидайте!

Побросали они ему всю закуску, он проглотил и еще попросил. Богатыри думали, что Ирод скачет, а он в хоромаш сидит да плачет. Потом рыболов и говорит:

— Братцы, стройте помост, я на двор хочу!

Выстроили ему помост в три аршина высотой, влез он наверх, так напакостил, что пять дней вывозили на лошадях.

Делать нечего, усадил царь Ирод Алену Прекрасную в золотую карету и говорит:

— Ну, везите, выиграла!

Поехали богатыри обратно. Вот приехали они к тому месту, где два парня жгли лес.

Парни и говорят:

— Ну, Ставер Гадимович, спасибо тебе, что напоил и накормил ты нас!

Один дунул, другой плюнул: снова огонь до неба, стали они вновь жечь лес.

Подъехали богатыри к реке; стала тут Алена Прекрасная плакать и жаловаться, попросила воды напиться. Подали они ей воды в стакане, а она говорит:

— Нет, вы меня пустите, я сама из реки напьюсь.

Выпустили они ее из кареты, а она обернулась рыбой-щукою и ушла в воду.

Испугался Ставер Гадимович, а рыболов выпил всю реку, нашел рыбу-щуку и отдает Ставеру Гадимовичу.

— Спасибо, Ставер Гадимович, что ты меня напоил и накормил.

И сел опять возле реки.

Подъехал Ставер Гадимович со стариком к горам Балканским. Царевна просит:

— Ах, Ставер Гадимович, выпусти меня из кареты: мне тошно.

Выпустил он ее, а она обернулась звездочкой и побежала по небу.

Тогда старик схватил свою метлу и поймал ее, подает ее Ставеру Гадимовичу.

— Спасибо, Ставер Гадимович, что ты меня напоил и накормил.

Посадил он Алену Прекрасную в карету и говорит:

— Ну, теперь не бойся: она твоя будет.

Подъезжают они к царю Кокотю, а царевна и говорит:

— Ну, Ставер Гадимович, я буду твоя.

Только вышла Алена Прекрасная из кареты, так царь Кокоть сразу в нее и влюбился. Приказал царь Кокоть вырыть яму в двенадцать сажен ширины, в двенадцать сажен глубины, перетянуть через нее горячую проволоку, а на дно всыпать горячих углей. Говорит царь Кокоть:

— Ну, Ставер Гадимович, ехали вы с царевной вдвоем, кто знает, что у вас было. А если ты честен, то пробеги по этой проволоке через яму.

А сам стал говорить с царевной. А она отвернулась и тихонько сказала, чтобы перекинули богатыри через яму тесину.

Только Ставер Гадимович перебежал яму, тесина и сгорела.

Ставер Гадимович кричит:

— А ну-ка, царь Кокоть, может и ты моих ребят мучил: перебеги-ка и ты.

Захотел царь Кокоть перебежать, да свалился в яму и сгорел.

Ставер Гадимович забрал своих богатырей: Горовика, Дубовика и Усыню, взял Алену Прекрасную, поехал домой. Усыня осталась опять у речи, Дубовик стал рассказывать дубы, а Горовик скапывать горы. Женился Ставер Гадимович на Алене Прекрасной и стал царем.

АВДОН АВДОНОВИЧ И ВАДАВОН ВАДАВОНОВИЧ

Жил-был царь, и была у него единственная дочь.

Был у царя сад, а в саду — хрустальная криница.

Пошла раз царевна в сад, напилась воды из той хрустальной криницы, да и забеременела.

Родила она двух сыновей-близнецов. Назвал их царь Авдоном Авдоновичем и Вадавоном Вадавоновичем.

Растут сыновья не по дням, а по часам. Выросли и говорят царю:

— Дедушка! Не дашь ли ты нам по коню? Хочется нам погулять по белу свету.

— Хорошо, внучатки. Дам я вам по коню.

Велел он привести пару самых лучших коней.

Приводят. Вышли внуки и только руки положили на коней, а кони-то до самой земли и пригнулись.

Закручинился царь. Все царство на ноги поднял.

Но сколько ни приводили, нет им коней: только руки положат — и блин вместо коня. Не знает царь, что и делать, как достать коней для внуков. Вот пошел он по дороге в лес. Идет навстречу ему старик.

— Здравствуй, царь!

— Здравствуй, старик!

— Я слышал, будто ты ищешь коней своим внукам.

— Да, — говорит царь, — ищу.

— Есть у меня кони для внуков, только они в цепи закованы, и никто их не может взять, кроме твоих внуков. Идите да скажите им, чтобы они ко мне пришли.

Обрадовался царь, бегом побежал во дворец и говорит внукам:

— Идите по этой дороге в лес. Там вас будет ждать старик. Он поведет вас к своим коням, вот вы их и возьмете.

Пришли внуки в лес. Привел старик их к коням. Разбили царские внуки оковы, сели на коней и вернулись к царю.

Приказал царь оседлать коней. Дал внукам по ученому тигру и льву и говорит:

— Гуляйте, внучата, по белому свету.

Вот ехали-ехали Авдон Авдонович с Вадавоном Вадавоновичем и видят: на распутье столб стоит, на столбе — таблица, а на ней

написано: «Направо поедешь — женат будешь, налево поедешь — убит будешь!»

Авдон Авдонович говорит:

— Я поеду правой дорогой.

А Вадавон Вадавонович, более сильный, говорит:

— Ну, а я поеду опасной дорогой, налево.

Вынимает он нож, втыкает его в столб и говорит брату:

— Вот, братец, захочешь узнать, жив ли я, приезжай к столбу, посмотри на мой нож: если будет он чистый, как теперь, то я жив, а если будет ржавым, то я убит.

И поехали братья каждый своей дорогой.

Авдон приехал в одно царство, остановился у царя, и полюбила его царская дочка. Поженились они, стали жить-поживать.

Вадавон приехал в другое царство, заходит он в хатку на краю города, где жила бабка Фекла, да и говорит:

— Бабка, я у тебя буду жить.

— Ну что ж, оставайся.

Накормил он своих слуг — тигра и льва — и запер их в хлеву. Сам же вынимает деньги и дает бабке:

— На, бабка, иди на базар. Купи там чего-нибудь получше поесть да послушай, о чем говорят в городе, а я лягу спать.

Пошла бабка, купила того-сего, наварила еды и будит Вадавона Вадавоновича:

— Вставай, голубок, пора есть.

Встал Вадавон Вадавонович, давай есть, а сам спрашивает у бабки:

— Что слышно в городе?

— В городе говорят, что трехглавый змей приказал царю привезти свою дочь на съедение в море.

Сел Вадавон Вадавонович на коня и поехал к морю. Подъезжает он к морю, а из моря змей вылезает и шипит:

— Я за одной посылал, а тут парочка сидит!

— Нет, песье мясо, и одной подавишься, — отвечает без страха Вадавон Вадавонович.

Вот схватились они биться.

Ударил Вадавон змея три раза и все три головы у него снял.

Говорит он царевне:

— Иди домой. — А сам сел на коня и поехал к бабке.

На другой день снова дает он деньги бабке:

— Вот, бабка, иди купи чего-нибудь получше и приготовь поесть, да послушай, о чем говорят в городе.

Сходила бабка, сварила кушанье.

— Вставай, голубок, есть пора.

Встал он, сел за стол и спрашивает у бабки, что слышно.

— Да вот, — отвечает бабка, — говорят, шестиглавый змей прислал за царской дочкой.

Вадавон дает бабке ключи от хлева, набирает воды в стакан, ставит воду на стол и говорит:

— Видишь, бабка, светленькая водица в стакане. Прошу тебя, не спи эту ночь, хорошо награжу, если послушаешь. Когда водица в стакане сделается кровью, отопри хлев и выпусти моих слуг: они меня спасут.

Бабка отвечает:

— Ладно, голубок, не буду я спать.

Вот поехал Вадавон к морю. Видит: сидит там царевна, а из моря выползает шестиглавый змей.

Вадавон говорит царевне:

— Смотри же слушай меня, не то погибнем оба: как только отрублю я голову змею, ты набирай в пригоршни песку и скорей засыпай змеиные глаза.

Начался бой.

Вот три головы уже срубил Вадавон змею, а царевна засыпает песком змеиные глаза.

Змей видит — дело плохо, как махнет хвостом, так царевна и полетела кувыркком. Отбежала далеко, боится подходить близко к змею. А бабка давно уже спит мертвым сном. Только отрубил Вадавон змеиную голову, а она тут же прирастет. Рубил он, рубил, из сил выбился, а помочь некому.

«Ну, думает, погиб я».

Тут, к счастью, проснулась бабка, глядь — в стакане кровь, и на столе кровь запеклась. Вот она бегом в хлев, выпустила тигра и льва, помчались они во всю мочь к Вадавону.

Примчались.

Как отсечет Вадавон голову змею, так они ее на куски рвут. Победил и этого змея, да и говорит царевне:

— Иди домой. Больше не будет змеев.

А сам поехал к бабке.

Донесли царю, что спаситель его дочери живет у бабки Феклы.

Присылает царь посланцев за Вадавоном. Он им в ответ:

— Я пешком не пойду, устал. Пусть царь присылает тарантас.

Приказал царь запрячь тройку коней в золотую карету и посылает за Вадавоном своего лакея.

Подкатила карета к бабкиному крыльцу.

Вышел из избушки Вадавон, положил руку на карету, а она хрясь — и рассыпалась на куски, только оглобли остались. Потасили оглобли обратно.

Посылает царь еще раз своих слуг:

— Идите, спросите его, на чем же можно его привезти?

Пришли посланцы и спрашивают Вадавона:

— На чем же тебя можно привезти?

— Пусть царь проведет железную дорогу к бабкиному крыльцу и пригонит железный вагончик. В нем я и поеду.

Сделал царь железную дорогу, прислал железный вагончик. Сел в него Вадавон Вадавович и поехал.

Приехал он к царю, и стали они пир пировать и свадьбу гулять.

Скоро царь умер, и стал Вадавон Вадавович царем. Вот раз посмотрел он в окно царской спальни и видит лес, а над лесом густой дым и огонь полыхает.

— Что это такое? — спрашивает он у жены.

— Я и сама не знаю, что это такое! Только кто ни пойдет в этот лес, обратно уже не возвращается.

Встал Вадавон рано утром, сел на коня, взял с собой льва и тигра и пустился в этот лес.

Вот приезжает он и видит — кругом дым. Вдруг поднялась такая буря, что лес к земле гнется.

Выходит навстречу старуха, подходит к нему и говорит:

— Подержи-ка своих слуг, а то они меня разорвут.

Придержал Вадавон льва и тигра, а старуха подошла да как ударит железной клюкой по тигру, льву, коню и Вадавону Вадавовичу.

Лев с тигром в кочку превратились, а Вадавон — в пень, конь — в выворотень.

Ждет-пождет царица своего мужа, а его все нет да нет.

Задумал Авдон Авдонович узнать, жив ли его брат.

Подъезжает он к столбу и видит: заржавел нож, покоребился.

Пустился Авдон Авдонович по следам брата.

Приезжает он к бабке Фекле и спрашивает:

— Не проезжал ли здесь мой брат со львом и тигром?

А сам тоже приехал со львом и тигром.

— Проезжал, он у меня останавливался, — отвечает бабка. — Он змеев убил, царскую дочь спас, женился на ней и царем сделался. — А сама и не знает, что его уже на свете нет.

Поскакал Авдон Авдонович скорей в царский дворец. Только вошел он в палаты, бросилась к нему на шею царица:

— Муж мой приехал!

Он и так и сяк отбивается от нее.

— Нет, — говорит, — я не твой муж, я брат твоего мужа. А где же твой муж?

— Да поехал в тот лес, где дым и огонь день и ночь.

Сел Авдон Авдонович на коня и айда в лес.

Вот приезжает он на то место, снова поднялась буря, снова выходит та старуха.

— Подержи-ка своих слуг, а то они меня искусают, — говорит она.

— Держу!

Только она подошла поближе, Авдон Авдонович как крикнет:

— Взять!

Набросились лев с тигром на старуху.

А железная клюка старухи выпала из рук и ударила льва: глядь, стало уже два льва, ее и разорвали. Вдруг слышит, что-то зазвенело. Подошел он, поглядел — клюка. Стукнул он клюкой по кочке, кочка превратилась в тигра и льва.

Взял Авдон Авдонович клюку, ударил ею по пню — появился брат, ударил он клюкой по выворотню — конь появился.

Расцеловались братья, сели на коней и поехали во дворец пир пировать. Попировали и поехали домой и стали оба царствовать.

Я у них был, мед-вино пил, и во рту не было, по бороде не текло, вот и все!

БОГАТЫРЬ ДЕМА

В Спасо-Деминском приходе были большие леса.

Жил там богатырь Дема. Пошел он луб драть, чтобы покрыть гумно. Надрал он длинного лубья, чтобы через всю крышу хватило, и поволок его на себе.

Догоняет Дему барин на шестерке лошадей и говорит кучеру:

— Какая там гора по дороге движется?

— Это мужик лубье несет, — отвечает кучер.

— Поезжай через лубье.

Въехал кучер на лубье. И тащит Дема шестерку лошадей и лубье.

Тогда барин говорит кучеру:

— Поворачивай обратно!

Кучер повернул и заехал навстречу Деме.

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, барин.

— Куда ты лубье тащишь?

— Гумно, барин, накрыть.

— Оно же длинно.

— Я хочу, чтоб через все гумно хватило.

— Как тебя зовут?

— Демою.

— Какой деревни?

(Такой-то).

— Какого барина?

(Такого-то).

Поехал барин. Написал он царю, что есть у такого-то помещика мужик Дема, очень сильный, могучий богатырь: «Сам я видел, что он очень силен: нес на плече десять лубков аршин по тридцать и шестерку моих лошадей с экипажем».

Потребовал царь Дему к себе. Доставили его к царю. Царь и говорит ему:

— Ты, Дема, живи у меня, будь ты моим защитником.

Остался он у царя. Живет он в отдельной комнате. Скучает Дема, даже еда ему не впрок.

Велит государь слугам узнать, о чем Дема думает.

Стали слуги за дверью и слушают, а Дема говорит сам себе:
— Если б Дема был бы дома, его бы картошкой кормили, вот хорошо-то было бы!

Раз послушали, два послушали, третий раз послушали, а речь его одна и та же. Докладывают царю, что три раза подслушивали за дверьми, а он говорит все одно: «Если б Дема был бы дома, ел бы он картошку!»

Требуется царь Дему к себе.

— Ну, Дема, о чем ты тоскуешь?

— Ваше императорство, был бы я дома, пек бы себе картошку под овином, вот хорошо-то было бы!

— Так ты домой хочешь, Дема?

— Хочу, ваше императорство!

— А придешь ко мне на помощь, если понадобится?

— Всегда вас слушаюсь.

— Чем тебя пожаловать за это?

— Пожалуйте мне землю и лес: будет тогда у меня своя земля и лес.

— Вот как я тебя пожалую: сколько за день обойдешь казенной пуши, то и твое.

— Много доволен этим.

Дема идет домой, а за ним вслед царские слуги.

Шел Дема, выдергивал деревья с корнем, обламывал макушки им и вбивал на своих следах. Обошел он Деминшину, Спас-Деминский приход, зачурал его: вырвал дерево и поставил его вверх корнями.

БОГАТЫРЬ ФОМА ШИРОКАЯ БОРОДА

Богатырь Фома Широкая Борода пахал на своей кобыленке. Вот пустил он ее погнаться, а сам лег отдохнуть.

Насели ему на лысину мухи. Шлепнул он себя по лысине, убил мух и обрадовался, что их много. Сосчитал он убитых мух и записал:

«Фома Широкая Борода, сильный-могучий богатырь, одним махом семерых побивахом».

— Теперь я сильный-могучий богатырь! — сказал он.

Взял Фома серп да дерюгу, сел на лошаденку, едет, а по дороге записки бросает:

«Проезжал сильный-могучий Фома-богатырь, одним махом семьсот побивахом!»

Приехал он в заповедные луга около царского дворца, разбил себе шатер из дерюги, лег отдыхать.

Ехал той же дорогой богатырь. Поднял он эти записки, прочитал.

Вот он подъезжает к Фоме, слезает с коня и говорит:

— Здравствуй, Фома Широкая Борода, сильный-могучий богатырь! Что прикажешь: мимо ехать или здесь остановиться?

— Не смей мимо ехать! Разбивай шатер рядом, ложись!

Едет другой богатырь, спешился, подходит к богатырю.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Это ты Фома Широкая Борода?

— Нет, не я, а вот тот; он не велит мне ехать дальше.

Подходит приезжий богатырь к Фоме.

— Здравствуй, Фома Широкая Борода, сильный-могучий богатырь!

Фома сердито отвечает:

— Здорово!

— Что прикажешь: мимо ехать или здесь остановиться?

— Не смей мимо ехать! Останавливайся здесь!

Едет третий богатырь, видит шатры разбиты и на шатре записка приколота. Слез он с коня, поздоровался и спрашивает:

— Прикажешь мимо ехать или здесь остановиться?

— Здесь останавливайся.

Увидел царь, что в его заповедных лугах стоят три шатра, а вокруг лошади пасутся.

Шлет царь своего богатыря узнать, что это за люди объявились.

Подъезжает тот к шатрам и кричит:

— Эй вы, невежи! Шатры на чужих лугах разбили, лошадей пустили. Выходите на поединок, сейчас вам головы поснимаю!

Пришли богатыри к Фоме в шатер и спрашивают:

— Ты сам поедешь на царского богатыря или нас пошлешь?

— Вас пошлю. Поезжай вперед, который раньше приехал.

Поехал первый и убил посланного богатыря.

Ждал-ждал царь богатыря, не дождался и шлет другого на помощь.

Подъезжает тот и кричит:

— Эй вы, невежи, зачем лошадей пустили на чужой луг, да еще и сами валяетесь?

Богатыри к Фоме. Фома говорит:

— Поезжай теперь ты, средний!

Поехал тот и убил царского посланца.

Шлет царь третьего богатыря на помощь.

Фома посылает против него третьего богатыря:

— Поезжай, братец, скорее, да намни ему холку!

Выехал третий богатырь, убил царского посланца.

Потерял царь трех богатырей, посылает Фоме записку:

«Кто ты такой, сильный-могучий богатырь? Просим тебя в гости».

Настала очередь Фомы.

— Ну, теперь я отправлюсь!

Сложил Фома дерюгу, взял в руки серп и поехал к царю.

Принял его царь с почестями, стал упрашивать быть его защитником.

Согласился Фома помогать царю и остался жить у него.

Вот соседний король пошел войной на царя, а у царя один защитник — Фома.

— Ну, Фома, поезжай, братец, на войну!

— Ну что ж, подавай мне самого лучшего коня богатырского.

Подали ему богатырского коня, оседлали.

Сел Фома в седло и приказал к стременам привязать бревно, а к бревну привязал ноги. Поехал. Как брыкнет богатырский конь — тысячу убьет, как повернет — целое войско повалит.

Доложили царю, что Фома все войско побил.

— Оставайся у меня навсегда!

Пожил Фома еще три месяца, а потом взял свою лошаденку да домой к жене удрал.

ФЕДОР НАБИЛКИН И БОГАТЫРИ

Жил-был бедняк на околице села. Вот раз вздумал он: «Наряжусь-ка я богатырем».

Взял он вместо меча косу, сшил полотняный полог, седло кое-какое справил, сел на кобыленку и поехал.

Ехал-ехал, приезжает в город, видит — прибита таблица.

Взял карандаш и написал на ней, что в таком-то году, такого-то месяца, такого-то числа ехал сильный-могучий богатырь Федор Набилкин — сзади не догонять, спереди не встречать, а встретивши, на колени встать, шапку снять и поздороваться.

Написал и поехал дальше своей дорогой.

Подъезжает к этой таблице настоящий богатырь. Глянул на надпись и думает: «Что это за силач такой объявился? И слуху о нем не было. Спереди не встречать, сзади его не догонять, а встретивши, на колени встать, шапку снять и поздороваться?»

Вот этот богатырь версты три кругу дал, выехал Федору на встречу, встал на колени, шапку снял и говорит:

— Здравствуй, сильный-могучий богатырь Федор Набилкин! Где прикажете мне ехать: сзади или спереди?

— Поезжай сзади, дрянь!

Поехал богатырь сзади.

Долго ли, коротко ли ехали, приехали на зеленый луг. Соскочил настоящий богатырь с коня, пустил его гулять. Так и взвился его конь. И Федор пустил свою лошаденку на луг.

Раскинул богатырь свой шатер, а Федор — свой полог.

Переночевали. Утром богатырь стал свой меч точить, а Федор Набилкин — свою косу.

Меч тихонько точится, а коса гремит о камень: «Дзын-дзын».

«Что такое,— думает богатырь,— отчего у него меч звенит почище моего?»

Простояли они в поле два дня, на третий приходит богатырь к Федору:

— Сильный-могучий богатырь Федор Набилкин! Вызывает тебя на бой двухглавый Цмок ¹. Тот, который много крупной силы побил, а мелкой и счету нет. Сам к нему поедешь или мне прикажешь?

— Поезжай ты, стану я из-за таких пустяков руки марать!

Богатырь вышел, крикнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом — явился к нему конь. Сел он на коня и поехал к Цмоку.

А тот ждал-ждал — нету никого, так он уже и сам выехал. Вот встретились они, Цмок и спрашивает у богатыря:

— Кто ты такой? Ты и есть сильный-могучий богатырь Федор Набилкин? Это ты побил столько силы, что и счету нет?

— Я,— отвечает богатырь. Подъехал к Цмоку и говорит:— А ты что за птица такая?

— А вот,— говорит,— подъезжай поближе.

Вынул богатырь свой меч из-под седла, Цмок и спрашивает:

— Ну, что будем делать: биться или мириться?

— Нет, нечистая сила, не для того я, добрый молодец, ехал, чтобы мириться, а для того, чтобы биться.

Подъезжает к Цмоку поближе.

— Э, брат, молод ты,— говорит Цмок.

— Ну млад не млад, а будет лад,— отвечает богатырь, да как ударит мечом, так обе головы долой. Надо ж ему привезти хоть одну голову напоказ. Ну, он подцепил одну голову на меч, привозит ее к Федору Набилкину и спрашивает:

— Куда прикажешь голову Цмока деть, сильный-могучий богатырь Федор Набилкин?

— Брось в кусты,— отвечает Федор.

Немного погодя подъезжает к таблице еще один богатырь. Поглядел и удивляется: «Кто это такой явился? Откуда?»

Едет дальше. Подъезжает к шатрам. Слез с коня, пустил его гулять, а сам подходит к Федору Набилкину: надо же богатырю честь отдать.

— Ты кто такой? — спрашивает Федор.

— Я богатырь.

— Ну, оставайся с нами.

Раскинул второй богатырь свой шатер, переночевали.

Утром приходит второй богатырь к Федору и говорит:

— Требуется тебе такой-то и такой-то поганый Цмок о четырех головах, хочет с тобой сразиться. Сам поедешь или мне прикажешь?

— Поезжай сам, стану я с этой дрянью сражаться!

Крикнул тут богатырь богатырским голосом, свистнул моло-

¹ Цмок — по народным поверьям, змей, глава нечистой силы.

децким посвистом — летит к нему конь. Оседлал он коня и поехал биться с поганим Цмоком.

Подъезжает он к Цмокову дому, а тот узнал, что едет сильный-могучий богатырь Федор Набилкин, выходит к нему и спрашивает:

— Что ты за сильный-могучий богатырь, что так поздно ко мне являешься?

— Я приехал к тебе биться, а не мириться.

— Ну, раз приехал, так давай биться.

Стали они биться. Сбил богатырь Цмока с коня, отрубил все четыре головы, одну голову на меч насадил, повез напоказ. Приехал к шатрам, коня на луг пустил, а сам спрашивает у Федора:

— Куда прикажешь голову деть, сильный-могучий богатырь Федор Набилкин?

— Брось эту дрянь в кусты, — отвечает тот.

На третий день приходит первый богатырь и говорит:

— Сильный-могучий богатырь Федор Набилкин, вызывает тебя на бой такой-то змей, поганий Цмок восьмиголовый. Мы уже бились, теперь тебе ехать.

— Хорошо.

— Только, — говорит богатырь, — я свистну своего коня, и ты садись на него.

— Ничего, — отвечает Федор, — подать мне мою клячу!

Вот оседлали ему его кобыленку. Сел он на нее и поехал. Едет он храбро и прытко, как мужик с сохой пахать в поле.

А Цмок ждал-ждал Федора Набилкина, не дождался, навстречу поехал.

Встретились они на дороге.

— Ты и есть сильный-могучий богатырь Федор Набилкин? — спрашивает Цмок.

А Федор молчал-молчал, а потом повернул обратно да и давай удирать от Цмока куда глаза глядят.

А Цмок за ним.

Попал Федор на другую дорогу и угодил в болото. Завязла его кляча в болоте. А за ним и Цмок своего коня утопил и сам увяз в болоте, одни головы торчат.

Выкарабкался кое-как Набилкин, схватил меч Цмока и давай ему головы рубить.

Размахнулся раз — две головы снял, размахнулся другой — еще две снял, и так отрубил Цмоку все восемь голов, взял меч на плечо, оставил лошадь в болоте, все равно не вытянуть, и пошел к богатырям.

Приходит и кричит:

— Эй, сейчас же отправляйтесь в такое-то и такое-то место, где я с Цмоком бился, достаньте оттуда моего коня и голову Цмока напоказ прихватите, я все восемь голов снял.

Поехали богатыри, нашли то место и удивляются:

— Много мы по свету ездим, силу показываем, а такого сильного богатыря еще не видели: он даже восьмиглавого Цмока вмес-

те с конем в землю вогнал и все его головы поснимал. И чем поснимал? Глядеть не на что! Коса, да и все тут! Вот где сила!

Вытащили они из болота клячу Федора и понесли ее в кармане, захватили с собой и голову Цмока. Приносят Федору и спрашивают:

— Куда голову деть?

— Бросьте эту дрянь в кусты, — отвечает Набилкин.

— Ну, а теперь, господин Федор Набилкин, сильный-могучий богатырь, — говорят богатыри, — пойдем к царю Винограду на чествованье. Есть у него три дочки. Женишься ты на царской дочери, а мы будем твоими верными слугами.

Обчистили Федора, нарядили и говорят:

— Сильный-могучий богатырь! Как тебе только не совестно на такой лошаденке ездить?

— Ничего, меня и на ней все узнают.

— А царю дадим знать, что мы к нему едем?

— Надо оповестить, я сейчас письмо ему напишу, — отвечает Федор.

Сел и написал, что такого-то месяца и такого-то числа он придет во дворец свататься.

Послал Федор одного богатыря к царю с письмом.

Вернулся богатырь, привез поклон от царя Винограда и приглашение к себе во дворец.

Не долго думая, велит Федор Набилкин богатырям приготовиться ехать сватами: «Хватит, пожили на лугу!»

Вот собрались богатыри и поехали. Приезжают к царскому дворцу. Как свистнет один богатырь молодецким посвистом, так царские горницы зашатались.

Говорит тут царь Виноград:

— Дочки мои, выходите к сильному могучему богатырю Федору Набилкину, встречайте его с почетом.

Встретили Федора царские дочки, повели его в горницы. Смотрят на Федора и удивляются:

— Какой он сам невидный и какие у него слуги!

Вот старшая дочь и говорит:

— Я обручусь с Федором.

А средняя наперекор ей:

— Нет я обручусь!

Тогда младшая дочь говорит:

— Кому позволит отец, царь Виноград, обручиться с сильным-могучим богатырем, та и будет его женой.

Спорили, спорили, а старшая все же настояла на своем и обручилась с богатырем Набилкиным. Ну, а средняя и младшая обручились с его слугами.

Стали они жить у царя Винограда. Прослышал страшный Цмок-Шут, что у царя зять богатырь, вот он и говорит царю Винограду:

— Давай биться, кто кого пересилит.

Позвал царь Федора Набилкина и говорит ему:

— Что, зять, будем делать? Силы у нас мало, у Цмока в три раза больше. Уж не жить нам: выгонит он нас из дома.

— Прикажи, царь-батюшка,— говорит Федор Набилкин,— всем сапожникам, портным, столярам и плотникам на царский двор явиться со своим инструментом.

Явились на царский двор столяры с пилами, плотники с топорами, сапожник с шильем и портные с ножницами да иголками, бондарь со стамеской.

— А что ты с ними делать будешь? — спрашивает царь.

— Будем делать деревянных солдат и выставять на поле, где будем биться.

Наделали деревянных людей, одели, обули и поставили в поле в строй, будто воинов. Дали знать Цмоку-Шуту: «Выходи на бой».

Вышел с войском Цмок-Шут, глянул в подзорную трубу, увидел несметное войско Винограда и говорит своим воинам:

— Постарайтесь, братцы, побить рать царя Винограда.

Велел Цмок стрелять по царскому войску. Да сколько ни стреляли — ни крику, ни стону не слышно. Известное дело — дерево. Ударят чурку — она и повалится.

Выпалил Шут все запасы, а не убил никого. Приказал тогда Цмок-Шут идти в рукопашную. Бросились Шутовы воины на деревянных людей. А тут выскочили настоящие Федоровы воины, все войско перебили, а Цмока-Шута в плен взяли, привели к царю Винограду.

Говорит царь Виноград:

— Ну, как мы будем добычу делить?

— Я остаюсь в твоём доме, а мои слуги пойдут в царство Цмока.

— Пусть лучше твои слуги живут у меня, а ты отправляйся в царство Цмока,— говорит царь Виноград.

Поехал Федор в царство Цмока и стал там жить-поживать и добра наживать.

Вот раз спрашивает его жена:

— Кто ты такой есть? Почему у тебя не такая сила, как у слуг твоих?

А Федор говорит:

— А я не силой воюю, а разумом.

ВАСИЛИЙ ПЕПЕЛЫШКА

В некотором царстве, в некотором государстве, может быть, в том, в котором мы живем, жил себе старик со старухой тридцать три года, и не было у них детей. Потом родился у них сын.

Рос ребенок не по дням, а по часам, не по часам — по минутам. Не сравнялось ему еще и семи лет, как стал он проситься у

отца в ученье в школу. Не смог старик противиться, дал ему волю, и стал он ходить в школу. Проучился он в школе три года.

Исполнилось ему десять лет. Просит он отца съездить в город к кузнецам, чтобы те сделали булаву из проволоки, которую он, играя у печки, в пепле нашел. Да чтоб была та булава ему по руке.

Поехал старик к кузнецам. А прежде люди были догадливы, сразу смекнули кузнецы, что дело тут не просто, и выковали булаву в двенадцать пудов из самой лучшей стали, из его проволоки делать не стали.

Поехал старик с булавой домой, сын сидит уж у окна, отца дожидается — что ему из города привезет? Как увидал, что отец подъезжает к дому, он влез на лавку у стола, отрезал себе краюху хлеба, посыпал солью, откусил три раза и вышел во двор. Взял он булаву, взвесил на руке да как запустит под облака, ее и не видно. Она как полетела за облака, много времени летала — он уходил в избу да прохаживался. Потом вышел, свистнул молодецким посвистом, кликнул богатырским голосом — булава слетела. Подставил он колено, булава и рассыпалась на мелкие кусочки.

Тогда поклонился Василий отцу: прошу, мол, покорно, батюшка, чтобы сделали мне булаву из моего железа.

Вот отец снова поехал к кузнецам. Что угодно, говорит, с меня возьмите, а сделайте булаву из железа моего сына! А кузнец еще не выбросил эту проволоку, сунул в щелку. Собрались класть это железо на огонь. А оно прибавилось на пять пудов. И оттого, что двенадцать молодцов двенадцать суток били в двенадцать молотов, это железо все прирастало да прирастало в весе.

А когда кончили работу, насилу двенадцать человек положили булаву на воз.

Приезжает отец домой. Вышел сын ему навстречу, глянул и обрадовался такой работе. Потом вернулся в дом, влез на лавку, отрезал ломтик хлеба, посыпал солью, откусил три раза — и снова во двор. Взял он булаву за конец, прикинул на руке и запустил под небеса.

Сам вернулся в избу и кланяется отцу с матерью:

— Благодарю матушку за рождение, батюшку за ученье, да не могу я с вами жить. Благословите меня, пойду я себе ровни искать!

Благословил его отец и спрашивает:

— Когда, сын мой милый, увидимся?

А тот в ответ:

— Батюшка мой любезный, матушка родимая! Коли найдут я себе ровню, то не увидите вы меня никогда!

Горько заплакали отец с матерью от этих слов, жалко им стало своей кровинки. А сын утешает их:

— Ничего, родимые, и без меня вас бог не оставит!

Взял свою булаву и пустился в путь-дорогу. Заходит в Херсон-город и прямо к кузнецу. Тот сделал ему проволочную плетть, и пошел Василий своей дорогой. Идет он идет и видит крутые горы. А там Горынь-богатырь берет горы на вилы и раскидывает по сторонам, ровняет поля и долины. И этим потешается.

Подходит к нему Василий Пепельшка и кланяется.

— Здравствуй,— говорит,— Горынь-богатырь!

— Здорово!

— Хотел я твоей силе подивиться.

— Что,— говорит,— моей силе дивиться. Вот есть где-то на свете Васька Пепельшка, у того вся сила!

— А это я самый и есть!

— Ну, так будем,— говорит Горынь,— товарищами, пойдем вместе.

Пошли они вдвоем. Входят в темную-претемную пущу. Видят они там: Дубовик-богатырь дубы выворачивает, возьмет дуб за макушку, выдернет с корнями и размахивает. И этим потешается.

Подошли двое богатырей к третьему. Поклонился ему Василь Пепельшка.

— Здравствуй,— говорит,— Дубовик-богатырь!

— Здорово!

— Хотел я твоей силе подивиться.

— Что моей силе дивиться. Вот живет где-то на свете Васька Пепельшка, у него вся сила!

Василий ему открылся: я, мол, Васька Пепельшка.

— Ну, так будем товарищами, пойдем вместе!

Собралось их три богатыря: Васька Пепельшка, Горынь-богатырь и Дубовик-богатырь, и пошли они дальше. Шли, шли, видят лежат перед ними высокие горы и глубокие овраги. А там Валун-богатырь тысячепудовыми камнями поигрывает: возьмет в каждую руку по камню и разбивает их друг об дружку. Этим и потешается.

Поклонились ему все трое.

— Здравствуй,— говорят,— Валун-богатырь!

— Здорово!

— Хотели мы твоей силе подивиться.

— Э, что моей силе дивиться. Вот живет где-то на свете Васька Пепельшка, у него вся сила!

— А это ведь я! А со мной Горынь и Дубовик.

— Возьмите меня в товарищи!

— Ладно. Пойдем все вместе!

Пошли они вчетвером по пуще. Набредли на хатку. Против хатки — банька. Подходят они к хатке, а Васька Пепельшка и говорит:

— Вот, братцы, в этой хатке вам и жить. Ты, Горынь, оставайся печь топить, а мы пойдем поохотимся.

Истопил Горынь-богатырь печь, окошко распахнул, посиживает да товарищей поджидает.

Вдруг откуда ни возьмись прилетают четыре голубки, садятся у бани и оборачиваются красными девицами. Потом затапливают они баню и начинают париться.

Увидел богатырь красавиц и думает: «Вот бы запереть их!»

Подобрался он к бане, да и подпер дверь плечом, ждет, чтобы товарищи пришли.

Ну, попарились девицы, и хочет старшая из сестер дверь отворить, а та не поддается.

— Ой, — говорит, — сестрицы, у двери-то словно горку грязи нанесло, нельзя открыть!

Тут она вальком ударила, дверь отскочила и богатырь с нею. А девица ему поклонилась, да и говорит:

— Здравствуй, Горынь-богатырь. По неволе или по охоте ты сюда пришел?

А он отвечает:

— Не столько по неволе, сколько по своей охоте!

Она вальком убила его и под угол положила. Потом все снова обернулись голубками и улетели.

Ну, приходят те трое с охоты. Двое пошли в хату, а Васька Пепельшка к бане. Приподнял он угол, вытащил Горынь-богатыря, дунул ему в одно ухо, дунул в другое и оживил его. Потом велел Дубовику-богатырю печку затопить и изготовить к обеду охотничью добычу. А сами втроем снова охотиться пошли. Дубовик-богатырь наломал дубового хвороста, печку истопил и что было сготовил. Управившись, окошко отворил, сидит себе в креслице, товарищей поджидает. А голубки уж тут как тут. Обернулись девицами, затопили баню и давай париться.

Увидев красавиц, и этот тоже подумал: запрю-ка я их, пока товарищи не придут. Взял да и подпер дверь плечом.

Пошла другая сестра, толкнулась плечом в дверь и говорит:

— Ой, сестрицы, под дверь-то словно гнилое полено подкатилось, не открывается! — Вальком ударила, дверь отскочила и богатырь с нею. А девица тоже ему поклонилась, да и говорит:

— Стой, Дубовик-богатырь, как ты сюда пришел — по неволе или по охоте?

— Нет, не по неволе, по своей охоте!

Она его вальком убила да под другой угол и подложила. Потом все снова обернулись голубками и улетели восвояси.

Приходят богатыри с охоты. Двое пошли в хату, а Васька Пепельшка к бане. Снова приподнял он угол, вытащил Дубовика-богатыря, дунул ему в одно ухо, дунул в другое, тот и ожил.

Пошли в хату, пообедали чем бог послал и опять отправились в пушу, а дома хозяйствовать оставили Валуна-богатыря.

Тот, управившись, тоже окошко отворил и сел товарищей поджидать.

И снова прилетели четыре голубки. Затопили баню и стали париться. Увидел их Валун-богатырь и подумал: «Дай-ка я запрю их потехи ради!» Пошел и подпер дверь плечом.

Вот хочет третья сестра дверь отворить, толкнулась, та опять же не подается.

— Ах, — говорит, — сестрицы, под дверь-то словно камень подкатился, не могу открыть. — Вальком ударила, дверь отскочила и богатырь с нею.

А девица поклонилась ему и говорит:

— Здравствуй, Валун-богатырь. Как ты сюда пришел, по неволе или по своей охоте?

— Нет, — отвечает тот, — больше по охоте, чем по неволе!

Тут она эго тоже вальком убила и подложила под угол. Сами обернулись голубками и улетели.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Вот пришли богатыри с охоты. Двое зашли в хату, а Васька Пепелышка пошел к бане, поднял угол, вытащил Валуна-богатыря, дунул ему в одно ухо и в другое, оживил и повел в хату. Там закусили они чем бог послал. А потом Васька и говорит:

— Ну, ребята, отправляйтесь вы теперь на охоту, моя очередь печку топить.

Топил ли он, не топил, а только сел у окошка, чтобы на диковинку поглядеть. А те голубки снова прилетели, обернулись девицами и давай топить баню. Истопили, парятся, а только Васька Пепелышка не согласен идти запирать их. Приготовил он свою булаву, плетку проволочную положил поближе и стал поджидать их к себе в гости.

Видят сестры, что не идет к ним Васька, и меньшая из них говорит:

— А что, сестрицы, пойдемте-ка к Ваське Пепелышке сами!

А тому только этого и надо, он с радостью зазывает их в хату. Те входят, ни на что не глядя, а он сгреб их всех четверых левой рукой, правой взял свою проволочную плетку и давай их по-свойски охаживать! А сам приговаривает:

— Присягайте: пойдете за нас замуж или нет?

Тут они взмолились:

— Вася, мы бы со всей радостью, да отец наш не таков! Он вас всех повоюет и нас назад заберет. И не будет нам житья! Хоть вы с товарищами и больно сильны, но все же от человека рождены и смертны, а отец наш рожден от поганого Цмока, — бессмертный он! Не победить вам его!

А Васька Пепелышка одним ухом слушает да знай нахлестывает.

До тех пор хлестал, покуда они клятвы не дали да по горсти земли не съели, что, мол, согласны идти за них.

Тут как раз и товарищи его подоспели. Стали они все на радостях пировать. Вышла из-за стола старшая сестра на крылечко проветриться, — видит: валит к хате сила несметная. Вернулась она живехонько в хату и кричит:

— Ой, сестрицы, ой, братушки, наша смерть пришла! Отец вас убьет, а нас заберет! Такая силища сюда валит, что мать-земля под ней стонет...

А Васька Пепельшка говорит:

— Вот что, ребята, пейте, гуляйте, да делайте то, что я велю.

Подошла вражья сила, стала хату рушить. Хата трясется, а ничего ее не берет. Васька ничего не говорит. А потом высылает Горынь-богатыря:

— Выходи на эту силу!

Вышел Горынь-богатырь да как подцепит на вилы ближнюю гору, так ею все войско и придавил. И заперовали они опять, ни на что не глядя.

Вышла другая сестра на крылечко проветриться. Глянула: валит к хате войска видимо-невидимо. Вскочила она в хату и кричит:

— Ой, сестрицы и братушки! То была не сила! Сейчас идет сила! Не видать ни земли, ни воды, ни леса дремучего! Вот когда наша смерть пришла!

А Васька Пепельшка отвечает:

— Слушайте, ребята: пейте, гуляйте, да делайте, что я велю!

Подошла вражья сила и стала хату ломать, а та только колышется, и ничего ей не делается. Высылает Василий Пепельшка Валуна-богатыря:

— Выходи,— говорит,— ты побороть эту силу!

Вскочил тут Валун-богатырь да как стал кидать камни, так всю силу и поразметал. И опять стали они пить и гулять.

Вышла тут третья сестра на крылечко проветриться и сразу вскочила обратно в хату:

— Ой,— кричит,— сестрицы мои и братушки! То была не сила, сейчас — вот сила идет. Собрал наш отец войско, даже бабий полк прихватил, и сам следом едет!

А Васька Пепельшка говорит:

— Не робейте, ребята, пейте, гуляйте, да делайте то, что я велю.

И как только вражья сила начала избушку рушить, Василий Пепельшка высылает Дубовика-богатыря.

— А ну-ка, выходи,— велит он,— да вражью силу побей, чтобы ничего от нее не осталось!

Вышел Дубовик-богатырь, схватил два дуба за макушки, вырвал из земли да как начал вокруг себя помахивать, так всю силу и погубил. И опять стали они пить да гулять как ни в чем не бывало.

Вышла тут меньшая сестра проветриться на крылечко и видит, едет сам поганый Цмок да с пушкой! Вбежала она поспешно в хату.

— Ой, сестрицы и братушки,— кричит,— сам отец сюда идет! Беда!

Собирается тогда Васька Пепелышка самолично сразиться с поганым Цмоком. Снял он с шеи платок, воткнул в дубовый стол нож, повесил на него платок, а под платок винный стакан поставил и наказывает:

— Вот, братцы мои, пейте, гуляйте, а этот стакан берегите! Коли он нальется кровью через край, так выбегайте ко мне на подмогу!

Гуляли они гуляли, да все и позаснули. А как были они богатыри, то по двенадцать суток спали. А Васька Пепелышка бился-бился с поганым Цмоком, рассекал его на мелкие кусочки, а тому хоть бы что: кусочек с кусочком срастается и опять ползет к нему.

В избушке кровищи уж по колено нашло, а помощи оттуда Ваське Пепелышке нет как нет. Уморился он, из сил выбился, и одолел его поганый Цмок, насмерть убил. Потом влез в хату, потрубал сонным богатырям головы, а дочек своих в цепи заковал и повез домой.

Вдруг (это скоро говорится, да не скоро делается) откуда ни возмись кобылица, шерсть сверху золотая, снизу серебряная. Пала она на колени перед Васькой Пепелышкой и стала ржать, копытами бить, а ноздрями пепел собирать, который с него сыпался. Ну, и оживила его. Он в хату. Поднял с полу головы своих товарищей, приложил к туловищам, по три раза дунул и тоже оживил всех. А потом просит их отпустить его:

— Пили вы, б́ратцы, гуляли, а моего наказа не выполнили. Так вот, хотите идите себе вместе, хотите врозь, а я один пойду добывать поганого Цмока!

А они ему отвечают:

— Братец наш, Васька Пепелышка! Если ты тут не смог его осилить, так уж в его царстве ничего ему не сделаешь!

Не послушался их Васька, сел на кобылицу и пустился в путь. Расспрашивал он всех встречных, выведывал, где царство Цмока, и долго ли, коротко ли, а добрался до него. Видит — в саду палаты стоят. Спрыгнул он наземь и пошел в сад. Сидит там под виноградом и раскидывает умом: есть ли смерть на Цмока поганого и как его со света сжить?

Вышла на крыльцо та царевна, которая обещала пойти за него замуж, стала плакать и пенять на отца: какой он не свой да не милостивый, дескать, царства его нам ненадобно, жили бы за богатырями и горя бы не ведали!

Как услышал Васька Пепелышка эти слова, окликнул царевну и говорит:

— Люба моя! Прошу тебя об одном: оденься почище, да подступись к своему отцу с горячими слезами, и спроси, где его смерть. Ну, три раза он пошутит, а на четвертый скажет правду!

Так она и сделала. Скинула эту одежду, надела другую, подошла к своему отцу и залилась перед ним горячими слезами:

— Батюшка мой милый, батюшка мой любезный, скажи мне, старшей своей дочери, где твоя смерть, откуда нам ее ждать?

А он в ответ:

— Дочь моя милая! Ходит в моем стаде вся обгаженная коро-
ва, так вот у той коровы в хвосте смерть моя!

Велела она эту корову обмыть и обчесать и подвела к отцу.
А тот смеется:

— Эх,— говорит,— дочь моя любимая! У бабы волос долог,
да ум короток! Ну, как бы я считался бессмертным? Ведь если эта
корова сейчас издохнет, так и мне, значит, конец?

Поспешила царевна к Ваське Пепелышке, передала эти слова.
А он приказывает одеться еще почище и еще умильнее просить
отца открыть ей, где смерть его.

Она пошла к отцу и говорит:

— Отец мой родимый, отец мой любимый, полно вам шутить!
Скажите мне, старшей своей дочери, откуда вашей смерти ждать?
Не верится мне, чтобы ее не было, где-нибудь да есть она!

А тот опять шутит:

— Вот,— говорит,— дочь моя милая, дочь моя любезная, хо-
дит в моем стаде криворогая коза. Так у нее в рогах спрятана моя
смерть!

Велела она отыскать эту козу в стаде, вымыла, вычистила ее
и привела к отцу. А тот опять смеется.

— Сказал я тебе, что у бабы волос долог, а ум короток. Ну,
какой же был бы я бессмертный? Видишь ведь, коза-то едва ходит.
Она падет, так и мне конец?

Ничего царевна на это не ответила, поспешила к Ваське Пепе-
лышке в виноградник. И научил он ее достать одежду еще лучше
и, не жалея сил, слезно просить отца открыться ей.

Убралась она еще лучше, пошла к отцу, заплакала, заломила
руки.

— Батюшка мой милый, батюшка мой родимый! Скажи ты
мне, старшей своей дочери, где твоя смерть? Откуда мне ее ждать?

А тот снова насмехается над ней:

— Ходит в моем стаде шелудивая свинья. Так вот у нее под
хвостом.

В третий раз пошла царевна к Ваське Пепелышке. Тот ей и
велит:

— Достань ты одежду, как звезды на небе, уберись и подойди
к отцу поближе, поклонись пониже, думаю я, что он скажет
правду.

Достала она одежду такую, как сказал Васька Пепелышка,
нарядилась и пошла к отцу. Подошла поближе, поклонилась по-
ниже и залилась слезами:

— Батюшка мой любезный, расскажите мне, где смерть ваша.

Думал он, думал, вздохнул и говорит:

— Вот,— говорит,— дочь моя любезная, хочется тебе до-
знать, где смерть моя. Так слушай: там-то и там-то стоит крутая
гора. В той горе ступа. Под ступой заяц, под зайцем утка, под
уткой яйцо, а в яйце смерть моя!

Поспешила царевна к Ваське Пепельшке, все ему рассказала. Тот, не теряя времени, смастерил себе заступ, отыскал гору и давай ее копать. Поганый змей захворал. Докопался до ступы. Давай дальше копать, глядит — выскочил заяц, он еще дальше — вылетела утка, а под уткой, на самом дне, видит — лежит яйцо. Взял он скорей яйцо, перевернул ступу, положил яйцо на дно ступы да как хватит по нему заступом — оно и разлетелось на мелкие кусочки. И на столько же кусков этого царя, поганого Цмока, разорвало.

Васька Пепельшка вернулся в его палаты, женился на той царевне и остался там жить да поживать.

ПРО ИВАНА ДАРГАНА

Было это в стародавние времена. Жил на свете Кащей Бесмертный. И богатырей он всех перебил, и волшебников всех погубил, и красное солнце, и ясный месяц украл, и звездочки с неба все обобрал. И стало людям совсем темно. Давай они тут собираться кучками и советоваться: что, мол, будем делать?

И порешили так:

— Станем на дороги выезжать и караулить да всякого, кто ни пройдет, ни проедет, обыскивать, может и найдем у кого украденное.

А в одной деревне у отца были три сына: два умных, а третий, Иван Дарган, слыл дураком. Вот собираются они (двое умных) ехать дозором на дорогу, а Иван Дарган и говорит:

— Тата, и я поеду с ними!

А те не хотят:

— Куда он поедет, пусть сидит себе дома.

— Ан нет, тата, коли не дадите мне коня, так я пешком пойду за ними.

Отец приказывает:

— Не оставляйте его, пусть и он едет.

Дал всем троем по коню, вот они и поехали. Те двое сели на коней, а Иван своего в поводу ведет. Умные братья и говорят:

— Что же ты не садишься?

— А вот выведу за околицу, там и сяду, — отвечает Иван.

Миновали они околицу, он своего коня взял за хвост да как дернет — все выскочило, только кожа одна и осталась в руках. Свистнул тут Иван богатырским посвистом. Глядь, летит к нему конь, запряженный в повозку, из ноздрей пламя пышет, из-под копыт искры сыплются. И говорит ему Иван:

— Стой передо мной, как лист перед травой!

А братьям приказывает:

— Пускайте своих коней домой!

Те видят, что брат не так прост, как с виду кажется, взяли да и пустили своих коней.

— Поедем-ка на моем коне, может что-нибудь и найдем.

Сели и поехали. Ехали они, ехали, приезжают к морю. На лесной опушке стоит дом, большущий-пребольшущий. Остановились они у этой опушки. Иван деревьев наломал, поставил себе хатенку, землей обложил и печь сложил. А в повозке было три двери, и запирает он в ней коня и корму ему задает.

Потом говорит он братьям:

— Вот, братья! Будем по старшинству ходить вон под тот мост и сторожить под ним. Кто бы ни прошел — станем досматривать, может и найдем что-нибудь.

В первую ночь надо идти сторожить старшему брату. Пошел старший брат и шмыг за угол — боится под мост идти.

А Иван Дарган встал среди ночи и пошел под мост, вырвал балку железную да как запустит ею в дом на опушке, тот даже весь затрясся. А в доме этом жил Кашей Бессмертный, и было при нем трое сыновей. Вот вскакивает старший сын:

— Слышь, батюшка, какая-то напасть!

А тот отвечает:

— Какая может быть напасть, мы же всех богатырей перебили и всех волшебников погубили, есть на свете Иван Дарган, богатырь, так он еще малолетний, он сюда не может прийти. А все-таки съезди, сын, посмотри, что там такое.

Берет старший сын орла и сокола, садится на орла, сокол путь освещает, приглядывается, а орел везет да прислушивается. Вот подъезжают они к мосту. Орел — раз и стал. Вот старший сын и спрашивает:

— Что вы, орел и сокол, там увидели? Мой же батюшка говорил, что никакой напасти быть не может. Богатырей мы всех перебили, волшебников всех погубили, а есть на свете Иван Дарган, богатырь, так он еще малолетний, не может сюда прийти.

А Иван говорит из-под моста: -

— А я уже тут!

Вырвал балку железную, хватил ею старшего сына Кашеева и убил.

Потом взял он орла да сокола и вернулся в свою хату. Братья спят, старший — во дворе за углом, а средний — в хате. Пустил Иван в хату орла да сокола, сам спать залег. Вот старший брат просыпается, входит в хату, глядит — что такое? Как есть все видно! Будит он братьев.

— Эй, вы, все спите, а поглядите-ка, что я добыл!

Иван поднял голову и похвалил его:

— Ого, братец, молодец, и верно — добыл! Хоть видно стало в хате.

Ну, переночевали эту ночь, потом передневали. Настала очередь идти среднему брату. И этот боится идти темной дорогой. Вышел во двор, да и — за угол. Иван же снова встал среди ночи и пошел под мост; вырывает снова балку железную и запускает в большой дом. Снова дом как загремит. Вскрикивает средний Кашеев сын.

— Опять, батюшка, какая-то напасть!

— Да не должно бы быть. Ну съезди погляди.

Берет и этот орла да сокола и едет. Приехал к мосту. Орел остановился, не подходит близко. Средний сын и говорит:

— Что вы учуяли, орел и сокол? Никакой напасти быть не может: отец сказывал, что мы всех богатырей перебили, всех волшебников погубили, есть на белом свете один Иван Дарган, да он еще малолетний и не может сюда прийти!

А Иван вылезает из-под моста:

— Нет, я уже тут!

Вырвал железную балку, ударил этого и убил. Взял орла с соколом да скорей в хату. Пустил и их, а сам спать залег.

Вот и средний брат выпался за углом, идет в хату и видит уже четверых — двух орлов и двух соколов. Будит он братьев:

— Вставайте-ка, поглядите, что я достал!

Иван поднял голову и этого похвалил:

— Вот мои братья молодцы! Что достали! Хоть в хате теперь нам все видно.

Переночевали и эту ночь, потом передневали. Настала очередь идти сторожить самому Ивану. Вот он вынимает карты, кладет на стол. Достает две пригоршни золота, одну пригоршню кладет на один угол, другую на другой. Мечет нож в потолок и говорит:

— Вот, братьцы! Прошу я вас, чтобы вы эту ночь не спали, а играли в карты на золото, кто у кого выиграет. Кто из вас проиграется, тому еще дам.

Потом отдал им Иван ключи от повозки.

— Как с ножа кровь закапает, так коня моего еще не отмыкайте, а как потечет ручьем по полу, тогда отомкните.

Сказал, а сам пошел под мост. А у Кашея меньший сын был чуть ли не сильнее самого Ивана. Вот Иван вырвал балку и запустил ее снова в тот дом, да так, что он едва устоял. Вскрикивает меньшой сын Кашея:

— Слышь, батюшка, ведь это сам Иван Дарган тут!

А Кашей отвечает:

— Да, это будто он. Ну, поезжай, сынок, может ты его и осилишь. Смотри не дай маху!

Вот примчался к месту и этот:

— А ну-ка, Иван Дарган, выходи на бой!

А Иван взял булаву в двенадцать пудов.

— А вот, — говорит, — выхожу.

— Ну, идем на медный ток биться, тут нам не битва!

Пошли на медный ток, как сшиблись раза два, так и провалились по пояс. Кашеев сын кричит:

— И тут нам не битва. А ну-ка, Иван Дарган, идем на серебряный ток.

Пошли на серебряный ток, как сшиблись раза три, так и провалились по колена. Кашеев сын снова кричит:

— И тут нам не битва. А ну-ка, Иван Дарган, идем на золотой ток, вот там мы уж побьемся.

Пошли они.

Пришли на золотой ток, бились, бились. Иван Дарган почувствовал, что больше не может, да и говорит:

— А ну-ка, собачье мясо, давай передохнем!

А братья его между тем играли-играли в карты, да и заснули. Один лег на печке, другой улёгся на лавке. Иван, отдыхая, скинул с ноги сапог, да и запустил им в свою хату, чтобы разбудить братьев, потому что знал, что они заснули. Но в хате все тихо, ничего не слышно.

Тем временем поднимается Кашеев сын:

— А ну-ка вставай, Иван Дарган, на бой!

И снова начали они биться.

Бились-бились... Почувствовал тут Иван, что нет у него больше мочи, и снова говорит:

— Давай, собачье мясо, еще отдохнем!

— Давай!

Он скинул сапог с другой ноги, запустил им в свою хату и угодил прямо в печь. Печь развалилась и ударила старшего брата кирпичом по ноге. Тот вскочил, глядит — весь бок в крови и кровь ручьем по полу течет. Он скорей за ключи да бегом коня отпирать. А Кашеев сын кричит:

— Вставай, Иван, на бой!

А конь из повозки голос подает:

— Скорей отпирай, а то хозяин погибает!

Отпер старший брат коня, конь летит и кричит человеческим голосом:

— Иван Дарган, посторонись!

Подлетел да Кашеева сына в капусту и изрубил своими копытами. А Иван умирился, бившись, сел, отдыхает. Отдохнул, хотел домой идти, да подумал себе: «Дай-ка погляжу, что в карманах у них есть». Вот полез он в карман младшего, лежат в нем какая-то книжица и носовой платочек, узелком завязанный. Он эту книжицу себе в карман. Носовой платочек развязал, а солнце из него — порх. Он и к тем подошел, которых прежде побил. У одного, хват, носовой платок тоже узелком завязан. Он развязал, а из него месяц выпорхнул. Он — к третьему. И у того носовой платок, узелком завязанный, а из платка звездочки полетели.

Вот приходит он в хату к своим братьям и говорит:

— Ну вот, братцы, нашел я то, от чего на свете видно, а вы малость провинились: что же вы спать-то улеглись? Я ведь чуть не погиб, да и погиб бы, если бы не разбудил вас. Ну да ладно уж. Садитесь-ка вы теперь на моего коня и поезжайте домой, только его не погоняйте, он сам привезет на то место, где я отцовского коня из кожи вытряхнул, а вы оттуда пешком дойдете до дому. Я же здесь останусь, у меня дело есть, а может, вас и догоню.

Взял он книжицу Кашеева сына и вычитал в ней, как можно обернуться кем тебе вздумается.

Вот он обернулся голубем и влетел в окно дома Кашея Бесмертного, чтобы подслушать, какие там будут разговоры.

Дочка Кашеева вскакивает и говорит:

— Ну, батюшка, если мои братья их не извели, так я изведу. Забегу вперед и обернусь хрустальной криницей, они как напьются воды, так и полопаются...

Вскакивает другая:

— Ну, сестра, если ты их не изведешь, так я изведу. Я забегу еще дальше вперед и обернусь яблоней. Будут на мне и золотые яблоки и серебряные, они, как отведают их, так и полопаются.

Вскакивает сама змея, Кашеева жена.

— Ну, дочки, если вы их не изведете, так я их догоню и всех троих доконаю.

Послушал он, послушал еще с минутку, но больше ничего не услышал. Догнал своих братьев, ударился оземь и обернулся снова Иваном.

Едут они, едут. Впереди появляется хрустальная криница. Соскочили старшие братья с коней, хотели воды напиться, а Иван Дарган их не пускает: взял кол да как ударит по воде, глядь — на месте криницы одна трясина. Убил Иван эту Кашееву дочку. Едут дальше. Вот впереди показалась яблоня, вся в яблоках золотых и серебряных. Захотели старшие братья яблоков нарвать, а Иван опять их не пускает. Как снова ударит он колом по яблоне, глядь — на месте яблони тоже трясина оказалась.

Братья и говорят:

— Что ты нам не даешь ни пить, ни есть. Не хотим мы с тобой ехать, коли так!

— А вы, братцы, со мной и не поедете. Поезжайте одни восwoяси, конь вас привезет, куда я сказал.

А сам чувствует, что скоро змея прилетит, Кашеева жена. Братья поехали одни. А Иван зашагал богатырскими шагами в Киевград, а сам думает: «Может, в нем спасусь. Есть там, слышал я, три богатыря; железная кузница у них с тремя дверями железными. В ней они и куют».

Вот приходит он в Киев. Слышит — летит змея. Ой, беда! Настигает она его, а до кузницы еще далеко. Видит Иван — соли кули навалены, хватает он зараз десять кулей да пихает змею в рот. Набил он ее по горло солью, она и обожралась. Полетела к Днепру воды напиться, а он в это время прыг к кузнице.

— Эй, братцы, пустите, помогите!

— Мы тебя пустим, только послужи у нас год.

Пустили его в кузницу, а змея тут как тут. Хлоп на крышу, даже кузница затрещала. Змея кричит:

— Подайте мне разбойника, а не то я всю кузницу вашу разорю!

Кузнецы отвечают:

— Чем мы виноваты? Мы же не знали, кто он такой. Мы боимся кузницу открыть, а ты возьми три двери пропили, у тебя язык длинный, а мы тебе его на язык посадим. Ты и тащи его к себе.

Как она лизнула, так языком прямо до другой стены достала. А Иван Дарган скорей за клещи да на наковальню его. Тут кузнецы как начали бить по нему в три молота, так вся кузница ходунном заходила. Били-били, чувствуют наконец, что змея совсем ослабела, словно бы на поводу ходит. Вышли они из кузницы, а у дверей лежит большущая железина в семьдесят пудов. Взял Иван Дарган цепь, прицепил к железине этой да на шею змее, жене Кашеевой, и надел, а кузнецы знай глушат ее молотами по голове. Потом как Иван железину эту в землю засадил, так и прорыли канаву через весь Киев до Днепра и кинули змею в воду с железиной вместе. И десяти метров не проплыла она, там из нее и дух вон.

Отслужил Иван год, кузнецы накормили его, напоили хорошенько и на дорогу дали. И пошел он домой добираться.

Идет дорогой, а лежит дорога через осокорник. Как грянул он песню, так даже листья с осокорей посыпались. Вдруг он видит — едет впереди, словно бы на мотоцикле, девчонка и кричит:

— Посторонись, а не то ушибу!

А он думает: «Такое маленькое, да меня ушибет?»

А та летит прямо на него. Он как толкнет ее ногой, так нога и прилипла. Он — другой, и та прилипла. Он — руками, и руки прилипли. И потащила она его прямо к Кашею в дом.

— Дедка! Вот я тебе его привела.

А звалась та девчонка Анципкой, она Кашею веки поднимала.

И приказывает Кашей:

— Подними-ка веки! (А были они у Кашея каждое по пять пудов).

Она подняла. Глянул Кашей:

— А, попался, голубчик! Только не буду я тебя сразу ни бить, ни казнить.

А Кашей как поглядит на кого — так уж тот от него не уйдет, хоть и отпустит — все равно каждый придет к нему обратно.

Вот Кашей и говорит Ивану:

— Сыночков ты моих побил, дочек погубил и жену убил, так вот тебе задача: иди ты вдоль моря вправо пятьдесят верст, там на море остров, а на том острове живет старик, старый-престарый. Так вот, чтоб ты мне его дочь в жены привел, а не приведешь — мой меч, твоя голова с плеч!

Ну он и пошел. Прошел верст десять, а навстречу ему человек из лесу выскакивает и спрашивает:

— Куда идешь, человек?

— А иду сватом.

— И я с тобой пойду.

— А ты что за человек?

— Я в целом свете все вижу.

— Ну, идем вместе.

Пошли дальше. Выскакивает еще один.

— Куда, братцы, идете?

— А идем сватами.

— И я с вами пойду.

— А ты что за человек?

— Я за один час все царство обегу.

— Ну, идем вместе.

Пошли дальше. Выскакивает третий.

— Куда идете?

— А идем сватами.

— Ну и я с вами пойду.

— А ты что за человек?

— А я могу все море выпить.

— Ну, идем вместе.

Пошли дальше. Выскакивает четвертый.

— Куда, ребята, идете?

— А идем сватами.

— И я с вами пойду.

— А ты что за человек?

— Сколько мне ни дай, я все поем.

— Ну, идем вместе.

Пошли они дальше. Выскакивает пятый с железными вилами.

— Куда, молодцы, идете?

— А идем сватами.

— И я с вами пойду.

— А ты что за человек?

— А вот это море за пять минут в копны сложу и через море перейду.

— Ну, ладно, идем вместе.

Вот подходят они и видят на море остров. Тут выскакивает шестой, с рогожкой под мышкой.

— Куда, братцы, идете?

— Да вот на этот остров сватами.

— Ну так и я с вами. Сядем вот на эту рогожку, она нас и перевезет.

Они сели и переехали. На острове высоченная ограда, никто туда не войдет. А живет там волшебник, против которого и сам Кашей ничего не может. В ограде тысяча кольев, и на каждом колу человечья голова торчит, а семь кольев пустых. Они и говорят:

— Это для наших голов.

Подходят к воротам, замки перед ними сами отпираются и ворота сами растворяются. А едва во двор вошли, ворота сами собой — хлоп! — и на замки заперлись. Делать нечего, идут они к дому. И здесь тоже двери сами собой перед ними раскрываются. Входят в дом, сидит там старик, старый-престарый, косматый, весь с ног до головы волосами оброс.

— Зачем пришли?

— Дочку твою сватать.

— За кого же вы будете ее сватать?

А они все шестеро показывают на Ивана.

— Дочка! Иди-ка сюда!

Приходит дочка.

— Видите, какая моя дочка красавица. А вы же чумазые! Так вот вам задача: в некотором царстве есть два колодца, кто водой из них умоется, тот станет таким же пригожим, как моя дочка. Коли вы той воды принесете первыми, будем с вами толковать. А коли опередят вас — мой меч, ваши головы с плеч.

И посылает старик за водой Бабу-Ягу Костяную Носу, а Иван с товарищами посылает того, кто за один час может все царство обежать.

Тот как припустился, так сразу и догнал Бабу-Ягу, толкнул ее в бок ногой, а сам побежал дальше. Набрал в бутылку воды и бежит назад. По дороге встречается снова с Бабой-Ягой. Она его тут наземь свалила и сороку на голову посадила, он и заснул. Баба-Яга схватила бутылку да бежать.

А Иван Дарган между тем говорит:

— Уж время бы ему вернуться.

Влезли они на балкон с тем, который на всем свете все видит. Тот и показывает:

— Вон он спит на дороге, а на голове сорока сидит.

Тут как крикнет Иван Дарган богатырским голосом — так тот и вскочил. Снова догнал Бабу-Ягу, ногой пихнул, воду отнял и прибежал обратно к дому, а бабе надо еще пять часов бежать.

Иван умылся этой водой и стал писанным красавцем.

А старик говорит:

— Ну, видно, делать нечего, будем теперь свадьбку играть. Есть у меня полный амбарчик винца в бочонках, есть и амбарчик хлеба печеного, мягкого, как пух. Так вот, чтобы вы все это сразу попили и поели. А не попьете, не поедите — мой меч, ваши головы с плеч!

Тот, который много пьет, — в амбар к бочонкам, а тот, который много ест, — к хлебушку. Попили и поели все без остатка да еще и кричат:

— Дай-ка еще, коли есть, а то мало!

А старик им в ответ:

— Нет уж, хватит!

А тем временем по его приказу баня уже двое суток топится, печь накалилась так, что вся баня стала красная, как жар.

— Вот вам дело: лицо-то вы помыли, теперь красивые, а тело ваше грязное, так ступайте-ка в баню, попарьтесь, а коли не попаритесь в моей бане, тогда мой меч ваши головы с плеч! — говорит старик.

Что тут поделаешь? Пошли. А когда подошли к бане, так тот, который много пьет, как пустит изо рта воду, полную баню налил и печь затушил. Все семеро разделись и давай купаться будто в ванне.

Старик же посылает дочку.

— Бери-ка, дочка, кочергу да иди выгреби пепел, который остался от твоих сватов.

Она — за кочергу и побежала. Подбегает к бане, глядит, а они там знай купаются.

— Эх, — говорят, — что ж вы так плохо натопили, мы уже совсем закончили.

Она назад бежит с плачем к отцу и говорит:

— Батюшка, они там будто в ванне купаются!

— Ну, дочка, видно, идти тебе замуж. Это люди не простые. Больше я им приказывать не стану, а то они меня самого изведут.

Пришли те из бани, старик им говорит:

— Ну, берите дочку.

Взяли они старикову дочку и повели. Вот пришли они к морю, расстилают рогожку. Уселись все на нее и поехали. Только по морю поплыли, невеста бултых в воду! Тот, который в копны море складывает, ворохнул вилами, а тот, кто все на свете видит, сгреб ее и — обратно на рогожку. Иван Дарган держит невесту, а она и говорит:

— Кабы за тебя, Иван Дарган, так я бы согласилась за милую душу, а то ведь ты меня поведешь к Кашею!

— Да, — говорит Иван, — поведу к Кашею.

Переплыли море. Тут и распрощались товарищи: кто откуда вышел, туда и обратно пошел, а Иван повел ее к Кашею.

— Ну, вот, привел тебе невесту.

— Анципка, подними-ка веки!

А та аж кряхтит, поднимая. Глянул Кашей:

— Ну, теперь, Иван, гуляй у меня!

Погулял он с неделю, а Кашей ему снова:

— Знаю еще и не такую красавицу, она на дне моря живет. — Приказывает он Ивану: — Достань ты мне морскую красавицу; коли достанешь — отпущу на все четыре стороны, а не достанешь — мой меч, твоя голова с плеч. Иди ты вдоль моря влево за семьдесят верст, там на берегу растут красные кусты, она каждое утро наверх выплывает, под солнышко, да песенки распевает, а как запоеет — даже море колышется. Так вот хочешь не хочешь, а мне ее добудь!

Пошел Иван в город, заказал мастеру такую повозку, чтобы двери были раздвижные, да чтоб человек в ней сидел, а виден бы не был. Да чтоб разукрасил тот ее разными цветами. Потом набрал Иван всяких напитков и закусок, нанял в городе лошадь и поехал к морю с повозкой. Ну, приехал туда, остановился в тех кустиках возле берега, а лошадь отпустил домой. Сел Иван в повозку и сидит себе, утра дожидается.

Вот настало утро, и выплывает морская красавица, подплыла к берегу, стоит по плечи в воде и говорит сама с собою:

— Ой, что это такое? Видно, что-то лакомое... Да не опасно ли его есть, не хочет ли кто изловить меня? Нет, не пойду! — и скрылась в море.

Сидит Иван до другого утра. Вот выплывает она снова. Подплыла к берегу, вышла на сушу, шага на три не дошла до Ивана, стала.

— Нет, не поймал бы кто-нибудь меня! — и назад в море.

Сидит он до следующего утра. Вот на третье утро опять она выплывает. Вышла на берег, подошла к повозке, стала пить и есть, а сама говорит:

— Эх, и вкусно же! И нет здесь никого.

Тут Иван мигом дверцы раздвинул и хватить ее за руку. Она вырывалась, вырывалась, а он говорит:

— Нет, не вырвешься!

А она такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Как глянул Иван на нее, так и подумал себе: «Вот бы мне такую жену!» А та обнимает его, целует да приговаривает:

— Ты меня к Кашею поведешь?

— Да,— говорит,— к Кашею.

— Так вот давай мы лучше так поладим, чтобы быть нам с тобой мужем и женой. Я ему не поддамся, а он чуть глянет на меня, тут же всю правду мне и скажет. Я у него и выпрошу, где его смерть, а ты, добрый молодец, может, ее и достанешь.

С этим и пошли.

Приходят к Кашею. Иван ему и говорит:

— Ну, привел.

— Анципка, подними-ка веки!

Та подняла. Только глянул он на морскую красавицу, так тут же и говорит Ивану:

— Ступай теперь куда хочешь: хочешь домой поезжай, хочешь оставайся у меня за сына.

— Ну что ж, так и быть,— отвечает Иван,— я уже привык к тебе, как к отцу родному, и буду тебе за сына.

— Вот и ладно, мой сынок названный, а женой тебе будет та, которую ты с острова привел. Возьми ключи со стены, ступай отомкни амбар, там ружья моих сыновей, выбирай себе любое да по свету погуливай, ешь, пей, веселись.

Отомкнул Иван амбар, выбрал ружье получше и пошел.

А морская красавица Кашея приголубила и говорит ему так-то умильно да ласково:

— Ой, миленький мой, какой же ты писанный красавец! И как долго живешь! Мне еще отец рассказывал, что мой дед прожил триста лет и знал тебя с малолетства, да и сам отец живет уже двести лет, а ты даже и не старишься!

— Э, моя душенька, я прожил уже семьсот лет и еще буду жить, нет на меня смерти, я бессмертный. Вот и ты помрешь, а я все буду жить.

— Ой, миленький, ой, пригоженький, как же это ты так долго живешь? Расскажи!

— Эх, первой жене я не признался и второй жене не признался, ну, а тебе расскажу, уж очень крепко полюбил я тебя.

— Ну, конечно, ведь мы же с тобой заодно.

— Пойдем-ка на балкон, чтоб не услышала та, за стеной.

Вышли они на балкон, а Кашей и показывает:

— Вон остров на море, видишь?

— Вижу.

— Видишь там дуб стоит огромный, так вот под тем дубом на три косых сажени под землей сундук несгораемый, не сгнивае-

мый, а в сундуке том заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо, а в том яйце — смерть моя.

Опять она его приголубила, он и заснул.

А Иван Дарган с ружьем на охоту пошел. Идет, а навстречу ему гончая собака. Прицелился он, хотел ее застрелить, а собака кричит:

— Иван Дарган, не бей меня, не губи, я тебе для большого дела пригожусь!

Пошел дальше. Летит орел. Иван прицелился, а орел кричит:

— Иван Дарган, не бей меня, не губи, я тебе для большого дела пригожусь!

Он и этого не стал стрелять. Идет он по берегу моря, видит — щука в сети запуталась и кричит:

— Иван Дарган, вырви кол, вытащи меня отсюда и пусти в море, я тебе для большого дела пригожусь!

Вытащил он щуку и пустил ее в море, а сам пошел домой.

Приходит домой, морская красавица обрадовалась, вывела его на балкон и показывает:

— Вон, видишь — остров, вон дуб там стоит огромный, под тем дубом на три косых сажени под землей сундук несгораемый, негниваемый, а в сундуке том заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо, а в том яйце — смерть Кашеева.

Пошел Иван к морю, кинулся вплавь, доплыл до острова да как рванет дуб, так и вырвал его с корнями. Землю разрыл, сундук достал, а сам подумал: «Как хвачу сундуком об дуб, так и конец всему».

Взял да и ударил. Заяц — прыг и бежать. А тут откуда ни возьмись гончая собака — раз и схватила зайца, утка порх — и полетела, а тут откуда ни возьмись орел — утку хватить, а из нее яйцо шмяк в море. Стоит Иван и думает: что делать? А тут уж щука несет яйцо в зубах.

— На, Иван Дарган, я ведь тебе говорила, что пригожусь!

Взял Иван яйцо и поплыл назад, а Кашей уже проснулся, сидит.

— Ну, держись, собачье мясо! — говорит Иван.

— Что, что, разбойник? Анципка, подними-ка мне веки.

Та подняла.

Как увидел Кашей в руках у Ивана яйцо, так и затрясся:

— Иван Дарган, не бей меня, не губи, век не буду никого трогать и кормиться стану одной рыбкой!

А Иван не слушает да как хватит его яйцом по плечи, так Кашей и ноги задрал. Тут и конец ему. Иван вышел на двор, свистнул коня богатырским посвистом, прилетел к нему конь. Сели на него все трое и поехали домой.

Дома Иван сам на морской красавице женился, а другую старшему брату в жены отдал. И стали они жить-поживать да добра наживать.

ИСКОРКА ПАРУБОК ДЕВИЧИЙ СЫН

Было у отца три сына: два умных, а третий дурак. И была у него на конюшне кобыла.

Умные поехали в лес, а дурень остался дома. Две невестки затопили печку, напекли блинов. Потом просят его, дурака-то этого:

— Принеси,— говорят,— нам воды, а мы тебе за то блин помаслим.

Он взял ведра и пошел.

Приходит к колодцу, а был он неподалеку от реки, возле моста. А под мостом-то застряла щука. И говорит она ему человеческим голосом:

— Вызvoli меня отсюда, и что только тебе ни понадобится — все исполнится.

Тот ее высвободил и пустил в воду, а сам приказывает:

— По щучьему веленью, по матушкиному порожденью, по батюшкиному благословенью, нуте-ка, ведра, начерпайтесь и домой идите!

Тут ведра начерпались и пошли домой впереди него.

Невестки увидали в окно и показывают одна другой:

— Вот,— говорят,— мы все дурнем его называем, а он, гляди, что творит! Своих мужей работой изводим, а он все дураком почитается и баклуши бьет!

Приехали братья из лесу, позавтракали и снова собираются в лес да и его зовут с собою.

А он отвечает:

— Коли дадите отцовскую кобылу, поеду, а не дадите — не поеду!

Что ж, позволили ему запрячь отцовскую кобылу.

Только выехал он за гумно — та заупрямилась и ни с места. Тогда он зашел спереди, ударил ее кулаком по лбу и свалил с ног. Потом взял ее за хвост, потряхнул, вытряс все мясо из кожи, кожу закинул на гумно, а сам связал оглобли, сел в сани и говорит:

— По щучьему веленью, по матушкиному порожденью, по батюшкиному благословенью, нуте-ка, сани, поезжайте в лес сами!

Сани тронулись, заскрипели и за братьями полетели.

Дивятся братья, как это он без лошади приехал.

— А куда ж ты, брат, подевал отцовскую кобылу?

Дурак ответил, что убил кобылу, а кожу на отцовское гумно закинул — крыша не будет течь, говорит.

Нарубили братья дров, собрались домой ехать и спрашивают его:

— А чего ж ты не рубишь?

И не так им было нужно, чтобы дурак нарубил дров, как была охота посмотреть на его работу, потому что он отродясь не держал топора в руках.

А дурак говорит:

— По щучьему веленью, по матушкиному порожденью, по батюшкиному благословенью, нуте-ка, дрова, сами рубитесь, сами и на воз кладитесь!

Тут дрова затрещали, сами стали рубиться и на сани валиться. Навалились с целую сажень. Братья подивились и поехали. А он взобрался на свой воз, уселся и говорит:

— По щучьему веленью, по матушкиному порожденью, по батюшкиному благословенью, нуте-ка, сани, поезжайте домой сами!

Проезжали они мимо озера. Там рыбаки рыбу ловили и вытянули одну-единственную рыбку. Увидел дурак эту рыбку и говорит:

— Вот дорогая рыбка! Кто ее съест, тот сына родит, и кто косточки обсосет, тот сына родит, кто косточки сгрызет, и тот сына родит. Будут три сына и все богатыри.

Досталась та рыбка царице. Зажарила она ее и съела, а косточки на блюде оставила. Пришла ее дочка-царевна и давай обсасывать косточки да бросать их под стол.

— Ах, маменька,— говорит,— какая вкусная рыба!

А собачонка, сидевшая под столом, взяла да все косточки и погрызла.

Понесли они все трое и в положенный срок родили по сыну — и царица, и дочка ее, и собачонка.

Стали расти сыновья, выросли хорошие, крепкие. Когда исполнилось им лет по семнадцать, приходят они к царю и говорят:

— Батюшка наш, милостивейший государь, вели ты выковать нам три меча по пятнадцати пудов. Живут в таком-то царстве, в таком-то государстве три змея: один — о трех головах, другой — о шести, третий — о двенадцати. Истребляют они народ!

Милостивейший государь исполнил их просьбу. Велел выковать им три меча по пятнадцати пудов.

А лежал у него среди двора камень, громадный, ну что твой дом.

Вот они и говорят между собой:

— Ну как, братцы, кто же из нас старшим будет? Кому станем подчиняться? Давайте рубить камень. У кого он развалится надвое, того и будем слушать.

Собачий сын рубанул камень — только оцарапал; царицын сын рубанул камень — наполовину в землю вбил; девичий сын как рубанул — тот и развалился надвое.

Девичий сын и говорит:

— Смотрите, братцы, слушайте меня и повинуйтесь! Поедем с вами в тридевятую землю, в тридесятое царство.

Подъезжают они к тридесятому царству, остановились верст за двенадцать, построили себе жилье и стали в нем жить.

Говорит братьям Искорка Парубок Девичий Сын:

— Как слушались меня, так и слушайтесь! Вот,— говорит,— собачий сын, иди встань на страже на мосту. Мост большой. Пойдет,— говорит,— по нему Юдо о трех головах, так вот, чтоб ты его истребил!

Тот ничего не ответил, пошел к мосту, лег и заснул. Искорка Парубок Девичий Сын усыпил царицыного сына, а сам полетел стрелой к мосту. Стал на мосту, а помощника своего и не видит. Около полуночи слышит он какой-то грохот — едет Юдо о трех головах.

Кони его взбежали на мост, остановились и заржали. Бывшие с ним собаки в голос завыли. Бывшие при нем петухи — и те запели. Он даже испугался и прикрикнул на лошадей:

— Ах вы,— говорит,— собачье мясо, чего орете?

И на собак:

— А вы, псы, на кого голос подымаете? Нам ровни тут нет. Есть три брата в тридевятой земле, в тридесятом царстве, так они не то что сами придут, а и ворон их костей сюда не занесет.

Отвечает Искорка Парубок Девичий Сын:

— Да не ворон кости заносит, а сам добрый молодец на вороном коне наезжает!

А Юдо ему:

— Иль ты здесь?

— А вот здесь.

— Ну, давай биться!

И начали они биться. Искорка Парубок Девичий Сын Юду голову сбил, а тот:

— Искорка Парубок Девичий Сын, стой,— говорит,— цари-короли бьются— и те замиряются, давай замиримся и мы, хоть на малый срок.

— Можно! — говорит Искорка.

— Искорка Парубок Девичий Сын, покажи ты свою силу, как это ты бьешь так крепко? Какова твоя сила?

— А моя сила,— говорит,— как лебединое перо!

Вынул он свою силу и дунул, словно ветром, перо вверх полетело. Он вдохнул — оно назад вскочило в рот.

Тогда спрашивает Искорка Парубок Девичий Сын:

— А ну-ка, Юдо, покажи ты свою силу, какова она?

Тот отвечает:

— Моя сила с бобок ростом.

Бросил он на мост — она и покатилась. Искорка Парубок Девичий Сын схватил ее, сунул в рот и съел. Юдо снова стал с ним биться. Убил его Искорка Парубок Девичий Сын, порубил и коней его, и собак, и петухов и смел с моста, а сам скорым поспехом полетел к своему жилью и улегся спать, будто нигде и не был.

Проснулся поутру собачий сын, глянул на мост — а тот весь в крови и в перьях. Приходит к братьям.

Искорка Парубок Девичий Сын и спрашивает его, что он слышал, что видел. А он отвечает:

— Ничего и слыхом не слыхал и видом не видал. Только, вставши поутру, увидал кровь, кости да перья.

— Вот какой ты у меня надежный!.. Ну да ладно! — говорит Искорка Парубок Девичий Сын. Дождается он другой ночи и посылает царицыного сына.

— Гляди, — говорит, — как можно зорче!

Тот пошел.

— Ну, я-то, — говорит, — так не сделаю!

А Искорка Парубок Девичий Сын усыпил брата, а сам опять туда на стражу. А царицын сын подлез под мост, лег на бревнах да и заснул.

Пришел Искорка Парубок Девичий Сын и встал на мосту.

Настала полночь, слышно грохот и колокола звонят. Едет Юдо о шести головах. Только въехал на мост — кони заржали, собаки завизжали, петухи запели.

Юдо и говорит:

— Что вы меня страшаете? Мне тут ровни нет. Есть ровня в тридесятom царстве — Искорка Парубок Девичий Сын, так ворон, — говорит, — и костей его сюда не занесет!

Искорка отвечает:

— Нет, — говорит, — Юдо, не ворон человечесью кость заносит, а сам добрый молодец на вороном коне наезжает!

Юдо говорит:

— Да разве ты здесь?

— Здесь!

— Ну, зачем ты сюда пришел — биться или на меня подивиться? Или будем честно расходиться?

Искорка отвечает:

— Не за тем я шел сюда три года. Не дам я тебе дальше ходу и на три шага!

— Ну, давай сражаться!

Бились они, бились; Искорка Парубок три головы ему сбил, а три остались.

— Стой, Искорка Парубок Девичий Сын, — говорит Юдо, — цари-короли бьются — и те замиряются, давай передохнем хоть три минуты!

— Можно! — отвечает Искорка.

Юдо говорит:

— Искорка Парубок Девичий Сын, покажи мне свою силу, как это ты так сильно бьешь?

Тот отвечает:

— Сила моя, — говорит, — небольшая, вся с лебединое перо.

Дунул — она и полетела. Вдохнул в себя — опять на место села. Тогда и сам спрашивает:

— А теперь ты, Юдо, покажи мне свою силу!

— Моя сила, — говорит Юдо, — тоже небольшая — и вся-то с волошский орех.

Бросил ее на мост — она и покатилась, Искорка Парубок Девичий Сын схватил и эту съел.

Рассердился Юдо — и давай снова биться.

Искорка посек, порубил и его, и коней, и собак, и петухов и смел с моста. А сам воротился в свое жилье и завалился спать, словно нигде и не был.

Дал бог день, приходит царицын сын. Искорка Парубок и спрашивает:

— Что слышал, что видел?

Тот отвечает:

— А что, — говорит, — не слышал ничего и не видал, только вот как встал, так кровь с моста бежала, даже и меня под мостом всего обкапала!

— Эх, братья, вот как верно вы мне служите!

Дождались третьей ночи, надо идти самому. Искорка и говорит:

— Ну, братья, нате вам колоду карт и порожний стакан, и прошу я вас не спать всю ночь. Когда этот стакан полный крови набежит, то бегите что есть мочи ко мне на мост.

Вот они кон или два в карты сыграли и на стол головы поклади. Свечи горят, а они себе спят.

Искорка Парубок Девичий Сын стоит на мосту. Под полночь слышит грохот и колокольный звон. Едет Юдо о двенадцати головах на двенадцати конях. Только он въехал на мост — так сейчас же кони заржали, собаки завизжали, петухи запели, кукушки закуковали.

Юдо и говорит:

— Что вы, собачье мясо, орете? — Это он на коней. — А вы, псы лютые, чего развизжались? Мне тут ровни нету, вы меня не пугайте. Есть ровня в тридесятом царстве — Искорка Парубок Девичий Сын, так и ворон его костей сюда не занесет.

Искорка отвечает:

— Нет, — говорит, — Юдо, не ворон человечьи кости заносит, а сам добрый молодец на вороном коне наезжает.

— Да разве ты здесь?

— Здесь!

— Ну что ж, — говорит, — ты сражаться или только на меня полюбоваться сюда наехал?

— Не столько полюбоваться, сколько с тобой сражаться! — отвечает ему Искорка Парубок Девичий Сын.

— Ну, тогда, — говорит, — начнем.

Бились они, бились, Искорка две головы сбил.

Тут полный стакан крови набежал. А братья спят.

Тогда Юдо говорит:

— Искорка Парубок Девичий Сын, цари-короли бьются — и те замиряются, сделаем роздых минутки хоть на три!

Замирились.

— Искорка Парубок Девичий Сын, покажи мне свою силу, —

говорит Юдо,— как это ты так быстро бьешь? Какова она, твоя сила?

— Моя сила,— говорит,— и вся-то с лебединое перо.

Дунул — она и полетела, вдохнул в себя — опять на место села.

— Ну что ж,— говорит,— я тебе свою силу показал, покажи и ты мне свою — какова твоя сила?

Юдо отвечает:

— Моя сила вся с фунтовое яблоко.

Вынул ее и бросил на мост. Искорка Парубок подхватил ее и съел.

Рассердился Юдо, что тот перехитрил его, а Искорка Парубок скинул с правой ноги сапог, запустил в свое жилье и сбил крышу по самым окнам. Хватились братья, а уж крови из стакана напыло по земле по самым колени. Они что было мочи побежали к нему, а он уж один сбил шесть голов.

Богатыри порубили Юдо и смели его кости в реку.

Тогда Искорка Парубок Девичий Сын говорит им:

— Ну, братцы, дайте мне теперь отдохнуть хоть трое суток!

А те на радостях спешат домой.

— Нет,— говорит он,— я все из сил выбился, вот отдохнем трое суток, тогда и поедем.

Дождались они первой ночи. Он братьев усыпил, обернулся голубем и полетел к Юдиной жене о трех головах. Сел на окошко и заворковал. Жена Юда услышала и говорит:

— Юдо мой, беззаконный, бесталанный мой! Обездолит тебя Искорка Парубок Девичий Сын, обездолю и я его! — А сама думает, что это душа Юдина к ней прилетела.— Будет он возвращаться домой, захочет пить, а я лягу криничкой возле дороги, поставлю черпачок и напущу в него разного зелья. Как глотнет — так и трех минут не проживет...

Взял это Искорка себе на заметку и полетел к братьям, которые спали и ничего не ведали.

Назавтра братья опять стали торопиться домой, а он снова просит их подождать. Дождались они второй ночи, он обернулся голубем и полетел к Юдиной жене, к той, которая о шести головах. Сел на окошко и заворковал. Она услышала и говорит:

— Юдо мой, горемычный мой! Обидел тебя Искорка Парубок Девичий Сын, обижу и я его! Будет он возвращаться домой, а я стану яблоней у дороги и пушу дух на сорок верст. Услышит он яблоневый дух, и захочется ему яблок. Я их повешаю разных и насыщу их зельем. Только он яблоко возьмет, так его на части и разорвет!

Взял и это Искорка на заметку и полетел к своим братьям. Лег, будто нигде и не был.

Встали назавтра братья и опять стали торопиться домой. Снова он их спрашивает:

— Отдохнем еще хоть одни сутки!

Дождались они третьей ночи. Взял усыпил он братьев, сам обернулся голубем и полетел к Юдиной жене, которая о двенадцати головах. Сел на окошко и заворковал. Услыхала Юдина жена и говорит:

— Юдо мой, милый мой, погубил тебя Искорка Парубок Девиный Сын, погублю и я его. Как будет он возвращаться домой — я лягу на его дороге змеєю, займу вдоль сорок пять верст и двадцать пять верст поперек, так что ни обойти, ни объехать. Как поедет, так я его на жало и насажу!

Услышал это Искорка, запомнил накрепко и полетел к своим братьям.

На ранней зорьке будит он их.

— Ну вот, братья, теперь поедем!

Собрались и поехали.

Много ли, мало ли проехали — захотелось им пить, тем двум братьям. Он им и говорит:

— А заметили вы вон там, около дороги, криничку? Я вот видел ее, а вы нет. Подъедем к ней и напьемся.

Увидали ее братья и живо к ней наперегонки. А он говорит:

— Пойдите, я вперед буду пить.

Перерубил он криничку крест-накрест мечом — вся вода превратилась в кровь.

— Ну, братья, пейте!

Братья не стали пить. Поехали дальше. Едут и слышат яблоневый дух. Захотелось им яблочка.

Искорка спрашивает:

— Неужели вы не видали возле дороги яблони? А я ехал и видал ее. Вот мы, — говорит, — подъедем к ней, сделаем передышку и яблок натрясем.

Увидали братья яблоню, да вспомнили его слова у кринички, бросились было к ней, а потом назад:

— Ну-тка, — говорят ему, — вперед ты покушай яблок!

Взял он, рубанул крест-накрест мечом — и потекла из яблони кровь и закричала она громким голосом, так что братья даже перепугались.

А он говорит им:

— Это еще нам не загадка, а вот поедем дальше — там уж будет загадка!

Много ли, мало ли проехали — видят какую-то большую гору и говорят меж собой: тогда, дескать, не было этой горы, туда ли мы едем?

— А вот же все те приметы, та самая дорога!

Подъезжают ближе. А гора разинула пасть и вытянула жало на целую версту. Подъезжают совсем близко. Тут Искорка Парубок как вскочит прямо ей в пасть и давай ее с языка сечь мечом и куски вон выкидывать.

— Как прорублю насквозь, — велит он братьям, — проезжайте через нее во весь опор. Да моего коня не оставьте!

Увидели братья сквозной ход, проскакали во весь опор и его коня провели, а самого там оставили. Он бросился бежать, а змея перевернулась — и за ним.

Стрелой летит Искорка, а она следом. Вот видит около дороги стоит кузница. Он и кричит:

— Эй, кузнец, кузнецов сын, укрой меня от неминуемой смерти!

А кузница — вся чугунная! Даже и окошка нет, и солнце туда не светит. Кузнец впустил его в ворота, а ворота чугунные, и осталась змея на улице.

Обвилась она вокруг дома в три ряда и стала прогрызать да пролизывать крышу. Прогрызла ее с трех раз и говорит:

— Эй, кузнец, кузнецов сын! Поддай мне виноватого!

Кузнец взял клещи, раскалил их добела, ухватил ее за язык и прожег его насквозь, держит, а сам кричит:

— Искорка Парубок! Иди, — говорит, — руби мечом с хвоста до головы.

Тот и начал ее рубить. Дорубился до головы. Они взяли ее да в котел. Стали ее переваривать и делать ему кобылу. За эту кобылу жил Искорка Парубок Девиный Сын у кузнеца три года.

— Ну, — говорит кузнец, — поезжай на этой кобыле, да смотри, — говорит, — нигде не останавливайся. А коли остановишься — так снова служить тебе три года.

Вот проехал он сколько-то да возьми и урони кнут, а там, около дороги, то же самое жил кузнец. И распознал тот кузнец, что кобыла эта не простая. Поднял он ему кнут и взял за руку, а кобылу заколдовал так, что она не могла и шага ступить.

— Ну, Искорка Парубок Девиный Сын, поедешь ты на ней опять, когда у меня три года проживешь. Только смотри не ходи, — говорит, — на Усиянскую гору и не гляди на свою сторону!

Начал он снова жить три года. Вышел на Усиянскую гору, глянул на свою родную сторону, и привиделось ему, будто мать воду носит, а отец дрова колет. Залился он слезами. Вошел на двор, кузнец сразу и смекнул:

— Что, — говорит, — сходил на Усиянскую гору, поглядел на свою сторону?

• Он отвечает:

— Нет, — говорит, — не ходил! Это шел я по камышовой лозе, камышовая лоза кольнула в глаза, и покатила из глаз слеза.

Прожил Искорка Парубок и тут три года. Потом снова поехал на своей кобыле, доезжает до третьего дома — до царского. А царь загородил дорогу и велит ему идти к себе на совет.

— Коли, — говорит, — высватаешь мне там-то и там-то девицу — так поедешь домой, а не высватаешь — так поплачешься у меня. Набери, — говорит, — себе двенадцать молодцов и отправляйся в путь. (Имя того царя забыто.)

Идет Искорка по дороге, переходит через реку, а там, на реке-то этой, сидит Обпивало, в рот вода бежит, а чтоб из него — что-то не видать: под ним река совсем сухая. Сидит он и кричит:

— Ой, пить хочу!

Искорка говорит:

— Здравствуй, Обпивало!

— Здравствуй, Искорка Парубок Девичий Сын!

— Пойдем со мной сватами.

— Ну что ж, пойдем!

Прошли немного — стоит возле дороги пекарня, недалеко от города. Там в двенадцати печах хлеб пекут и одного Обьедалу кормят. А он знай кричит:

— Ой, есть хочу!

— Здравствуй, Обьедало! — говорит Искорка.

— Здравствуй, Искорка Парубок Девичий Сын!

— Пойдем со мной сватами!

— Что ж, пойдем!

Еще прошли — горит город. Наскочил тут Гунька. Как летел, так и наскочил, лег в огонь, в самый что ни на есть жаркий, кожей накрылся и кричит:

— Ой, замерз!

Огонь притушил и снова кричит:

— Ой, замерз!

Искорка Парубок говорит:

— Здравствуй, Гунька, пойдем со мной сватами!

Гунька отвечает:

— Пойдем!

Прошли немного — стоит с краю дороги Долгошест.

— Здравствуй, Долгошест!

— Здравствуй, Искорка Парубок Девичий Сын! Куда бог несет?

— Да вот идем свататься.

— Возьмите и меня!

— А давай пойдем, нам таких и надо.

Прошли еще какое-то там время, видят — сидит около дороги Муха Лысуха.

— Здравствуй, Муха Лысуха!

— Здравствуй, Искорка Парубок Девичий Сын! Куда бог несет?

— Да свататься!

— Возьмите и меня!

— А пойдем, нам и таких надо.

Пошли они. (Он набрал себе двенадцать молодых.) Приходят к тамошнему царю сватать его прекрасную дочь-девицу. Царь так и говорит им:

— Мои сваты. — А потом выкатил двенадцать бочек вина и выложил двенадцать пудов хлеба: — Если, — говорит, — вы за ночь с этим не управитесь, то вы мне не сваты!

Пошли они в сарай и стали пить вино. Каждый выпил по своей потребности, а Обпивало вытянул все вино и бочки в одну кучу свалил. А сам на эту кучу сел и знай кричит:

— Пить хочу!

А Обьедало весь хлеб умял, да и кричит:

— Есть хочу!

Назавтра видит царь, что вино выпито и хлеб поеден и приходится ему отдавать свою дочь. Тогда он говорит:

— Ну, если ты хочешь быть моим зятем, так я тебе, — говорит, — задам еще одну задачу на ночь! Коли сделаешь это — будет моя дочь за тобой.

Взял он и насыпал полную яму жару.

— Переночуете ночь в этой яме — будет моя дочь вашей.

Тогда этот Гунька ложится на горячие уголья, накрывается кожей, они и прошли по коже как ни в чем не бывало. Улеглись, укрылись и еще покряхтывают, — зазябли, мол!

Встал назавтра царь и велит своим слугам:

— Ступайте, — говорит, — хоть кости их повыкидывайте оттуда.

Пришли слуги к яме, смотрят, а они кряхтят:

— Дайте нам хоть погреться!

Приходит Искорка Парубок к царю — что поделаешь? — надо отдавать дочь! А та и говорит:

— Пойдем по саду прогуляться!

Пошли в сад, и давай она искать у него в голове. Напустила на него сон, он и уснул. А сама обернулась голубкой и полетела прочь, чтобы спастись от него.

Тут Муха Лысуха как укусит его за гузно, он спохватился — девицы нет!

Он к товарищам: куда, мол, она делась, в какую сторону полетела?

— Долгошест, ты видал? Хоть глазом приметь!

Схватил его Долгошест, два раза перевернулся, и опередили они девицу. Взяли ее, да к отцу-то не пустили, а повели своей дорогой.

Возвращаются к царю, а тот царь повыкопал вокруг своего дома глубокие канавы и разжег в них великий огонь. И спрашивает он:

— А что, Искорка Парубок Девичий Сын, жил ты с этой девицей, пока вез ее сюда?

— Нет, — говорит, — не жил.

Положил тут царь через канаву сухой стебель и говорит:

— Ну, коли не жил, так перейдешь через этот стебель, а коли жил — не перейдешь!

А девица взяла да тишком воткнула в тот стебель проволоку. Он и перешел.

Тогда спрашивает Искорка Парубок:

— А ты, царь, ездил на моей кобыле?

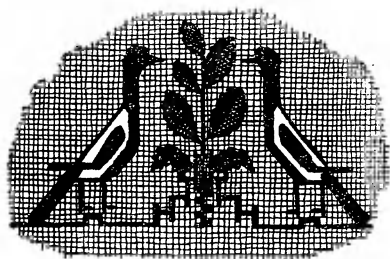
— Нет, не ездил.

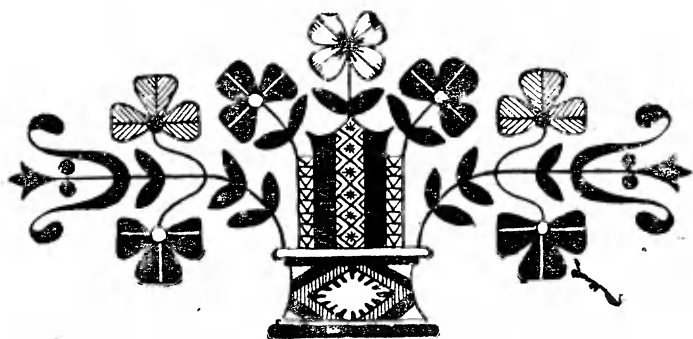
— Ну, коли не ездил, так перейди ты по этому стеблю, обязательно перейдешь, коли не ездил.

Царь взял и пошел — понадеялся потому, что и вправду не ездил. Только дошел до середины, а девица проволоку — раз к себе, стебель — пополам, царь и упал в канаву.

А Искорка Парубок с девицей повенчались и поехали в свое царство.

А что за свадьба была! Вино рекою лилось, и даже мне выпить довелось. И по губам-то не стекало, и в рот не попало.

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

ПАНУ НАУКА

Слушайте, я расскажу вам не сказку, а чистую правду. Где это было, я уже не помню: стар уже стал. А известно, когда волосы выпадают, то и память пропадет.

Вы того не помните, а не так давно это было, при панщине¹. Хорошо, если попадался добрый пан, да добрые паны встречались редко. Часто не паны были, а зверье лютное. Как попадется такой лютый пан, то хоть ложись да помирай. Ничем ему не угодишь. Говорят: закрой черту дверь, а он влезет через окно. Так и лютый пан. Ты ему угождаешь, как вол работаешь, а он на тебя все кричит: «Не так, шельма, не так, черт, не так, собака», — и ест тебя поедом, унижает, издевается. А чуть что, с живого шкуру сдирает. Ой, тяжело, очень тяжело было с лютыми панами. А паны были все лютые.

В одном имении жил такой злой пан. Чего только он не вытворял! Как только он не издевался над людьми! Сек он и мужиков и баб, старых и малых. Не одного он засек на смерть и никого не боялся. А людей считал хуже собак. Что он вытворял над молодуха-

¹ П а н щ и н а — барщина.

ми да над девками, так стыдно и сказать. Не мог тот поганый пан уж больше ничего придумать, как поиздеваться над людьми. Вот и велел он, чтобы мужики на продажу волов приводили только к нему во двор. А на околице поставил заставу, чтобы купцы не могли к мужикам проехать. Вот и повели мужики во двор к пану волов продавать. Как приведет кто вола, а пан говорит: «Что ж ты привел, осел, это же не вол, а козел». И заплатит как за козла, а то еще пошлет на конюшню да всыплет там полсотни горячих.

Долго мучились мужики с таким паном, долго терпели. Что поделаешь, кому пожалуешься? Известно, паны за панов стоят. Все же нашелся один человек, который отплатил тому пану за все людские слезы и обиды. Вот как это было.

Был один удалой, лихой хлопец. Рано он осиротел, но и один выбился-таки в люди. Гордый был хлопец. Никто его никогда и пальцем не тронул. Так вот привел он во двор к пану вола продавать. Увидал пан, вышел на крыльцо, да и говорит:

— Что же ты привел, осел, это же не вол, а козел.

Глянул парень, видит, что вблизи никого нет, показал ему прут, да и спрашивает:

— Что это, пан, береза или лоза? Я ж привел тебе вола, а не козла.

И давай лупить, давай дубасить пана этим прутком. Бил, бил сколько ему хотелось.

— Вот тебе, пан, за то, что ты людей мучаешь. Когда от этого очухаешься, то жди меня еще, приду сдеру с тебя шкуру.

Сказал это и убежал в лес. А известно, какие раньше были темные да густые леса. Живи в них сколько хочешь, никто тебя не найдет. Нашла дворня пана без памяти, так его отделал этот парень. Только на третий день немного очухался пан и велел поймать Рымшу, так звали того парня. Да куда там, его и след ветром замело. Недель семь провалялся пан, чуть черту душу не отдал. Какие только доктора ни приезжали — ничего не могли сделать, видно Рымша пану печенку отбил. Известно, что вложит хам, того не вынет и пан. Вот вскоре приехал в усадьбу какой-то доктор. Привез с собой всякого зелья, всякого лекарства! Рад пан, угощает доктора и просит полечить его. Погостил доктор в усадьбе, да и давай лечить пана. Велел он истопить баню. Повел пана туда. Посадил его на скамейку и приказал ему крепче держаться, а сам начал натирать пана всякими мазями. Сидит пан, держится двумя руками за скамейку, да только кряхтит. Только не долго он так сидел: выхватил доктор из кармана ремень, привязал им к скамейке барские руки, заткнул пану рот веником, взял прут, да и говорит:

— Что это, пан, береза или лоза? Я ж продал тебе вола, а не козла!

Видит пан, что это Рымша, а не доктор, хочет крикнуть да не может, потому что веник во рту. Крутится пан, как выюн на

горячей сковородке, а Рымша давай крестить прутом поганого пана по чем попало. Лупил, лупил, почти всю шкуру содрал, да и давай посыпать пана солью. Обмер пан от боли. А Рымша сел на лошадей, да и уехал. Только его и видели. Долго хворал пан, чуть не полгода канителился. Все думали, что уж ему пришел конец, только лихоедая и смерть не берет: к весне немного оправился. Вздумал ехать за границу на воды, да видит денег нет. Задумал он продать лес. Прошла про то молва, и начали купцы лес осматривать. Торговались они, торговались, да не сошлись в цене, потому что пан очень дорожил. Только вдруг приехал какой-то очень богатый купец. Повел его пан осматривать лес. Хвалит пан лес, а купец все отводит пана в самую чащу, в глушь. Забрались они в такую чащу, что и света божьего не видно. Купец давай обнимать сосны в обхват, мерить толщину. Обхватил и пан одну сосну, а купец скорехонько вытащил из кармана ремешок, да и привязал пана к сосне. Видит пан; что тут не шутики, хотел крикнуть, позвать на помощь, но так струсил, что и голос потерял. Показал ему купец прут, да и спрашивает:

— Что это, пан, береза или лоза? Я ж,— говорит,— продал тебе вола, а не козла.

Догадался пан, что это Рымша. Рымша же заткнул пану рот мхом, да и давай лупить его по чем попало, да приказывать, чтобы больше не смел издеваться над людьми. Бил, бил Рымша пана, чуть насмерть не забил, да так и бросил привязанного к сосне, как падаль. Так до вечера и всю ночь провисел пан на сосне, покуда дворня его не нашла.

Тут уж пан целый год провалялся, все не мог выздороветь. Немного очухался и решил ехать на воды. Тем временем продал пан лес, продал урожай и скот. Собрал много денег, да и отправился в путь. А Рымша все следил за паном. Только пан выехал со двора и въехал в лес, как Рымша уже приготовил ему ловушку. Поставил он на страже, невдалеке друг от друга, двух конных с длинными прутьями. Только подъехал пан, выскочил первый, затряс хворостиной и кричит:

— Что это, пан, береза или лоза? — а сам на коня и наутек.

— Ловите, ловите,— кричит пан,— это разбойник Рымша!

Кучер отрезал постромки, сел на лошадь, да и погнался, а тот свернул в лес и черт знает куда делся, кучер проскакал вперед верст за десять. Тем временем перед паном появился другой, показывает ему прут и спрашивает:

— Что это, пан, береза или лоза?

— Лови, лови его, это разбойник! — кричит пан на лакея.

Вскочил лакей на лошадь, да и погнался. Остался пан один. Тут Рымша высунулся из-за куста и показывает пану прут.

— Что это, пан, береза или лоза? Я ж,— говорит,— продал тебе вола, а не козла!

И давай дубасить пана этим прутом. Избил Рымша пана до полусмерти, забрал все деньги и пошел в лес, в свою землянку. Говорят, потом Рымша много добра сделал людям. Еще и до сих пор в темном лесу посреди болота стоит гора, ее называют Рымшевой горою.

МУЖИК И БАРИН

Однажды увидел мужик у помещика хорошую свинью с поросятами. Подошел он поближе и стал ей кланяться. Заметила его с балкона помещица и послала лакея узнать, зачем он свинье кланяется.

А тот говорит:

— Да вот моя Рябка замуж выходит, а ваша Белка моей Рябке родная тетка, вот я и прошу ее на свадьбу, а она все: «Не хочу да не хочу!»

Лакей вернулся и рассказал все помещице. Та засмеялась и приказала позвать мужика. Привели его Помещица и говорит:

— Зачем это ты нашей свинье кланяешься?

— А вот зачем: есть у меня Рябка, а ваша Белка ей родная тетка, так моя Рябка замуж выходит и просит Белку на свадьбу. Вот я и пришел просить ее, а она все: «Не хочу да не хочу!»

Еще громче расхохоталась помещица и спрашивает:

— Ну, а как же ты: поведешь ее или повезешь?

— Поведу, если пойдет.

— А поросята как будут?

— Просила Рябка, чтобы тетю с детками пустили.

— Ну хорошо, я велю запрячь лошадь и положить Белку, а коли не захочет лежать, ты привяжи ее, да покрепче, а поросят в мешок.

Звалил мужик на телегу свинью, связал ее, а рядом положил мешок с поросятами.

— А скоро ты их приведешь обратно?

— Скоро, барыня.

Сел мужик на телегу и уехал.

Барина не было дома; когда он приехал, барыня ему и говорит:

— Был у нас мужик, нашей Белке кланялся и просил на свадьбу, так я велела дать ему лошадь, чтобы скорее вернулся.

А барин говорит:

— Вот дура! Ведь мужик-то обманул: пропадет лошадь и свинья с поросятами. Скорее лошадей давайте!

Подали тройку с колокольчиком. Барин сел и спрашивает:

— Куда мужик поехал?

— А вот сюда,— говорят люди и показали ему дорогу.

Барин туда и поехал. А мужик услышал колокольчик и свернул в лес. Заколот свинью с поросятами, привязал лошадь, сам вышел на дорогу, накрыл шапкой кучу дерьма и сидит. Едет барин.

— Дорогу! — кричит кучер.

— Нет, барин, сворачивайте сами, а мне никак не сойти. Свернул барин в сторону и спрашивает:

— Не видел ли ты тут мужика, который вез свинью с поросятами?

— Видел, барин. Он тут совсем недавно проезжал.

— А не знаешь ли ты, куда он поехал?

— Знаю.

— Покажи нам дорогу.

— Нет, барин, не могу. Мне и с места нельзя сойти. Я вам лучше расскажу: вы поедете туда прямо, потом свернете круто-круто влево, а потом вправо, и так дальше.

Барин спрашивает кучера:

— Понял ли ты?

— Нет, не понял.

— И я не понял.

Барин снова спрашивает мужика:

— А догнал бы ты его?

— Да как не догнать? Я бы его сейчас же притащил к вам.

— Ну, догони, я тебе заплачу.

— Нет, боже сохрани, мне и с места нельзя сойти.

— А что ты здесь делаешь?

— Да вот подарила моему барину знакомая барыня щегла. Так барин приказал мне его стеречь, пока он не вернется.

— Ну, так ты поезжай с моим кучером, а я буду его стеречь.

— Нет, не хочу. Мне от своего барина житья не будет, если ты выпустишь щегла.

— Не выпущу.

— Нет, барин, не верю.

— Ну, так я буду стеречь с кучером, а ты поезжай один.

— Нет, не могу.

— На тебе сто рублей, да только поезжай скорее.

— Боюсь барин, как бы щегол не вылетел.

— Да ведь сказал же, что не выпущу.

Взял мужик сто рублей — и в карету. А барин спрашивает:

— Скоро ли ты вернешься?

— Через час, барин, я тут буду.

По дороге мужик отцепил колокольчик, свернул в лес, взял лошадь со свиньей и поросятами и поехал дальше.

Барин с кучером ждут час — мужика нет, ждут другой — нет его. Тогда кучер говорит:

— Барыня глупая: отдала лошадь со свиньей и поросятами, а барин и вовсе дурак — тройку лошадей и сто рублей.

А барин говорит:

— Сам ты, мужик, дурень! Я как напишу объявление, чей щегол, так вор и найдется.

Стало смеркаться. Кучер говорит:

— Довольно нам тут сидеть, есть хочется, пойдем домой.

— Ну, так ты, — говорит барин, — бери щегла, а я буду поднимать шапку.

Стал было поднимать барин шапку, да раздумал и говорит:

— Нет, ты еще упустишь. Лучше ты поднимай шапку, а я возьму щегла.

Взялся кучер за верх шапки, поднял ее, а барин обеими руками как хватит — прямо в помет.

Как закричал он:

— Ах, дурак! Ах, нечистая сила! Вот тебе и щегол!

А кучер и говорит:

— Я говорил, что барыня глупая, а барин и вовсе дурак.

А барин кричит:

— Посмотри на мои руки! Что мне делать?

— А что вам делать, — говорит кучер, — оботрите о траву.

Вытер барин руки, и пошли они домой. Барин и говорит жене:

— Ты глупая: отдала лошадь и свинью с поросятами, а я и вовсе дурак: отдал тройку, сто рублей, да еще руки выпачкал. Хоть отсеки их.

Барыня рассмеялась.

А мужик и теперь на барских лошадях ездит.

ОТ ЧЕГО ЛИХО НА СВЕТЕ

Теперь куда ни глянешь — всюду лихо.

Говорят, служил один батрак, и все его заставляли молоть на ручных жерновах. Мелет он, мелет да прислушивается, а жернова словно говорят: «Там лучше, там лучше!» Наслушался батрак, бросил хозяина и пошел туда, где лучше.

Нанялся он к другому хозяину. И там заставили батрака молоть на ручных жерновах. Молол он, молол и давай прислушиваться, что говорят жернова. А жернова будто говорят: «Как и там, так и тут! Как и там, так и тут!»

Бросил батрак и этого хозяина, пошел дальше искать, где лучше. Сколько ни ходит — всюду заставляют его молоть, а жернова все свое: «Как и там, так и тут! Как и там, так и тут!»

— Теперь батракам всюду лихо, — говорит батрак.

Услыхал его сосед, покачал головой, да и говорит:

— Да, брат, теперь всем и везде лихо!

Так вот я расскажу вам, отчего лихо на свете.

Коли правду скажу — смекайте, а совру — не мешайте: как состарится, так правдой будет.

Давным-давно это было. Жили себе люди, поживали, никакого лиха не знали. Свет велик, всюду вольно, как потруился так и поживился. Не было тогда ни господ, ни мужиков, просто люди жили-поживали да бога восхваляли, и ни о чем они не заботились. А бог тогда еще жил на земле, приходил к людям, как свой брат, учил, как на свете жить, да деток плодить, да растить, да землю наполнять. И не было на земле ни лиха, ни добра. Люди, как цветы цвели, жили, как птицы в небе, как рыбы в воде, ни счастья, ни беды не знали.

Да только что это за житье? Так живет и зверь и птица в лесу. Бог увидел это и стал людей учить, как достать им живность, как одежду сделать, как от непогоды скрыться, как ловить рыбу, зверя да птицу. И узнали тогда люди, что кому бог дал разум, тот может делать что хочет.

— Эге! Мы и сами с усами, — говорят люди, — что захотим, то и сделаем. Мы и сами, как боги, только бог не дал нам силы и власти, потому что боится, как бы мы, землей завладев, не вздумали и самого его с неба спихнуть.

И отступился тогда бог от гордых людей, ушел себе на небо. Стали тут ангелы просить его не губить людей. И сказал им бог, что дает он людям власть над землей; на все, что растет на земле, на всякое зверье в лесах, в полях, болотах; над птицами в небе, над рыбами, которые вольно в воде гуляют. И будут иметь люди власть над всем, что есть в земле и на земле. И будет людям хорошо жить на свете, пока не захотят они иметь власть один над другим; а если вздумают над людьми пановать, то познают и добро и лихое. И до тех пор им лихое будет, пока люди будут иметь власть над людьми.

Но дал бог людям разум, чтобы они сами познали, отчего лихое на свете. И разум покажет людям дорогу, как лихое одолеть, как всем на земле владеть, чтобы всем было хорошо, а лиха не было.

И просят бога святые ангелы, чтобы он послал их на землю служить людям, охранять их от лиха.

И позволил бог ангелам охранять людей, а сам велел ясному солнцу светить людям, чтобы от того света они разума набирались, того великого разума, который сильнее всего на свете.

Поклонились ангелы богу, да и полетели на землю оберегать людей. Тем временем, пока святые ангелы просили бога, сатана не спал. Увидел он, что бог отступился от людей и покинул землю, и давай подбивать сильных, чтобы они брали власть над слабыми.

И стали сильные отбирать у слабых все, что они сделают, стали заставляя их работать на себя, стали ими владеть, как своим добром.

Вот так и сделал сатана сильных да хитрых панами и отдал им в руки всех слабых людей. И пошло с тех пор лихое на земле, пошло такое лихое, что и сказать нельзя.

Начали паны ловить людей, как зверей, начали их мучить, словно это не люди, а скоты.

Прилетели ангелы, сунулись туда-сюда, начали подговаривать людей, чтобы они не слушали панов. Да куда там! Еще хуже стало: взяли паны власть над землею, начали морить людей голодом, начали их бить да убивать, друг на друга посылать.

Попробовали ангелы сказать, что есть бог на небе, что он все видит и слышит, что за такое лихо он панов покарает. Слушали-слушали это паны, да и говорят:

— Э, что вы нам плетете. Вы там сидите на небе и ничего не знаете, что тут на земле творится. Мужик без пана обойтись не может: буянит, дерется — упаси боже! Над мужиком нужно троим стоять с кнутами да еще за усадьбой воз лозы держать, потому что у мужика такая натура, что без кнута чешется шкура. Он как свинья напьется, нажрется, ляжет в грязь, да и думает, что князь. Мужик без ученья не найдет себе спасенья, он до панского добра ретив, а на работу ленив; будет с голоду подыхать, а на боку лежать. Одно лихо на свете будет, коли мужик волю добудет, — свет переведется, одна беда останется.

Услыхали это ангелы и полетели жаловаться богу.

А тем временем паны все в свои руки забрали. Они и лиха б не знали, если б не начали помышлять, как бы одному другого пожрать. Паны меж собой бьются-дерутся, а у мужиков чубы трясутся да лбы трещат.

И снова послал бог на землю ангелов с чертями воевать, а святых пророков — людей научать. Но ни ангелы, ни пророки ничего не сделали: они — словом, а лихо — дубцом. Они про божью правду ладят, а паны в усы смеются да животы гладят.

Так до сих пор мужики плачут, мужики пашут, а хлеба не жрут, с голода мрут, что ни припасут — паны заберут.

А паны гуляют, заботы не знают да лихо замышляют. Черти их охраняют.

И нет спасенья от такого житья, оно как каменьев куча. Мелкие камни под большими в песок растираются, а на больших еще большие лежат, а сверху всех давит самый большой камень.

Так с давних пор лихо людей давит, гнетет людей сверху книзу, как в той куче камней. Трещит куча, трет камни, в песок растирает, трещит, оседает ниже да ниже, в землю уходит. Может, затрещит скоро основа, и рассыплется вся куча.

Так и в жизни. Все хуже и хуже бедным людям живется. Народ множится, а свет один.

И так тесно людям на земле, а тут еще сильные ухватили да и держат их, как волки зубами.

Убивают, поедают люди один другого, хуже чем зверь зверя.

А не знают они того, что один человек не имеет силы, как червь, как былинка в поле: налетит ветер, закрутит вихрем, да и сотрет его, сравняет с землею.

Был человек — и нет его, словно и на свет не родился.

Только тогда человек силен, когда он не один, а живет с другими людьми в согласии да в ладу. И чего только не сделают люди, коли возьмутся за дело миром, как один человек.

Да этого не знали люди, не знали, как жить на свете, чтобы всем было хорошо. Каждый тянул к себе, каждый хватал для себя, каждый на других как на врагов смотрел и для каждого другие врагами были. И затратили люди все свои силы только на то, чтобы одолеть своих врагов, таких же людей, как и они. Так испокон веков бились люди, грабили друг друга. Вот отчего лихо на свете. А все же, как сказал бог, так и стало: появился на свет ясный разум и начал расти; только растет он тихо, помаленьку, так что человек век проживет, а разуму лишь на крупницу прибудет. Одни люди умирают, другие рождаются. Поживут одни век и освобождают место другим. Те тоже родят детей и умрут. Так и живут люди, словно вода течет в реке. А разум, хоть тихо, помаленьку, все растет и растет.

Вот как вырастет тот ясный, как солнышко, разум, так и начнет светить людям в очи. Тогда все и узнают, отчего лихо на свете, узнают правду, поднимутся вместе, как один человек, прогонят поганую нечисть и заживут на земле, как в раю.

Мы уже не дождемся этого, а может, наши дети и внуки дождутся.

БОНДАРЕВНА

Давно это было, с полвека тому назад, а может, и больше. У одного бондаря была очень красивая дочка. Звали ее Бондаревной. Все ею любовались, старые и молодые.

Как-то вечером вышла Бондаревна на улицу погулять с девушками, попеть, поплясать. Собралось много народа, — где Бондаревна, там всегда музыка и веселье. Пляшут, веселятся.

Вдруг откуда ни возьмись нагрянул в деревню пан. А был он злой-презлой да заносчивый, что хотел, то и делал с народом. Пристает пан к Бондаревне — очень она красивая была. Схватил ее за руки и говорит:

— Пойдем с тобой попляшем!

— Отцепись от меня, — говорит Бондаревна, да раз ему по лицу.

Пан покраснел, глаза налились кровью от злости. Повернулся он и поехал, только пыль закурилась.

— Беги, Бондаревна, беда будет, — говорят ей в один голос все.

Нечего делать, Бондаревна бегом в поле, только косы ветер развевает, так она бежит, бедная! Послал пан своих гайдуков за

Бондаревной, а ее и след простыл. Они долго искали в поле, все-таки нашли. Взяли ее за длинные косы, привязали к лошади и так потащили к пану.

Пан приказал одеть Бондаревну в лучшие одежды и посадить за дубовый стол. А на том столе все, чего душа желает,— всякие яства и вина.

— Ну вот, выходи за меня замуж,— говорит пан Бондаревне,— будем с тобой ночи коротать да за этим столом пить-гулять да веселиться. А не послушаешь меня — застрелю.

Забилось от гнева сердце у Бондаревны. Не ждала она добра от пана. Лучше смерть, чем жить с поганым.

— Нет, не буду я за этим столом пить-гулять, с тобой ночи коротать,— гордо ответила пану Бондаревна.

Пан побелел от злости, схватил ружье и к Бондаревне.

— Две дороги у тебя: либо со мною быть, либо в сырой земле лежать!

— Лучше в сырой земле лежать,— ответила Бондаревна,— чем с тобой над людьми пановать.

Выстрелил пан, и упала Бондаревна на землю. Хоронили ее окрестные крестьяне, плакали и грозили панам.

Так вот как раньше жили и горевали крестьяне под панами. Но пришла беда и на панов. Переводится их племя, скоро на всей земле не будет кривды.

КАК МУЖИК ТРИ РАЗА БАРИНА ПОБИЛ

Шел мужик по дороге, ел пирог да гуся. Едет барин.

— Мужик, сворачивай!

А мужик головой крутит, а с дороги не идет. Остановились лошади, мужик не дает им ходу, а объехать нельзя: по бокам канавы.

Барин и говорит кучеру:

— Соскочи посмотри, что это за мужик такой: с дороги не идет.

— Этот мужик не простой, он ест пирог да гуся!

— Отними, кучер. И я хочу пирога да гуся!

Кучер взял да и отнял у мужика пирог да гуся.

— Помни, барин! Отнял пирог да гуся, так я тебя трижды побую.

— Кучер, что он говорит?

— А вот что: «Помни, барин! Отнял пирог да гуся, так я тебя трижды побую!»

— Погоняй, кучер! Не слушай мужика!

Съели барин с кучером пирог да гуся. Приезжают домой. Мужик барина знает, а барин мужика не знает.

Вот раз взял мужик пилу и идет в господский дом наниматься колоды пилить. Выходит староста.

— Ты что, брат, пильщик?

— Да, пильщик! (А сам в руки пилы не брал.)

— А можешь мне на десять пил собрать народу?

— Могу.

— Тогда пойду к барину потолкую.

— Барин, пришел к нам пильщик. Не пора ли нам колоды в лесу распилить?

— Давно думаю распилить. Пришли ко мне этого мужичка.

— Ступай, мужичок, к барину о цене договариваться.

Приходит мужичок.

— Здравствуйте, ваше благородие!

— Здравствуй! Можешь колоды распилить?

— Могу.

— А что, брат, какую цену возьмешь?

— Поедем в лес: там уж, барин, и о цене столкнемся.

— Я пошлю с тобой старосту

— А то, барин, поедем вместе: я тебе буду за кучера.

— Да и то правда: чем его таскать, лучше вдвоем поедем.

— Прикажи старосте лошадь запрячь и взять топор.

Ну, запряг староста лошадь, сели барин с мужичком, поехали в лес. Приехали в лес, осмотрели десять куч по триста колод в каждой. Мужик говорит:

— Теперь попробуем, каковы они.

Расщепил мужик колоду, загнал в нее клин. Сунул в щель руку и говорит:

— Потрогай, барин, никак колода гнилая!

Барин полез проверять. Сунул руку в щель, а мужик и вышиб клин. Барин кричит:

— Что ты делаешь? Мне ведь руку нельзя вытащить!

А мужик отвечает:

— Помнишь, барин, как ты отнял у меня пирог да гуся, а я сказал: трижды тебя побью. Сейчас первый раз буду бить.

Пошел мужик, вырезал добрую лозу и давай его стегать сколько влезло. Выпорол и прочь пошел.

Ждал-ждал староста и поехал барина искать. Приезжает в лес, барин охает:

— Ой, спаси! Избит я весь, да еще обещает избить этот проходимец.

Вытащил староста руку барина, привез его домой больного. Известно: лоза не мед! Барин говорит старосте:

— Карауль у дороги докторов, не знают ли они, как меня вылечить!

А мужик тем временем накупил пузырьков штук двадцать и идет к господскому дому, а пузырьки на шею навешал. Увидел его староста.

— Не доктор ли ты?
— Стало быть, доктор, если на мне разные лекарства навешаны.

— Погоди, брат, я пойду барину доложу!

Приходит к барину.

— Доктор к нашему чистому двору идет, и лекарств у него много навешано на шее!

— Позови, брат староста, его ко мне в дом.

Староста выбегает и говорит:

— Мужичок, ступай к барину.

Приходит мужичок в дом.

— Можешь меня вылечить? Я очень болен!

— Могу, барин! Прикажи истопить баню. Я буду тебя в бане лечить.

Истопили баню, лакей с мужиком привели туда барина. Пришли в баню, а веника нет. Мужик и говорит:

— Эх, барин, мы пришли, а веника-то нет, нужен веник, иди, лакей, за веником домой.

Только ушел лакей, мужик и говорит:

— Помнишь, говорил я, как ты отнял у меня пирог да гуся, что трижды тебя побью. Второй раз буду тебя бить больно.

Избил пуще прежнего и ушел.

Приходит лакей.

— Избил меня тот мужик, вези скорей домой на лошадах.

Привезли опять барина больного домой. Как лег барин, так с полгода лежал. Стал он понемногу поправляться. А мужик опять к нему: нанял тройку лошадей бурых, едет через хутор.

— Жив ли тот барин, который отнял у меня пирог да гуся. Я приехал в третий раз его бить!

Услыхала дворня и погналась за ним, распутивши черные крылья. А мужик заехал в закоулок около барского дома, сам соскочил, а коней пустил во всю прыть. Барские слуги и погнались за ними.

Остался в доме только один барин. Мужик шаст в хомы.

— Здравствуй, барин! Ты еще жив? Принимай гостя в третий раз.— И давай барина бить.

Барин кричит:

— Возьми там деньги, только отстань от меня!

Мужик не был глуп, сгреб шкатулку и ушел.

Прибегают слуги, а барин лежит избитый.

— Зачем вы убежали? Мужик меня совсем прикончил. Зовите священника, я скоро умру.

На третьи сутки преставился барин. Стали его поминать. И я на поминках был. Царство ему божье!

МУЖИК СТЕПАН И ПАН

Жил бедный-пребедный мужик. Звали его Степаном. Жил он до того плохо, что и детишек иной раз нечем было накормить. А работал он очень много, да все на пана. Вот он и надумал: «А что, кабы мне у пана как следует поживиться? У него украсть не грех: ведь и мои мозоли его кормят». Так и решил.

Ну и стал «служить» — начал понемножку ребятишкам носить: то хлеба стащит, то деньжат малую толику — где что плохо лежит.

Тут стали замечать, что он на руку не чист, и донесли пану. Призывает его пан.

— Степан, говорят, что ты крадешь у меня.

— Э, пан, что и спер, то не в укор: не пойман — не вор.

— Ну так знаешь что, Степан, укради у меня жеребца.

— Украду, пан.

— Коли украдешь, твой будет, а не украдешь — засекут тебя.

Поставил пан на конюшню двух сторожей. Дал им по сабле, приказал одному держаться за хвост, а другому за гриву и сказал:

— Кто станет красть — руби!

Степан же взял налил бочоночек спирту, а стоял мороз (дело было в филипповки), сторожа иззябли, вот он этот бочоночек под ворота тишком и подсунул.

Один проходил мимо и толк его ногой. Пощупал — что это такое, — бочонок! Поднял, понюхал — водкой пахнет! Ох ты, черт возьми! И говорит другому:

— Водка, брат!

Открыли бочонок и наязюкались, как зюзи. Потом привалились оба к стенкам и стоят, а жеребец — один.

Слышит Степан, что часовые захрапели, открыл ворота и свел жеребца.

Назавтра зовет пан Степана.

— Украл, Степан, жеребца?

— Украл, пан.

— Молодец, Степан! Теперь укради у меня шкатулку с деньгами. Она будет стоять на столе, а окно будет открыто.

— Украду, пан.

— Украдешь — твоя будет, а не украдешь — засекут.

Вот поставил пан шкатулку на стол, раскрыли окно. У стола караульный с саблей стоит.

А Степан пошел откопал покойника, надел на него свою одежду, принес и сунул его в окно.

Караульный ему — раз! И голову долой. А сам побежал к пану, хвалится:

— Зарубил!

А Степан — за шкатулку и пошел.

Зовет его пан назавтра.

— Украл, Степан?

— Украл, пан.

— Молодец, Степан! Укради у меня и пани.

— Украду, пан.

А пан надумал отвезти ее к соседу.

Купил Степан пару лакированных сапог и пошел по той дороге. Кинул один сапог, а пройдя немного — и другой, сам сидит за кустом, притаился.

Вот едет пани с кучером. Доехали до сапога, кучер и говорит:

— Пани, я возьму этот сапог!

А та в ответ:

— Куда он тебе один? Смотри, Степан догонит.

Поехали дальше. Доезжают до другого.

— Э, нет, пани, я сбегая за тем сапогом, вот и пара будет.

Побежал... А Степан прыг к пани в повозку и погнал коней в сторону. Заехал за болото и стоит у самого озера. А оттуда черт.

— Степан, продай нам пани.

— Продам.

— Что ты за нее хочешь?

— А насыпьте шапку золота, — я и отдам.

Продрал Степан в шапке дырку, ямку вырыл, а над ямкой шапку пристроил.

Как стали черти таскать золото! Таскали-таскали — насыпали!

Отдал Степан пани. Сам — на тройку и домой.

Вот пану доносят, что приехал Степан. Зовет его пан:

— Украл пани, Степан?

— Украл, пан.

— А куда ж ты ее подевал?

— А чертям продал.

— Что ж ты наделал? Верни ее, а не то убью.

— Попытаюсь, пан.

Захватил он топор и пошел назад, на болото. Вырубил там сажень, нарубил тонкой лозы и давай вить из нее канат. Вьет, а потом возьмет да саженью померяет и так и этак.

Тут вылез из озера черт.

— Что это ты хочешь делать, Степан?

— А вот тут, — говорит, — церковь буду ставить, а тут — костел.

— А что это ты вьешь?

— А это — чтобы вас, чертей, на берег таскать.

Тот бух в воду и к старшому. Старшой дал ему приказ:

— Кто сильнее свистнет, пусть за тем и будет пани.

Черт как свистнул, так листья посыпались с деревьев.

А Степан говорит:

— Давай завяжем тебе глаза, а то как я свистну, так они и выскочат.

— Ну, завязывай!

Взял Степан дубовый кол да как свистнет — были глаза и выскочили.

— Стой, Степан, не свисти больше, — да опять бух в воду к старшому.

Тот говорит:

— Возьми булаву в двенадцать пудов. Кто закинет выше — за тем и будет пани.

Вынес черт булаву.

— Старшой сказал: «Кто выше закинет — за тем и будет пани».

— Ну, кидай!

Черт как кинул, так прямо под облака.

А Степан взял булаву и думает, что тут делать, да поглядывает вверх.

Черт спрашивает:

— Что ты глядишь, Степан? Кидай!

— А вон та туча пройдет, тогда и кину. Мне там двена-

дцать братьев-кузнецов перекуют ее на другую, чтобы была по руке.

Испугался черт и потащил булаву назад. А оттуда вынес пани.

— На, Степан, только ступай отсюда.

Тот пошел с ней и отдал ее пану. Ну, пан, понятно, благодарил его.

Только вернулся Степан домой, приходят к нему панские сыновья и говорят:

— Ты, брат, разбогател.

— Я,— говорит,— не разбогател бы так, да жена помогает, она у меня старательная.

— А наши ни черта не стоят.

— А вот я вас научу, что с ними делать. Полосни ей ножом в левую подмышку; как дурная кровь выбежит, так жена и станет умной. Вот придете завтра ко мне и увидите, как я своей сделаю, тогда и вы так сделаете.

Взял он от забитого кабана пузырь, налил в него крови, привязал жене под левой рукой и приказывает ей:

— Гляди же, как панычи придут — так ты будто спишь. Я ножиком по пузырю полосну, а ты — брык и полежи малость, а потом вскочи да за метлу, да возьмишь готовить всякую всячину, да разговаривай, ну, будь прямо шелковой.

Увидели это панские сыновья.

— Пойдем-ка своим так же сделаем.

Взяли ножи. Один свою — раз и другой свою — раз! Тут им и конец.

Будили-будили — не встают! Назавтра чуть свет встали братья и пошли к Степану:

— Пойдем, утопим тебя, бери мешок.

Взяли мешок и пошли к озерку. Сунули его в мешок, глядь — а озерко-то замерзло.

— Сходим, брат, за топором, а он тут цел будет.

А идти верст пять.

Степан услышал, что кто-то мимо едет, и давай кричать:

— Ни читать, ни писать не умею, а хотят посадить королем.

А это дьяк на тройке ехал.

— Я,— кричит,— умею и читать и писать!

— Ну так развяжи мешок да сам влезь в него — тебя и посадят королем.

Влез дьяк, Степан завязал мешок, сам — на тройку, да и поминай как звали!

Вот пришли те с топорами. Лед прорубили да в прорубь его, дьяка-то. Сами повернулись и пошли.

Идут, а Степан катит на тройке мимо них.

Они и спрашивают:

— Где это ты взял? Мы ж тебя в воду кинули!

— А разве вы не слыхали, как я под водой коней ловил: тпру, бурый, тпру, серый! Там — какие хочешь.

— Ну так кинь и нас.

Он одного — в прорубь и другого в прорубь, а сам поехал домой.

Стал жить-поживать да панов с белого света сживать.

КАК БАРИН ЛОШАДЕЙ ИЗ ТЫКВЫ ВЫСИЖИВАЛ

Посадил один мужичок тыквы, и удались они на славу. Набрал он их и повез в город продавать. Подходит к нему барин и спрашивает:

— Что это ты, мужичок, продаешь?

— Да яйца, — отвечает мужик.

— А что из них можно сделать?

— А вот что, — говорит мужик. — Если ты хочешь ездить на хороших лошадях, так взберись на елку повыше и садись на эти яйца: высидишь себе таких лошадей, каких никогда и не видел.

Купил барин несколько тыкв и говорит мужику:

— Дам я тебе сто рублей, только покажи мне, на какой елке можно этих лошадей высидеть.

А мужик знал, под какой елкой в лесу лежит заяц. Привел барина туда и говорит:

— Ну вот на ней и садись, да смотри не слезай, пока лошадей не высидишь.

Пошел барин домой и приказывает жене:

— Приноси мне завтракать, обедать и ужинать, а мне домой ходить недосуг.

Вот жена приносит ему еду один день, и другой день, и третий день, а потом как-то и позабыла.

Сидел барин, сидел, и захотелось ему есть.

— Ах, боже мой, — говорит он сам себе, — вот какая моя жена: на хороших лошадях ездила бы, да обо мне забыла. Ну, подожди, только домой приеду, узнаешь ты, как забывать о муже!

Стал барин поворачиваться да как загремит с этой елки! А под елью лежал заяц. Вскочил он да удирать, а барин за ним бежит и кричит:

— Ой, не досидел я себе лошадей!

Заяц и был таков — убежал в лес.

Пришел барин домой и давай бранить жену:

— Ты почему не принесла мне есть? Я уже совсем было высидел хороших лошадей, да разве усидишь голодный? Стал я тихонько слезать со своего насеста, да сук-то обломился, а я как

грохнулся на землю, а лошадь насиженная — из-под меня. Догонял я ее, догонял — никак не мог догнать. А если бы ты принесла мне поесть, какие были бы у нас лошади! Если я маленькую не мог поймать, так больших и вовсе не удержать. А теперь ты сама виновата, езди на таких, какие есть.

ОТВЕТЫ МУЖИКА

Ехал мужик на базар доски продавать. И случилось той же дорогой ехать в город барину. Увидел он мужика и кричит:

— Эй ты, длинный нос! Прочь с дороги!

Не понял мужик барской речи, подумал, что длинный нос барину мешает. Сошел он с дороги, отвернул рукою нос в сторону и сказал:

— Езжай, барин, хоть к черту!

Видит барин, что мужик над ним смеется, кричит:

— Прочь ты с лошадыо!

Мужик выпряг лошадь, а сани оставил на дороге. А дело было зимою в большой мороз. Барин замерз, разозлился на мужика и кричит:

— Убирайся совсем с дороги.

Пока мужик запрягал лошадь, пока сворачивал с дороги, барин чуть было совсем не окоченел.

Приехал барин в тот город, куда мужик добирался. Ходит он по базару, ищет овса. Подходит к тому мужику, которого встретил на дороге, и спрашивает:

— Не слышно ли тут овса?

Мужик влез на воз и прислушивается.

— Нет, барин, не слышно.

— Мужик! Не вчерашний ли ты?

— Нет, барин, мать говорила, что давно меня родила.

— Мужик! Ты чей?

— Марьянин.

— А кто такая Марьяна?

— Жена моя.

— А кого ты боишься?

— А, барин, есть у Пилипа во дворе собака, так вот мы ее все и боимся: кто идет, дубину несет.

— А кто у вас выше всех людей?

— А есть у нас, барин, Авдей, — выше всех людей.

— Мужик, а много ли вас таких дураков?

— Три кадки бураков, третья — капуста.

Барин говорит:

— Как бы я тебе, мужик, заехал.

— Заезжай, барин, мы и тебе накладем.

Видит барин, что с мужиком не сговориться, плюнул и пошел искать, чей это мужик. Нашел, поболтал с ним:

— Пане, твой мужик смеется надо мной. Я бы дал ему за это сто лоз.

Вот привели мужика в барские покои. Известно, там много дверей. Идет мужик и все двери открывает. Барин кричит:

— Замыкай!¹

Мужик как замычит: «Му-му». А барин все кричит:

— Замыкай, дурень!

— Боюсь, паночек, — отвечает мужик и снова: «Му-му».

Тогда барин говорит:

— Ну, видишь, он и надо мной смеется.

Приказал барин дать мужику розог, а он так закричал, что барские дети испугались. Прогнали его, он и пошел себе как ни в чем не бывало.

КАК МУЖИК ХИТРО ГУСЯ РАЗДЕЛИЛ

Принес один бедный мужик пану гуся и просит за него меру ржи. Пан говорит:

— Ну, нас семеро: я, пани, двое сыновей, две дочери, — подели ты на нас всех этого гуся.

Подумал мужик и говорит:

— Пан — голова в доме, пану и будет голова; пани достанется шейка: она первая за паном; панским дочкам по ножке, чтобы легко танцевали, панычам по крылышку, чтобы красиво писали, а я, — говорит, — мужичище, возьму себе туловище.

— Ну, — говорит пан, — и хитер ты!

Гуся ему отдал и меру ржи в придачу, а может, и все пять дал. Принес мужик домой рожь, а брат как узнал об этом, так схватил двух гусей и — к пану. Приходит и тоже просит ржи.

Пан говорит:

— Хорошо, дам я тебе ржи, но подели-ка ты гусей между нами.

Тот подумал-подумал и говорит:

— Пану будет гусь и пани будет гусь.

— А моим детям?

А тот и не знает, что отвечать.

— Ступай-ка, — говорит пан, — за своим братом, он гусей разделит.

Позвал он брата. Пан и говорит:

¹ З а м ы к а й — закрывай (польск.).

— Подели ты нас, а то твой брат какой-то бестолковый, никак не поделит.

Подумал мужик немного и говорит:

— Верит ли пан в святую троицу?

— О чем ты еще спрашиваешь? Разве я не католик?

— Ну, если так, то пан, пани и головка — святая троица, две панские дочки и ножка — тоже святая троица, двое паньчей да крылышко — и они святая троица, а мужик и два гуся — также святая троица.

Похвалил пан мужика, отдал ему и гусей и ржи, сколько он хотел, а брата прогнал вон. Вот какой был мужик мудрый.

ПИСАРЬ

Жил-был один лихой пан. Тяжко при нем жилось людям: целую неделю они гнули спины на барщине, и даже если в воскресенье сделают что-нибудь, — и то отдай пану. То давай ему сушеных грибов, то насобирай рыжиков, то ягод — все ему нужно.

Сам пан то и дело ездил за границу, и его почти никогда не видели. Раз пана долго не было дома, и пошел слух, что он продал имение какому-то другому пану и вовсе не вернется. Может, правда, а может, нет, только говорят, будто тот пан за пару заморских коней да за пяток каких-то собак отдал все имение с людьми. Но вот пришло время — и приехал новый пан. Собрались мужики и давай судить-рядить, как им дальше жить. Очень уж тяжело было жить при том пане, может, новый будет так добр, что немного убавит барщину и подати.

Судила-рядила сходка и решила бить челом новому пану, а чтоб вышло складно да умно, — известно, мужик по темноте своей не скажет как нужно, — решили написать все на бумаге.

Но вот беда — писать никто не умеет! Прослышали они, что в местечке есть какой-то пьянчужка писарь, мастер писать прошения. Пишет мелко, будто маком сыплет, а где надо — кругло, как яйца, да так накрутит, что только отменный грамотей поймет, что там написано.

Вот привели они того писаря, поставили ему квартиру водки и просят, умоляют, чтоб он все написал пану поскладнее. Только писарьпил целую неделю, яичницу просил, а писать не принимался.

— Нужны сначала прилады, — говорит он.

Хлопцы пошли в местечко, купили в лавке лист бумаги. Тем временем писарь велел насобирать дубовых орешков да посушить их, а сам пошел в кузницу, набрал там воды из-под точила, налил ее в горшок, насыпал туда дубовых орешков и

поставил горшок на печь. Через три дня взял он тот горшок, а там уже чернила — черные, как сажа. Нанесли писарю со всего села гусиного пера, и наделал он себе перьев целый пучок.

— Ну,— говорит писарь,— теперь давайте еще водки, чтоб рука шибче ходила.

Дали ему водки. Писарь выпил с полкварты, огурцом закусил и давай писать. Люди столпились вокруг и подсказывают.

— Напиши, чтобы пан дал на хату по пяти коп¹ жердей для ограды,— просит один.

— Пиши, чтобы пан сбавил подати,— просит другой.

Много еще наговорили мужики писарю. А он потянет водки из фляжки да так пишет, что перо скрипит, как немазаное колесо. Даже пот у него на лбу выступил, как будто не пишет пером, а дрова колет топором. А лоб у него большущий, а голова голая, хоть бобы молоти.

Исписал он весь лист. Мужики поставили крестики и благодарят писаря. Собрали ему со всего села кур, яиц, орехов, меду, сала — у кого что было.

Поехал писарь к себе домой, а мужики собрались и толпой пошли к пану. Вышел пан на крыльцо и спрашивает, чего им нужно. Мужики поклонились пану и подают прошение. Взял пан в руки бумагу, прочитал и говорит:

— Спасибо вам, хлопцы, что вы мне даете с каждого двора по волу, по копе яиц и по ссьмине овса.

Переглядываются мужики, насилу раскумекали, что это пан говорит. Догадались они, что писарь их обманул, да ничего не поделаешь, придется отдавать пану то, что написали. Пошли мужики домой, и так жаль им добра, аж волосы рвут. Вдруг один и говорит:

— А чтоб хеоробу вам, и меня подвели! Я ведь тогда знал, что он пишет. Вижу, пишет что-то большое да как закрутит, ну, думаю, это волы круторогие. Потом пишет что-то круглое — вот вам яйца, а мелкое — это вам овес.

— Что ж ты тогда не сказал? — закричали мужики и давай его колотить.

Подрались мужики, повздыхали, да и пошли собирать пану овес и яйца.

ШЕМЯКИН СУД

Жили в одной деревне два брата, как уж их там звали — не помню. Один жил богато, а другой очень бедно: не было у него ни лошади, ни коровы. Пошел бедный к богачу просить лошадь. Нужно ему было дров привезти (а у богатого брата был

¹ К о п а — шестьдесят штук.

такой нрав: кто бы чего ни попросил — не откажет, но только проси сразу все, чего хочешь, а если в другой раз начнешь просить — ничего не даст). Бедный выпросил у богатого лошадь, а хомут и дугу забыл попросить. Стал бедный запрягать лошадь: как ни мудрил, а без хомута и дуги не обойтись. Он и надумал: оглобли выбросил вон, хвост лошади привязал к саним и поехал в лес. Навалил воз дров и повез. Немного не доехал до дому, на мостике сани свалились в канаву. Бедняк стегнул лошадь кнутом, лошадь как дернула, так и оторвала себе хвост. Приводит бедный брат к богачу лошадь без хвоста. Богатый спрашивает:

— А где хвост у моей лошади?

— Виноват, брат, я перед тобою: лошадь взял, а хомут и дугу забыл попросить. Что было делать? Взял, привязал хвостом за сани и поехал в лес за дровами. Немного не доехал до двора — сани завалились.

— Погоди же, брат, пойду я жаловаться на тебя в суд.

Пошли они вместе в суд. Шли-шли дорогою, и пришлось им заночевать в пути. Зашли они на постоялый двор. Хозяин знал богатого. Бедного положил голодного спать на полатах, а богатого хозяин посадил с собой за стол. Бедный на полатах ворочался-ворочался, и случись беда: обломались полати. А под ними жена хозяина кормила ребенка. Упали полати на ребенка и задавили его. Хозяин и говорит:

— Пойду и я подавать на тебя в суд.

Идут они по мосту через реку. В это время рыбак под мостом ловил рыбу.

«Все равно мне пропадать, брошусь я с моста в реку», — думает бедняк. Подумал-подумал и бросился, да и угодил прямо рыбаку в лодку. Лодка перевернулась, и рыбак утонул. А сын рыбака сидел на берегу и видел эту третью беду. Сын рыбака говорит:

— Пойду, братцы, и я на суд.

Идут они вчетвером, подходят к городу.

Вот бедняк и надумал: «Возьму-ка я с собой на всякий случай камень: если судья будет говорить за меня, то не буду его бить, а если против — стукну я его камнем».

Пришли они в суд, стали рассказывать судье каждый про свою беду. Видит судья — у бедного брата что-то есть за пазухой. «Непременно принес с собой денег», — подумал он.

Допросил судья всех троих и говорит:

— Ну-ка, ответчик, подойди, брат, ближе да скажи мне, что ты натворил?

Бедный брат подошел к судье:

— Ну, господин судья, суди по закону, а то будет и мне, будет и тебе.

— Ну, брат богатый, если бедный оторвал хвост у твоей лошади, отдай бедному лошадь до тех пор, пока у нее не вырастет хвост. А ты, если он задавил твоего ребенка, отдай ему свою

жену до тех пор, пока не родится у нее ребенок. А ты, если он утопил твоего отца, бросься к нему, когда он поедет в лодке.

Бедный судье ничего не дал. Так и пошли они все домой, а бедного оправдали. Вот и посмеялся виноватый над правыми.

КАК ХРОМОЙ, СЛЕПОЙ ДА ГЛУХОЙ ЦАРЮ СЛУЖИЛИ

Сослились на дороге хромой, слепой да глухой. Слепой и спрашивает хромого:

— Где нам денег взять?

Вдруг им показалось, будто бы глухой сказал:

— Пойдемте, братцы, к царю — может быть, он будет деньги давать.

Пришли к царскому дворцу и остановились у ворот, где часовые в карауле ходят. Пошел часовой на квартиру, а они его и просят:

— Господин часовой, доложите царю, что мы пришли к нему в работники наниматься.

— Позовите их сюда.

Приходят они к царю.

— Ну, мужички, какой работой вы хотите у меня заняться?

— Свет-государь, дайте нам работу, которая полегче.

Посылает царь их в думу:

— Пусть там подберут для вас работу полегче.

В думе додумались: «Слепого посадить картошку караулить, хромого скотину пасти, а глухого поставить у царских ворот, чтобы он слушал, кто с колокольчиками поедет».

Привели их каждого на свое место. Прошло немного времени, и хромой начал задумываться: «Что же это мы не договорились с царем, сколько каждому жалованья будет. Пойду-ка я сговорюсь».

Хромой две версты шел два месяца. Доложили царю, что хромой пришел просить жалованье. Царь приказал позвать его.

— Ну что, хорошо скотину пасти?

— Царь, великий государь, я еще скота и в глаза не видал.

— Где же ты был два месяца?

— Царь-государь, меня в поле на лошади отвезли, а оттуда пришлось идти пешком. Я хочу узнать, какое жалованье ты будешь нам платить?

Царь рассердился:

— Ему не скотину пасти, а в остроге сидеть!

Слепой караулил картошку, и узнали про это горожане. Доложили царю, что у сторожа в огороде все пораскрали. Царь приказал его привести:

— Как это ты, слепой, так плохо сторожишь? Всю картошку пораскрали?

— Свет-государь, я никого не видел.

— Так вот же поди к хромоу.

Слуги отвели слепого к хромоу.

Царь приказал:

— Запрягите три тройки, подвесьте к каждой по три колокольчика и поезжайте мимо глухого.

Запрягли и едут через те ворота, где глухой, а он ничего не слышит.

Доложили царю:

— Он и с места не встал, не слышит ничего.

— Отвести и его к хромоу и слепому.

Собрались они в кучу. Вот как-то царь приказал:

— Отвезите и хромого, и слепого, и глухого в думу.

Царь говорит боярам:

— Вы назначили мужиков на работу, вы за этих работников и ответ держите.

Судили-судили и постановили: хромой прав — зачем его ставили скотину пасти, когда знали, что он хромой. Того судью, который хромого назначил, оштрафовать на тысячу рублей и отдать штраф хромоу на прокормление. Присудили с судьи тысячу рублей и слепому, глухому тоже с судьи тысячу, чтобы знал, кто глух, кто слеп. Царь приказал отвезти мужиков за царский счет, а деньги мужикам отдавать не сразу, а то деньгами мужики избалуются.

МУЖИК И ЦАРЬ

Копал мужик погреб и нашел золото. Взял он это золото и думает: «Куда бы мне его деть? Отдать пану — пан скажет, что я его украл. Отдать корчмарю — корчмарь обманет: скажет, что это не золото. Понесу-ка я его лучше царю в подарок».

Обул мужик лапти, накинул сермягу и понес. Три дня шел он до царского дворца. Остановил его часовой и спрашивает:

— Куда, мужик, лезешь?

— К царю, служивенький.

— Что тебе там нужно?

— Ох, служивенький, пусти, мне очень нужно.

Пропустил его первый часовой, а потом и второй. Дошел он до царской комнаты, а там генерал стоит. Остановил он мужика и спрашивает:

— Куда ты, мужик, идешь?

— К царю.

— Зачем?

— А вот зачем: копал я погреб и нашел золото. Несу его теперь царю в подарок.

— Покажи!

Мужик достал золото и показал его генералу.

— Ну, коли дашь половину того, что тебе царь даст, — пушу, а не дашь — иди назад, — говорит генерал.

— Ну что ж, дам.

Генерал доложил царю. Царь вышел и спрашивает:

— Чего тебе, мужичок, нужно?

— Ничего, царечек-паночек. Я принес тебе подарок, — ответил мужик и отдал ему золото. Царь взял золото и спрашивает:

— Что же тебе дать за это?

— Ничего, царечек-паночек. Коли есть чарка водочки, то дай.

Царь приказал принести графин водки и белого хлеба. Посмотрел мужик на белый хлеб и говорит:

— А, царечек-паночек! Мой дед такого хлеба не ел, и я не буду. Боюсь я его есть. Нет ли у вас солдатского хлеба?

Царь приказал принести солдатского хлеба. Принесли. Царь положил хлеб на водку и мясо, а сам пошел в другую комнату и глядит оттуда вместе с царицей, как мужик пьет и ест.

А мужик нальет чарку, выпьет, закусит и снова нальет, выпьет, закусит, так и выпил весь графин, поглядел, нет никого, перекрестился. Тут вышел царь.

— Спасибо, царечек-паночек, наелся-напился.

А царь спрашивает:

— Что тебе еще нужно, мужичок?

— Царечек-паночек, поплясать бы теперь.

— Музыку! — приказал царь.

Пришла полковая музыка.

— Нет, царечек-паночек, я под такую музыку плясать не умею. Мне бы под дудку.

Царь разослал по городу слуг. Разыскали дудку. Плясал-плясал мужик, потом говорит:

— Все!

— Чего еще тебе нужно, мужичок? — спрашивает царь.

— Теперь, царечек-паночек, не мешало бы послать.

Царь приказал приготовить постель, а мужик, как увидел постель, даже удивился:

— Нет, царечек-паночек, мне гороховую.

— А что такое «гороховая»?

— А это солома гороховая.

Привезли воз гороховой соломы и разостлали. Положил мужик под голову шапку и захрапел.

А царь все прислушивается: жив ли мужик, ведь он целый графин водки выпил.

Храпит мужик. Наконец встал, царь и спрашивает:

— Чего ты еще хочешь?

А мужик отряхнул с себя гороховую солому и говорит:

— Царечек-паночек, голова сильно трещит. Нельзя ли чарочку водки?

Дал ему царь водки. Мужик выпил две чарки, царь и спрашивает:

— Чего ты еще хочешь, мужик?

— Спасибо, царечек-паночек. Я тебе и так много хлопот наделал. Полы лаптями затоптал, окурков набросал, за это мне сто розог.

— За что же тебя розгами? Ты же мне золото принес!

— Нет, царечек-паночек. Ничего больше не хочу. Дай мне сто розог.

— Розог!

Принесли розги, мужик разделся, лег, стали его драть. Вдруг он и вскочил:

— Ой, царечек-паночек! У меня есть половинщик.

— Какой?

— Да вот твой генерал. Он меня до тех пор к тебе не пускал, пока я не согласился дать ему половину того, что ты мне дашь. Так дайте сначала ему половину.

Приказал царь генералу снять мундир и ложиться. Генерал лег, ему всыпали. Тогда мужик и говорит:

— Ах, царечек-паночек. Он у вас очень хорошо служит. Дайте ему и мою часть.

Всыпали генералу еще пятьдесят розог и разжаловали в рядовые.

Царь начал расспрашивать мужика, откуда он, и хотел его наградить, а мужик за шапку да в дверь, только его и видели.

КАК ПЕТР МОНАСТЫРЬ ОСМАТРИВАЛ И ЗАСТАВИЛ ЖИРНОГО МОНАХА В КУЗНИЦЕ РАБОТАТЬ

Ехал царь Петр по Москве, зашел он в кузницу, увидел того кузнеца и спрашивает:

— Отчего ты худой такой?

А тот отвечает:

— От трудов.

Приехал Петр в монастырь. Попался ему навстречу жирный монах. Вот царь и спрашивает:

— Отчего ты такой жирный?

Монах отвечает:

— От трудов праведных: богу молюсь.

— Ступай к кузнецу в молотобойцы, поработай там месяц,— говорит ему царь.

Встречается царю настоятель.

— Что это за монастырь? — спрашивает Петр.

— Беззаботный.

— Так вот тебе забота: сосчитай, сколько звезд на небе, узнай, сколько я стою и что я думаю. Даю тебе месяц сроку.

Уехал Петр к себе.

Начал настоятель чесать затылок и думать, как справиться с задачами царя.

Думал он, думал, всех монахов переспросил, никто не мог царских задач решить. Был у него один монах умный и того настоятель из монастыря выгнал. Не хотел настоятель обращаться к нему, да делать нечего, позвал этого монаха и говорит:

— Приму тебя, брат, обратно в монастырь, и будешь ты старшим над всеми монахами, только помоги в беде.

Согласился монах.

— Давай мне свою одежду, — говорит монах.

Делать нечего, отдал настоятель монаху свою одежду.

Оделся он настоятелем и в назначенный срок явился к царю.

Петр его и спрашивает:

— Что ж, брат, сосчитал ты звезды на небе?

— Сосчитал.

— Сколько же?

— Столько-то и столько миллионов, — отвечает монах.

Петр говорит:

— А может, неверно?

— А коли не верите, извольте проверить.

Пришлось царю поневоле удовлетвориться ответом монаха.

— А что я стою?

— Небесный бог был продан за тридцать серебрянников, ну а ты бог земной, так цена тебе половина: пятнадцать серебрянников.

Понравился ответ Петру.

— Ну, а что же я думаю?

— Да вы думаете, что я настоятель, а я простой монах.

И этот ответ понравился царю.

Захотел царь проверить монастырь. Приезжает он в ту кузницу, в которую монаха отдал в молотобойцы, и видит: отошл монах.

— Отчего ты такой худой? — спрашивает Петр.

Упал монах на колени:

— Прости, государы!

А царь ему:

— Вот что такое труд! Ну да бог с тобой, ступай на свое место.

ПЕТР И ПЬЯНЫЙ МУЖИК

Вот однажды шел царь Петр по Москве и видит: валяется в грязи пьяный мужик.

Приказал царь своим слугам взять этого мужика, снять с него рваную одежонку, одеть самую хорошую, положить его в царскую спальню и приставить к нему слугу в белом халате.

Вот проснулся мужик и видит — кругом блеск, зеркала, богатое убранство. Испугался он и думает: «Где я теперь?»

Да как закричит:

— Ой, ой! Где я теперь?

Подбегает слуга и говорит:

— Ты, брат, теперь у бога!

— А ты кто же такой?

— Я ангел.

А у мужика голова с похмелья болит, вот он и спрашивает:

— А бог водку дает?

— Пойду спрошу у бога.

Приходит слуга к Петру и докладывает:

— Просит мужик водки.

— Дай ему две рюмки да кусок пирога.

А мужику-то этого мало.

— Эй, ангел! — закричал он во все горло.

Прибежал слуга:

— Что угодно?

— Спроси, брат, у бога, не даст ли он еще водки.

Петр приказал:

— Дать ему графин водки и целый пирог.

Подали. Мужик напился, наелся, да и говорит:

— Слава тебе, господи, что ты принял меня в царство этакое.

Век тут буду жить.

Выпил он еще, закусил и улегся спать.

Приказал царь снова одеть мужика в его худую одежонку и положить пьяного в ту же грязь, откуда его взяли.

Спит мужик, а царь посылает своих слуг подслушать, что мужик будет говорить, когда проснется.

Мужик проснулся, глаз еще не продрал, а кричит:

— Эй, ангел!

А сам и глаз не открывает.

Кликнул ангела второй и третий раз. Продрал мужик глаза, осмотрелся и видит, что лежит он снова в грязи.

Вздохнул он и говорит:

— Прости меня, господи, что я согрешил и небесное царство потерял. И зачем только я еще водки просил?! С меня и двух рюмок хватило бы! А теперь вот и валяйся весь век в грязи на земле.

ЗАДАЧИ ЦАРЯ ПЕТРА

Однажды спросил царь Петр своих сенаторов:

— Как высоко небо и как глубока земля?

Не смогли они ответить.

Поехал Петр в поле. Видит — землю мужичок пашет. Петр у него и спрашивает:

— Скажи мне, пожалуйста, как высоко небо и как глубока земля?

Мужик отвечает:

— Небо очень низко: как гром грянет, так и глухой услышит. А земля глубока: я своего деда похоронил, так с той поры шестьдесят лет прошло, а он все не может выбраться из земли.

Сенаторы стали искать того, кто бы мог ответить на царские вопросы. Спрашивают лакея, который с царем ездил:

— Где царь был?

— Был царь в поле, с мужиком разговаривал.

Поехали сенаторы в поле к мужику и начали расспрашивать:

— Ответь нам, пожалуйста, как высоко небо и как глубока земля?

Мужик отказывается.

— Я бы вам сказал, да что вы мне за это дадите?

— А что ты хочешь? — спрашивают сенаторы.

— Это дело будет стоить сто рублей.

Заплатили сенаторы деньги мужику, а он и говорит:

— Небо очень низко: как гром загремит, так и глухой услышит. А земля очень глубока: шестьдесят лет как у меня дедушка помер, а до сих пор не возвращается, — все не может из земли выбраться.

Сенаторы вернулись к Петру и хвастают:

— Царь, это нам известно! Земля глубока: сорок лет как помер мой дядюшка, а все не возвращается, а небо очень низко: как гром грянет, так и глухой услышит.

— Это вы у мужика расспросили, — говорит Петр своим сенаторам.

Петр снова у мужика спрашивает:

— Скажи мне, мужик, сколько ты берешь в сутки за эту пахоту?

— А вот сколько, Петр: восемь гривен.

— Ох, много ж ты денег берешь! Куда ж ты эти деньги деваешь?

— Две гривны долг отдаю, две гривны в долг даю, две гривны на ветер пускаю, а две гривны остаются мне с женой на пропитание.

Царь спрашивает:

— А кому ты долг отдаешь?

— Есть у меня отец и мать: они меня малого кормили, так я их старых за это кормлю. Вот это им я долг отдаю.

— Скажи, пожалуйста, кому ты в долг даешь?

— Есть у меня два малых сына, я их кормлю. Когда буду стариком, они меня будут кормить, вот это я в долг даю.

— Ну, скажи, пожалуйста, а что значит две гривны на ветер пускать?

Говорит ему мужик:

— Вот, царь, куда две гривны деваю — дочек кормлю. Подрастут они, отдам их замуж. Вот это — я на ветер пускаю.

Приехал царь в сенат и загадал сенаторам загадку мужика. Пришлось опять к тому мужику ехать и заплатить ему, чтобы он им сказал, еще двести рублей.

КАК ВОР СПАС ЦАРЯ ПЕТРА

Захотел Петр узнать, что делается в Москве. Вот оделся он в худую одежду и пошел ночью по городу. Встречается он с человеком в глухом переулке и спрашивает:

— Что ты за человек?

— Я вор, а ты кто такой?

— И я вор, — говорит царь.

— Ну, а коли вор, так пойдем вместе воровать! — А потом спрашивает: — Куда же мы пойдем?

— Пойдем к царю! — отвечает Петр.

— Да как же у царя красть? Ему ведь много денег нужно.

— Ну так куда ж пойдем? — спрашивает Петр.

— Пойдем, — говорит вор, — к генералу Белорукину: тому все равно деньги даром достаются.

Вот пришли они к генеральскому дому.

Вор надел железные когти и полез по стене к окну послушать, что в доме творится. Слышит — уговариваются устроить на другой день бал, пригласить царя Петра Алексеевича и дать ему выпить стакан с отравой. Услышал это вор, бросился вниз и говорит Петру.

— Эх, брат, кабы царю дать знать!

— А что такое?

— А вот, брат: хотят завтра царя нашего отравить.

— Что ты, давай и я послушаю! — говорит Петр.

Полез Петр к окну и слышит все то, о чем вор говорил.

Наступило время по домам идти.

Петр и говорит:

— Давай, брат, подружмся с тобой. А чтобы легче было узнать друг друга, поменяемся шапками. Будь назавтра в такой-то церкви к заутрени.

Царь встал, поехал к заутрени и присматривается, кто в его шапке придет. Вот он увидел вора и приказал жандармам, чтобы

за ним следили. Как заутреня отошла, царь садится в карету и велит этого вора с собой посадить.

Вор сел ни жив ни мертв. Приезжают во дворец, тут-то вор опознал царя.

Царь и говорит:

— Хотя ты и вор, братец, а я тебя прощаю. Как нас позовут на бал, я тебя с собой возьму под видом иностранца; начнут потчевать: генерал будет мне подавать вино первому, а я пить не стану и спрошу у тебя, как за границей пьют вино: первую рюмку пьет гость или хозяин? Ты скажешь — «хозяин».

За ночь сделали вору иностранную одежду, одели его и ожидают, когда генерал попросит на бал. Вот приехали на бал.

Царь первым не пьет вина. Генерал говорит:

— Ваше величество, я раньше миропомазанника не могу пить. Петр отвечает.

— Мы узнаем: у меня иностранный посланник есть, вот мы и спросим у него, как у них в стране: кто первый пьет — гость или хозяин.

Спрашивает «посланника». «Посланник» отвечает:

— В нашей стране никогда гость не начинает пить вино, прежде хозяин попробует.

Пришлось пить самому генералу. Как выпил, так и упал. Тут Петр велел схватить всю шайку. Потом император спрашивает у вора:

— Чем тебя наградить?

— А ничего я не хочу, никакой мне награды не надо, только прошу строго не судить воров: ведь они воруют не от добра. Бог и меня свел с вами, чтобы вы, император Петр Первый, могли продолжать свою жизнь.

КАК ПЕТР НА ОХОТУ ЕЗДИЛ

Погнали гончие зверя в лес, и Петр поскакал по тропинке. Заехал в буредом: нельзя на лошади проехать. Спешился он, лошадь привязал, побежал на лай гончих. Заблудился, выбился на какую-то дорогу, встретил солдата. Пошли они вместе. Вот пришли они к разбойничьему дому. Заходят в дом, в доме никого нет, только женщина. Солдат говорит:

— Пусти переночевать!

— Да вот, полезайте по лестнице на чердак, там на сене и ночуйте.

Пришли разбойники и говорят между собой, что неудача сегодня: никого загубить не удалось. А хозяйка отвечает:

— Два рябчика сами прилетели.

— А где ж они? — спрашивают разбойники.

— Я их на чердак спать послала.

— Поди-ка приведи их сюда, мы с ними разделаемся, — приказывает атаман одному разбойнику.

Полез тот на чердак. Петр уже спал, а солдат свою службу знал: на часах стоял и саблю в руках держал. Только оказался первый разбойник — солдат ему саблей голову долой.

— Видно, не возьмет он их там один, — говорит атаман. Посылает другого. Солдат и этому голову отрубил. Перебил солдат всех разбойников. Остался один атаман.

Полез он на чердак, и ему голову снес солдат.

Закрыв солдат дверь поплотней и лег спать. Утром проснулся, разбудил Петра и спрашивает:

— Что ты за человек?

— Я слуга господский.

— Лакей, значит! Эх ты, лизоблюд, привык блюда лизать да спать. А посмотри-ка, сколько тут лежит барашков (он их двенадцать зарубил!). Пойдем теперь в дом!

Спустились вниз, солдат к хозяйке:

— Подавай ключи от кладовых!

Отдала та ключи. Пошел солдат искать деньги, нашел медь, начал брать, а Петр не берет.

Солдат как закричит:

— Я беру, а ты чего не берешь, донесешь еще...

Нечего делать — пришлось и Петру брать.

Потом солдат нашел серебро.

— Выбрасывай вон медь, бери серебро!

Идут дальше, нашли золото. Солдат командует:

— Бери золото, а серебро выбрасывай!

Набрали они золота, пошли обратно, и давай солдат просить Петра, чтобы тот никому ничего не говорил.

Петр спрашивает:

— Как тебя зовут, какого ты полка?

Назвал солдат свою фамилию и полк. Спрашивает у него Петр:

— Почему же ты в лес зашел?

— А вот почему зашел: начальники не додали мне полтора гарнца крупы провианта. Пошел я к малому начальству — меня палками отдули, дошел до самого большого — все палками дули. Так я и пошел в лес отлежаться, чтобы не лечь в лазарет.

Вышли Петр и солдат из леса, простились, солдат пошел своей дорогой, а царь своей. Пришел Петр первым на заставу и приказывает:

— Такой-то солдат будет проходить, отдать ему честь, как царю.

Вот приходит солдат на заставу, а тут ему царскую честь отдают. Солдат думает: «Экий плут, рассказал, что у меня деньги есть, не зря же мне честь отдают». Бросил он им горсть денег

и пошел дальше. Шел он, шел, приходит к царскому дворцу, а ему и тут честь отдают; сам Петр выносит ему на блюде золото.

— Благодарю тебя, служивый кавалер, за то, что ты меня от смерти спас. А за твоих полтора гарнца крупы я все твое начальство разжалую.

БОГ И МУЖИК

Жил на свете один мужичок. Пошел он однажды на ярмарку, купил себе кобылку жеребую за какую-нибудь трешку или пятерку. Повел ее домой, и застала его в одной деревне темная ночь. Просился он переночевать, просился, а никто его не пускает. Наконец один мужичок говорит:

— Заходил здесь ко мне поперед тебя захожий старичок, тоже просился переночевать, так он вон там за деревней ночует, и ты иди туда.

Делать нечего, пошел мужичок к тому старичку. Подходит:

— Здравствуй, дедуля!

— Будь здоров и ты!

— Нельзя ли и мне возле тебя переночевать?

— Что ж, ночуй!

Воткнул бог колышек в землю.

— Вот, — говорит, — привяжи кобыленку.

Переночевали они, наутро встают — кобыленка ожеребилась. Старик и затеял с мужиком спор из-за жеребенка.

Мужик говорит:

— Кобылка моя ожеребилась.

А старик говорит:

— Нет, это мой колышек ожеребился.

Спорили они, спорили и давай судиться.

Повел старик мужика в один суд, в другой, в третий — везде мужик проигрывает, а все потому, что старик судьям деньги дает. Обошли они все суды, а затем старик и говорит мужику:

— Ну, обошли мы все твои суды, пойдем теперь на мой суд, посмотрим, что мой судья признает.

Приходят они к святому Гавриле.

— Ну, — говорит старик, — рассуди ты нас, святой Гаврила!

Рассказал, как дело было, и спрашивает:

— Чей жеребенок? Мужикова кобылка ожеребилась или мой колышек?

Святой Гаврила послушал, усмехнулся.

— Шел я, — говорит, — по синю морю и сеял овес; не знаю, вырос он или нет.

Господь бог, а это он с мужиком спорил, удивился таким словам:

— Как же овес может вырасти на море?

— А как же, господи, колышек может ожеребиться?

Вот тогда господь бог отпустил мужика и отдал ему кобылку с жеребенком.

СОТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Подумал господь: «Что ж, сотворил я небо и землю, нужно и людей сотворить».

Вот сотворил он Адама, да и отлучился, не хватило ему материала на дальнейшее творение. Но боясь, что нечистый дух осквернит человека, вылепил бог «обаку» и приставил ее охранять Адама. !

— Не подпускай никого к моему творению, покуда я не вернусь!

Только бог ушел, а уж нечистый тут как тут.

— Пусти меня, обака, к Адаму!

Не пускает обака, лает. А сатана опять: пусти да пусти, а не то я тебя заморожу! — И нагнал он на обаку холоду, а та съежилась вся, дрожит (она была голой и холода очень боялась).

— Пусти меня: я тебе шубу дам!

И допустила обака нечистого к человеку, сатана же за это ее шерстью покрыл, а потом оплевал, обхаркал, обгадил созданного богом человека и ушел как ни в чем не бывало.

Между тем возвращается господь.

— Что это, обака, уж не согрешила ли ты? Откуда на тебе такая шуба?

— Грешна я перед тобой, господи, — отвечает обака, — смутил меня сатана.

Вот оттого-то, что обака божьего повеления послушалась, ее и собакой с тех пор называют и в церковь не пускают, а кошку (она в этом грехе неповинна) частенько запирают даже в алтаре — ловить мышей.

Дьявол случился тут поблизости. Бог и спрашивает:

— Как ты смел, — говорит, — нечистый дух, мое творенье осквернять?

— Не изволь, господи, беспокоиться, я сделал все, как надобно.

— Как так?

— А очень просто: возьми ты этого человека да выверни его наизнанку, — вся скверна и окажется внутри. Когда же от той скверны станет одолевать человека кашель, то он перво-наперво о тебе вспомнит: «Ох ты, — скажет, — господи, какой кашель!»

А потом уж, как плюнет да ногой разотрет, и меня, грешного, помянет: «Тьфу, нечистая сила, вот ведь привязалась!..»

Как черт посоветовал, так бог и сделал. А тут нечистый возьми да и скажи:

— А если человек будет здоров, он не то что меня, но и тебя, господи, забудет!

С той поры у человека и бывает кашель.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Дьявол влез в лебедя и хотел подмять под себя бога (земли-то еще не было, — бог только собирался ее творить, — а кругом было одно море, вот по морю и плавал лебедь-черт, и бог ходил по водам).

Не удалось, однако, нечистому подмять под себя бога, а сам он застрял в лебеде и никак не мог из него выбраться. И взмолился он богу:

— О господи боже, выпусти меня на волю!

— Достань мне песку со дна морского, тогда выпущу! — отвечал бог, — а как его добыть, я тебя научу. Как нырнешь на дно и наберешь песку полный нос, скажи: «Господи, благослови». А остальное уж мое дело.

Один раз нырнул дьявол на дно морское, набрал в нос песку сколько мог, но откуда вынырнул — весь песок у него из носу водой вымыло.

— Да ты скажи: «Господи, благослови!», а иначе не вынесешь.

В другой раз нырнул дьявол в бездну морскую, набрал песку больше прежнего, а наверх не смог вынести.

— Ну и чудной же ты! Ведь говорил же я тебе, что не донесешь, пока не скажешь «Господи, благослови!»

Тогда нырнул дьявол на дно в третий раз, набрал песку полный нос, перекрестился и хотел сказать «Господи, благослови!», но не договорил, сказал только: «Господи, бла...» — и все, дальше говорить посоветился.

Но песок наверх, хоть и не весь, а все-таки вытащил, часть отдал богу, а часть утаил. «Что бог станет делать с этим песком, — думает себе, — то и я».

А бог давай раскидывать песок вокруг себя, и стала из этого песка поверх воды расти земля.

Начала расти земля и в носу у лебедя. Больно нечистому, взмолился он богу (земля-то еще не покрыла всего моря, и ему было где плавать).

— А ты плюй да харкай, занимай неудобные места, — сказал бог.

И давай тут дьявол плевать да харкать, и куда его плевки попадали — там появлялись болотные трясины и мхи.

Потому и до сих пор в некоторых местах такие топи называют у нас в народе «харкотинами».

Через некоторое время бог выпустил нечистого на волю, как обещал.

БОГ И УГОДНИКИ

Послал бог святых своих угодников поглядеть, что на свете делается. Вот и пошли они рано-ранехонько, когда еще солнышко не всходило.

Шли они, шли, и встретила им по дороге деревушка; заглянули они в крайнюю хату, а там девчина пригожая и проворная уже встала и умылась, и коров подоила, хату подмела, печь затопила.

Подивились угодники на такую работающую девчину и тронулись дальше, миновали деревню, вышли в поле.

В поле еще пустехонько — ни души, только на одной полоске статный хлопец уже, видно, давно пашет.

Снова подивились угодники: «И когда это он успел выспаться и столько напахать?»

Пошли дальше. Уже и солнце взошло, по дороге стали попадаться люди — кто с сохами, кто с боронами; глядь — снова деревушка стоит. Стали они в хаты заглядывать, а людей там не видно, только в одной хате девчина здоровенная, толстая, только что глаза продрала, сидит на полу и зевает, потягивается, кося у нее вся в перьях, даже глядеть тошно.

Постояли угодники, подивились и пустились дальше. Миновали они деревню и вышли в поле. Глядят — под кустом лежит молодец, лежит и спит, а сам храпит во всю мочь. Возле него кобылка стоит в соху запряженная, травку щиплет. Видать, как из дому выехал, так ничего и не работал.

Поглядели-поглядели святые угодники, плюнули и пошли прочь.

Воротились они к богу. Бог спрашивает:

— Ну что хорошего видели вы на земле, что слышали?

Стали угодники рассказывать про то, что видели, да и говорят:

— Вот, боже, по-нашему, оженить бы доброго молодца на доброй девчине, а ленивого на ленивой: были бы две пары как раз один в одного.

А бог возьми да и скажи им:

— Дураки вы, дураки, как я погляжу. Если бы я так сделал, как вы говорите, то люди про меня да про вас и думать бы забыли. Работаги все бы сами поделали, и бог бы им не понадобился, а лентяи да глупцы и подавно про бога бы не вспомнили... Сделай я по-вашему, по-глупому, так людям ни бог, ни святые не были бы нужны.

КАК МИКОЛА И ПЕТР ЛОШАДЕЙ НА УКРАИНЕ ПОКУПАЛИ

Бог сотворил белый свет не так, чтобы везде всего поровну было: скота, людей, лошадей. Сначала много всего было на Украине.

Наступает весна. Бог видит, что белорусскому мужику пахать нечем, лошадей нет. Не пропадать же нашему брату с голода. Бог дал святому Миколе и апостолу Петру денег и послал их на Украину лошадей покупать.

А Микола очень любил выпить. И зайдя он с Петром в кабак. Взяли полштофа, второй — выпили. Как зашумело у Миколы в голове, он и давай еще пить и пропил все деньги, которые ему бог-то дал, до копейки. Не на что Миколе с Петром покупать лошадей.

Вышли они, смотрят: бегут два табуна. Микола как вскочит на первую лошадь, и табун за ним. Петр — на другую, и повели за собой два табуна. Гонят этих лошадей, никто будто этого и не видел, а хватать — свидетели оказались: ворона, сорока да кукушка.

Привели лошадей богу, хотели было его обмануть; бог у них спрашивает:

— Купили лошадей?

— Купили.

— А свидетели у вас были, как вы покупали?

— Нет, свидетелей не было.

Тут откуда ни возьмись ворона.

— А про ворону вы забыли? Ну как они, купили лошадей? — спрашивает бог ворону.

— Укра-али, укра-али!

Сидит на ветке ворона да и знай орет.

— А ты что скажешь, сорока? — спрашивает бог.

Сорока прыгает с веточки на веточку и стрекочет:

— За это им, господи, чи-чи-чи!

Прилетает и кукушка. Эта пожалела:

— Господи, они купили, да ку-у-пили, да ку-у-пили!

Микола и Петр обрадовались, что хоть кукушка их руку держит, и говорят:

— Вот ты, кукушка, кукуй только до Петрова дня, а после будешь свободна. А вы, ворона да сорока, раз вы наклепали, вам каркать и стрекотать, — не будет вам никакого отдыха.

ИЛЬЯ И ПЕТРО

Давно это было, когда еще сам бог по земле ходил. Отдал бог весь белый свет Илье и Петру. Известно, где два хозяина, там никогда порядка нет. Один посылает дождь, а другой — ведро. Плачут тучи, не знают, что делать, кого слушать. Пойдет дождь — Петро бежит да кричит, лается на чем свет стоит:

— Что вы, потаскухи, делаете, зачем мочите сено, люди же теперь косят!

— Нам,— отвечают тучи,— Илья приказал.

— Ах вы мокрохвостки,— ругается Петро,— я вам покажу Илью! Илья всегда разведет гнилья.

Схватит Петро метлу и разгонит тучи по углам, а небо чистенько подметет. Вдруг откуда ни возьмись тарахтит, едет Илья, орет, словно у него живот схватило, аж небо и земля дрожит. Тучи толкуются, как неприкаянные, вылазят из углов, и польет такой дождь, что не только низины, и холмы затопит. Жалуются люди богу, что паны дерутся, а у мужиков чубы трясутся, жалуются и просят бога, чтобы дал ведро. Призовет бог к себе Илью, ругает его, а тот оправдывается — столько, мол, развелось нечисти-чертей, что надо их громом побить, не то весь свет опоганят. Призовет бог Петра и уговаривает: пускай Илья немного поохотится за чертями. А Илья тем часом так разгромыхается, что аж земля стонет: нет ни дня, ни ночи; тучи кишат на небе, как выюны в решете; на небе все кипит, как в горшке; молния так блещет, что в глазах темно становится, а Перун-то и знай смолит, полосует сосны и дубы да поджигает постройки в деревнях, либо стога в поле. А Илья ездит себе по небу да командует: «Так, так, так! Го-го-го! Еще, еще... Лупи, лупи его, гада... Вот так, так... Го-го-го! Тресни его по затылку! В загрибок, в загрибок лупи его, гада! Трах-тах-тах! Так-так-так! Го-го-го!» Просят, молят люди, чтобы унялся гром, а Илья не слушает. Ходит Петро да плюет беззубым ртом от злости. Натешится Илья, начистит свою коляску и поедет к солнышку в гости. Тут Петро подметет небо и давай сушить землю. Вот уже подходит время сеять рожь, а земля сухая, как горячая зола,— опять беда! Беда, что нет дождя. А Илья играет себе с солнышком, а про землю забыл. Не смотрят друг на друга Илья и Петро, сердятся, боятся даже встретиться.

Вот однажды вздумали они походить по земле, поспросить людей, кого они больше любят: Илью или Петра. Как сошли они на землю, так в скором времени и повстречались. Идут рядом и спорят: Петро говорит, что его больше любят люди, а Илья говорит, что его. Как дознаться, чья неправда? Видят они: человек сеет гречиху.

— Вот,— говорит Петро,— давай спросим, кого мужики больше любят.

— Давай спросим,— соглашается Илья.

— Помогай бог! — кричит Петро.

— Спасибо.

— Скажи, добрый человек, кого вы больше любите, Илью или Петра?

Мужик снял с плеча севалку, поставил ее на землю, почесал затылок.

— А бог его знает, кого мы больше любим: может, Илью, а может, Павла-Петра.

— Ты не плети плетень, — говорит Петро, — а отвечай нам прямо.

— Илья и Павел-Петро — хорошие святые, мы их и любим.

— А кого больше?

Видит мужик, что тут не выкрутишься.

— Пожалуй, Павла-Петра.

Илья даже задрожал от злости. Пошли они дальше, а Илья и говорит:

— Спалю за это ему ниву, ничего не уродит.

— А я намочу и пошлю урожай, — говорит Петро.

— Коли так, я сделаю вот что: кто первый попробует с этой нивы лепешку — подавится.

Ухмыльнулся Петро, и пошли они дальше.

Выдалось в тот год на редкость хорошее лето: днем солнышко, тепло, а ночью теплая роса или тихенький теплый дождик. Растет все как на дрожжах; сдается, посади на поле дитя, так и оно вырастет. Уродилась гречиха по пояс. Набил мужик полгумна. Вот намолотил он гречихи, намолот, и напекла хозяйка свежих лепешек полное решето. В ту пору приходит в село Илья с Петром, и заночевали они у того мужика. Забыл Илья, не узнал его.

Сели они ужинать.

— Вот благодарение господу, — говорит мужик, — уродилась нынче гречиха, попробуйте, дорогие гости, свежих лепешек.

А Илья в тот день здорово-таки проголодался. Как схватил он лепешку, так и подавился. Он и туда и сюда, и водою запивал, и кулаком его били и в грудь и в спину — хоть бы что. Догадался он, что это проклятые им лепешки, и давай просить прощения у мужика и Петра. Насилу очухался. Стех пор перестал Илья мешать людям сено косить. И все было бы хорошо, если бы Петро не был таким старым и глухим. Бог говорит:

— Посылай тогда дождь, когда люди просят, — а он не слышит и посылает дождь, когда люди косят.

ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ БЫЛА ДАНА ВЛАСТЬ ЖЕНЩИНАМ И ПОТОМ СНОВА ОТНЯТА У НИХ

Припала апостолу Петру жалость к бабам: дескать, женский пол много от мужей своих терпит. Вот и выпросил Петр у бога для баб власти над мужьями. И такая воля была дана бабам, что мужику одно оставалось: знай пляши под бабью дудку!

После того апостол Петр с богом по земле ходили и остановились как-то в мужицкой хате на ночлег.

Хозяйки не было дома, и видят они: один муж домовничает — дите качает да горшки в печи ворочает.

— Можно переночевать?

— Да оно можно бы, да не знаю, как баба!..

— Как же так не знаешь? А где же твоя баба?

— В кабаке!.. Чтоб она провалилась! За домом не глядит вовсе.

Потолковали они, потолковали и спать легли.

Петр лег на полатах с краю, а бога к стенке положил.

Приходит баба, а они уже спят. Баба сперва мужа отругала:

— Каких это ты бродяг пустил на ночь глядя? Как ты смел, не спросившись у меня, их в хату пустить?

Взяла хворостину и ну Петра охаживать этой хворостиной.

Петр ежился, ежился — невтерпез ему.

А баба хворостину сломала и пошла за другой в сени.

Петр и думает себе: «Переберусь-ка я за бога, а то баба теперь за того, который у стенки, примется».

Вот баба подходит снова к полатам и говорит:

— Ну, с этого будет, я его порядком попотчевала, теперь нужно другого поучить!

Тут снова Петру досталось.

После этого Петр как взмолился:

— Нет, господи, так больно нехорошо; пусть лучше уж бабы мужиков слушаются, чем мужики баб!

КАК МИКОЛА-УГОДНИК РАЗНИМАЛ БАБУ С ЧЕРТОМ

Шел как-то бог с Миколою, всегдашним своим угодником. Слышит бог, тростник трещит.

— Микола, — говорит бог, — сходи-ка погляди, с чего это тростник трещит.

Пошел Микола, глядит, а у речки баба дерется с чертом. Вернулся он к богу.

— Ну, Микола, что это там творится?

— Да баба с чертом дерется.

— Так ты, Миколушка, поди разними их.

Разнимал Микола, разнимал бабу с чертом, никак не разнимет. Опять пришел к богу и говорит:

— Никак не разнимешь.

— Нет, уж ты, Микола, постарайся, разними их: до коих же пор им драться?

Осердился Микола, пошел да и поснимал им обоим головы.

— Ну что, рознял?

— Нет, господи, не рознял, а взял да обоим головы поснимал.

— Нет, так не годится! Сейчас же поди присади им головы обратно и подуй на них моим святым духом; головы сейчас же и приживутся.

Еще пуще рассердился Микола: дескать, опять беспокойство! Побежал да сгоряча присадил бабью голову черту, а чертову — бабе.

С того-то времени очень зла баба стала: все-то она мутит и подбивает своего мужика на свары да на склоки. Где ссора или драка, там уж обязательно баба, где какая-нибудь дележка и раздоры — и там никто, как баба.

А из-за того, что у бабы чертова голова, чтобы не видно было рожек, она всегда волосы покрывает, особенно кума перед кумом.

КАК ПЬЯНИЦА В РАЙ ПОПАЛ

Подходит пьяница к царству небесному, в дверь стучится.

— Отоприте!

У апостола Петра ключи от царства небесного; услышав стук, он подходит к двери.

— Кто здесь?

— Да я.

— Кто ты?

— Пьяница. Пустите меня в царство небесное.

— Здесь пьяницам не место, нельзя.

— А ты кто такой, что меня не пускаешь?

— Я апостол Петр.

— Знаю я тебя, ты тот, кто от Христа отрекся не успел петух три раза пропеть... Я все, брат, знаю.

Нечего возразить Петру на это, вернулся он обратно, пришел к Павлу.

— Иди, Павел, поговори с ним.

Подходит Павел к двери.

— Кто здесь?

— Я, пьяница; пусти меня в царство небесное.

— Здесь пьяниц не принимают.

— А ты кто такой, что меня не хочешь пускать?

— Я апостол Павел.

— А, Павел! Знаю, это тот самый, который гнал Христа от Иерусалима до Дамаска, а теперь ты уже в раю.

Нечего Павлу сказать на это, вернулся он обратно и рассказал обо всем Петру.

Говорит Петр:

— Ну, пошлем евангелиста Иоанна: он от Христа ни разу не отрекался, пусть с ним и поговорит.

Подходит к двери Иоанн.

— Кто тут?

— Я, пьяница. Пусти меня в царство небесное.

— А, ты, пьяница, да еще просишься в рай. Таких сюда не пускают.

— А ты кто такой, что не хочешь меня пускать?

— Я евангелист Иоанн!

— А, ты евангелист! Зачем же вы обманываете людей? Вы написали в евангелии: «Стучите — и откроют вам, просите — и получите». Разве это не обман? Я часа два стою и стучу, а мне не открывают. Если меня сейчас же не пустишь в царство небесное, я вернусь на белый свет и скажу людям, что вы написали в евангелии неправду.

Испугался Иоанн и пустил пьяницу в царство небесное.

КАК ЧЕРТИ ПЬЯНИЦУ ПРОГНАЛИ ИЗ ПЕКЛА

Угодил пьяница в пекло.

Дали ему черти варить в котле триста грешных душ.

А за эти души на этом свете усердно молились их родные.

Приходит к пьянице за этими душами ангел:

— Отдай мне эти триста душ!

Пьяница не отдает.

Тут ангел смекнул, что нужно пьянице, и через некоторое время приносит ему полштофа водки.

Взял пьяница у ангела водку и давай ее цедить глоток за глотком. Выцедил всю до капельки, опьянел и выпустил из котла души грешников.

Приходят черти, глядят — душ-то и нет!

— Где души? — спрашивают они у пьяницы.

Пьяница молчит (язык-то не слушается!), только палец ко рту подносит, показывает где души.

Перепугались черти:

— Ах, обжора! За каких-нибудь два часа слопал триста душ, да он так весь ад опустошит, ни одного грешника нам на мучение не оставит. Гоните его взашей!

Вытолкали пьяницу из ада. Деваться ему некуда — ну и пустили его в рай.

О СВЯТОМ МИКОЛЕ И ЕГОРИИ

Шли Микола святой с Егорием. Смотрят — мужик выехал пахать лядо под пшеницу.

— Егорий, пойдем пособим ему, спасибо скажет.

Подходят они к мужичку.

— Здравствуй, мужичок. Что ты хочешь тут сеять? Мы тебе пахать поможем.

— Как же вы мне пособи́те на одной кобыле? Я и один справлюсь.

— Не нужна нам твоя кобыленка, мы без нее вспашем. Ты, Егорий, держись за рогаль, а я стану к оглоблям.

Отметил мужик им место. Микола стал в упряжку, а Егорий взялся за рогаль, и поехали. Вспахали. Поблагодарил их мужик.

— Скажи, мужичок, кто важнее: тот, кто в сохе стоял, или тот, кто за соху держался, — кто дорожке будет стоять?

Думал-думал мужик.

— Дорог конь: без коня пахать не будешь, а с конем и баба вспашет.

Пошли они. Егорий говорит:

— Ты меня теперь будешь бабой звать, будешь смеяться. Пойду положу снова мужику землю, как была.

— Слушай, Егорий, он нам обоим говорил спасибо. Брось, не делай этого.

Опять ведет Егорий Миколу к мужику. Мужик выехал сеять.

— Здравствуй, мужичок! Ты, видать, хочешь пшеничку сеять? Давай мы тебе посеем... Ты, Егорий, ляшить¹ будешь, а я пшеничку разбросаю.

Посеяли.

— А кто у вас важнее: тот, кто сеет, или тот, кто ляшит?

— Ай, батюшки мои, важен у нас тот, кто сеет, а ляшить любая баба годится.

— Прощай, мужичок!

Идут, а Егорий и говорит:

— Стало быть, я баба, а дорог-важен сеятель — ты. Возьму да переверну вспаханную землю, как была, снова будет луг.

— Э-э, Егорий, не ссорься ты с мужиком, не гневайся. Если бы он знал, кто мы, не сказал бы этого.

— Ну, пусть себе сеет, вырастит он пшеницу, а владеть ею не будет...

— Что же ты ему сделаешь?

— Попрошу Илью, чтобы наслал бурю-грозу, чтобы прибил его хлебушко к земле — пусть хлеб гниет.

Является Микола к мужику.

¹Л я ш и т ь — отмечать соломой линию падения зерен при посеве, чтобы не было огрехов.

— Мужик, продай попу пшеницу, а то всю Егорий положит.

Приходит мужик к попу.

— Батюшка, купи у меня пшеницу. Видели вы ее?

— Видел.

— Согласны вы купить ее у меня?

— Сколько тебе за нее дать?

— Сколько, батюшка, пожалуете.

— Я дам тебе сто рублей.

Взял мужик сто рублей. Пришла ночь, и Илья положил всю пшеницу, прикатал ее, полегла вся.

Заплатив деньги, выходит поп на следующее утро смотреть пшеницу. Глянул — всплеснул руками.

— За что я отдал деньги — за навоз!

А Микола в тот же день к Егорию в гости.

— Ну что, Егорий, новенького? А ведь мужик хитрый пес.

— Почему?

— Продал вчера пшеницу попу.

— Сколько он взял?

— Да сто рублей. Наделал ты беды: помрет, пожалуй, поп. Ты ведь знаешь: попы жадные. Большой ты на себя грех взял — поп из-за денег жив не будет.

— А-а, так он попу продал! Подыму же я ее попу — ни один колос не пропадет.

Приходит Микола к мужику.

— Неси попу деньги: завтра поднимется пшеница.

Побежал мужик вечером к попу, а поп ему и говорит:

— Уходи ты, сукин сын, обманул меня, пшеница полегла, а ты ее продал.

— Батюшка, возьмите ваши деньги обратно, я принес все до копейки...

Пошел мужик глядеть пшеницу: вся она как тростник стоит, ни один колос не пропал. На третий день собрал мужик толоку: наклали полные гумна снопов и скирды сметали.

Микола спрашивает Егория:

— Ты ничего не знаешь, Егорий?

— А что?

— Этот мужик хитрее нас.

— В чем?

— А вот в чем. Перекупил пшеницу у попа: стал поп обижаться на него, так он отнес попу деньги... А ты поднял пшеницу мужику, мужик ею пользуется.

— Ну, нет, не будет он хитрее нас. Я устрою ему одну штучку.

— Что же ты ему устроишь?

— Я сделаю пшеницу не умолотной.

— Как?

— А так, что хоть десять коп посади в овин — все равно одна осьмина зерна получится.

Микола опять к мужику.

— Мужик, смотри же, клади по пять снопов в овин: в углах по снопу, а пятый на окно — все равно осьмина зерна получится.

Стал мужик молотить пшеницу. Пять снопов посадит — осьмина выйдет. Долго молотил — насыпал полный амбар зерна.

Микола и говорит Егорию:

— Знаешь ли ты, Егорий?

— Что?

— Мужик хитрее нас.

— Чем?

— Наловчился пшеницу молотить: пять снопов посадит — осьмина выйдет.

— Нет, не будет он хитрее нас, я ему устрою штуку.

— Какую?

— Впущу вора в амбар: всю пшеницу перетаскает.

Опять приходит Микола к мужику.

— Ты, мужик, ничего не знаешь?

— А что?

— Забей наглухо старую дверь в амбаре, а новую проруби сзади.

Сделал это мужик, а Микола и спрашивает Егория:

— Знаешь ли, Егорий? Мужик хитрее нас.

— Чем хитрее?

— А вот чем. Забил старую дверь наглухо — вор сидит, дожидается, пока откроют, а сзади мужик прорубил дверь и через нее таскает, продает пшеницу.

— Действительно хитер, добро же!

— Что же ты ему сделаешь?

— Пойду к Илье, чтобы он послал грозу, хату мужика разнес, чтобы и следа от нее не осталось.

Микола снова к мужику.

— Мужик, смотри, твой дом запалит Егорий.

— А чем же мне оборониться?

— Я тебя научу. Придет воскресенье, иди в церковь, купи две свечки: одну грошовую, другую за пятак, грошовую вымарай сажай, а ту, что за пятак купишь, не марай. Стань лицом к образу Егория, к иконе, и говори: «Святой Егорий, храбрый, вот тебе свечка чистенькая, а эту, грошовую, поставлю Миколу-обманщику». Тогда он от тебя и отстанет.

Мужик так и сделал.

СКАЗКА ПРО ОДНОГО ДЕДА И НИКОЛАЯ-УГОДНИКА

Пришел старый дед в церковь, купил свечку, а еще не решил, кому ее поставить. Постоял он, постоял и пошел искать какую-нибудь икону повыгоднее, чтобы пользы больше было, а свечку в карман положил. Постоял дед на коленях перед

одной иконой, помолился и дальше пошел. Так дошел он до Николая-угодника. Стал дед на колени, молится и думает: «Ну, Миколу свечку и поставлю». Полез он в карман, а свечки нет. Разозлился дед да как крикнет на Николая-угодника: «Ах ты старый черт, куда глядел? Вот тебе фи́га, а свечку украли!»

БОГ, БОГАЧ И БЕДНЯК

Шел бог по земле с двумя апостолами — Миколой и Юрием. Пришли они к богачу, а этот богач вспахал свое поле семью сохами и сажился с работниками обедать. Бог говорит апостолам:

— Проситесь и вы, 'пообедаем у него!

Подходят они и говорят:

— Здравствуй! Хлеб да 'солы!

Богач отвечает:

— Милости прошу отведа́ть.

Микола говорит:

— Этого нам и надо! Мы поесть хотим.

— Нет, братцы, — говорит богач, — у меня есть кому работать, есть кому и обедать! А вы идите-ка дальше, авось кто-нибудь и вам даст поесть.

Пошли они дальше и приходят к бедняку. Бедняк пашет. Они сели на конце его полосы и дожидаются, пока он дойдет до них. Вот говорят ему:

— Бог в помо́щь!

— Спасибо! — отвечает бедняк.

— Нельзя ли нам у тебя пообедать?

— Милости прошу, — говорит бедняк, — я сказал хозяйке, чтобы она у кого-нибудь одолжила муки, и, может быть, кулеш сварит или испечет лепешку, да наварит каких-нибудь щей, принесет мне, вот мы и пообедаем.

Ну сидят они, поджидают. Хозяйка несет ему обедать. Сварила она щей и испекла лепешку. Сели они обедать, а ей невдомек: зачем он сажает с собой троих? Тут и одному нечего есть, а не то что четверым.

Поели они, наелись все досыта, и еще у них осталось еды больше, чем она принесла. Она удивляется: ели, ели, да все и осталось.

Поблагодарили они и пошли дальше своей дорогой. А на встречу им волк. Просит:

— Господи, околеваю голодной смертью, позволь где-нибудь что-нибудь съесть.

Бог говорит волку:

— Беги по этой дороге; там человек пашет на лысой кобыле.

Он кобылу отпряг, а сам пообедал и спать лег. Так ты кобылу зарежь и поешь.

Бог с апостолами легли отдыхать. Юрию стало жаль мужика.

— Ах, — говорит, — этот человек сам занимал да нас кормил, а мы теперь зло ему творим! Пойду-ка я замажу ей лысину грязью, волк и не узнает, что она лысая.

Побежал Юрий и замазал лысину грязью.

Подбежал волк к кобыле, походил вокруг нее, а лысины не нашел, и снова к богу:

— Господи, там ходит кобыла, да вся вороная.

— А это, — говорит бог, — лысина грязью замазана. Зарежь ее и поешь.

Волк побежал, зарезал кобылу и наелся. Встает человек, а работать ему не на ком. Он и начал плакать и бога умолять:

— За что, бог, ты меня наказываешь?

Апостолы тогда говорят богу:

— Богач нам не дал обедать, а бедный дал, почему же ты наказываешь бедняка, а не богача?

— Богач отступился от меня и забыл обо мне, а бедный постоянно обо мне думает и помнит, вот его душа и будет у меня. А у богатого душа попадет в пекло. Пускай он тешится тут, а душа пострадает в пекле!

ЧУДОТВОРНАЯ ИКОНА

В глухом Полесье, за гнилыми болотами, за такими чащобами, что из-за них и света божьего не видно, было сельцо. В том сельце стояла церквушка, старенькая, покосившаяся, а невдалеке от нее у косогора прилепился шинок, такой же ветхий, облезлый, без крыши, с распорками да подпорками.

Поп в том сельце был бедный, не богаче был и шинкарь, потому что если у попа нет дохода, так нет его и у шинкаря. Надоело шинкарю перебиваться с хлеба на квас, и стал он раскидывать умом, какую бы хитрость придумать, чтобы разбогатеть. Три дня сидел он не пивши, не евши, все думал, а на третий день, чуть за вечерело, пошел к попу.

Поздно засиделся он у попа, чуть не до третьих петухов, и все в чем-то уговаривал его. Вернулся он домой, а на другой день поехал в местечко.

Прошла неделя, а может, и две. Начали косить. Стояло погостее лето. Вот как-то в воскресенье вечером сидят себе люди, кто на завалинках, кто под липами возле церкви, толкуют, трубки покуривают. Тут же поблизости, подле речки, балуются ребятишки. Вечер ясный, теплый.

Вот уж стало смеркаться, на небе загорелись звездочки.

Вдруг бегут дети и кричат:

— Сюда, сюда! Вон по реке звезды плывут!

Поднялись мужики, глядь — и вправду посреди реки по течению плывет что-то, и на нем словно бы свечки горят! Побежали сказать попу. Пришел поп, поглядел, перекрестился и говорит:

— Это нерукотворное чудо!

Полез староста на колокольню и давай трезвонить, как на пасху. Повысыпало к речке все село. А поп скорей в церковь, оделся в ризу и поспешил с хоругвями к речке встречать чудо.

Подошли люди поближе к речке и видят: плывет по воде старая доска, а на ней между свечками лежит образок. Тихо свечечки горят, ровно. Будто в церкви.

Подплыла доска к берегу, запуталась меж коряг, да и стала. Сошел поп к воде, взял с доски образок, на берегу на камне пристроил и давай служить молебен.

И с той поры повсюду заговорили, что в сельце этом объявилось чудо, и со всех сторон к чудотворной иконе повалил народ, и потащили люди попу приношения, кто что мог.

В скором времени разбогател поп, а еще больше попу разбогател шинкарь: известно, откуда бы ни пришел человек, а шинкарю-то он уж даст поднажиться.

И прославилось то святое место чуть не на целый свет.

Есть, правда, слух, будто это чудо сотворил шинкарь, договорившись с попом, и будто лавочник из их местечка признал в чудотворной иконе тот самый образок, который у него купил шинкарь якобы для попа. Господь его ведает! А может, и правда!

КАК ПОП ОБМАНУЛ ТАРАСА ОДНАЖДЫ, А ТАРАС ЕГО — ДВАЖДЫ

Жил на свете бедный-пребедный мужичок, и была у него жена, а детей не было. Дожили они до того, что хлеба купить не на что.

— Эх, жена, — говорит мужик, — поведем на базар последнюю коровенку, продадим да хлеба купим.

Пошел мужик корову в город продавать, а навстречу ему из города священник с причтом.

— Здравствуй, Тарас!

— Здравствуйте, батюшка!

— Куда это ты, Тарас, козу ведешь?

— Батюшка, это же корова!

— Нет, светик, это коза, вот и дьякон тебе скажет.

— Да, это коза! — говорит дьякон.

Растерялся мужичок, а поп увещевает:

— Брате Тарас, продай мне эту козу, вот тебе три рубля!

Нечего делать мужичку, продал он попу свою корову за три рубля, вернулся домой и говорит жене:

— Какая-ты глупая, вместо коровы козу мне на поводке дала. Напустилась на него жена.

— Что ты, ума решился? Козы все дома, а коровы нетути.

— Ну, баба, что делать? Я продал корову священнику, как-нибудь потом разберемся.

Снова пришло воскресенье. Едет Тарас в город и знает, что священник с причтом обязательно зайдет в трактир отобедать. Подговорил он трактирщика:

— Я выпью и закушу на гривенник, а ты говори, что на сто рублей.

Сидят причетники с попом в соседнем номере и говорят между собой:

— Каков наш мужик Тарас: за один обед сто рублей просадил! Мы вчетвером и то рублей десять истратим, а он сто рублей!

Смотрят они в шелку: чем это Тарас будет расплачиваться. А Тарас втащил в трактир большущий колпак, аршина в полтора. Стукнул по колпаку:

— Ну что, трактирщик, уплачено?

— Уплачено сполна.

Поп со своим причтом смотрит на это и диву дается.

В другой раз стукнул Тарас по колпаку.

— Будьте здоровы, пан трактирщик!

В третий раз стукнул, — говорит трактирщик:

— Ну, молодец, Тарас, платить умеешь.

Священник и говорит:

— Братья причетники, купим у Тараса этот колпак: он пригодится нам — каждую поездку будет для нас даровой обед в трактире. Ты, дьякон, клади на кон двадцать пять рублей, дьячки положат вместе двадцать пять, а я один пятьдесят; за сто рублей, может, продаст колпак.

Едет Тарас домой, догоняет его священник:

— Знаешь что, Тарас? Продай нам этот колпак: он будет нас выручать. Сколько ты за него возьмешь? Мы согласны дать тебе пятьдесят рублей серебром.

— Нет, батюшка, никак нельзя отцовское благословение в чужие руки отдавать: хоть изредка случится в городе быть, так вволю попою-погуляю.

— Послушай, Тарас, вот тебе сто рублей серебром.

— Нет уж, батюшка, если хотите купить, то продам за сто пятьдесят рублей.

— Ну, причетники, — говорит священник, — покупаем, а то кто-нибудь дороже даст.

Купили они колпак за сто пятьдесят рублей. Приезжает Тарас домой и говорит жене:

— Ну, хозяйка, ругала ты меня, что я корову за три рубля

продал, зато теперь продал я свой колпак за сто пятьдесят рублей.

Стал Тарас хозяйством обзаводиться, а священник ждет не дожидется праздника, чтобы поехать в город на дармовой обед. Поехали причетники с женами и няньками и с детьми в город. Заказывают трактирщику:

— Дай-ка нам на двести рублей попить-погулять.

Трактирщик рад стараться: подал разных кушаний и напитков на двести рублей. А как только отобедали:

— Ну, батюшка, пожалуйста расчет!

Батюшка вылезит из-за стола:

— Сейчас, господин трактирщик!

Принес пономарь со двора колпак. Стукнул священник по колпаку ладонью.

— Ну как, в расчете, трактирщик?

— Нет, поп, давай деньги!

Священник передал колпак дьякону, чтобы дьякон ударил по колпаку. Дьякон бил-бил, а трактирщик по-прежнему расчет спрашивает. Все причетники лупили кулачищами по колпаку, а трактирщик знай свое твердит:

— Давайте деньги!

Стали складчину собирать причетники, заняли денег у знакомых и заплатили трактирщику.

Тарас года за два прожил полученные за колпак деньги, а потом и говорит жене:

— Вот что, баба! Ложись-ка на лавку, да смотри не шевелись, а я поеду за священником, скажу ему: «Батюшка, пожалуйста исповедовать: моя хозяйка очень больна».

Приезжает мужик к священнику.

— Ну, зачем ты приехал?

— Сделайте милость, батюшка, пожалуйста исповедовать: хозяйка умирает.

Собрался поп и поехал с Тарасом. Входят в хату, а хозяйка лежит уже мертвая, прибранная.

— Батюшка, — говорит Тарас, — благословите вы меня! Есть у меня старинная дубина (еще от сотворения мира), я огрею жену три раза этой дубиной, она сразу оживет.

— Ну, коли эта дубина еще от дедов-прадедов сохраняется — благословляю!

Батюшка со страху вышел в сени, а Тарас ударил три раза дубиной по лавке. Жена мужика зашевелилась, застонала. Удивился батюшка, что человек ожил. Входит он в хату, а баба уже сидит на лавке и покачивается. Тарас поднес ей ковшик холодной водицы, она и вовсе очухалась.

Батюшка похвалил Тараса и поехал домой. В тот же день собрал он свой причт и рассказал ему о диковинном воскресении жены мужика.

— Вот кабы нам эту дубину купить; как мы постоянно на

похороны ездим, то оживляли бы этой дубиной покойников. Давайте сложимся и купим у мужика дубину.

— А вы, батюшка, съездите поторгуйтесь.

— Нет, поедем все вместе к нему.

Приезжают они к Тарасу.

— Не продашь ли, Тарас, дубину, которая людей оживляет?

— Продам.

— Сколько возьмешь за нее?

— Ах, батюшка, дайте пятьсот рублей.

Стали причетники совещаться.

— Я, — говорит поп, — один положу двести пятьдесят рублей, а вы, причт, втроем двести пятьдесят.

Отдали деньги мужику и забрали с собой дубину. Только они приехали домой, — навстречу им купец богатый.

— Батюшка, у меня сегодня жена умерла, побеспокойтесь тело схоронить.

— Сейчас, господин купец, приедем.

Быстро собрались они, взяли с собой дубину. Приезжают, лежит на столе тело. Говорит поп дякону:

— О, о, мы ее воскресим! Тащи-ка, пономарь, дубину!

Удивляется купец, зачем пономарь дубину несет. Ударили причетники мертвую купчиху три раза — не оживает. Доложили родственники купцу о таком надругательстве над покойницей. Купец подал жалобу начальству, что причетники усопшую купчиху так побили. Вот и потащили их всех не долго думая в суд на расправу.

ПРОПОВЕДЬ

Отдал один мужик сына на попа учиться. Прожил тот где-то несколько лет на отцовские деньги, женился и приехал домой. К тому времени мужики церковь поставили и радуются, что будет у них свой поп. Вот приказал поп мужикам в воскресенье на проповедь приходить. Собрался народ. Вышел поп с книжкой и спрашивает:

— Люди, люди, ведаете ли вы, что в этой книге написано?

— Нет, — говорят, — не ведаем, отец духовный.

— А если вы не знаете, то мне вам и говорить нечего, — повернулся поп, ушел за царские врата да больше и не показывался. Постояли люди, постояли, погоревали и разошлись. В следующее воскресенье снова приказал поп приходить мужикам на проповедь. Теперь мужики заранее сошлись возле церкви и договорились, как отвечать будут батюшке. Вошли в церковь, вот и поп выходит:

— Люди, люди, ведаете ли вы, что в этой книге написано?

— Ведаем, отец духовный!

— Так зачем же я,— говорит поп,— буду зря язык о зубы трепать, если вы сами знаете! — Повернулся и ушел.

И снова мужики стояли, как мыла съевши. Потом, выйдя из церкви, пожалели, что такого разумного попа имеют. Теперь они уже и не знают, как ему отвечать. На том все и кончилось.

«СВЯТАЯ» КНИЖКА

В селе Горбачевичах был праздник, куда съехалось более десяти попов.

Тут же возле церкви продавал поп «святые» книжки по двадцать пять копеек, по пятьдесят копеек и по рублю.

Кто покупал книжку за двадцать пять копеек, тому меньше грехов отпускалось. За пятьдесят копеек половина грехов прощалась, а тому, кто отдавал за «святую» книжку рубль, тому отпусkaliсь все грехи.

Покупают люди книжки, получают от бога отпущение грехов.

Продал все книжки поп и отправился домой.

Идет он, а вслед за ним шагает парень, да и говорит:

— Отдавай, поп, деньги!

— Опомнись, парень, что ты делаешь! Ведь это большой грех! — отвечает поп.

А парень достает книжку, купленную у попа за рубль, и говорит:

— А вот видел мою рублевую книжку, за нее ведь все земные грехи прощаются.

Забрал деньги и ушел.

КАК ЧЕЛОВЕКУ ВДЕСЯТЕРО БОЛЬШЕ ВЕРНУЛОСЬ

Однажды поп сказал в проповеди своим прихожанам, которые были в церкви:

— Кто даст мне корову, тому бог весной вернет десять. Услышал это один крестьянин, пришел домой и говорит жене:

— Вот что, жена. Сегодня нам батюшка говорил, что если дашь ему корову, то бог весной вернет вдесятеро. Есть у нас последняя корова, давай сведем ее к попу. Может, бог и вправду не обидит!

Согласилась баба отдать последнюю корову.

На другой день, чуть занялась заря, привели они свою буренку к попу на двор и говорят:

— Вот, бери, батюшка, только моли бога, чтобы дал весной в десять раз больше.

Разгорелись у попа глаза от жадности: «Ну, думает, удалось мне одурачить их!» Взял поп корову крестьянскую и загнал ее к своим, а крестьянину обещал усердно молиться богу.

Весной выпустил поп коров на пастбище. Вскоре стало жарко, и начали их одолевать оводы.

Одни коровы забились в кусты, а крестьянская буренка по привычке затрусилась к своему дому, а за ней увязалось еще девять поповских коров.

Увидел это крестьянин, очень обрадовался и запер их всех в своем хлеву, а сам пошел похвалиться такой удачей к соседям.

Дознался про это поп и пришел к крестьянину, чтобы забрать своих коров, а крестьянин ему и говорит:

— Ты же, батюшка, сам говорил: «Если мне кто отдаст корову, тому бог весной вернет десять». Не век же и нам бедовать!

ЗАВИСТЛИВЫЙ ПОП

У одного очень бедного человека умер ребенок. Попросил бедняк соседей сделать гроб и выкопать могилу для дитяти. Известно, если человек богат, то все ему помогают, а бедному — никто. Просил-просил бедняк, никто не пошел копать могилу. Горько ему, слезы так и бегут, как сок из березы. Нечего делать, пришлось идти и самому копать могилу для своего дитяти. Говорят, это великий грех, да что же делать, если от бедняка и люди отступились. Взял бедняк заступ, пошел на кладбище, а по дороге зашел к попу и попросил его похоронить дитя.

— Хорошо, — говорит поп, — только ты мне сначала принеси десять злотых¹ и пол-осьмины овса.

— Нет у меня, батюшка, ни овса, ни денег, — отвечал бедняк и начал просить, чтобы поп похоронил дитя так, а он потом отработает.

Куда там! Поп не хочет и слушать. Как ни просил бедняк, поп стоит на своем, и только. Заплакал бедняк с горя и пошел копать могилу. Копал он, копал и выкопал горшок с деньгами: червонцы так и горят. Принес бедняк горшок с деньгами домой и спрятал под печь, а один червонец отнес попу. Удивился поп, откуда это у бедняка золото, и стал выпытывать. Бедняк и рассказал все, как было. Вот похоронили у бедняка дитя, а потом сам поп с попадьей зашел к бедняку на поминки. Только вечером все разошлись. Остался бедняк один с женой. Вернулся поп домой и думает, как бы отобрать у бедняка деньги. Зарезал он

¹ З л о т ы й — польская монета.

козла, завернулся в козлиную шкуру, приладил рога и пошел в самую глухую полночь к бедняку под окно. Пришел, засунул в окно голову с рогами и заорал хриплым голосом:

— Отдай мои деньги!

Испугался бедняк и отдал горшок с деньгами. Схватил поп горшок обеими руками и побежал домой. Прибежал, хочет поставить горшок на стол, да не может — руки приросли. Попробовала попадья содрать с попа козлиную шкуру, да куда там! И шкура и рога приросли. Как ни бился завистливый поп, ничего не мог поделывать. Пришлось просить бедняка, чтобы он забрал свои деньги. Увидели люди попа, столпились, глазают, а он только козлиной бородой трясет. Подошел бедняк, взял свои деньги, и тут шкура с попа свалилась, да не только козлиная, но и своя.

Вот какой был завистливый поп.

ТО ЛИ БЫЛА У ПОПА ГОЛОВА, ТО ЛИ НЕТ?

Один человек посеял на полянке рожь. Рожь не уродилась. На другой год он посеял там же гречку, не уродилась и гречка.

Стал он думать: «Какое же это место, что на нем ничего не родится?»

Тогда надумал он посеять соль, но и соль, понятно, не выросла.

Как-то раз приходит этот человек на свою полянку и видит поперек нее медвежьи следы.

— А,— говорит,— это медведь переходит через мое поле, потому на нем ничего и не родится!

Вот зовет он попа, чтобы тот отслужил молебен. А поп, едучи к той полянке, заметил у дороги медвежье гнездо, дупло то есть. Позвал поп мужиков и говорит:

— Убить его надо, чада мои! Лезьте! Бейте!

Однако лезть в дупло никто не захотел.

Делать нечего, полез поп сам, да притом вниз головой, чтобы виднее было. Пролез к самому медведю, а медведь взял да и откусил ему голову.

Ждут люди попа час, ждут другой — нет попа, да и только! Тогда стали тянуть его из дупла за ноги, вытянули, глянули — а поп-то без головы! Стали они тут спорить: одни говорят, что попу голову медведь откусил, а другие, что он так из дому приехал. Спорили-спорили, да и передрались.

Потом решили спросить у работника, который вез попа, а тот и говорит:

— Хотя я и вез, да хорошенько не помню, сдается мне, что был поп без головы, а может, и с головою. Спросите у батрачки; она знает, она вчера ему косы чесала.

Пошли, спрашивают:

— Не знаешь ли ты, была ли у попа голова?

А та отвечает:

— Хотя я и чесала ему косы, да что-то не припомню.

Так наши мужики все спрашивали да расспрашивали, а толку не добились. И по сей день они не знают, то ли была у попа голова, то ли не было.

МУЖИК, ПАН И КСЕНДЗ

Однажды пан за что-то сильно рассердился на ксендза. И захотелось ему насмеяться над ним, да только так, чтобы тот не догадался, чьих это рук дело.

Думал-думал пан, ничего не придумал. Сидит он сердитый да усы кусает.

Приходит к нему мужик. Видит мужик, что пан крепко думает о чем-то, но не может обмозговать своей панской головой, и захотелось ему пособить пану своим мужицким разумом.

— Помогай бог, панок! — говорит мужик да бух пану в ноги.

— Чего тебе? — спрашивает тот.

— Ясновельможный пан, — говорит мужик, — над чем ты так крепко задумался? Скажи мне, может я и помогу своим глупым мужицким разумом! — И чмок пана в руку.

— Что ты, разве ты поможешь? Я хочу посмеяться над этим чертовым ксендзом.

— Ладно! Завтра же пан увидит, как я посмеюсь над ксендзом.

— Ну, смотри, если хорошо сделаешь — денег не пожалею, а нет, так уж не взыщи — отведаешь плетей.

— Слушаю, — сказал мужик, а сам пошел на реку.

Наловил это мужик раков, налепил им на спинки свечечек, зажег их и напустил раков к ксендзу в сад перед самыми окнами.

Вечер тихий, погожий. Ползают себе раки, горят свечечки в траве, словно звездочки.

А мужик подошел под окошко с мешком и зовет ксендза.

— Кто там? — спрашивает ксендз.

— Ангел с неба.

— А зачем ты пришёл?

— По твою душу. Велено отнести ее на небо.

Обрадовался ксендз. Открыл он окно, глянул, а в траве горят свечечки, что твои звезды. Поверил ксендз словам мужика, да и высунулся в окно: где, мол, ангел? А мужик взял мешок и

накрыл им ксендза, а потом взвалил мешок с ксендзом себе на спину и потащил в панский свинарник; кинул его там, а дверь заложил засовом.

Назавтра, когда поднялось солнышко, пришел мужик к пану и попросил, чтобы тот продал ему поросенка. Пошли пан с мужиком к свинарнику. Подходят и слышат, как там визжат свиньи, даже дверь грызут. Отвалили они засов, открыли дверь — и свиньи выбежали на волю.

Заглянул пан в свинарник, а там в углу сидит ксендз в одном исподнем, чуть живой от страха.

— Что это? — спрашивает пан. — Зачем к моим свиньям пожаловал досточтимый ксендз?

Молчит ксендз, зубы стиснул. Стыдно ему. А пан вдоволь посмеялся над ним и щедро наградил мужика.

О ТОМ, КАК КСЕНДЗЫ ВЫЛЕЧИЛИСЬ

Жили-были три ксендза. Ели они много и ничего не делали. Растолстели они, как откормленные боровы. И чего только они ни делали, каких зельев ни принимали — ничего не помогает. Говорят доктора, что нужно им ехать на воды: там они сгонят свой жир. Стали тогда ксендзы ездить по панам, собирать денег на лечение.

Вот приезжают они к одному пану и жалуются ему на свою беду. Просит пан ксендзов откусать и переночевать. Посадил он их ужинать да так напоил, что ксендзы заснули за столом. Храпят ксендзы во все заставки, так крепко спят, что хоть из пушек пали — не услышат. Вот пан приказал их раздеть, перенести в пивоварню и положить там вместе с работниками.

К утру очухались ксендзы и никак не могут понять, где они. Чуть свет будят мужиков засыпать картошку в погреб. Поднялись и ксендзы, не хотели они идти на работу, да тут как перетянул их приказчик кнутом, небось пошли.

Работают ксендзы, вместе с другими мужиками делают все, что требуется в пивоварне, вместе едят, вместе спят и никак не могут из пивоварни выбраться. Вот проходит неделя-другая, и начало с ксендзов спадать сало, а недель через пять они подтянулись, как борзые. Поглядели они один на другого и узнать не могут: так похудели они за эти пять недель. Думали уж ксендзы, что это их черти схватили и засадили в пивоварню на вечное мучение.

Как-то раз приказал пан дать работникам ведро водки, а ксендзам — наилучшей водки, самой крепкой. Напились они и растянулись без чувств в пивоварне у котла. Когда они крепко заснули, велел пан перенести их в гостиную и положить там,

где они лежали первую ночь. Пробудились утром ксендзы и трясутся — испугались, что проспали; боятся, как бы приказчик не отстегал их. Стали скорее одеваться и вдруг видят, что около них лежит ксендзовская одежда. Дивятся ксендзы и глазам не верят. Оделись они, а тут и пан приходит, приглашает их чай пить: Угощает пан ксендзов и спрашивает, куда они думают на воды ехать.

— Нет,— говорят ксендзы в один голос,— теперь нам не нужно ехать на воды; мы уже вылечились.

ЛИСА - КАТОЛИЧКА

Шла себе лиса и нашла жареное мясо в западне. Догадалась, что это ее хотят поймать, и не тронула мяса. Пошла дальше, а навстречу ей медведь.

— Куманек-голубок, кушал ты сегодня?

— Нет, кумушка-голубушка,— отвечает медведь,— не пришлось.

— Ну, пойдем, я сведу тебя в одно место,— славный завтрак будет! Сама бы съела, да середя сегодня, мне нельзя: я католичка.

— Спасибо, кумушка-голубушка, пойдем!

Вот лиса и привела медведя к западне. Только он дотронулся до мяса — западня захлопнулась и подняла его кверху. Лиса тогда схватила мясо и давай есть.

Медведь ей говорит:

— Кумушка-голубушка, сегодня ж середя!

— Э, куманек-голубок, пусть тот середит, кто вверх глядит.

ДИВО

Жил один человек в такой бедности, что и есть ему было нечего. Оставил он дома свою жену, а сам пошел по белому свету. Идет он день, идет другой и пришел в лес.

В лесу стоит избушка, зашел он в избушку, там сидит какой-то старичок.

Вот наш бедняк и спрашивает:

— Нельзя ли у тебя, старинушка, переночевать?

А старик отвечает:

— Отчего же нельзя, ночуй!

Сидят они час, а может, два, уже пора и ужинать, а на столе и крошки хлеба нет.

Тут старик говорит:

— Мой, брат, руки!— И сам помыл.

Сели за стол, а хозяин приказывает:

— Диво, диво, иди-ка в хату живо! Секись, рубись, в горшок кладись, к огню приставляйся, на стол подавайся!

Глядь: дверь открывается, и в избушку входит индюк, сам зарезался, общипался, к огню приставился, сварился и на стол подался.

Хозяин и говорит гостю:

— Ешь, брат, только костей не грызи!

Приели они все мясо, кости сложили на столе, а хозяин снова приказывает:

— Диво, диво, собирайся да за порог выбирайся!

Диво собралось, да и за порог.

Стало гостю завидно, и просит он старика:

— Продай мне, добрый человек, это диво!

А старик отказывается:

— За деньги не продаю, а добрым людям и так даю!— И подарил ему свое диво.

Тот принес диво домой и говорит жене:

— Вот принес я диво, ты только погляди, что сейчас будет!

Велел он наложить в печку дров, а сам с женой сел за стол. Индюк же стоит в сених.

Хозяин и приказывает:

— Диво, диво, иди в хату живо! Секись, рубись, в горшок кладись, к огню приставляйся, на стол подавайся!

Диво зашло, само зарезалось, ощипалось, к огню приставилось и на стол подалось. Съели они все мясо, а кости сложили на столе.

Вот хозяин и говорит:

— Диво, диво, собирайся и за порог выбирайся!

Собрало оно свои кости, соскочило со стола и пошло, как пришло.

Прошел день, и вышли у них все дрова.

Хозяин поехал в лес по дрова. А к жене его приходит поп и зовет ее к себе лен мять. Она и давай хвастаться:

— Ой, батюшка, погляди, какое у нас диво есть! Садись-ка за стол!

Сели. Хозяйка и стала звать:

— Диво, диво, иди в хату живо!

А диво не слушается, не идет.

Взяла тогда баба кочергу и кричит:

— Вот, я тебе!— да как хватит по нему кочергой.

Кочерга так и приросла к диву, а баба — к кочерге.

Кричит баба во все горло:

— Ой, батюшка, помоги от кочерги оторваться!

Приходит поп и спрашивает:

— Да что это такое?

Взялся спасать бабу и сам прирос. А тут входит в избу дьячок и говорит:

— Батюшка, что ж вы долго сидите? Пора обедню служить! А поп отвечает:

— Видишь, не могу оторваться.

Дьячок стал помогать попу, да и сам прирос.

Приходит староста и тоже давай спасать батюшку, да и сам прирос. Тут уж подоспела попадья, а поп ей кричит:

— Не берись, матушка, а то прирастешь, пойдя лучше позови шептуху, чтобы помогла нам!

Пришла шептуха, стала нашептывать, да только как взялась за кочергу, так и сама к ней приросла.

И потащило диво всех их в лес, к хозяину, через греблю да к мосту.

Выскакивает из-под моста черт и говорит попу:

— Если пустишь за царские врата, так я тебя оторву!

Поп обещал пустить. Черт взялся отрывать попу от кочерги, и сам прирос. Потащило их диво дальше.

Притащились они в лес на то место, где хозяин дрова рубил. Хозяин вырубил шесть дубин, на черта самую толстую, да и спрашивает его:

— А ты зачем тут?— И давай его охаживать. Бил-бил, а потом сам взялся за кочергу, и черт оторвался. Оторвался, да и пустился бежать туда, откуда явился, только лес валит по дороге.

Пришел черед и попу.

— А тебе чего?— спрашивает хозяин. И его побил дубиной.

Припустился поп бежать домой — только рукава да полы мотаются. Так всех угостил хозяин дубиной, и все разбежались по домам.

А хозяин положил свое диво на воз, привез его домой и живет теперь с женой, ни в чем не нуждаясь.

ЧЕРТ, МЕДВЕДЬ И ЗАЯЦ

В одной деревне жили старик со старухой, и было у них трое сыновей. Бедно они жили. Пришло время старику помирать, поделил он между сыновьями все свое добро: старшему сыну дал он ручную мельницу, среднему — пастуший рожок, а меньшому — лыко на лапти.

Когда отец умер, старший сын взял свою мельницу и пошел куда глаза глядят. Вдруг видит он — стоит у дороги избушка. Он влез на крышу, положил жернова на трубу, а сам сел и ждет. Ночью в избушку вошли разбойники, сели за стол и стали считать свои деньги, а он как загремит на крыше жерновами, да и кинул их в трубу. Испугались разбойники, убежали, а деньги

бросили на столе. Тогда слез он с крыши, забрал себе деньги, воротился домой и зажил богато, а братьям своим не дает и хлеба.

Делать нечего, взял средний брат свой рожок и пошел путем-дорогою. Шел он, шел, вдруг видит — стоит на лесной опушке сторожка, а в той сторожке был заперт медведь. Сел он у двери и давай трубить в рожок. Медведь как заревет, даже сторожка вся затряслась.

В это самое время едет мимо барин на тройке и спрашивает:

— Ты чего здесь делаешь?

— Зверя стерегу.

— Покажи мне его!

Только он отворил дверь и заиграл в рожок, медведь как выскочит, как кинется на барина — и задрал его. Парень же сел на тройку и ускакал. Стал он еще богаче старшего брата, а меньшого кормить не хочет.

Что тому делать? Взял он с горя свое лыко и пошел себе по дороге в дремучий лес, да и забрел в большое болото. Сел он там на кочку и стал кроить лыко. Увидел его черт, вылез из болота и спрашивает:

— Ты что хочешь делать?

А тот отвечает:

— Буду тут церковь строить.

Испугался черт, побежал к своему старшему и говорит:

— Там какой-то человек хочет на нашем болоте церковь строить!

А старшой приказывает:

— Ступай скажи ему, пусть возьмет все, что захочет, только чтоб не строил тут церковь!

Пошел черт и передал, а тот говорит:

— Насыпьте мне золота полную яму, которую я выкопал.

Черти насыпали, но только жалко им стало золота. И приходит к нему черт, по прозвищу «Могучий».

— Давай бороться. Кто кого поборет, тому и золото.

А парень отвечает:

— Вон под елкой лежит мой старый дед, ты вперед с ним поборись, а потом уж и со мной!

Подошел черт к елке, а там медведь.

— Давай бороться!

Тут как начал медведь его ломать, так тот едва ноги унес.

Прибежал он снова к старшему и жалуется, что человек уж больно силен. Тогда выслал старшой другого черта, по прозвищу «Быстрый». Тот приходит и говорит:

— Давай гоняться. Кто кого перегонит, тому и будут деньги.

А парень говорит:

— Вон под елкой мой сынок сидит, ты сперва с ним погоняйся.

Черт подошел к елке, а там заяц.

— Давай гоняться!

Заяц испугался и побежал. Черт кричит ему:

— Подожди, давай поравняемся!— а того уж и след простыл. Опять пошел черт к старшому и плачется, что человек его обогнал, только, мол, его и видали!

Вышел тогда третий черт, «Свистун».

— Давай,— говорит,— свистать! Кто кого пересвищет, тому и золото.

— Давай! Ну, свищи!

Черт как свистнул, так даже лес затрясся. А парень ему говорит:

— Завяжи-ка, брат, себе глаза, а не то, как я свистну, так они у тебя на лоб вылезут!

Завязал черт глаза платочком, а парень как свистнет его дубиной по уху, так тот даже завизжал.

— Давай я еще разок свистну!

— Ой, нет, братец, не свищи больше, у меня и так уж глаза на лоб вылезли. Бери себе деньги!

Тот взял деньги и зажил богаче своих братьев.

Купил я у одного мужика овса, тут и сказка вся.

КАК МУЖИЧОК ЧЕРТА ПЕРЕСПОРИЛ, КТО ДОЛЬШЕ ПРОЦОЕТ, И КАК ЧЕРТ ОТ МУЖИКА ЗА ОБЛАКА УТЕКАЛ

Жил один мужичок. И такой он был работяга по топорной части — значит, плотник.

Вот ставил он одному хозяину дом, а уж к нему приходит другой и просит:

— Приходи, брат, ко мне, когда тут закончишь.

А идти до другой деревни надо было верст пять или шесть. Вот он закончил работу, рассчитался и пошел.

Прошел он без малого версты три, а навстречу ему черт:

— Здравствуй, мужичок!

— Здравствуй, незнакомый человек.

— Как так незнакомый? — удивился черт. — Ну, а ежели и незнакомый, так давай познакомимся!

— А как мы с тобой будем знакомиться? — спрашивает мужичок.

— А вот как, давай с тобой песни петь.

— Ну давай! — согласился мужичок.

Вот он запел песню, а черт ему стал подтягивать, да все не в лад. Тот и говорит черту:

— Вот что я тебе скажу: сколько нам с тобой ни петь, а мне надо к своему хозяину поспеть. Давай-ка, мы лучше вот что сделаем: того, кто будет песни петь, другой на своей спине повезет!

Черт подумал-подумал, да и говорит:

— Я первый запою, а ты меня вези!

Вот мужичок присел, черт на него влез, и не успел начать песни, как тут же ее и кончил.

— Ну что, твоя песня вся? — спрашивает мужичок.

— Вся!

— Ну теперь ты присядь: я на тебя влезу!

Вот влез он на черта и затынул: «О-а-и-е... О-а-и-е!»

Черт спрашивает:

— Ну что, это вся твоя песня?

А мужичок отвечает:

— Как так вся? Я еще и не начинал!

Испугался черт, сбросил своего седока, а сам наутек.

А мужик бежит вслед за чертом да кричит:

— Держи его, держи!

Так и не догнал, потому что черт за облака скрылся, и пошел мужик своей дорогой.

ВЕЛКИЙ ГРЕШНИК

Давно это было. Слышал я от старых людей, а они врать не будут. Жил на свете очень большой грешник. Такой, что не было греха, который бы он не совершил. Такой был злодей, какого свет не видал: он и крал, и разбойничал, убивал людей без покаяния. Даже о боге забыл, черту душу продал: колдовал, оборотнем был, насылал моровое поветрие — не было числа его грехам.

Пришлось ему умирать. Тут страх на него напал, потому что душа его не могла расстаться с телом. Нет ему смерти, да и только. Вспомнил он теперь бога. Захотел исповедаться, душу очистить. Сколько ни приводили к нему попов, ксендзов, как расскажет им о своих грехах — не дают прощенья. Такой он был грешник. А смерть не приходит, а душа его мучается, с телом не может разлучиться. Роздал он свои богатства убогим и пошел по свету искать угодника, который бы замолил его грехи, разлучил душу с телом. Идет расспрашивает. Посоветовали ему люди сходить к одному отшельнику, который всю жизнь жил в лесу, постился, ел только хлеб с водой, молился, душу спасал и угоден был богу. Пошел он к нему. Приходит, так и так, говорит:

— Я очень большой грешник, спаси, исповедуй меня. Только ты можешь отмолить мои грехи.

Стал исповедоваться. Выслушал его отшельник и говорит:

— Ты такой грешник, что даже смерть тебя не возьмет, земля не примет, пока за грехи свои не отстрадаешь, пока не сделаешь

больше добра, чем зла ты делал людям. А пока что будешь ты мучиться.

И пошел тот грешник заслуживать спасенья. Ходил он по святым местам, ходил на коленях, морил голодом свое тело, занимался к злым хозяевам на работу, чтобы его били, ложился за других под розги, прислуживал больным и убогим, а смерти нет да нет. Хотел на себя руки наложить: топился, вешался и резался — все нет ему смерти, только муки принимал зря.

И так прошло много лет. Однажды идет он полем. Идет и проклиная свою долю. «Сколько я еще буду мучиться?» — думает он. Был первый день пасхи. Идет он и видит: много-много народа на поле пашут, боронят. «Что бы это значило? — думает он. — Такой праздник, что и птицы гнезд не выют, а тут народ крещеный мучается». Подходит ближе, видит: войт¹ похаживает между крестьянами и плетью подгоняет их. Те плачут, жалуются:

— За что это ты издеваешься над нами? Разве нет у тебя сердца? Бьешь нас, пытаешь в будни, в праздник не даешь отдохнуть. Даже сегодня в такой праздник выгнал на панцину!

А войт кричит, людей ругает да плетью их стегает. Смотрел-смотрел этот грешник и думает: «Вот окаянный, не лучше меня! Подумать только, как народ мучает!» Подошел он к войту и говорит:

— Что ты делаешь? За что ты людей мучаешь?— А войт ни слова ни говоря, как хлестнет его плетью через лоб — даже искры из глаз посыпались. Рассвирепел грешник, схватил камень, как пустит им в войта и разбил ему голову. Войт не ойкнул и дух вон. А грешник на этом месте прахом рассыпался: кончились его муки. Ушла душа на тот свет.

БЕЗ ДЕНЕГ И НА ТОМ СВЕТЕ СПАСЕНЬЯ НЕТ

Однажды ксендз с амвона спросил прихожан:

— Без чего человек не может быть спасенным?

Подумали люди и отвечают:

— Без денег.

— Как это так, без денег?— удивился ксендз.

— А потому, — говорят прихожане, — что, если не дашь ксендзу два злотых, он не станет крестить ребенка, не дашь рубль — не обвенчает, а не дашь полтинник — не похоронит.

Вот и получается, что без денег и на том свете нету человеку спасенья.

¹ В о й т — сельский староста.

О СУДЬЕ ПРАВЕДНОМ, О ЛЯГУШКЕ, УГРЕ, СМЕРТИ И УГОДНИКЕ МИКОЛЕ

Давно это было: теперь судью выбирают на три года, а Судью Праведного выбрали на тридцать лет, и судил он тридцать лет, никому спуска не давал, ни с кого взятки не брал, никого не оскорбил, не обругал; сколько присудит ударов кнутом, столько и даст.

Отсидел он тридцать лет и собрался волостной сход, чтобы решить: оставить его или сменить.

— Господа миряне, я и для мира не прочь, я и для бога не прочь. Если хотите, чтобы я у вас сидел за судью, выколите мне глаза.

Согласился волостной сход выколоть ему глаза:

— Ему не работать, будет сидеть и слепой.

Как судил он зрячий, так и слепой судил еще тридцать лет.

Собрался волостной сход, чтобы решить, оставить его или сменить.

А Судья отправился в баню. Только разделся и вылил на голову шайку воды — шлеп ему на ногу что-то тяжело и холодно.

— Кто ты?

— Лягушка я, Судья Праведный.

— Зачем пришла?

— Я приготовила себе теплую печурку, чтобы зиму в ней зимовать. Откуда ни возьмись угорь, выгнал меня из теплой печурки.

— Какой он мужчина, если бабу выгнал вон и не мог приготовить себе теплой печурки. Приведи его сюда. Скажи ему: ступай, мол, к Судье Праведному.

Угорь спервоначала упираться стал, говорит лягушке:

— Не боюсь Судьи Праведного, не пойду к нему.

Наконец приводит лягушка угря к Судье. Шлеп Судье на ногу, тяжело и холодно.

— Привела?

— Привела.

— Угорь, как ты мог такое сделать? Лягушка — баба, а у тебя вон какое громкое звание! Дам я тебе пять ударов, ну-ка, лягушка, подай голик, вытащу пять прутьев и дам ему пять ударов. Ложись, бестия! Как это ты мог бабу выгнать?!

Вытянулся угорь возле ног Судьи.

— Просить вам меня — не упросить, купить — не подкупить: я есть Судья Праведный.

Поднял он руку и хлестнул прутиками перед собой, и вдруг сразу прозрел. Увидел лягушку и угря.

— Помни, бестия, прощаю тебе четыре удара за то, что бабы-лягушки быстро послушался, быстро явился ко мне. (А простил он угря за то, что увидел белый свет и неведомо кого первый раз хлестнул: угря или еще кого-либо.)

— Помни, бестия, не смей бабы-лягушки из печурки выгонять.

И пошли все по своим местам. Пришел Судья Праведный в волость, перекрестился и шапку повесил на гвоздь.

Волостной сторож и говорит другому:

— Судья наш Праведный снова видеть стал.

— Как это можно, чтобы он видеть стал?

— Говорю тебе, зрячим стал Судья.

Созвали волостной сход выбирать судью.

— Я для бога не прочь и для мира не прочь. Тридцать лет сидел с глазами и тридцать лет без глаз: пора старым костям дать покой — оставьте меня!

Поклонился миру и пошел прочь. Дошел до перелеска и говорит себе:

— Переночую здесь, а то скажут сыны и внуки: плохо служил дед, что прогнали его против ночи.

Прикорнул на траве. Звенят комары над ним, спать не дают. Разжег он костер. Лежит на боку. Является к нему господь.

— Что это ты ночуешь здесь? Нельзя ли мне с тобой переночевать?

— Нет, не будешь со мной ночевать. Я за тобой вину знаю.

— Какую?

— Солнце светит всем одинаково и одинаково радуемся мы ему, а живем не равно: один человек сыт, одет и обут, а у другого нет ничего — ни еды, ни одежды.

Ничего не сказал господь и ушел от Судьи Праведного. Посылает к нему Миколу-угодника.

— Может, он за тобой не найдет никакой вины. За мной нашел. Является Микола-угодник к Судье.

— Ночевать собрался здесь?

— Ночевать.

— Можно с тобой переночевать?

— А ты кто такой?

— Микола-угодник.

— Нет, нельзя тебе со мной ночевать, я за тобой вину знаю.

— Какую?

— Богатеи за деньги свечи покупают или из своего воску ставят, а ты брови поднимешь, усы задерешь, глаза вылупишь и все смотришь на богатых, которые большие свечки ставят. А бедный человек на последний грош поставит свечку, а ты и не взглянешь на него: брови сдвинешь, глаза зажмуришь, усы опустишь, даже смотреть на нас, бедняков, не хочешь за то, что плохие мы тебе свечки ставим, уходи — не будешь со мной ночевать!

Прогнал Судья и Миколу-угодника. Приходит тот к господу.

— И за мной вину нашел.

— Пошлем теперь к нему женщину-смерть.

Приходит к Судье смерть.

— Здравствуй, Судья Праведный.

— А кто ты такая?

— Смерть.

Судья встал и поклонился ей, не нашел за ней вины: эта ни с кого взятки не возьмет, просить ее — не упросить, купить ее — не подкупить!

Переночевали. Поднялся Судья Праведный на зорьке, стал глаза промывать росой, и смерть на него глядя оросила костлявое свое лицо.

Помолился Судья богу и пошел домой. Смерть говорит:

— И я с тобой пойду.

— Милости просим.

Пошли они вместе.

— Судья Праведный, я тебя уморю в сорока саженьях от дома.

— Ах, смерть моя матушка, просить тебя — не упросить, купить тебя — не подкупить, дозвожь мне лишь дойти до дому, чтобы не умереть без покаяния!

— Ступай, а все-таки я тебя уморю.

Позвали к Судье священника. Исповедал он его, причастил. Является к Праведному смерть.

— Судья Праведный, я тебя уморю.

— Дозволь мне, госпожа смертынька, хоть разок пройтись по моему садику. У меня в саду были пчелы, яблоньки разные, хочу посмотреть, так ли все у сыновей моих, как при мне было.

Приходит в сад — все так же гудят пчелы, цветут цветы, зреют яблоки, груши.

Только сам Судья умер уже: смерть вывела его душу из тела, одно мертвое тело в доме осталось.

Долго ходил Судья Праведный со смертью по саду, долго любовался его красотой.

— Ну, хорошо ли в твоём саду, Судья Праведный?

— Все хорошо. Ступай теперь — мори меня.

(А смерть давно уже уморила его.)

Идут они во двор, а во дворе люди толпятся, голосят над его телом.

— Ах, смертынька, душенька, почему это люди голосят у меня в доме?

— А это по телу твоему голосят, а у тебя осталась одна душа.

— А где мне быть велел господь?

— Велел господь пустить тебя в царство небесное.

НЕСТЕРКО

Жил себе Нёстерко, имел деток шестеро, работать ленился, воровать боялся, а попросить не смел. Как ему жить? Вот он взял да и пошел к богу. Идет, а навстречу ему Юрий Золотое Седло едет.

— Здравствуй, святой Юрий!
— Здорово! А кто ты такой?
— Я Нестерко, деток шестеро, работать ленюся, воровать боюся, просить не смею!
— Куда ж ты путь держишь?
— К богу!
— Зачем?
— А вот зачем: нечем мне жить, так пойду к богу и спрошу его, чем мне заниматься: то ль читать, то ль писать, то ль с горшков хватать? А ты куда, святой Юрий, едешь?
— И я к богу!
— Зачем?
— Да по своим делам!
— Ну, вспомни ж, святой Юрий, и обо мне там.
— Хорошо, вспомню.
— Спроси у бога, святой Юрий, чем мне заниматься.
— Хорошо, спрошу.
— Забудешь, святой Юрий?
— Нет, нет, спрошу!
— Не забудешь? Так дай мне в залог того, что не забудешь, свое золотое стремя.

— А на чем же я поеду?

Нестерко взял ивовый прутик, сделал из него стремя и привязал на место, а золотое стремя в залог взял. Поехал Юрий к богу, а Нестерко остался на дороге, где ехал Юрий, дожидаться его возвращения.

Святой Юрий порасспросил бога о своих делах и пошел садиться на коня. Бог увидел ивовое стремя и спрашивает:

— А где же твое стремя?

— О господи, его отнял Нестерко, что имеет детей шестеро, работать ленится, воровать боится, а попросить не смеет, — с чего же ему жить?

— А пусть крутит да мотает, да душу пытается!

И Юрий поехал. Подъехал он к Нестерке, а тот и спрашивает:

— Ну что, святой Юрий, что тебе бог сказал?

— Вот что бог сказал: пусть крутит да мотает, да душу пытается. Ну, дай же, Нестерко, стремя мое золотое, которое ты у меня в заклад взял!

— А когда я у тебя брал? Я еще сам тебе дал ивовое. Отдавай мне его обратно! Вот мое стремя — у седла!..

Сколько Юрий ни спорил с Нестерком, но все-таки вынужден был заплатить ему за ивовое стремя.

Тогда Нестерко побежал в хату.

— Немного поживился — и то слава богу! Не зря ведь бог велел мне ложью кормиться...

Прожил Нестерко то, что уплатил ему Юрий за ивовое стремя, потом взял и повесил на воротах золотое стремя. А тут как раз

проезжал богатый пан. Увидел он стремя золотое на воротах, да и говорит своему кучеру:

— Зайди-ка спроси, нет ли у мужика продажных седел.

Кучер зашел в хату и спрашивает:

— Ты седла делаешь?

— Делаю, но только на заказ, — говорит Нестерко, — потому как делаю я седла дорогие — серебряные и золотые.

Кучер вернулся к пану, рассказал об этом. Пан вылез из кареты и стал договариваться. Договорился, чтобы Нестерко сделал седло за сто рублей и тут же уплатил ему деньги вперед. Получил Нестерко деньги, да и посиживает на печи. Приезжает пан за седлом, а Нестерко босой на печи валяется.

— Где седло?

— Какое седло, паночек?

— А то, за которое я деньги платил.

Нестерко только крестится.

— Ой, ой, какое там у меня седло? Я даже лаптей сплести не умею...

Пан кричал, кричал, да и говорит:

— Одевайся, в суд поедem!

А Нестерко отвечает:

— А разве я босой могу ехать?

— Ах, черти б тебя взяли! Кучер, подай ему мои валенки. Ну, теперь обувайся, пойдем!

— А разве я поеду раздетый?

— Ах, черти б тебя взяли! Кучер, дай ему мою шубу.

Кучер принес шубу.

Нестерко обулся, оделся. Вышли они из хаты. Пан стал садиться в карету, а Нестерко, глядел, глядел, да и говорит:

— Да разве я собака, чтобы следом за лошадьми бежать?

— Ах, чтоб тебя черти побрали! Кучер, дай ему мою пристяжную.

Сел тут Нестерко на коня, и поехали они в суд. Приехали туда. Начали их судить.

— Почему ты, Нестерко, деньги пану не отдаешь?

— А я ему и не должен! Сам не знаю, почему он ко мне пристаet. Хочет, наверно, сорвать что-нибудь. Сейчас он скажет, что и валенки на мне его.

А пан и говорит:

— Ах ты дурак! Так это ж ведь мои валенки!

— Ну вот, видите. Он говорит, что и валенки эти его. Может, он скажет, что и шуба, на мне его?

И пан снова обозлился:

— Ах, чтоб тебя черти взяли! Это ведь действительно моя шуба.

— Ну вот, видите, господа судьи: он уже и шубу своей считает! Может, он сейчас скажет, что и лошадь эта его?

А пан снова кричит:

— Ах, чтоб тебя черти взяли! Это ж моя лошадь!

— Ну вот, видите, господа судьи: он уже утверждает, что и лошадь его.

Судьи думали-думали, да и говорят пану:

— Нет, братец, видать, ты лжешь, коли говоришь, что это все твое: и шуба, и валенки, и лошадь, и деньги!

И не присудили они пану ничего.

Тут наш Нестерко обрадовался, сел на коня и айда домой. И остались у него и конь, и шуба, и валенки, и деньги. И теперь он живет на те деньги, которые у пана отсудил.

ПОП И ДЬЯКОН

Жили в одном селе поп и дьякон. Оба были пьяницы. А в прежние времена попы и дьяконы жалованья не получали, жили на требы — на сборы с прихожан. Выпить и закусить они любили, да не было на что разгуляться.

Вот дьякон и говорит попу:

— У тебя, батюшка, есть книжица толстая. Пойду-ка я воровать и краденое в тайном месте спрячу, а ты по этой книге будешь гадать да деньги за это получать. Вот и будет у нас на что погулять.

— Куда же ты, отец дьякон, воровать пойдешь? — спрашивает поп.

— В нашем селе у Апанаса есть хорошие вола. Пойду-ка я украду вола, отведу его в лес да привяжу к березе. Прибежит к тебе, отче, этот Апанас и будет спрашивать, где его вол, а ты ему: там, мол, и там... А я тем временем позову паренька и поставлю его вола караулить, чтобы не украли.

Как сказал дьякон, так и сделал.

Вот приходит Апанас к попу, руку целует.

— Чего ты, свет, явился?

— Да про свое несчастье рассказать, батюшка: вола у меня украли.

— А что ты, свет, дашь, коли я угадаю, где твой вол? У меня книга такая есть, по которой все можно узнать.

— Коли взаправду так, батюшка, я бы ничего не пожалел.

— Я ж тебе сказал, что по книге все узнаю. Дашь пять рублей и четверть водки, и будет у тебя вол.

— Согласен, батюшка, сейчас пойду принесу.

— Сначала принеси гарнец водки, а деньги потом принесешь, когда скажу, где вол.

Мужик ушел. Принес он гарнец водки. Поп с дьяконом уселись за стол и стали выпивать. Пьют они, а поп в книгу поглядывает, будто бы читает. Потом и говорит мужику:

— Знаешь что, Апанас, я уже вычитал, где твой вол находится. Ступай-ка ты в лес к нашей поляне и там увидишь, что твой вол к березе привязан. Воры хотят его увести оттуда, но засветло боятся.

А дьякон еще раньше предупредил хлопца: «Если кто вблизи покажется и к волу будет подходить, ты поскорее убегай».

Мужик отправился в лес. Пришел к поляне и увидел там своего вола. Отвел он вола домой и пошел к попу. Поблагодарил попа и пять рублей ему отдал. А поп с дьяконом все пили да гуляли.

Пили они, пили, да и пропили все деньги. И дьякон опять пошел на промысел: у кого овцу украдет, у кого свинью, даже в соседнее село воровать ходил... И пошли к попу люди гадать и понесли к нему свои денежки. А поп все сидит над книгой да «вычитывает». Жили так поп с дьяконом, поживали да водочку попивали.

И услышал как-то пан, что поп хорошо отгадывает. Велел он запрячь лошадей и привезти к нему того попа.

Приехали от пана за попом, а тот пьяненький сидит, глаза такие мутные, красные.

— Просил вас, батюшка, наш пан, чтобы вы к нему во двор пожаловали, — сказал кучер.

Поп космы причесал, рясу праздничную надел, сел в карету и поехал. Приезжает к пану. Угостил его пан и говорит:

— Слышал я, батюшка, что вы людям в несчастье помогаете. Помогите и мне. У меня много денег украли. Если вы найдете мне воров, то получите два воза пшеницы и тысячу рублей.

— Сейчас, пане, я не могу — книга дома осталась. Может, придется целую ночь сидеть, чтобы разгадать, — говорит поп, а сам думает, как бы поскорей удрать от этого пана; ведь дьякон этих денег не крал, значит и угадать невозможно.

— Хорошо, за вами приедут завтра, — согласился пан и приказал отвезти попа домой.

Приехал поп домой, позвал дьякона и рассказал ему все, как было.

— Пропали мы теперь со своими выдумками. Ведь мы не сможем отгадать, кто у пана деньги украл. Надо, дьяче, удирать нам из этого села.

Тогда дьякон и спрашивает:

— Когда же удерем?

— До вечера посидим, допьем водку, — говорит поп, — а с третьими петухами и удерем. А то пан донесет архиерею, что мы людей обманываем, тогда попадет нам обоим.

— Добре, — соглашается дьякон. — И в новом месте ты пом, а я дьяконом буду.

Наступила ночь. Сидят поп с дьяконом, водку попивают, разговаривают.

А кучер, лакей и повар панский знали, что поп был у пана.

И догадались, зачем его пан приглашал. Вот они втроем и сговорились, чтобы ночью, когда пан спать ляжет, пойти к попу и упросить его, чтобы он их не выдавал. Подошли они к дому попа и видят, что поп с дьяконом пьют-попивают да мирно беседуют. Заглянул кучер в окно, а в это время петух: «Ку-ка-ре-ку!» Поп услышал петуха и говорит дьяку:

— Дьяче, а дьяче, уже один есть.

Кучер подумал, что это про него сказано. Подбежал он к двум другим панским слугам и шепчет:

— Узнал меня поп: говорит, что уже один явился.

— Пойду и я послушаю,— решил лакей.

Вот подошли лакей с кучером под окно, а петух опять: «Ку-ка-ре-ку!»

Тормошит поп сонного дьякона и кричит ему:

— Дьяче, а дьяче, уже два есть!

Лакей с кучером испугались и побежали к повару:

— Поп нас обоих узнал.

— Ну, что ж, пойдем втроем,— сказал повар.

Подошли они к окну, а петух: «Ку-ка-ре-ку!»

Поп опять как крикнет:

— Дьяче, а дьяче, уже три есть!

Перепугались панские слуги — и в хату! А поп с перепугу подумал, что это за ним с панского двора прислали. Слуги упали на колени и просят:

— Прости, батюшка, не выдавай нас грешных, что деньги украли. Мы тебе по тридцати рублей дадим, только не выдавай нас!

Успокоился поп и спрашивает:

— А куда ж вы деньги спрятали?

— Мы их в конюшне, во втором стойле от входа, зарыли.

— А денег не взяли? Все целы? — допытывается поп.

— Не брали, батюшка. Все целехоньки! Как украли, так тут же зарыли в землю.

— Ладно,— успокаивает их поп,— ступайте домой; я вас не выдам.

Поцеловали они руку у попа и пошли домой. А поп сел и стал думать: «Вот досталось счастье». Будит поп спавшего под столом дьякона и говорит ему:

— Вставай, вставай, дьяче: давай водку допивать. До утра гулять будем — наше взяло!

На другой день утром поп еще не проснулся, а за ним уже карета прикатила, с четверкой лошадей в упряжке. Проснулся поп, взял с собой толстую книгу и поехал к пану. Явился он в панские хоромы и говорит:

— Ну, пане, угадал я: нашлись ваши денежки.

Услышал это пан и давай на радостях попа водкой потчевать. Поп водку пить не стал и говорит пану:

— Дайте-ка мне двух работников.

Дали ему работников. Пошел он с ними в конюшню, разложил свою толстую книгу, огляделся кругом и говорит:

— Ройте здесь, во втором стойле.

Стали работники рыть и выкопали сверток с деньгами.

А по уговору пан должен был отдать попу за гадание тысячу рублей и два воза пшеницы. Два воза пшеницы пану было не жалко, а вот тысячу рублей он отдавать пожалел. «Как же сделать,— подумал пан,— чтобы денег попу не отдавать?»

Думал он, думал, а тут как раз жук мимо летел. Поймал пан жука, вбежал в дом и кричит:

— Отгадай-ка, отец Никодим, что у меня в руке спрятано. Если отгадаешь, все обещанное отдам да еще водки в придачу получишь.

Задумался поп. Поскреб затылок и говорит:

— Ох, попался жучок в панский кулачок!

А пан и не знал, что поп Жуковским прозывается. Удивился он и говорит попу:

— Теперь вижу: вы настоящий угадчик, батюшка!

Разжал пан пальцы и швырнул жука на пол. Ничего не поделишь: пришлось отдавать попу обещанное. Насыпал пан два воза пшеницы, отдал попу тысячу рублей и несколько ведер водки, поблагодарил его и отправил домой.

Приезжает поп домой, зовет к себе дьякона и говорит:

— Ну, дьяче, удалась нам и эта штука. Будем теперь пить да гулять, да панскую шкатулку поминать!

СЧАСТЬЕ И ГОРЕ

Жили-были два брата. Один из них был богатый, а другой бедный. Приходит один раз бедняк к богачу лошадь попросить поле вспахать, а богач ему отвечает:

— Иди бери, да смотри не замучай!

Пошел бедняк. Только зашел за гумно, а лошади тут и ходят. Хотел он зауздать лошадь, вдруг откуда ни возьмись человек и не дает ему лошадь зауздать.

— Кто ты такой? — спрашивает бедняк. — Почему не даешь мне братнего коня?

А тот и отвечает:

— Я счастье твоего брата.

Бедняк и спрашивает у него:

— А где же мое счастье?

— Вон там, под кустом, лежит в красной рубаше.

Обрадовался бедняк, взял кол и пошел к тому кусту, видит: лежит растянувшись человек. Бедняк его как толкнет под бок и спрашивает:

— Чего ты лежишь, бездельник?!

Неизвестный человек встал и говорит:

— Ой, не бей ты меня. Я не привык землю пахать. Коль хочешь, иди да продавай что-нибудь, а я тебе тогда буду помогать.

Бросил бедняк лошадь и пошел домой. Взял новую женину юбку, отнес ее на базар и продал там за два рубля, купил за полтинник другую юбку и снова продал. Так торговал он недели две, заработал много денег и купил себе в городе дом с усадьбой и начал перевозиться. Забрал все, что было в хате, и уже хотел выходить, вдруг слышит в углу кто-то плачет.

— Кто это там? — спрашивает бедняк.

— Я!

— Кто ты такой?

— Горе твое!

— Чего же ты плачешь?

— Как же мне не плакать, коль ты меня с собой не берешь, — отвечает горе.

— Цыц! Не плачь! Так и быть, возьму. Лезь в этот сундук!

Горе влезло, а бедняк закрыл сундук и закопал его на дворе. Потом уехал в город и стал жить богато.

Приехал раз в гости к мужику брат и спрашивает:

— С чего ты так разбогател?

— Я горе в землю закопал, — отвечает бедняк.

— Где?

— На старом дворе.

Богач обрадовался, что бедняк сказал ему, где свое горе закопал.

Приехал он домой, откопал и говорит:

— Иди снова к моему брату!

— Нет, — отвечает горе. — Твой брат человек злой, а ты добрый. Ты меня откопал, я к тебе и пойду.

Хотел богач поймать горе и снова в землю закопать, да горя не видно стало.

Вот с тех пор и обеднел богач, а бедняк разбогател.

СЕМИЛЕТКА

Жили-были муж и жена. И были они бедные. Семь лет у них не было детей. А по соседству жил богатый мужик, у которого всего было вдоволь. И была у него телка. Семь лет она не телилась. На восьмой год у бедного мужика родила жена дочку, а у богатого телка отелилась. Жена богатого поглядела теленку в зубы — зубы красные.

— Э-э, — говорит она мужу, — он скоро подохнет. Выброська его за забор!

Богач послушался жены и выбросил теленка.

А в то время бедный сосед шел по воду. Набрал он воды и идет домой. Вдруг видит: лежит под забором теленок. Отнес мужик воду и говорит жене:

— Вот что, баба: нес я воду и увидел теленка под забором. Не взять ли его в хату? Сгодится, может, на что-нибудь.

— А поди принеси,— согласилась жена.

Принес мужик теленка и говорит:

— Ну, баба, к крестинам зарежем, вот и будет чем закусить.

— Не надо, муженек: пусть лучше телка вырастет! Может, мы и так обойдемся!

Выросла телка, большая, жирная. А дочка их тоже быстро росла и выросла такая умная, красивая, что и сказать нельзя, какая разумная.

Вот богатый сосед разговорился как-то с бедняком, то ли в шинке, то ли где:

— Откуда это у тебя такая телка хорошая?

— Братец ты мой,— говорит бедняк,— бог дал крестины, пошел я как-то по воду, а под забором теленок. Взял я его и принес домой. Хотел зарезать к крестинам, а жена не согласилась.

Богатый сосед и говорит:

— Э-э, брат, да это ж моя телка была. Я телку отберу: это моя!

— Нет,— возразил бедняк.— Пойдем к пану, пусть он нас рассудит. Как же это, я семь лет ее кормил и пользы от нее еще не видал, а ты хочешь отнять.

Пошли они к пану. Богатый поздоровался с паном за руку, и пан посадил его в кресло: «Садись, садись, пожалуйста!» Богатый уселся в кресло, а бедный стал у порога. Пан и спрашивает:

— Зачем пришли?

А мужики в один голос:

— На суд к вам, пане.

— На какой такой суд?

Бедный и рассказал свою беду:

— Так и так, мол, дал бог мне крестины, пошел я по воду, нашел под забором телку. Взял домой и вырастил. А сосед теперь говорит, что это его телка.

— Это моя телка! У меня была корова. Она семь лет не телилась. А на восьмой отелилась. Жена посмотрела теленку в зубы и сказала, что он не вырастет. Ну, я и выбросил его. Это моя телка!

Пан подумал, подумал и говорит:

— Ну, вот что: загадаю я вам три загадки. Кто отгадает, того и телка будет. Отгадайте-ка вы, что на свете жирней, кто богаче и что быстрее всего. Кто отгадает, тому и телка.

Пошли мужики домой. Бедный вошел в хату и заплакал.

— Вот, женушка, вот, моя доченька, дал нам бог телочку, и ту богач отнимает. Пошли мы к пану, загадал он три загадки, кто

отгадает, того и телка будет. Да еще прибавил: где вам, дуракам, отгадать: не отгадаете!

Девочка и спрашивает:

— Скажи же, батюшка, какие пан загадки загадал?

Бедняк рассказал. Девочка подумала и говорит:

— Э-э, батюшка, ложись-ка спать! Утро вечера мудренее. Завтра будем отгадывать.

А богатый пришел домой и хвастает:

— Ну вот, жена, теперь телка будет нашей! Загадал нам пан три загадки, и надо их отгадать!

И рассказал он жене о панских загадках: что на свете жирнее всего, кто богаче и что быстрее всего.

Жена подумала и говорит:

— А дурак же ты! Жирней нашего кабана ничего на всем белом свете нет. И богаче нас нет никого. Мы, — говорит, — богаче всех. А быстрее нашего коня вороного тоже ничего на свете нет: как выбежит он на улицу, как помчится — орел, да и только!

Прошла ночь. Настало утро. Девочка подошла к отцу и говорит:

— Иди-ка, батюшка, к пану и скажи ему, что жирней всего земля, богаче бога нет никого и быстрее всего человеческая мысль!

Пришли оба мужика к пану, он и спрашивает их:

— Ну как, отгадали?

Богатый сейчас же и говорит:

— Э, пан, чего там угадывать: жирней всего мой кабан, богаче меня никого нет, а быстрее всего мой конь вороной!

— Ну, а ты что скажешь? — спрашивает пан бедняка. — Угадал?

— Да будто бы отгадал, паночек: жирней всего земля, богаче всех бог, а быстрее всего мысль человеческая.

Пан тут как закричит на богатого мужика:

— Плут ты, плут! Так ты богаче меня? Пошел вон отсюда!

А у бедняка спросил:

— Кто же это тебя надоумил?

— Дочь моя, Семилетка, научила. Она родилась в то же время, когда я теленка нашел. У жены моей семь лет не было детей, а у соседа корова семь лет не телилась.

Пан выслушал мужика и говорит:

— Ну, ладно, иди с богом: телка твоя!

Он и ушел.

Однажды пан заехал в ту деревню, где жил бедный мужик. И захотелось пану узнать, что это за девочка, которая так легко разгадала его загадки. «Должно быть, какая-то особенная, наверно, умница?» — подумал пан. Подъехал он к хате бедняка. Хозяина дома не было, а хозяйка в поле работала. А дома только дочка, Семилетка, была. Вот пан и спрашивает ее:

— К чему мне лошадь привязать, девочка?

А она ему в ответ:

— Хоть к зиме привяжи, хоть к лету!

Пан стоит, глаза вытаращил: никак не поймет, что такое зима, что такое лето?

Она тогда и говорит:

— Ну, хоть к телеге привяжи, хоть к саням!

Повертелся пан около хаты, поглядел вокруг, девочкой полюбовался: умная, красивая какая! Подумал и говорит ей:

— Скажи-ка своему отцу, чтоб вечером пришел ко мне.

Когда отец вернулся домой, Семилетка ему сказала:

— Вот что, батюшка: был у нас пан и приказал, чтобы ты пришел вечером к нему.

Мужик пошел к пану. Пан и говорит:

— Да, хорошая у тебя дочка, умная. Вот тебе лукошко яиц. Скажи ей, чтоб посадила на них наседку и чтоб к утру вывела мне цыплят на завтрак.

Идет мужик и плачет.

— Ты что, отец, плачешь?

— Да вот, доченька, задал пан задачу: чтобы ты на эти яйца наседку посадила и за ночь цыплят вывела пану на завтрак.

Подумала девочка и говорит:

— Бери-ка, мама, яйца, разбей их, сделай яичницу и ложись спать: утро вечера мудренее.

Прошла ночь. Поутру Семилетка и говорит отцу:

— На-ка, отец, тебе горшочек, скорее иди к пану и скажи, чтобы лядо поскорее вырубил, взмотыжил его да просом засеял, обмолотил и пшена в этот горшочек насыпал цыплят кормить.

Пошел мужик к пану. Пан выслушал его и сказал:

— Хорошо! Умная у тебя дочь. Скажи ей, чтобы она не пешком пришла и не на лошади приехала, не голая и не в рубашке и подарок мне принесла бы такой, чтобы я им не попользовался. Если она все это выполнит, то замуж возьму, а не выполнит — голову сниму!

Пошел мужик домой и плачет. Вошел в хату и говорит:

— Вот, доченька, наделала ты хлопот: приказал пан, чтобы ты не пешком к нему пришла, не на лошади приехала, не голая и не в рубашке и подарок принесла бы такой, чтобы он не попользовался им. Если исполнишь — замуж возьмет, не исполнишь — голову снимет!

— Ну, батюшка, поймите мне зайца!

Сняла Семилетка платье, завернулась в рыболовную сеть. Села верхом на палочку и поехала к пану. И зайца с собой прихватила. Вот подъезжает она к панскому дому. Пан вышел на крыльцо. Видит — дело плохо, Семилетка выполнила его наказ, придется ему жениться. И решил пан затравить Семилетку собаками. Кинулись собаки к ней, а она возьми да и пусти зайца на дорогу. Собаки за зайцем, а она к пану на крыльцо.

— Здравствуй, паночек!

Нечего пану делать, придется жениться на Семилетке. Позвал он ее в дом. Справили Семилетке панское платье. Поженились они и стали жить-поживать.

Прожили сколько-то, поехал пан в чужие края, а жене наказал: — Смотри, жена, пока меня здесь не будет, крепостных судить не смей, иначе ты мне не жена, а я тебе не муж!

Сказал так и уехал.

Семилетка осталась одна. Много ли, мало ли прошло времени, и случилось так: два мужика пошли на ярмарку. Один купил телегу, другой — кобылу. Возвращались домой, кобыла в дороге ожеребилась. Один мужик и говорит другому:

— Мой жеребенок: это моя телега ожеребилась.

Ругались они, ругались и пошли к жене пана.

Пришли они к Семилетке.

— Чего вам, мужики?

— А вот рассуди нас, пани.

— Как это вас рассудить? — спрашивает она.

— Да вот ожеребилась моя кобыла, а он говорит, что это его телега ожеребилась и что жеребенок его.

Семилетка выслушала их и сказала:

— Хотя мне пан и приказал, чтоб я никого не судила, но я все-таки вас рассужу. Отпряги-ка ты свою кобылу и веди ее домой, а ты потащишь свою телегу. За кем жеребенок побежит, того он и будет.

Мужик выпряг лошадь и повел ее домой, жеребенок побежал следом, а телега стоит! Тащи, говорят ему, на себе телегу.

Он и потащил. На этом весь спор и кончился.

Возвратился пан. Узнал он, как жена рассудила споривших мужиков, и говорит:

— Как же это ты, моя милая, смела послушаться? Я тебе одно, а ты другое, убирайся-ка от меня. Бери из дома что тебе милей, что больше нравится, и ступай, чтоб я тебя больше не видал!

— Ну что ж, друг мой любезный, если нам с тобой больше не видеться, так на прощанье вина выпьем.

Напоила пана допьяна, пан крепко-накрепко уснул. Тут Семилетка приказала поскорей запрячь лошадей, положить пана в карету, села сама и поехала к отцу, к матери. Приехала в родной дом и уложила спящего пана на нары.

— Вот тебе: вытрезвляйся! А ты, отец, приготовь-ка топоры да мотыги: будем завтра лес вырубать.

Пан проснулся, глядит кругом, своим глазом не верит.

— Где это я, что это, душечка, ты наделала?

— А что ты, душечка, велел, то я и сделала. Ты мне милей всего, вот я и взяла тебя с собой. Отправляйся-ка с отцом в лес лядо под пашню расчищать!

— Нет, душечка, садись в карету и поедem в имение и будем жить, как жили.

И я там был, мед-вино пил и сам чуть не заснул, как этот пан.

ПРАВДА И КРИВДА

Жили себе два брата, и занимались они торговлей — гоняли корабли с товарами. Вот плывут они однажды по морю и большой спор промежду собой ведут. Старший говорит:

— Моя жизнь лучше! Я хитрю да виляю, людей за горло хватаю, оттого и чаек попиваю, а ты с правдой дружен, у тебя нет хлеба на ужин.

А младший говорит:

— Нет, моя жизнь лучше!

Спорили, спорили, никак друг друга не переспорят.

— Ну, пушай, — говорят, — тот, кого встретим на море, наш спор решит, как он рассудит, так и будет.

Едут дальше и встречают пана. Рассказали ему о своем споре. Старший говорит:

— Я кручу да виляю, людей за горло хватаю, вот и чаек попиваю, а он неправды сторонится, без ужина спать ложится.

— Верно, — говорит пан, — кто неправды сторонится, всегда без ужина спать ложится.

Так старший брат с паном осудили младшего брата и порешили отнять у него все дочиста товары, чтобы не досталось ему ничего. А пана старший брат принял к себе за товарища. Посадили они младшего брата в легкую лодку, отвезли на остров и оставили там. А потом спохватились: «Будет идти другое судно, он догонит нас, если видеть будет. Пойдем выколем ему глаза, он не увидит, куда мы поедem». Вернулись они на остров и выкололи глаза меньшему брату.

Ползал-ползал бедняга по острову и, наконец, забился под старый дуб. Настала ночь. Слышит слепец, кто-то прилетел и сел на дуб, а потом другой, и третий, и еще, и еще. И давай друг перед другом выхваляться.

Один говорит:

— Вот что я натворил. Сегодня брат брату глаза выколол.

А другой:

— Это верно, если бы сидел он здесь поблизости да слышал, встал бы раненько, начал росу собирать да глаза мазать, то и прозрел бы! Вот я помудреней штуку придумал. Мужики начнут гать гатить, плотину насыплют, целый месяц трудятся, а я за один час ее прорву!

— Так, — говорит третий, — да только, если бы он был здесь да слышал это, — затесал бы он кол с тонкого конца, да настриг бы шерсти из-под правой ноги годовалого черного барана, да прибил кусочки шерсти к тому колу крест-накрест, да как только ты начнешь плотину рвать, бросил бы он в самую водоверть этот кол, ты бы сразу плотины рушить закаялся. Вот я так помудреней беду сотворил, королевскую дочь ума лишил: она рубахи на себе рвет да ест, людей ест. Засадили ее в темницу, только одно двухвершковое окошечко в стене.

А четвертый говорит:

— Так, так, да только если бы здесь сидел кто-нибудь да слышал тебя, взял бы он нашего старшего ковер, разостлал бы и сказал: неси меня в брынский лес, в пустыню, да взял бы там крест, да полетел бы к дочери короля, да благословил бы ее тем крестом, тогда сам ты, как безумный, в тюремное двухвершковое окошко продирался бы, продирался, да всю шкуру свою и ободрал бы.

Тут запели петухи, с дерева все поднялись и улетели.

Вылез слепец и начал собирать вокруг дуба росу да промывать глаза — и сразу прозрел. Увидал он ковер, сел на него и говорит:

— Ковер мой любый, неси меня в пустыню!

Принес его ковер в брынский лес к монаху-отшельнику. Рассказал купеческий брат отшельнику все, что слышал. Отшельник дал ему простой медный крест. Простился младший брат, сел опять на ковер.

— Ковер мой любый, неси меня туда, где вода плотину прорывает!

Ковер и понес. Спустился возле большой плотины, подходит к мастерам.

— Что у вас слышно?

— Ничего не слышно, только вот нечистая сила плотину рвет.

— Я сделаю так, что не будет рвать, если дадите сто рублей.

Дали ему сто рублей. Отрезал он шерсти у годовалого барана, затесал кол с тонкого конца, прибил к нему шерсть и ждет. Вот плотина уже готова. Вдруг что-то забурлило в воде и начало рвать плотину. Размахнулся он и швырнул кол в самый водоворот. Кто-то аж завизжал в воде, а плотину сразу перестало рвать.

Опять разостлал ковер справедливый человек.

— Ковер мой любый, неси меня туда, где обезумела королевская дочь.

Ковер и понес. Остановился верстах в трех от города. Пошел он пешком в город. Попросился в одной хате ночевать и спрашивает хозяина:

— Что у вас слышно?

— А то слышно, что совсем обезумела королевская дочь. До нас вести дошли, что, если бы вылечил ее кто-нибудь, король принял бы того человека себе в зятья.

— Э, я сразу бы ее вылечил!

Не успел он переночевать, а слухи дошли уже до короля, что есть такой человек, который берется вылечить королевну. Пришли солдаты, окружили дом, в котором ночевал захожий человек, и взяли его. Привели туда, где была королевна, отвалили завал и втолкнули. А она с распущенными волосами, голая, оскалила зубы и бежит к нему. Купец и благословил безумную крестом. Выскочил из королевны бес и ринулся в двухвершковое тюремное окошечко, так полез, аж темница затрещала. Едва вышел из королевны бес — ей стало стыдно, она упала ниц перед своим спасителем. А он накинул на нее свою одежду, она оделась, и вышли

они на улицу обнявшись и пошли в дом короля. Нарядилась королевна, и пошли в церковь, повенчались, и купец стал королевским наследником.

Вот спустя некоторое время пригоняет ему брат корабли с товарами и приходит в его дом. Младший брат словно забыл все и принял брата-купца, как полагается принимать гостя. Старший брат угощается и все выспрашивает: как ты сюда попал?

— Есть у меня такой ковер, — отвечает младший брат, — куда скажешь, туда он и несет.

Купец отдал брату корабли с товарами, а тот взамен подарил ему ковер. Уселся купец на ковер.

— Ковер мой любимый, неси меня туда, где ты был.

Ковер принес купца под старый могучий дуб. Наступила ночь. Снова прилетели на дуб те самые и говорят:

— Тот человек, которому брат глаза выколол, стал уже королем. А каково-то тебе было, когда ты плотину рвал?

— Э, братцы, только я стал воду вертеть, он как хватит меня колом по голове, я целых полгода лечился. А каково тебе было после того, как ты королевну испортил?

— Э, братцы, только вошел он в темницу да благословил ее крестом, — я бросился в окошко, продирался, продирался, всю кожу на себе ободрал, целый год лечился.

— А ну-ка, братцы, спустимся, посмотрим, не подслушивает ли он нас?

Спустились, а купец сидит. Ну, они и разорвали его на мелкие части...

МУЖИК, ЕГО ЖЕНА И ПАН

Жил бедный мужик. У него была жена, глуповатая да еще и пьяница.

Однажды мужик поехал с женой на базар. День был туманный. Впереди них ехал барин, у которого они работали на барщине.

У барина из кареты выпал сундучок с деньгами. Мужик это заметил, остановил лошадь, взял сундучок, отнес в лес, закопал, а сам сел на телегу и поехал дальше.

Приехали они в одно местечко и зашли в корчму, мужик начал угощать жену водкой и так ее споил, что она уже на ногах не держалась. Тогда мужик пошел на базар, закупил полный мешок булок и баранок и запрятал в телеге.

Потом вернулся в корчму, и поехали они домой. Едут, видят свиньи пасутся. Жена была пьяная и не разберет, кто там ходит, вот она и спрашивает у мужа:

— Кто там ходит?

Муж отвечает:

— Это ксендз второй раз женится.
Поехали они дальше, а жена снова спрашивает:
— Какой сегодня праздник?
Мужик отвечает:
— Конопелька.
Жена удивилась:
— Ах, неужели правда сегодня Конопелька!
Приехали они домой. Жена крепко заснула. Мужик взял и разбросал булки и баранки по двору.
Проснувшись, жена стала спрашивать:
— Что это?
— Недавно прошла пироговая туча,— отвечает муж.— Теперь хватит нам хлеба на три месяца.
Прошло немного времени, жена и спрашивает:
— Где те деньги, которые ты нашел?
Муж начал отпираться, что не находил никаких денег, а упрямая жена знай твердит свое:
— Нет, ты нашел деньги!
Муж рассердился, поколотил жену и приказал ей никому об этом не рассказывать.
Жена пошла в корчму, напилась там пьяная и обо всем рассказала.
Этот слух дошел и до барина. Тогда он позвал и мужа, и жену, и всех, которые слышали рассказ жены, и спрашивает у этих баб:
— Откуда вы слышали?
Они ответили.
Пан спросил жену мужика, а она отвечает:
— Бог дал, нашел он деньги.
Он спрашивает:
— А когда это было?
— Было это в праздник Конопельки, когда ксендз женился во второй раз и когда шла пироговая туча.
Пан рассмеялся, а мужик ему и говорит:
— Слышишь, что она, глупая, болтает? Ни праздника Конопельки не бывает, и ксендз второй раз не женится, и пироговые дожди никогда не идут.
Пан посмеялся да прогнал бабу, а деньги мужику остались.

М Е Н А

Жили-были дед да баба. Посадили они под нарами боб. Рос, рос боб — вырос до самых нар. Пришлось им нары разбирать.

Рос, рос боб — вырос до самого потолка. Пришлось им потолок разбирать. Рос, рос боб — вырос до самого неба. Поглядел дед на бабу и говорит:

— Полезу по стручку на небо.

И полез. Лез, лез и влез на самое небо. Там ему бог подарил золотую пятерку. Взял дед пятерку и пошел домой.

Видит: пастухи пасут лошадей.

— Здравствуй, дяденька, где ты был?

— На небе, у господ бога!

— Что тебе бог дал?

— Золотую пятерку!

— Поменяй нам ее на лошадку.

Дед согласился, уселся на лошадку и едет дальше.

Видит: пастухи пасут волов.

— Здравствуй, дяденька, где ты был?

— На небе, у господ бога!

— Что тебе бог дал?

— Золотую пятерку!

— А где же она?

— Променял на лошадку.

— Променяй нам лошадку на волика.

Дед согласился, взял вола и отправился дальше.

Видит: пасут баранов.

— Здравствуй, дяденька, где ты был?

— На небе, у господ бога!

— Что тебе бог дал?

— Золотую пятерку!

— А где же она?

— Променял на лошадку.

— А лошадка где?

— Променял на волика!

— Променяй нам волика на барана.

Дед променял, взял барана и отправился дальше.

Идет и видит: пасут индюков.

— Здравствуй, дяденька, где ты был?

— На небе, у господ бога!

— Что тебе бог дал?

— Золотую пятерку!

— А где же она?

— Променял на лошадку!

— А лошадка где?

— Променял на волика!

— А волик где?

— Променял на барана!

— Променяй нам барана на индюка.

Дед променял барана на индюка и отправился дальше.

Идет, идет и видит: дети играют на улице, на хворостинах верхом катаются.

— Здравствуй, дяденька, где ты был?

— На небе, у господ бога!

— Что тебе бог дал?

— Золотую пятерку!
 — А где же она?
 — Променял на лошадку!
 — А лошадка где?
 — Променял на волика!
 — А волик где?
 — Променял на барана!
 — А баран где?
 — Променял на индюка!
 — Променяй нам индюка на хворостинку.
 Дед согласился, променял индюка на хворостинку и приехал на ней домой. А баба и спрашивает:
 — Ну что, был ты на небе у господа бога?
 — Был.
 — Что же тебе бог дал?
 — Золотую пятерку!
 — А где же она?
 — Променял на лошадку!
 — А лошадка где?
 — Променял на волика!
 — А волик где?
 — Променял на барана!
 — А баран где?
 — Променял на индюка!
 — А индюк где?
 — Променял на хворостинку!
 Тут баба рассердилась и давай хворостиной деда бить. На-
 смерть забила и под шестком спрятала.

СТАРЫЙ БАТЬКА

Верно говорят люди: что край, то обычай, что село, то нрав, а что голова, то ум.

В одном месте был обычай добивать старых людей, чтобы они хлеб даром не ели, коли работать не могут.

Бывало, они и сами просят, чтобы их добили, так им тяжело глядеть, ждать, покуда им дадут поесть или попить.

Жил один старик. У него было много детей, и все удалые да добрые. Совсем состарился отец, а сыновья его слушаются, за ним ухаживают.

Вот и давай соседи приставать, чтобы они убили своего батьку-дармоеда, потому что он стар и ни на что не годен. Жаль детям стало старенького батьку. Спрятали они его в погреб и носят ему туда есть да пить. Долго жил старенький в погребе. Лежит он на соломке, богу молится, а как уйдут соседи на работу, он вылезет

из погребца, посмотрит на ясное солнышко, прогреется и снова в погреб спрячется. Малые внуки да правнуки носят ему ягоды, а он ест да сказки им рассказывает. А то забегают к нему молодичи или девчата, поют ему песни да голову чешут. А сыновья, уже бородатые, часто приходят к нему потолковать о хозяйстве да поспросить старого: когда и где что сеять, как лучше обрабатывать поле, как ухаживать за скотом.

Старенький все им расскажет, всему научит. Живет себе старенький батенька, а дети и внуки радуются.

Вот в том краю настал великий голод. Пропал весь скот. Люди стали с голоду пухнуть да животами мучаться. Понесли дети старенькому батеньке последний кусок хлеба, а он и говорит им, чтоб они содрали с крыши солому и обмолотили ее. Послушались дети старенького, содрали с крыши старую солому и давай ее молотить. Глядят, а на току столько зерна, что хлеба до будущего урожая хватит. Спрашивают соседи: откуда у них хлеб?

Те рассказали, что это их отец научил, которого они в погребе прячут.

Пошли все соседи к старенькому в погреб и вынесли его оттуда на руках. Долго еще после этого жил старенький.

Вот с тех пор и перестали в том краю стариков убивать, а начали о них заботиться, ухаживать и уважать.

ВОДА ПОМОГЛА

Жаловалась одна молодича, что ей от мужа житья нет. Как только они сойдутся, так сразу же ругаются и проклинают друг друга, а потом муж и бить ее примется. Так повелось у них почти каждый день.

Терпела, терпела молодича и пошла искать людей, чтобы помогли ее горю. Сколько знахарок обошла.

Как только она ни заговаривала! Ничего не помогало! Пуще прежнего бил ее муж. Раньше муж не бил, а как с женой начал ругаться, так и запил. Ходила молодича к святым местам молиться, семь пятниц постилась, давала мужу пить зелье, но и это не помогло. Пуще прежнего бил ее муж.

Посоветовали люди молодиче сходить к одному дедку. Жил тот дедок недалеко от села, у самой переправы. Ловил он рыбу и перевозил людей на лодке. Этим и кормился.

Вот пришла к нему молодича и жалуется на свою беду. Старик выслушал ее, дал бутылку воды и сказал:

— На это зелье. Как придет хозяин домой, намери этого зелья в рот, только не глотай, а все время во рту держи. Муж тебя не только бить перестанет, уважать будет.

Поблагодарила молодича старика и отправилась домой.

Только вошел муж в хату, а она сразу же набрала в рот воды, держит ее там и молчит. Так прошел день, другой, целая неделя, а муж и пальцем ее не трогает. Радуетса молодлица. Зелье хвалит.

Только вода в бутылке кончилась, и снова они начали ругаться да драться.

Опять пошла молодлица к старику просить зелье. Дал старик ей воды.

Вот и в третий раз пришлось идти молодлице к старику за водой. А старик и говорит ей:

— Эх, молодлица, молодлица, неужто ты не видишь, что это простая вода! Она-то тебе и помогла. Наберешь ты ее в рот и молчишь. Недаром говорят: «Набравши в рот воды, слова не скажешь!» А если ты молчишь, то и мужу приходится молчать. Знаешь ли ты, что бабу бьют за язык. Говорят: «За губу да по губе». Вот поди с богом да не перечь своему хозяину, лучше промолчи, и все будет ладно.

С тех пор зажили они мирком да ладком.

СМЕРТЬ

Жили-были дед да баба. Жили они очень долго, а им казалось, что прожили мало.

Пока бог давал здоровья, им жилось так, что они и не замечали, как время шло, вот и казалось им, что жизнь у них была короткая. Под старость начало все болеть: кости трещат, спину ломит, руки и ноги ноют, кашель душит, глаза не видят, уши не слышат, да и в еде вкуса нет. Есть хочется, а положи в рот хоть меду — душа не принимает.

Охают да стонут дед с бабой. Тяжело им жить на старости лет без подмоги.

Были у них и детки, и внуки, да все померли. Вот и пришлось им вдвоем век коротать.

Один лежит на печи да жалуется, что бог смерти не дает. Другой стонет на постели и бога ругает, что тот и молодых людей прибирает, а на старости лет и умереть нельзя, место освободить.

Совсем одряхлели дед с бабой, а все живут и живут. Вот как-то к лету вышли дед с бабой из хаты, сидят на завалинке и на солнце греются.

На улице куры копошатся, свиньи роются, в лужах купаются, гуси траву через плетень щиплют, дети песок пересыпают да олады лепят.

Солнце печет, а дед с бабою в шубах сидят, да и то им холодно.

Подошел к ним сосед и спрашивает про здоровье.

— Ой, какое наше здоровье,— отвечает дед.— Чем так жить — лучше в земле гнить, да бог смерти не дает.

— Эх, дед, — говорит сосед, — не грехи! Жить горько, а помирать еще горше.

Тут баба стала жаловаться, что бог от них отступился, не дает смерти, не опрастывает землю. Откуда ни возьмись подбежал к соседу его сынишка и давай ласкаться да просить:

— Батенька, сделай мне хатку!

— Ладно, сынок, сделаю тебе хатку, — отвечает отец и гладит сына по кудряшкам.

Баба повеселела и тоже приласкала мальчика. Взглянул дед на бабу и вспомнил, как она своих детей нянчила. И так стало радостно ему, что он и сам приласкал мальчика.

Вот начал сосед из щепок хатку строить, а дед с бабой сидят на завалинке, посматривают на его сынишку да слушают, как он щебечет.

Вдруг подошел к бабе гусь и давай ее за шубу щипать.

— Чего он привязался? — спрашивает баба.

А сосед и говорит:

— Это за тобой смерть пришла.

Испугалась баба, гонит от себя гуся и кричит:

— Иди к деду!

А дед кричит:

— Иди к бабе!

Вот они и гоняют гуся один к другому — никому помирать не хочется.

Засмеялся сосед, отогнал гуся и говорит:

— Жить горько, а помирать еще горше.

ПУСКАЙ

Ленивый был мужик Алекса, нерадивый. Бывало, соседи скажут ему:

— Алекса, что ты не залатаешь дырки в стрехе? Видишь — хата течет!

А Алекса посасывает себе люльку и отвечает:

— Пускай течет.

Или скажут:

— Алекса, не видишь, что ли, свиньи лазят в огород!

— Пускай лазят, — отвечает он.

Пошел раз Алекса в лес лыко драть, забрался в самую чащобу, дерет и не видит, что стражник крадется. А тот тихохонько подкрался сзади и хватъ Алексу за руки. Крутился-крутился Алекса — ничего не помогает: держит стражник как клещами. Стал тут Алекса ругать его на чем свет стоит.

Слушал-слушал стражник, сперва молчал, а как стал Алекса его мать поминать — не стерпел, привязал его к дереву и ну дубасить его лыками. Полосовал-полосовал, да и говорит:

— Ну, гад, подыхай тут, в лесу, а коли кто случаем забредет сюда, так скажи, что привязал тебя Пускай.

Ушел стражник, попробовал Алекса отвязаться, да не тут-то было: крепко-накрепко прикрутил его стражник. Тогда он стал кричать так, что не приведи бог. Случились тут поблизости хлопцы, услышали, что кричит кто-то, и пошли на голос через чащу. Подходят к Алексе, спрашивают, кто его привязал, а он в ответ:

— Пускай привязал.

Плюнули хлопцы и пошли дальше. Стоит Алекса, плачет, а тут, как назло, комарье одолело — глаза выедаёт. Он снова давай кричать, звать людей на помощь.

Услыхали пастухи, может, думают, кого-нибудь медведь дерет; бегут на крик и видят — стоит Алекса под деревом и только головой мотает. Глянули они поближе, а человек-то к дереву привязан!

— Кто это тебя, дяденька, к дереву привязал? — спрашивают.

— Пускай привязал! — отвечает Алекса.

Хотели было и пастухи оставить Алексу, как был, но тот снова начал кричать:

— Помогите, кто в бога верует, отвяжите руки!

— Хвороба на твою голову, — говорят пастухи, — почему ж ты сразу не хотел, чтобы мы тебя отвязали и говоришь «пускай привязал»?

Отвязали пастухи Алексу, ухватил он свой топорик, кинулся в кусты, как волк, прямо к дому.

С той поры перестал Алекса что ни слово говорить «пускай».

КУЗЬМА

На свете всего наживешь
и Кузьму батькой назовешь.

(Присказка)

Женился Кузьма совсем еще молодым. Жену себе взял молодую, здоровую да управную. Да не было Кузьме от нее житья. Что бы он ни сделал — все неладно. С кем бы ни заговорил — она тут как тут, начнет болтать, будто горох сыплет.

Родился у них сын.

И чего только не натерпелся Кузьма от жены!

Сын подрос, а она батьку к нему и близко не подпускает. Растет сын и никого не слушает.

Научила его мать, чтобы он не звал Кузьму батькой.

Бывало, сын скажет: «Кузьма, иди пахать! Кузьма, загони свиней!» — а батькой никогда не назовет. Горько Кузьме, да ничего не поделаешь. Люди смеются: «Дурак Кузьма! Сначала жен-

ка на его горбу ездила, а теперь сына вырастил, да и гнется перед ним в дугу».

Поехал раз Кузьма с сыном за сеном. Навили они большие возы и отправились домой. Мороз был небольшой, дорога ровная и легкая. Влезли они на возы, да и едут помаленьку. Пока ехали болотом, дорога была гладкая, а как подъехали к лесу — пошли ухабы.

Слез Кузьма с воза, идет да на выбоинах свой воз поддерживает. А сын лежит на возу и командует.

— Кузьма, вон ухаб, поддержи мой воз; переведи кобылу на ровное место, а то воз перевернется.

Поддержал Кузьма свой воз на ухабе, а воз сына лег набок. Полетел сын с воза, упал в снег и обругал Кузьму.

Подняли они воз и поехали дальше.

Вдруг на повороте воз сына снова накренился.

Подбежал сын к возу сбоку и уперся в него плечом, не смог удержать и упал в снег. Тут воз опрокинулся и прямо на него.

— Кузьма, — кричит из-под воза сын, — подними воз, а то не вылезу, задохнусь!

Молчит Кузьма. Достал трубку, вынул из кармана кисет с табаком и давай закуривать. А сам про себя думает: «Лежи, коль не хочешь назвать меня батькой».

Долго звал сын Кузьму, да тот откликаться не хотел. Понял сын, что не вылезти ему из-под воза, и давай просить:

— Батька, подними воз!

Рад Кузьма, что сын назвал его батькой.

Поднял он воз и освободил сына.

Поднялся сын, отряхнул снег, да и говорит:

— На свете всего наживешь и Кузьму батькой назовешь.

Вот с той поры и пошла присказка, что на свете всего наживешь и Кузьму батькой назовешь.

БРАТЯ И ГОСТИ

Жили-были два брата, жили как бог дал. Приехали раз к ним гости. Гостят они день, два, гостят неделю, а потом и на другую напрашиваются.

Братья и говорят промеж собой: «Что это за гости? Ну, погостили бы день, два, а то живут вторую неделю, едят да спят, а работать не хотят. Как бы их выпроводить?»

Думали они думали, как быть, и надумали затеять драку. Пошли на гумно молотить, молотят, а сами слово за слово и давай ругаться, а потом и драться. Младший брат и закричал:

— Злодей ты, давай мне половину!

Поругавшись, братья поделили все, что имели. Поделили они и гостей. Старший взял одного, а младший — другого.

Вот подходит обед. Старший брат, который был добрее, постарался на совесть и приготовил для своего гостя хороший обед. Было у него все: и миска мяса, и колбасы, и, будь она не-ладна, бутылка водки.

А у младшего ничего не было. Только наварил он щей, да и то постных. Сидит, а самому и на стол нечего подать.

Вот младший брат и говорит своему гостю, чтобы он взял у старшего кусочек колбасы. Только гость взял, а старший брат — трах его ложкой по лбу.

Тут младший брат и говорит:

— Как! Ты моего гостя будешь ложкой по лбу бить? Уж если ты моего ложкой, то я твоего — половником!

— А-а! — закричал старший брат. — Ты моего бьешь половником? Так я твоего кочергою, — да как стукнет того кочергою по спине.

— Ах ты мошенник! — начал ругаться младший брат. — Чтобы тебя холера взяла! За что ты так сильно ударил моего гостя? Ему аж небо с овчинку показалось.

— Вот тебе за братнего гостя, — а сам ухватил гостя за чуб да и выбросил за порог.

Тут младший брат своим чередом за другого гостя принялся. Так они их и выпроводили.

ОТ ПЬЯНСТВА ВСЕВОЗМОЖНЫЕ ГРЕХИ

Спасался один угодник. Бог ему сказал:

— Сделай один из трех грехов: или говядины наешься, или вина допьяна напейся, или человека убей.

Угодник согласился:

— У пьяным напьюсь.

А как только напился пьяным, то и говядины наелся и человека убил.

НЕБЫЛИЦА

Ты мальчик! Ты молокосос!

— Нет, я вместе с дедом рос: мамка была в девках, батька — холостой. Жили мы богато: семь было кошек дойных да два кота убойных. Масла кринку насбирали да лошадьми топтали! У нас кобыла была жеребая, да жеребенка не увидали, в масле затоптали! Масло расковыряли — жеребенка достали. Жалко было же-

ребенка: жеребенок был велик. Лошадей было помногу — четверка, и все добрые. Кобыла машистая по три версты в сутки шастала, Пегая со двора не бегала. Палавая выездит весь двор, не уставая. Был конь с побежкой — его погоняли долбежкой. Припашек хлеба был большой. Возле угла рожь засевали, у порога мешки расставляли. Урожай был богатый: наклали на кожух целый стог снопов. Откуда ни возьмись кот: как прыгнул с полатей — и прямо на стог. Стог перевернулся, в ушат окунулся.

Дед мой загоревал.

Не горюй, наварим солоду, наварим пива. Сделали солод, наварили пива, позвали гостей. Дед выдолбил ковш, а я дубинку. Как стали потчевать гостей — кто раком, кто боком, так и пополз. Мы с дедом были плотники хорошие. Как начнем избу рубить, в первом венце двери прорубим, во втором окна. А на третьем венце избу заканчиваем да на старых коромыслах зарубки зарубаем.

ХОРОШО, ДА НЕ ДЮЖЕ

Я дорогой шел, я пятак нашел.

— Это хорошо.

— Хорошо, да не дюже.

— Почему?

— Пятак шербат.

— Это плохо.

— Плохо, да не дюже: я гороху купил.

— Это хорошо.

— Хорошо, да не дюже.

— Почему?

— Горох червивый.

— Это плохо.

— Плохо, да не дюже.

— Почему?

— Я кабана откормил.

— Это хорошо.

— Хорошо, да не дюже.

— Почему?

— Кабана волк съел.

— Это плохо.

— Плохо, да не дюже: я волка убил.

— Это хорошо.

— Хорошо, да не дюже.

— Почему?

— Пан шкуру отобрал.

СКОМОРОХ

Была жена хороша, а муж поплоше.

Не хочет жена с мужем жить — дружка завела получше.

Бывало, притворится она больной, пошлет мужа за зельем, и пошлет подальше, чтобы подольше побыл, а сама с дружкой пирует.

Мужик из сил выбивается, она снова прикинется больной, да еще дальше посылает, снова ему урок дает до Якова дня. Он снова принесет.

— Нет, душечка; если бы ты медвежьего молока достал, тогда бы я поправилась.

Он вышел за ворота, а там сосед стоит:

— Здорово!

— Здорово!

— Где был?

— Да ходил жене за зельем, жена моя лежит.

— Дурак, дурак, — говорит сосед, — не выбивайся ты из сил: у тебя она лежит, а выздоравливает с другими. Приходи-ка ты к нам. Мы тебя научим, как ее вылечить. У меня ночует скоморох со скрипкой, а она таких людей ищет, чтобы были с музыкой.

Пришел мужик к соседу.

Сосед посадил его в мешок, прикрыл соломой, помог скомороху взвалить мешок на плечи.

Приходит скоморох к мужику, а там пируют.

— Голубушка! Непустишь ли на ночь?

— Нет. У меня гости.

— Голубушка, я с музыкой хожу.

— А, дедушка, вот и хорошо, что ты с музыкой.

Пустила его и говорит:

— Неси мешок, в ту избу поставь.

— Нет, голубушка, я его тут в уголке поставлю.

А сам положил мешок под лавку, в уголок.

— Ну, дедушка, налаживай свою музыку. Играй, дедушка! Скоморох играет, а она пляшет да приговаривает:

Кто за молоком пошел,
Чтобы назад не пришел!

А скоморох свое заводит:

Ты слышишь, ты, солома,
Ты видишь, ты, солома,
Что творится дома?

— Да нет, дедушка, ты так играй:

Кто по яблочки пошел,
Чтоб назад не пришел!..

А хозяина сосед научил, что сделать, когда вылезет из мешка. «Сначала хворобу выгонишь: не будет тебя за лекарствами посылать».

Вылез мужик из мешка и откатал ее дружка. А жена стоит как дурочка, сложа руки.

Тут сосед говорит (а он пришел полюбопытствовать и сзади стоял):

— Что глядишь? Возьмись за нее хорошенько, выгоняй хворь.

Так мужик жену отходил, что и до сих пор она здорова.

ДУМЫ МУЖИКА - ОХОТНИКА

Жил-был охотник. Пришел он в лес, глядит — заяц под кустом спит. Охотник достал из кармана табакерку, трясет на ладонь табак, а сам думает:

«Что мне с этим зайкой сделать? Вот возьму и убью его! Обдеру, мясо — в кадку, а шкуру продам. Немалые деньги выручу! Большие деньги! А что я на те деньги куплю? Куплю я курочку! Курочка яичек нанесет. Посажу ее, она выведет цыпляток. Как только цыплята подрастут, петушков порежу, а курочек продам. Немалые деньги выручу! Большие деньги! Что я на те деньги куплю? Куплю овечку и барана. Овечка принесет ягнят. Барашков отберу и пушу на откорм, а ярочек продам. Немалые деньги выручу! Большие деньги! Что я на те деньги куплю? Куплю корабль, льну да семян и поеду на море торговать. Куплю я вотчину и буду подати собирать. Придет мужик просить отсрочки и скажет: — Паночек, будь добрый, подожди, отдам с лихвой!»

— Вон, мужик! — так крикнул, что заяц испугался и убежал.

ПАДЧЕРИЦА И ЧЕРТ

Была у мачехи дочка и падчерица. Невзлюбила мачеха свою падчерицу и надумала от нее избавиться. Посылает мачеха падчерицу в лес за чем-нибудь. Но не прошло и часа, как падчерица все-таки вернулась домой жива и здорова.

Тогда мачеха надумала: истопила баню; все пошли попариться, мачеха посылает падчерицу:

— Иди ночуй в бане!

Пришла падчерица в баню, перекрестилась и легла спать.

Только она легла, как приходит молодец молодцом. Приходит и говорит:

— Здравствуй, девушка!

— Здравствуй.

— Девушка, девушка, будь моей невестой.
 Это была нечистая сила. Она ему и отвечает:
 — Где же я буду спать? У меня нет ни перины, ни подушек!
 А черт отвечает:
 — Подожди, принесу.
 Пошел и приносит ей — господи! — и перин и подушек полную баню.
 — Ну, девушка, будем жениться.
 — Нет, — отвечает она, — не буду. У меня шубы нет.
 Вот он побежал и принес ей шубу. Очень хорошую.
 — Ну, девушка, будем жениться?
 — Как же я пойду замуж: у меня нет ни рубашки, ни юбки, ни сарафана, ни платка. Ты же видишь, что я совсем раздетая?
 Вот он сейчас же принес ей все.
 — Ну, а теперь жениться будем?
 — Как же я пойду за тебя: все люди будут холсты ткать, а у меня нет ничего.
 Принес ей ниток, вьюшек, стан.
 — Ну, теперь уж иди за меня?
 — Как же я пойду, коли у меня ни копейки денег. Сношу эту одежду, а потом и на люди не в чем выйти!
 Он сейчас же несет ей мешок денег, сколько мог донести. Тогда девушка и говорит:
 — Подожди, пока я переоденусь, а то ты такой нарядный, а я в тряпье хожу, у меня нет ничего!
 Вышла девушка за дверь и стала богами молить, чтобы петух запел. Как запел петух, так черт и провалился сквозь землю.
 Тогда она перекрестилась, прибежала к отцу и говорит:
 — Татулька родненький, запрягай скорее лошадь, я свое добро не донесу из бани. Надо привезти.
 Мачеха давай бранить падчерицу:
 — Ишь ты, негодная! Я ее на смерть послала, а она жива осталась, да еще и добра навезет из бани. Вот уж навязалась на мою голову. Куда ни пошлю — все жива.
 Батяка запряг лошадь и думает: «Господи, откуда она столько добра набрала? Страсть: и денег, и одежды, чего только здесь нет!»
 Вот привезли добро домой, мачеха прямо испугалась, сколько. И говорит своей дочке:
 — Ну, дочушка ты моя, собирайся: я тебя в баню отведу. Она дура, да и то сколько добра принесла, а ты же все поумней ее, еще больше принесешь.
 Нарядила она свою дочку, отвела ее в баню и дверь на засов заложила.
 Вот он, нечистая сила, и приходит.
 — Девушка, девушка, выходи за меня замуж!
 А она ему:
 — Нет, не пойду, непригожий ты!

Тогда он взял всю кожу с ног до головы и содрал и растелил ее на печи, а тело разорвал на части и разбросал по полу.

Ждала-ждала мачеха свою дочку, да и говорит мужу:

— Что это ее нету? Видно, добра больно много — не донесет!

Пришла сама в баню, а дочка вся разорвана на части, да кожа на печи.

Давай она плакать, что сама на смерть дочку отправила.

Плакала-плакала, ничем не поможешь, так и похоронила дочку.

СТРИЖЕНО ИЛИ ГОЛЕНО

Жил-был один бедный мужичок, и была у него очень непослушная жена. У них было несколько овец. Дождутся они осени или весны и давай их стричь; остригли, и говорит этот мужичок своей жене:

— Вот как мы оголили их!

А жена ему отвечает:

— Нет, остригли.

Мужик захотел над нею пошутить:

— Говори, что голено!

— Нет, не по-твоему будет, а по-моему: стрижено!

Спорили они, спорили:

— Говори, что голено, не то я тебя утоплю!

А жена отвечает:

— Топи, не топи, а будет стрижено!

Тогда мужик взял жену и повел ее топить. Приводит на болото и спрашивает:

— Ну, будешь говорить, что голено?

— Нет, стрижено!

Тогда мужик взял и утопил ее по колено в воду, а сам спрашивает:

— Что, голено?

— Нет, стрижено!

Мужик утопил ее по пояс и спрашивает:

— Что, голено?

— Нет, стрижено!

Утопил мужик ее по шею и спрашивает:

— Ну, что, голено?

— Нет, стрижено! — отвечает жена.

Мужик утопил ее с головой, только руки остались, а она двумя пальцами шевелит и все свое твердит.

Думал-думал мужик, как быть; да взял и утопил ее совсем.

Пришел мужик домой, а без нее еще хуже. Вот он и думает: «Пойду-ка я вытащу ес».

Взял мужик веревку и отправился на болото. Вот пришел он на болото, навязал на веревку камень и бросил его в тряси-ну.

Вытаскивает он черта.

— Кто ты такой?

— Я черт! Сделай милость, вытащи меня, а то мне тут баба покоя не дает.

Мужик вытащил его. А черт и говорит:

— Что тебе за это дать? Денег или хлеба?

Думал-думал мужик и отвечает:

— Давай хоть денег!

— А сколько тебе денег?

— Насыпь вот эту шапку! Только дай мне часик отдохнуть.

Вот черт ушел, а мужик сразу же принялся копать яму. Пришел черт и спрашивает:

— Ну, что, управился?

— Управился,— отвечает мужик.

— Ну, подставляй свою шапку!

Взял мужик шапку, продырявил и подставил ее над ямой.

— Ну, сыпь!

Черт сыпал-сыпал золото, а никак полную не насыплет.

Тогда мужик и говорит ему:

— Ну, досыпай!

— Нечем. А что ты с меня возьмешь за то, что я не до-сыпал?

— А вот что я возьму с тебя: помоги мне в одном деле. Один помещик выстроил себе громадные хоромы, да только жить в них нельзя. Вот ты мне и скажи, что делать?

— А вот что сделай: припугни чертей своей бабой, и хоромы станут твоими.

Пошел мужик к помещику, чьи хоромы.

— Я ваш дом, барин, могу исправить. Что дадите?

— Вот тебе двадцать пять тысяч.

— Ну, хорошо,— сказал мужик.

Вот пришел он в сад, вырубил там сухую яблоньку, взял ее за макушку и тащит в окно помещичьего дома, а сам кричит:

— Уходи, черт, баба идет!

А тот черт всем своим друзьям как крикнет:

— Уходите, братцы! Это та баба идет, которая нас из болота выгнала!

Черти все и убежали.

Тогда помещик, который просил мужика, позвал его к себе, дал ему что полагается, позвал священника, отслужили, что следовало. Стал он жить-поживать да добра наживать, а когда и проживать.

Я там был, мед-вино пил, по губам текло, а в рот не попало. Дали мне калача, в болоте намоча, я был смел, взял да и съел. Дали мне смык, я под ворота шмыг.

О МУЖИКЕ, КОТОРЫЙ ЛОВКО ВРАТЬ УМЕЛ

Один государь любил слушать врунов. Бывало, поставит глубокую тарелку с золотом и положит рядом меч. Если государь скажет, «ты, братец, врешь», то бери золота, если государь не скажет «что врешь» — голова прочь.

Один старик, порядочно выпивши, решился подойти к государю, не столько врать, сколько правду говорить да золото получить.

Пришел он во дворец, а там царь с вельможами пирует.

Доложили царю, что старик пришел врать для ихнего пиршества. Царь обрадовался, приказал насыпать полное блюдо золота и положить меч.

Старик начал первый рассказ:

— Поехал я вчера пахать под яровое. Лошадь моя была слабая. Вот я и отпряг ее пораньше. Лошадь покачалась-покачалась и на две части перервалась. Перед побежал домой, а зад в поле ржет.

— Врет мужик! — говорят вельможи.

А государь говорит:

— Мужик хитер: все сделает.

— Подогнал я зад к переду, сшил лыком, ракитовым колом забил, а сам лег отдохнуть. Проснулся, ракета на моей лошади выросла не так высоко, а до самого неба. Вздумал я по этой ракете лезть на небо.

Вельможи говорят:

— Врет мужик. Может ли такое дерево до неба вырасти?

А государь говорит:

— Мужик хитер: у него все может случиться.

— Пошел я по небу...

А вельможи спрашивают:

— Видал ли ты там бога?

— Видал.

— А что он там делает?

— А с учениками в карты играет.

— Врет мужик, — говорят вельможи.

А государь отвечает:

— Вы же можете со мной играть в карты, так и бог с учениками.

— Неправда, — говорят вельможи, — бог этим не занимается.

А государь отвечает:

— Мужик хитер: он все может придумать.

— Походил я по небу и вспомнил, что уже время запрягать лошадь. Хотел я спуститься на землю, да ракета на лошади подгнила и свалилась, выходит — я прогулял. Пошел я по небу и вижу: богатый мужик лопатой овес веет, да так, что мякина под небо летит. Я давай ее ловить да веревку вить.

— Врет мужик,— говорят вельможи.— Разве из мякины веревку можно вить?

А государь отвечает:

— Мужик хитер: он все может сделать.

— Потом я привязал эту веревку на небе и начал спускаться. Не долез до земли не больше ста верст: веревка коротка. Я вверху отрезал, а низ наставил.

— Врет мужик,— говорят вельможи,— как можно верх отрезать, а низ наставить? Он бы убился.

А государь отвечает:

— Мужик хитер: он все может сделать.

— Потом я полез дальше. Веревка коротка, сажений на сто. Я поленился привязывать и подумал, что можно соскочить, и попал в трясину по самую шею, вылезти не могу. Пошел в деревню, взял лопату и откопался.

— Врет мужик,— говорят вельможи,— как же он по шею увяз, да пошел в деревню за лопатой? Она ему не нужна.

А государь говорит:

— Мужик хитер: он все может сделать.

— Потом я пошел на реку, вымылся и вышел на широкую долину, где пастух пас овец. Подошел я к нему и говорю: «Здравствуй, пастух-молодец!» А он отвечает: «Я не пастух-молодец, а царский отец!»

— Врешь, братец! — закричал государь.— Мой отец не пас овец!

— Кто, ваше величество, врет, тот и золото гребет.

УРОЖАЙ В МОЗЫРЕ

Жил один человек, было у него всего много, только не было денег. Думал он, думал, где их взять, и говорит: «Пойду по свету». И пошел. Идет он дорогой и видит — мальчик боронит. Подошел он к нему и зовет:

— Пойдем, дитятко, со мною деньги искать.

Тот отвечает:

— Пойдем, дядя.

Идут они, видят усадьбу. Человек говорит мальчику:

— Ты останься здесь, а я пойду в усадьбу, будут у тебя что спрашивать, отвечай толково.

Пришел человек в усадьбу, разузнал, кто в усадьбе живет, и пошел прямо в комнаты к помещице. Помещица спрашивает:

— Откуда ты?

— Из Мозыря.

— А какой там урожай? Правда ли, что очень хороший?

— На все, барыня, хороший урожай, но лучше всего капуста уродила. Такая удалась хорошая, что с одного кочана можно двенадцать кадок наквасить.

Помещица говорит ему:

— Обманиваешь ты.

— Нет, не обманиваю, а если барыня не верит, пусть пошлет своего слугу, он там на месте посмотрит.

— А если ты врешь, что ты мне заплатишь за то, что мой человек понапрасну туда поедет?

— А если правда, что барыня мне даст?

— Сто рублей.

— А если обманиваю, останусь у вас служить.

— Ну, хорошо.

Велела помещица своему лакею поехать в Мозырь, посмотреть, правду ли человек говорит. Только лакей выехал, как встретил мальчика, который остался у дороги. Спрашивает у него лакей:

— Откуда ты, хлопче?

— Из Мозыря.

— А какой там урожай в этом году?

— Урожай хороший, а лучше всего капуста уродила: под одним листом четырнадцать человек могут от дождя спрячаться.

Вернулся лакей домой и говорит помещице:

— Встретил я мальчика лет семи-восми — не больше, он говорит, что в Мозыре капуста очень уродила: под одним листом четырнадцать человек от дождя спрячутся. А мальчик врать не будет, он совсем еще мал.

Делать нечего, отдала помещица человеку сто рублей да еще поблагодарила за то, что рассказал ей о небывалом чуде. Тот взял деньги, пошел к мальчику и говорит:

— Ну вот, уже сто рублей есть, идем дальше!

Идут они и видят другую усадьбу. Человек говорит:

— Ты останься тут, а я пойду в усадьбу. Только отвечай толково, если будут что спрашивать.

Пришел он, разузнал, кто тут живет, и пошел к помещице прямо в комнаты. Помещица его спрашивает:

— Откуда ты?

— Из Мозыря.

— А какой там урожай?

— Урожай хороший, а лучше всего тыквы уродили: одну тыкву не поднимут двадцать человек.

— Обманиваешь, — говорит помещица.

А он ей отвечает:

— Нет, я правду говорю, а если не верите, пошлите туда своего слугу, пусть поглядит на месте.

— А что я с тебя возьму, если ты говоришь неправду?

— А что ты мне дашь, если это правда?

— Я тебе дам сто рублей.

— Ну, а если неправда, я останусь у тебя служить.

Помещица велела своему слуге собираться в дорогу. Только выехал слуга, а навстречу ему идет мальчик. Слуга спрашивает:

— Откуда ты, хлопчик?

— Из Мозыря.

— А не знаешь ли, какой там урожай?

— Урожай хороший, но лучше всего тыквы уродились: такие большие, что одну тыкву двадцать человек еле-еле выкатили с огорода на улицу, да там и оставили. А тут откуда ни возьмись прибежала свинья, выгрызла в ней бок и выела все внутри. А после ехал почтальон на тройке и как влетел с разгону в тыкву, так там и ездил три дня, пока снова не выехал на дорогу.

Лакей вернулся и рассказал обо всем помещице. Делать нечего, пришлось и ей отдать сто рублей. Человек взял деньги, пошел к мальчику и говорит:

— Ну, хорошо, вот уже двести рублей есть. Пойдем теперь на большую дорогу.

Пришли. Человек говорит:

— Я лягу, а ты плачь надо мной. Люди подумают, что я умер, и будут бросать тебе деньги в шапку, чтобы было на что похоронить.

Старый лег и лежит, а мальчик сидит и плачет. Люди видят мертвого человека и ребенка, который над ним сидит и плачет, и бросают ему деньги; набралась полная шапка. А тут едет барин. Видит: лежит на дороге человек и дитя около него плачет. Слез он с повозки, посмотрел на человека и догадался, что он не умер. Взял пан свой арапник, сложил вдвое, отвернул его одежду и давай его бить арапником. А мальчик повалился на голову своего батеньки, как он уже его звал, закричал еще сильнее, приговаривая: «А, таточка, терпи, мертвое тело, будет душа спасена». Пан видит — человек не встает, вынул четыре рубля и дал мальчику, а сам сел в коляску и уехал. Встал человек и говорит:

— Ну, если бы еще хоть один раз ударил, я бы закричал.

Пошли они дорогой и пришли в лес. Едет навстречу им барин. Кучер кричит:

— Дорогу!

А они отвечают:

— Мы с брехунцами.

— Что? — спрашивает барин.

— Мы с брехунцами.

— А что это за брехунцы?

— А вот такие: если барин захочет, мы выпряжем у него пару лошадей.

— Ну, брешите, — говорит барин.

— Нет, мы так скоро не выбрешем, а вон там, где дым большой за лесом идет, там живут старые брехуны, те скоро могут выбрехать. Пусть барин отпряжет пару лошадей и даст моему хлопцу, он съездит за старыми.

Барин говорит кучеру:

— Дай ему пару лошадей, пусть съездит.

— Не нужно ему лошадей давать, — говорит кучер, — он как поедет, так и не вернется.

Отругал барин кучера и велел ему отпрячь лошадей.

Отпряг кучер, мальчик сел верхом и поскакал. Барин ждал-ждал — не везет мальчик брехунцов. Тогда старый говорит ему:

— Они его не слушают, вот если бы я поехал, я бы их скоро привез.

Барин отдал и другую пару. А человек как поехал, так и не вернулся. Наступила ночь. Слез барин со своей брички и пошел с кучером в село ночевать, а человек с мальчиком запрягли лошадей и поехали в Минск. Продали их там за двести рублей, вернулись домой, стали жить-поживать да вино попивать.

БРЕХУН И ПОДБРЕХУН

Жил бедный мужик. Было у него двое детей. Однажды он и говорит жене:

— Воровать идти я боюсь, а пойду-ка я лучше брехать. Может, кто чего даст.

Сказал и пошел. Шел-шел — навстречу ему неизвестный человек; сошлись они и разговорились:

— Здравствуй! Кто ты такой?

— Я брехун,— отвечает мужик.

— А я — Подбрехун. Возьми меня с собой.

— Пойдем, братец,— согласился мужик.

И пошли они вместе. Шли-шли, вдруг видят: стоит пень. Брехун и говорит:

— Вон, брат, волк побежал!..

А Подбрехун отвечает:

— Я двух видел, как побежали, да и то промолчал.

— Молодец,— сказал Брехун,— вот так и говори.

Пошли они дальше и видят кочку. Брехун и говорит:

— Вон там коврига хлеба лежит!

А Подбрехун отвечает:

— Я видел две лежало, да и то промолчал, тебе не сказал.

— Молодец,— сказал Брехун,— вот так и говори.

Вот идут они дальше и видят: огородники гряды готовят, хотят сажать капусту.

Тут они и говорят:

— Бог в помощь, огородники!

— Спасибо!

А Брехун и спрашивает:

— Что, большие у вас кочны родятся?

— Да, порядочные,— отвечают огородники,— с ведро и фунтов на тридцать весом.

— Это не капуста, а капустишка,— говорит Брехун.— Вот у нас капуста: рота солдат под одним листом от дождя прячется.

Сказал и вдоль огорода пошел.

Огородники удивились и спрашивают Подбрехуна:

— Что, брат, правду ли говорит этот человек?

— Как же не правду,— отвечает Подбрехун.— Когда наш огород рядом с большой дорогой был, то ехали какие-то люди шестериком в карете. Лошади разгорячились и завернули в грядки. Хотя оси кареты были железные и на винтах, как зацепилась за кочан и сломалась, а кочан целый остался.

Долго удивлялись огородники, а потом и спрашивают:

— Кто это вперед пошел — твой хозяин?

— Хозяин, а я работник,— отвечает Подбрехун.

— А что, если попросить и нас научить, как капусту садить?

— Можно, просите!

Стали просить:

— Научите и нас так садить.
— Можно, — отвечает Брехун, — только дорого стоит.
— А что тебе за работу?
— Триста рублей!
— Мы согласны!
— Давайте двести рублей задатка: мне нужно в город идти за рассадой — ваша негодна.

Огородники дали ему двести рублей задатка. Брехун пошел с Подбрехуном на огород и начал для отвода глаз грядки размерять. Брехун и говорит потихоньку Подбрехуну:

— Дождешься ночи, да уходи и ты.
Ночь прошла, и Подбрехун ушел. Встретились они.
— Ну, брат, слава богу, двести рублей есть.
Пошли они дальше и видят: огородники огурцы сажают.
— Бог в помощь!
— Спасибо!
— А что, велики ли у вас огурцы родятся?
— А порядочные, с бочонок!
— Разве это огурцы. Вот у нас огурцы родятся: в полдень из-за них солнца не видать!

Сказал и вдоль огорода пошел.

Огородники удивились и спрашивают Подбрехуна:

— Правду ли он говорит?
— Как же не правду, — отвечает Подбрехун. — Наш огород был близко от большой дороги. Один огурец рос-рос и через дорогу перерос. Проезжали господа четвериком. Лошади разгорячились, кучер не смог их удержать, а они прямо на огурец, на середину, как въехали, огурец так и проломился, и провалились в него вместе с каретой. Едва кучер успел соскочить! Сбежал он за топором, прорубил в огурце дыру, залез внутрь, а лошадей с каретой и до сих пор отыскать не может.

Огородники спрашивают Подбрехуна:

— Кто он тебе?
— Хозяин!
— А что, если попросить его и нас научить такие огурцы садить?

— Можно.

Огородники сейчас же подходят к Брехуну и просят:

— Друг, научи нас такие огурцы садить.
— Можно, — отвечает Брехун, — только дорого будет стоять.
— Что же тебе за работу?
— Тысячу рублей!
— Что ж, мы согласны!
— Шестьсот рублей задатка мне.

Огородники дали ему шестьсот рублей.

Получив деньги, Брехун пошел с Подбрехуном на огород и начал для отвода глаз грядки размерять. День провели до вечера, а ночью собрались и ушли.

Идут, а Подбрехун и говорит:

— Слава богу, восемьсот рублей достали.

Долго они шли; наконец приходят в город. Там мастера собор строят. Тут они и говорят:

— Бог в помощь вам, ребята!

— Спасибо!

— Что, ребята, собор ваш высокий будет?

— Да, порядочный, метров в сто,— отвечают мастера.

— Это не собор, а соборишка. Вот мы соборы строили под самые облака.

Пошел Брехун вокруг собора. Мастера спрашивают Подбрехуна:

— Правда ли это?

— Как же не правда? Когда мы построили в одном селе высокий-превысокий собор, а пономарев петух на самую колокольню, на верх, на крест забрался да половину месяца и склевал. (А в старину народ был простой, глупый; он их и обманул.) Мастера посмотрели на месяц: всего половина.

— Ведь правда! Не научите ли и нас такие соборы строить?

— Можно,— отвечает Брехун,— только дорого будет стоить!

— Много ли тебе надо?

— Две тысячи рублей!

— Что ж, мы согласны!

Вот Брехун и говорит:

— Тысячу рублей мне в задаток пожалуйста!

Мастера дали ему тысячу рублей задатка. Поработали Брехун и Подбрехун для отвода глаз, а как наступила ночь, ушли.

Пришел Брехун домой и Подбрехуна с собой привел.

Проходил Брехун полгода, а жена его с детьми с голоду умирают, по миру ходили и не могли прокормиться.

Тут Брехун и говорит жене:

— Вот сколько денег мой ум принес!

Жена обрадовалась:

— Слава богу! А кто это с тобой пришел?

— А это товарищ мой, помощник!

Брехун поделил деньги, дал своему товарищу часть. Они друг друга поблагодарили, и всякий на своем месте жить остался.

ПРИМЕЧАНИЯ

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ. ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Сказка о бедном и богатом братьях...

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смоленского этнографического сборника» В. Десбровольского, ч. I, 1891, стр. 625.

Куричка Рябка.

Записана в д. Перерост, б. Гомельского у., Могилевской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 70, 71; Садовников, № 50; Соколовы «Сказки и песни Белозерского края», М. 1915, № 142.

Из «Белорусского сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 1.

Котик, петушок и лисичка.

Записана в д. Пацун, б. Волковысского у., Гродненской губ. в 70-х годах XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 37—39 (конец другой: лиса съедает петуха); Ончуков, № 36.

Из «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», собр. П. Шейном, СПб. 1893, т. II, стр. 1.

Журавль и цапля.

Записана в с. Савва б. Горецкого у., Могилевской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 72.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 265.

Как козел ходил по орехи.

Записана в м. Дубровка, б. Горецкого у., Могилевской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: М. Федоровский, т. II, ч. 1, стр. 12 и 13; Афанасьев, № 60—61; Левченко, № 437, 438.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 26.

Дед, коза и звери.

Записана в гор. Борисове, б. Минской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Романов, вып. III, стр. 8; Афанасьев, № 62.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 24.

Кот, лиса, волк, медведь и кабан.

Записана в б. Гомельском у., Могилевской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 40—43; Садовников, № 52; Эрленвейн, № 32, 39; Господарев, № 77.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 3.

Волк, собака и кот.

Записана в м. Обчуга, б. Сенненского у. в 80-х годах XIX в.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 26.

Как медведь, волк и петух лисицу из заячьего домика выгоняли...

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 14.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 652.

Свинка и волк.

Записана в б. Смоленской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: Романов, вып. III, стр. 20; Афанасьев, № 51—52.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 657.

Мсть дятла.

Записана в м. Холопеничи, б. Борисовского у., Могилевской губ.

Почему волки колокольчика боятся.

Записана в м. Городня, б. Бобруйского у., Минской губ. во второй половине XIX в.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 10.

Кот и дурак.

Записана А. Е. Богданович в м. Холопеничи, б. Борисовского у., Минской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Романов, вып. III, стр. 219, 224; Афанасьев, № 164; Левченко, № 482, 483.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 128.

Козел.

Записана в д. Горивец, б. Сенненского у. во второй половине XIX в.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 7.

Как волка уму-разуму учили.

Из сборника «Белорусских сказок», сост. Якимовичем, Минск, 1948, стр. 24.

Как кошка, мышь и собака врагами стали.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 10.

Котик — золотой лобик.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 60.

Как курочка петушка спасла.

Из сб. «Белорусские сказки», сост. Якимовичем.

Пых.

Из сб. «Белорусские сказки», сост. Якимовичем.

Мальчик с пальчик.

Записана в м. Дубровка, б. Горецкого у., Могилевской губ. во второй половине XIX в.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 70.

Сирота Иван, девица-чаровница и пан.

Записана в д. Липница, б. Бродецкой вол., Игуменского у., Минской губ. во второй половине XIX в.

Ср.: Афанасьев, № 216.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 42.

Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, ч. I, вып. III.

Три брата и старик.

Записана в д. Бердибияки, б. Ельнинского у., Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 492.

Про горошинку, выросшую до неба...

Записана в д. Бердибияки, б. Ельнинского у., Смоленской губ.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 493.

Огонь в сердце, а разум в голове.

Записана в д. Чудин, б. Минской губ.

Из «Сказок и рассказов белоруссов Слуцкого уезда» А. Сержпутовского, № 41, стр. 94.

Иванка Простачок.

Записана А. Сержпутовским, в с. Б. Рожин в начале XX в. от сказочника Редкого.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 149.

Журавлиный кшиель.

Записана в с. Городище, б. Быховского у., Могилевской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: В. Добровольский, «Смол. этногр. сборник», ч. I, стр. 585; см также: Афанасьев, № 186; Худяков, № 48—49; Садовников, № 30.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 271.

Муж богоданный.

Записана в м. Холопеничи, б. Борисовского у., Минской губ. во второй половине XIX в.

Ср.: Афанасьев № 212—215.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 388.

Нареченный отец.

Записана в Полесье, Сборник Чубинского.

Любопытная жена.

Записана в с. Чигринка, б. Быховского у., Могилевской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: М. Федоровский, т. II, ч. I, стр. 38; Сержпутовский, стр. 140; Афанасьев, № 248; Худяков, № 38.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 140.

Черемшника.

Записана в с. Шоптово, б. Бельского у., Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 187; Ончуков, № 16, № 111.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 601.

Катигорошинка.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Левченко, № 471, 513, 514; Чубинский, Труды, т. II, отд. I, № 63; Афанасьев, № 133—134.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 624.

Про Ивана-дурака, про летучего старика и про лукавую королевну.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 444.

Мал-Мальшиок.

Записана в м. Старый Толочин, б. Оршанского у. в 80-х годах XIX в.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 286.

Иван-царевич.

Из «Белорусск. сборника», Е. Романова, вып. III, стр. 89.

Марья-краса.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, т. I, вып. III,

Как Илья Муромец победил Соловья Разбойника...

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Ср.: Афанасьев, № 308—309.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 397.

Об Илье Муромце.

Записана в с. Шоптово, б. Бельского у., Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Ср.: Афанасьев, № 309.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 594.

Кирила Кожемяка.

Записана в с. Иодчицы, б. Грицевичской вол., Слуцкого у., Минской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: Е. Романов, вып. III, стр. 217; Афанасьев, № 148; Чубинский Труды, т. II, стр. 129.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 170.

Братья Гадимовичи.

Записана в д. Бердибияки, б. Ельнинского у., Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 433.

Авдон Авдонович и Вадавон Вадавонович.

Записана С. Василенком от Петра Гулевича, в д. Рудня Несимковская, Чечерского р-на, Гомельской обл. в 1949 г.

Богатырь Дема.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 403.

Богатырь Фома Широкая Борода.

Записана в б. Мстиславском у. в 80-х годах XIX в.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. V, стр. 255.

Федор Набилкин и богатыри.

Записана в д. Заходы, б. Климовичского у. в 80-х годах XIX в.

Белорусск. варианты: А. Кисловский, Некоторые сведения о Климовицком и Черикосском уездах, Могилевской губ., 1853. Архив РГО, разряд 21, оп. 1, № 4.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 490—495.

Василий Пепельшика.

Записана в с. Старое Село, б. Мстиславского у. в 80-х годах XIX в.

Ср.: Афанасьев, № 135.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 123.

Про Ивана Даргана.

Записана С. Василенком от Петра Гулевича в д. Рудня Несимковская, Чечерского р-на, Гомельской обл. в 1949 г.

Искорка Парубок Девичий Сын.

Записана в б. Мстиславском у. в 80-х годах XIX в.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. VI, стр. 254.

Пану наука.

Записана в д. Чудин на Случчине в начале XX в.

Варианты: В. Добровольский, «Смол. этногр. сборник», ч. I, стр. 704; Афанасьев, № 497; Ончуков, № 223; Левченко, № 342.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 103.

Мужик и барин.

Записана в с. Святошицы, б. Горецкого у., Могилевской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Соколовы, № 44; Худяков, I—III, М. 1860, 1861, 1862, т. II, № 76.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 180.

Отчего лихо на свете.

Записана в д. Гаврильчики, б. Минской губ. в начале XX в.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 123.

Бондаревна.

Записана С. Василенком от Петра Гулевича в д. Рудня Несимковская, Чечерского р-на, Гомельской обл. в 1949 г.

Широко распространена в Белоруссии и на Украине. На этот же сюжет в народе сложены многочисленные песни. Народный поэт Белоруссии Я. Купала написал поэму «Бандароуна», в основу которой легли произведения белорусского и украинского фольклора.

Как мужик три раза барина побил.

Записана в с. Б. Рожин на Случчине в конце XIX в. от сказочника Редкого.

Варианты: П. Шейн, «Материалы», т. II, стр. 321; М. Федоровский, т. III, ч. II, стр. 150; Афанасьев, № 417.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 83.

Мужик Степан и пан.

Записана С. Василенком от Петра Гулевича в д. Рудня Несимковская, Чечерского р-на, Гомельской обл. в 1949 г.

Как барин лошадей из тыквы высиживал.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: М. Федоровский, т. III, ч. II, стр. 202; Левченко, № 637.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 708.

Ответы мужика.

Записана в б. Борисовском у., Минской губ. в 80-х годах XIX в.

Ср.: Шейн, «Материалы», т. II, стр. 319, 325, его же «Белорусск. нар. песни», М. 1874, стр. 429—430.

Афанасьев, № 412; Ончуков, № 52.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 324.

Как мужик хитро гуся разделил.

Записана в конце XIX в. на Гродненщине.

Ср.: Афанасьев, № 499.

Из сб. М. Федоровского, т. III, ч. II, стр. 149.

Писарь.

Записана в с. Лучица, б. Минской губ. в конце XIX в. от сказочн. И. Аземши.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 80.

Шемякин суд.

Варианты: Афанасьев, № 319—320; Б. Бирюков, Доровол. фольклор Урале, 1936, № 235.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 376.

Как хромой, слепой да глухой царю служили.

Записана в д. Проверженка, б. Ельнинского у.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 20.

Мужик и царь.

Записана в с. Святошницы, б. Горицкого у., Могилевской губ.

Из архива сектора фольклора ИИЭФ АН БССР.

Как Петр монастырь осматривал...

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 326; Садовников, № 25; Ончуков, № 164.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 386.

Петр и пзанный мужик.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 385.

Задачи царя Петра.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

См.: Афанасьев, № 324, 325; Ончуков, № 7, 18.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 380.

Как еср спас царя Петра.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 384.

Как Петр на охоту ездил.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 381.

Бог и мужик.

Записана во второй половине XIX в. в б. Могилевской губ.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 23.

Сотворение человека.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 281.

Сотворение мира.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 281.

Бог и угодники.

Записана в б. Витебском у. во второй половине XIX в.

Из сб. П. Штейна «Белорусск. народные песни», М. 1874, стр. 426.

Как Микола и Петр лошадей на Украине покупали.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 290.

Илья и Петро.

Записана в с. Лучица, б. Минской губ. в конце XIX в. от сказочника И. Аземши.

Варианты: М. Федоровский, т. III, ч. II, стр. 283.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 16.

По какому случаю была дана власть женищинам...

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 282.

Как Микола-угодник разнимал бабу с чертом.

Записана в м. Ветка, б. Гомельского у., Гомельской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: П. Шейн, «Материалы», т. II, стр. 399.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 10.

Как пьяница в рай попал.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 285.

Как черти пьяницу прогнали из пекла.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 11.

О святом Миколе и Егории.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 302.

Сказка про одного деда и Николая-угодника.

Записана в д. Столбки, Суражского р-на, Витебской обл. в 1936 г.

Из архива сектора фольклора ИИЭФ АН БССР.

Бог, богач и бедняк.

Записана в д. Киселевка, б. Чериковского у., Могилевской губ. в 80-х годах XIX в.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 161.

Чудотворная икона.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 162.

Как поп обманул Тараса однажды...

Записана в д. Проверженка, б. Ельнинского у., Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: П. Шейн, «Материалы», т. II, стр. 120.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 693.

Проповедь.

Записана в д. Сухополя, б. Гродненской губ. в конце XIX в.

Варианты: М. Федоровский, т. III, ч. II, стр. 204—205, 209; Ончуков, № 165.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 693.

«Святая» книжка.

Записана в д. Н. Выюнице, Козловицкого с/с., Глуцкого р-на.

Из сб. «Беларуск. народ супраць паню і рэлігіі», стр. 37.

Как человеку вдесятеро больше вернулось.

Записана в Бельницком р-не в 1936 г.

Варианты: М. Федоровский, т. III, ч. II, стр. 153; Левченко, № 231.

Из сб. «Беларуск. народ супраць паню і рэлігіі», стр. 48.

Завистливый поп.

Записана в с. Лучицы, б. Минской губ. в конце XIX в. от сказочника И. Аземши.

См. «Смол. этногр. сборник», ч. I, стр. 703.

Варианты: Афанасьев, № 258; Левченко, № 159.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 40.

То ли была у попа голова, то ли нет?

Записана в м. Вызна, б. Слуцкого у., Минской губ. во второй половине XIX в.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 311.

Мужик, пан и ксендз.

Записана в с. Лучицы, б. Минской губ. в начале XX в. от сказочника И. Аземши.

Варианты: Ончуков, № 59.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 52.

О том, как ксендзы вылечились.

Записана в с. Лучицы, б. Минской губ. в начале XX в. от сказочника И. Аземши.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 64.

Лиса-католичка.

Записана на Могилевщине во второй половине XIX в.

Варианты: Афанасьев, изд. IV, № 7, примечание.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 28.

Диво.

Записана в б. Слуцком у., Минской губ. во второй половине XIX в.

Ср.: Афанасьев, № 256; Худяков, т. III, № 99.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 165.

Черт, медведь и заяц.

Записана в м. Дубровка, б. Горецкого у., Могилевской губ.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 647.

Как мужичок черта переспорил, кто дольше пропоет...

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 649.

Великий грешник.

Записана в м. Холопеничи, б. Минской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: М. Федоровский, т. II, ч. I, стр. 236; Садовников, № 59.

а.г.д.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 371.

Без денег и на том свете спасенья нет.

Записана в б. Гродненской губ. в конце XIX в.

Из сб. М. Федоровского, т. III, ч. II, стр. 173.

О Судье Праведном, о лягушке, угре, смерти и угоднике Миколе.

Записана в с. Пречистом, б. Духовщинского у. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 310.

Нестерко.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, т. I, вып. III.

Поп и дьякон.

С. И. Василенок, «Под панскім бізуном», Минск, 1933.

Счастье и горе.

Записана в д. Яново, б. Рогачевского у., Могилевской губ. во второй половине XIX в.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 157.

Семилетка.

Записана в д. Шоломы, б. Могилевской губ. в 80-х годах XIX в.

Варианты: П. Шейн, «Материалы», т. II, стр. 197; Чубинский, Труды, т. II, стр. 611, 616; Афанасьев, № 327—328; Худяков, вып. I, № 6.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 392.

Правда и Кривда

Записана в б. Гомельском у., Могилевской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: Левченко, № 518; Чубинский, II, отд. 1, № 123.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 323.

Мужик, его жена и пан.

Записана в б. Гродненском у., Гродненской губ. в конце XIX в.

Варианты: П. Шейн, «Материалы», т. II, стр. 186, 187, 190; Афанасьев, № 441—443.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 184.

Мена.

Записана в с. Пустынки, б. Сенненского у. во второй половине XIX в.

См. Афанасьев, № 407—409.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. III, стр. 379.

Старый батька.

Записана в с. Б. Рожин, б. Минской губ. в начале XX в. от сказочника Редкого.

Варианты: Романов, вып. IV, стр. 180; Левченко, № 289.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 18.

Вода помогла.

Записана в с. Лучицы, б. Минской губ. в конце XIX в. от сказочника И. Аземши.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 44.

Смерть.

Записана в с. Лучицы, б. Минской губ. в конце XIX в. от сказочника И. Аземши.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 96.

Пускай.

Записана в д. Чудин на Случчине в начале XX в.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 37.

Кузьма.

Записана в с. Лучицы, б. Минской губ. в конце XIX в. от сказочника И. Аземши.

Из сб. «Сказки и рассказы» А. Сержпутовского, стр. 19.

Братья и гости.

Записана в б. Смоленской губ.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 320.

От пьянства всевозможные грехи.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 321.

Небылица.

Из «Смол. этногр. сборника», В. Добровольского, ч. I, стр. 322.

Хорошо, да не дюже.

Записана в м. Дубровка, б. Мсгилевской губ. во второй половине XIX в.
Варианты: П. Шейн, т. II, стр. 334, 336; В. Добровольский, ч. I, стр. 658.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 338.

Скоморох.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Ср.: Левченко, № 277—279.

Из «Смол. этногр. сборника», В. Добровольского, ч. I, стр. 143.

Думы мужика-охотника.

Записана в б. Лепельском у., Витебской губ. в 70-х годах XIX в.

Варианты: Афанасьев, № 510; Садовников, № 45; Ончуков, № 271.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 314.

Падчерица и черт.

Записана в с. Узкое, б. Велижского у., Витебской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: П. Шейн, Белорусск. нар. песни, стр. 418; К. Авдеева, Русские сказки для детей, СПб. 1860; Е. Чудинский, Русские нар. сказки, прибаутки, побасенки, М. 1864, № 13.

Из «Белорусск. сборника» Е. Романова, вып. IV, стр. 87.

Стрижено или голено.

Записана в б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

См.: Шейн, т. II, стр. 187; Афанасьев, № 439. Левченко № 251, 252.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 357.

О мужике, который ловко врать умел

Записана в д. Челищеве, б. Смоленского у. во второй половине XIX в.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 663.

Урожай в Мозыре.

Записана в Дубецкой Слободе б. Минского у. в конце XIX в.

Варианты: В. Добровольский, «Смол. этногр. сборник», ч. I, стр. 665.

Из «Материалов» П. Шейна, т. II, стр. 252.

Брехун и Подбрехун.

Записана в с. Шоптове, б. Смоленской губ. во второй половине XIX в.

Варианты: П. Шейн, «Материалы», т. II, стр. 252.

Из «Смол. этногр. сборника» В. Добровольского, ч. I, стр. 665.

К. П. КАБАШНИКОВ
С. И. ПРОКОФЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

С. И. Василенок. Об особенностях белорусских сказок	3

БЕЛОРУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ. ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Сказка о бедном и богатом братьях, волшебной курице, скатерти и дудочке. Перевел Е. Мозольков.	13
Курочка Рябка. Перевел Е. Мозольков	18
Котик, петушок и лисичка. Перевели Б. Ирнин и И. Буриштын	20
Журавль и цапля. Перевела И. Буриштын	21
Как козел ходил по орехи. Перевел Б. Ирнин	22
Дед, коза и звери. Перевела И. Буриштын	23
Кот, лиса, волк, медведь и кабан. Перевела И. Буриштын	24
Волк, собака и кот. Перевела И. Буриштын	25
Как медведь, волк и петух лисицу из заячьего домика выгоняли и как лисица ухитрилась медведя загубить. Перевели Б. Ирнин и И. Буриштын	26
Свинка и волк. Перевела И. Буриштын	27
Месть дятла. Перевел Б. Ирнин	28
Почему волки колокольчика боятся. Перевела И. Буриштын	31
Кот и дурак. Перевела И. Буриштын	32
Козел. Перевел Б. Ирнин	34
Как волка уму-разуму учили. Перевел Н. Мялик	35
Как кошка, мышь и собака врагами стали. Перевел Н. Мялик	37
Котик — золотой лобик. Перевел Н. Мялик	39
Как курочка петушка спасла. Перевел Н. Мялик	41
Пых. Перевел Н. Мялик	42
Мальчик с пальчик. Перевели Б. Ирнин и И. Буриштын	44
Сирота Иван, девица-чаровница и пан. Перевели Б. Ирнин и И. Буриштын	45
Синяя свита — Налево сшита — Соломенный колпак. Перевел А. Нечаев	49

Три брата и старик. <i>Перевели Б. Иринин и И. Буриштын</i>	51
Про горошинку, выросшую до неба, и про козочек об одном, двух и трех глазах. <i>Перевел Б. Иринин</i>	53
Огонь в сердце, а разум в голове. <i>Перевел А. Грасюк</i>	54
Иванка Простачок. <i>Перевели Б. Иринин и И. Буриштын</i>	56
Журавлиный кошель. <i>Перевели Б. Иринин и И. Буриштын</i>	59
Муж богоданный. <i>Перевел Е. Мозольков</i>	67
Нареченный отец. <i>Перевел Н. Мялик</i>	73
Любопытная жена. <i>Перевел В. Виноградов</i>	76
Черемшинка. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	79
Катигорошинка. <i>Перевел Б. Иринин</i>	82
Про Ивана-дурака, про летучего старика и про лукавую коро- левну. <i>Перевел Б. Иринин</i>	86
Мал-Малышок. <i>Перевел Б. Иринин</i>	94
Иван-царевич. <i>Перевел А. Нечаев</i>	109
Марья-краса. <i>Перевел А. Нечаев</i>	115
Как Илья Муромец победил Соловья Разбойника, Обжору и Аль- кадыма. <i>Перевел А. Грасюк</i>	123
Об Илье Муромце. <i>Перевели Б. Иринин и И. Буриштын</i>	127
Кирила Кожемяка. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	131
Братья Гадимовичи. <i>Перевел А. Грасюк</i>	132
Авдон Авдонович и Вадавон Вадавович. <i>Перевел А. Грасюк</i>	143
Богатырь Дема. <i>Перевел А. Грасюк</i>	147
Богатырь Фома Широкая Борода. <i>Перевел А. Грасюк</i>	148
Федор Набилкин и богатыри. <i>Перевел А. Грасюк</i>	150
Василий Пепельшка. <i>Перевел Б. Иринин</i>	154
Про Ивана Даргана. <i>Перевел Б. Иринин</i>	162
Искорка Парубок Девичий Сын. <i>Перевели Б. Иринин и И. Буриштын</i>	174

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Пану наука. <i>Перевел А. Грасюк</i>	185
Мужик и барин. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	188
Отчего лихо на свете. <i>Перевел А. Грасюк</i>	190
Бондаревна. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	193
Как мужик три раза барина побил. <i>Перевел А. Грасюк</i>	194
Мужик Степан и пан. <i>Перевели Б. Иринин и И. Буриштын</i>	197
Как барин лошадей из тыквы высиживал. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	201
Ответы мужика. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	202
Как мужик хитро гуся разделил. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	203
Писарь. <i>Перевел М. Мирошниченко</i>	204
Шемякин суд. <i>Перевел К. Кабашиников</i>	205
Как хромой, слепой да глухой царю служили. <i>Перевел В. Виногра- дов</i>	207
Мужик и царь. <i>Перевел В. Виноградов</i>	208
Как Петр монастырь осматривал и заставил жирного монаха в куз- нице работать. <i>Перевел А. Грасюк</i>	210
Петр и пьяный мужик. <i>Перевел А. Грасюк</i>	212
Задачи царя Петра. <i>Перевел А. Грасюк</i>	213

Как вор спас царя Петра. Перевел А. Грасюк	214
Как Петр на охоту ездил. Перевел А. Грасюк	215
Бог и мужик. Перевел Е. Мозольков	217
Сотворение человека. Перевели Б. Иринин и И. Буриштын . . .	218
Сотворение мира. Перевели Б. Иринин и И. Буриштын	219
Бог и угодники. Перевели Б. Иринин и И. Буриштын	220
Как Микола и Петр лошадей на Украине покупали. Перевел А. Не- чаев	221
Илья и Петро. Перевел Е. Мозольков	221
По какому случаю была дана власть женщинам и потом снова от- нята у них. Перевела И. Буриштын	223
Как Микола-угодник разнимал бабу с чертом. Перевели Б. Иринин и И. Буриштын	224
Как пьяница в рай попал*. Перевел Е. Мозольков	225
Как черти пьяницу прогнали из пекла*. Перевел Б. Иринин . .	226
О святом Миколе и Егории. Перевел Е. Мозольков	227
Сказка про одного деда и Николая-угодника. Перевел Е. Мозольков	229
Бог, богач и бедняк. Перевел Г. Мирошниченко	230
Чудотворная икона. Перевел Б. Иринин	231
Как поп обманул Тараса однажды, а Тарас его—дважды. Перевел Е. Мозольков	232
Проповедь. Перевел Е. Мозольков	235
«Святая» книжка. Перевел А. Грасюк	236
Как человеку вдесятеро больше вернулось. Перевели Б. Иринин и И. Буриштын	236
Завистливый поп. Перевел Г. Мирошниченко	237
То ли была у попа голова, то ли нет? Перевел Б. Иринин . . .	238
Мужик, пан и ксендз. Перевел Б. Иринин	239
О том, как ксендзы вылечились. Перевел А. Грасюк	240
Лиса-католичка. Перевели Б. Иринин и И. Буриштын	241
Диво. Перевела И. Буриштын	241
Черт, медведь и заяц. Перевела И. Буриштын	243
Как мужичок черта переспорил, кто дольше пропоет и как черт от мужика за облака утек. Перевели Е. Иринин и И. Буриштын	245
Великий грешник. Перевел К. Кабашников	246
Без денег и на том свете спасенья нет. Перевел Е. Мозольков . .	247
О Судье Праведном, о лягушке, угре, смерти и угоднике Миколе. Перевел Е. Мозольков	248
Нестерко. Перевел Н. Мялик	250
Поп и дьякон. Перевел Н. Мялик	253
Счастье и горе. Перевел В. Виноградов	256
Семилетка. Перевел Н. Мялик	257
Правда и Кривда. Перевел Е. Мозольков	262
Мужик, его жена и пан. Перевел В. Виноградов	264
Мена. Перевел В. Виноградов	265
Старый батька. Перевел В. Виноградов	267

* В переводе название сказки изменено.

Вода помогла. Перевел В. Виноградов	268
Смерть. Перевел В. Виноградов	269
Пускай. Перевели Б. Ирнин и И. Буриштын	270
Кузьма. Перевел В. Виноградов	271
Братья и гости. Перевел В. Виноградов	272
От пьянства всевозможные грехи. Перевел В. Виноградов	273
Небылица. Перевел В. Виноградов	273
Хорошо, да не дюже. Перевел В. Виноградов	274
Скоморох. Перевел В. Виноградов	275
Думы мужика-охотника. Перевел В. Виноградов	276
Падчерица и черт. Перевел В. Виноградов	276
Стрижено или голено*. Перевел В. Виноградов	278
О мужике, который ловко врать умел. Перевел В. Виноградов . .	280
Урожай в Мозыре. Перевел К. Кабашиников	281
Брехун и Подбрехун. Перевел В. Виноградов	285
Примечания	288

Белорусские народные сказки

Редактор *Е. Цинговатова*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *Л. Сутина*
Корректор *Н. Бондарчук*

Сдано в набор 25/VII—1958 г.
Подписано к печати 5/XI—1958 г.
Бумага 60×92¹/₁₆. 19 печ. л.
18,74 уч.-изд. л. Заказ № 2132.
Тираж 225 000. Цена 6 р. 20 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28

6 p. 20 k.

